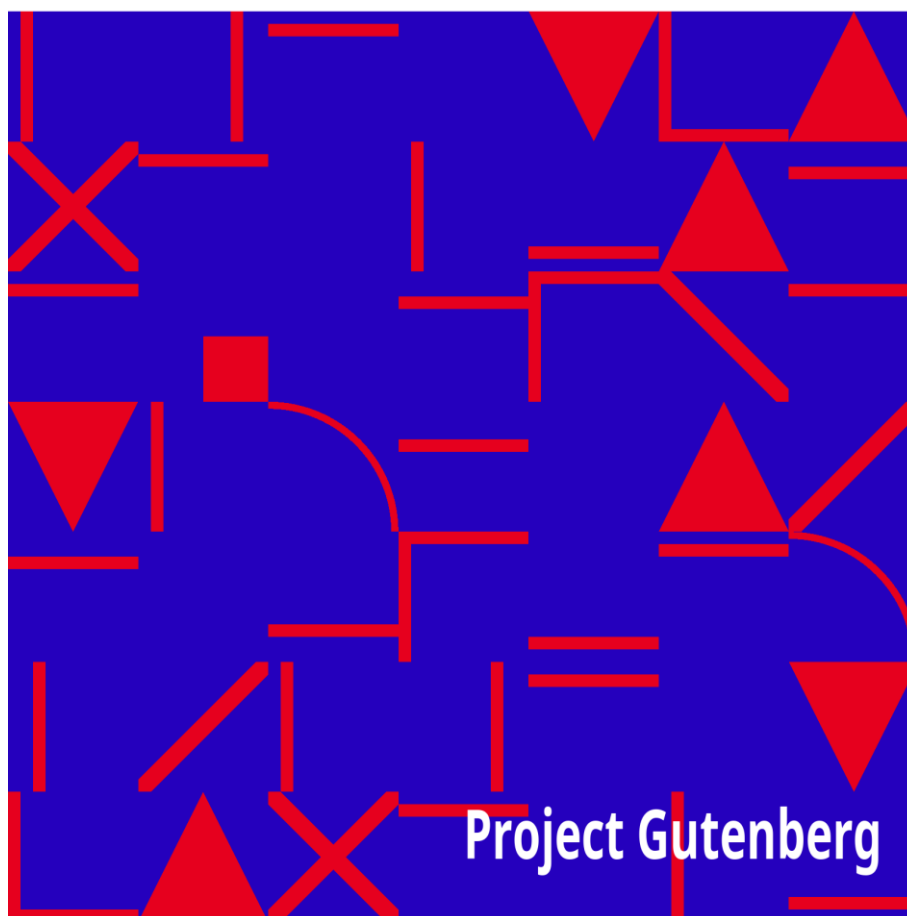

Работоторговля, внутренняя и внешняя, почему она существует и как с ней МОЖНО ПОКОНЧИТЬ

Генри Чарльз Кэри

The Slave Trade, Domestic and Foreign

Henry Charles Carey

Электронная книга проекта Гутенберга о работоторговле, внутренней и внешней

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Работоторговля, внутренняя и внешняя

Автор: Генри Чарльз Кэри

Дата выхода: 1 апреля 2005 г. [Электронная книга №8000]

Последнее обновление: 22 марта 2015 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Андреа Болл, Карло Траверсо, Чарльз Фрэнкс и команда онлайн-корректоров. Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных Национальной библиотекой Франции (BnF / Gallica) по адресу <http://gallica.bnf.fr>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "РАБОТОРГОВЛЯ, ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ" ***

Продюсеры: Андреа Болл, Карло Траверсо, Чарльз Фрэнкс

и команда онлайн-корректоров. Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных Национальной библиотекой Франции (BnF / Gallica) по адресу <http://gallica.bnf.fr>.

ТНЕРАБОТОРГОВЛЯ, внутренняя и внешняя: ПОЧЕМУ ОНА СУЩЕСТВУЕТ И КАК С НЕЙ МОЖНО ПОКОНЧИТЬ. Х. К. КЭРИ, АВТОР КНИГ "ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ", "ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ" И Т.Д. И Т.П.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Тема, обсуждаемая на следующих страницах, имеет огромное значение, особенно для жителей этой страны. Взгляды, представленные для рассмотрения, сильно отличаются от общепринятых как в отношении причины зла, так и способа лечения; но из этого не следует, что они обязательно неверны, — в этом читатель может легко убедиться, поразмыслив над тем фактом, что едва ли найдется мнение, которого он сейчас придерживается, которое не считалось бы столь же еретическим, как любое из приведенных здесь. Размышляя над ними и над фактами, которыми они подтверждаются, его просят иметь в виду, что последние, за очень немногими исключениями, взяты у авторов, придерживающихся взглядов, прямо противоположных взглядам автора этой книги; и поэтому не следует подозревать в каком-либо преувеличении вредных последствий системы, рассматриваемой здесь как ведущая к рабству, или полезных последствий, проистекающих из того, что здесь описывается как направленное на установление совершенной и всеобщей свободы мысли, слова, действий и торговли.

Филадельфия, март 1853 года.

Содержание.

ГЛАВА I. ШИРОКИЕ МАСШТАБЫ РАБСТВА

ГЛАВА II. О РАБСТВЕ В БРИТАНСКИХ КОЛОНИЯХ

ГЛАВА III. О РАБСТВЕ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

ГЛАВА IV. ОБ ЭМАНСИПАЦИИ В БРИТАНСКИХ КОЛОНИЯХ

ГЛАВА V. КАК ЧЕЛОВЕК ПЕРЕХОДИТ ОТ БЕДНОСТИ И РАБСТВА К БОГАТСТВУ И СВОБОДЕ

ГЛАВА VI. КАК БОГАТСТВО ИМЕЕТ ТЕНДЕНЦИЮ К УВЕЛИЧЕНИЮ

ГЛАВА VII. КАК ТРУД ПРИОБРЕТАЕТ ЦЕННОСТЬ, А ЧЕЛОВЕК СТАНОВИТСЯ СВОБОДНЫМ

ГЛАВА VIII. КАК ЧЕЛОВЕК ПЕРЕХОДИТ ОТ БОГАТСТВА И СВОБОДЫ К БЕДНОСТИ И РАБСТВУ

ГЛАВА IX. КАК ВОЗНИКЛО РАБСТВО И КАК ОНО СЕЙЧАС ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ В ВЕСТ-ИНДИИ

ГЛАВА X. КАК ВОЗНИКЛО И СОХРАНЯЕТСЯ РАБСТВО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

ГЛАВА XI. КАК РАСТЕТ РАБСТВО В ПОРТУГАЛИИ И ТУРЦИИ

ГЛАВА XII. КАК РАСТЕТ РАБСТВО В ИНДИИ

ГЛАВА XIII. КАК РАСТЕТ РАБСТВО В ИРЛАНДИИ И ШОТЛАНДИИ

ГЛАВА XIV. КАК РАСТЕТ РАБСТВО В АНГЛИИ

ГЛАВА XV. КАК МОЖНО ИСКОРЕНИТЬ РАБСТВО?

ГЛАВА XVI. КАК РАСТЕТ СВОБОДА В СЕВЕРНОЙ ГЕРМАНИИ

ГЛАВА XVII. КАК РАСТЕТ СВОБОДА В РОССИИ

ГЛАВА XVIII. КАК РАСТЕТ СВОБОДА В ДАНИИ

ГЛАВА XIX. КАК РАСТЕТ СВОБОДА В ИСПАНИИ И БЕЛЬГИИ

ГЛАВА XX. О ДОЛГЕ НАРОДА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

ГЛАВА XXI. О ДОЛГЕ НАРОДА АНГЛИИ

РАБОТОРГОВЛЯ, ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ.

ГЛАВА I.

ШИРОКИЕ МАСШТАБЫ РАБСТВА.

Рабство все еще существует на значительной части территории того, что мы привыкли считать цивилизованным миром. В некоторых странах мужчины вынуждены рисковать в лотерею, чтобы решить вопрос, будут ли они перевезены в отдаленные и нездоровые страны, где, скорее всего, погибнут, оставив после себя обедневших матерей и сестер оплакивать свою судьбу. В других случаях их хватают на шоссе и отправляют в море на долгие годы, в то время как родителей, жен и сестер, которые зависели от их усилий, оставляют умирать от голода или доводят до порока или преступления, чтобы добыть средства к существованию. К третьему классу относятся мужчины, их жены и дети, которых изгоняют из их домов, чтобы они погибли на дороге или были вынуждены терпеть рабскую зависимость от общественной благотворительности, пока эпидемия не сведет их в могилы и, таким образом, расчистит путь для нового пополнения таких же, как они сами. В четвертом случае мы видим мужчин, вынужденных долгое время продавать себя на каторжных работах в отдаленных странах, лишенных общества родителей,

родственников или друзей. В пятом случае мужчины, женщины и дети подвергаются продаже, жен разлучают с мужьями, а детей - с родителями. В одних случаях белые мужчины, а в других - чернокожие мужчины подвергаются плетям и другим самым суровым и унижающим достоинство наказаниям. В некоторых местах мужчины считаются ценными, их хорошо кормят и одевают. В других странах человек рассматривается как "наркотик", а население - как "досадная помеха"; и христиан предупреждают, что их долг перед Богом и обществом требует, чтобы они позволяли своим ближним страдать от любых лишений и невзгод, за исключением "абсолютной смерти", с целью предотвращения увеличения численности.

Среди этих различных классов рабов ни один в последнее время не привлекал такого большого внимания, как представители негритянской расы; и именно в отношении этой расы в нашей стране недавно по всей Англии был распространен следующий документ:

"Нежное и христианское обращение многих тысяч женщин Англии к своим сестрам, женщинам Соединенных Штатов Америки:

"Общее происхождение, общая вера и, мы искренне верим, общее дело побуждают нас в настоящий момент обратиться к вам по поводу той системы рабства негров, которая все еще так широко распространена, и даже при доброжелательных хозяевах, с такими ужасающими результатами, во многих обширных регионах Западного мира.

Мы не будем останавливаться на обычных темах — о прогрессе цивилизации; о повсеместном распространении свободы; о правах и требованиях девятнадцатого века; — но мы очень серьезно призываем вас поразмыслить и спросить совета у Бога, насколько такое положение вещей соответствует Его святому слову, неотъемлемым правам бессмертных душ и чистому и милосердному духу христианской религии.

"Мы не закрываем глаза на трудности, более того, на опасности, которые могут возникнуть при немедленной отмене этой давно устоявшейся системы: мы видим и признаем необходимость подготовки к столь великому событию. Но, говоря о необходимых предварительных процедурах, мы не можем обойти молчанием те законы вашей страны, которые (в прямом противоречии с собственным законом Бога, установленным во времена невинности человека) фактически отказывают рабу в святости брака со всеми его радостями, правами и обязанностями; которые отделяют, по воле хозяина, жену от мужа и детей от родителей. Мы также не можем молчать об этой ужасной системе, которая либо законом, либо обычаем запрещает любой человеческой расе или любой части человеческой семьи получать образование в истинах Евангелия и таинствах христианства.

"Средство, примененное только к этим двум порокам, положило бы начало улучшению их печального состояния. Поэтому мы обращаемся к вам как к сестрам, как к женам и как к матерям с призывом возвысить свой голос к вашим согражданам и вознести молитвы к Богу об устранении этого бедствия из христианского мира. Мы говорим это не из чувства самодовольства, как будто наша нация свободна от вины, которую она видит в других. Мы с горечью и стыдом признаем нашу тяжелую долю в этом великом грехе. Мы признаем, что наши предки ввели, более того, принудили принять рабство в этих могущественных колониях. Мы смиренно исповедуем это перед Всемогущим Богом. И именно потому, что мы так глубоко чувствуем и так непритворно признаем наше собственное соучастие, мы сейчас осмеливаемся молить вас о помощи, чтобы стереть наше общее преступление и наш общий позор".

Мы имеем здесь движение, которое не может не принести много пользы. Пришло время обратить внимание различных наций мира на существование рабства в пределах их границ и на многообразие зол, причиной которых оно является; и в высшей степени правильно, что женщина взяла на себя ведущую роль в этом, поскольку именно ее пол всегда больше всего страдает при таком положении вещей, когда сила торжествует над правом, и которое мы привыкли определять как состояние рабства.

Как следует отменить рабство? Это важный вопрос наших дней. Но несколько лет назад в ответ на это в Англии был издан приказ о немедленном освобождении чернокожего населения, удерживаемого в рабстве в ее колониях; и нас часто убеждают последовать ее примеру. Однако, прежде чем сделать это, было бы, по-видимому, уместно изучить прошлую историю и нынешнее положение негритянской расы в двух странах с целью определить, насколько опыт оправдывает уверенность в том, что курс, к которому нас таким образом призывают, с большой вероятностью приведет к улучшению положения объектов нашей симпатии. Если результатом такой проверки будет доказательство того, что дело свободы продвинулось вперед благодаря предпринятым там мерам, наш долг перед нашими собратьями потребует, чтобы мы следовали в том же направлении, невзирая на любые потери или неудобства для самих себя. Если, однако, окажется, что положение бедных негров ухудшилось, а не улучшилось, тогда будет уместно исследовать, каковы были в прошлые времена обстоятельства, при которых люди становились более свободными, с целью выяснить, в чем заключается недостаток и почему именно сейчас свобода так явно снижается в различных и важных частях земли. Установив все это, возможно, не возникнет особых трудностей с определением того, какие меры сейчас необходимы для того, чтобы дать возможность всем людям, черным, белым и коричневым, добиться для себя и с пользой для всех осуществления прав свободных людей. Придерживаться этого курса - значит следовать примеру опытного врача, который всегда сам определяет причину лихорадки, прежде чем прописать лекарство.

ГЛАВА II.

О РАБСТВЕ В БРИТАНСКИХ КОЛОНИЯХ.

В день сдачи Ямайки британскому оружию в 1655 году рабы, которых было немного, обычно бежали в горы, откуда они продолжали грабительскую войну, пока, наконец, в 1734 году не было заключено соглашение, условия которого, однако, не были выполнены белыми — последствия которого будут показаны ниже. На протяжении всего периода их численность поддерживалась за счет дезертирства других рабов, и этой причине, без сомнения, следует приписать большую часть ожесточения, с которым велась последующая война.

В 1658 году численность рабов на острове составляла 1400 человек. К 1670 году их число достигло 8000, а в 1673 году - 9504.[1] С этой даты у нас нет никаких сведений до 1734 года, когда их было 86 546, что дает увеличение за шестьдесят один год на 77 000. Именно в 1673 году было начато выращивание сахара; и поскольку таким образом было найдено выгодное занятие для рабочей силы, не может быть никаких сомнений в том, что их количество регулярно и неуклонно увеличивалось, и что следующая оценка должна быть достаточно близка к истине:

Скажем, в 1702 году - 36 000; увеличение за 29 лет - 26 500
1734, 77,000; " " 32 " 41,000

В 1775 году общее количество рабов и других
цветных людей на острове составляло..... 194,614
И если мы теперь вычтем из этого количество
в 1702 году, скажем..... 36,000

Получаем при увеличении на 73 года..... 158,614
=====

В этот период импорт составил..... 497,736
, а экспорт -..... 137,114

Уезжаю, оставленный на острове..... 360,622 [2]

или примерно две с половиной человека на одного, который тогда оставался в живых.

С 1783 по 1787 год количество импортируемых товаров составило 47 485, а экспортируемых - 14 541; [3] что свидетельствует об увеличении за пять лет почти на 33 000, или 6 600 в год; и в отчете Генерального инспектора было показано, что количество, сохранявшееся с 1778 по 1787 год, составляло в среднем 5345 в год. Взяв тринадцать лет, 1775-1787, с такой скоростью, мы получаем почти 70,000

С 1789 по 1791 год избыток импорта составлял 32 289,
или 10 763 в год; и если мы возьмем четыре года,
1788-1791, с той же скоростью, мы получим, как
общее количество, удерживаемое за этот период..... 43,000

113 000
=====

В 1791 году комитет Палаты собрания составил отчет о количестве рабов, согласно которому оно составило 250 000 человек; и если к этому добавить свободных негров, что составляет 10 000 человек, мы получим в качестве общего числа 260 000, что показывает увеличение за пятнадцать лет на 65 386 человек, или почти на 48 000 меньше, чем было ввезено.

Теперь мы установили импорт за 89 лет в количестве 473 000 человек, при этом увеличение численности составило всего 224 000 человек; таким образом, устанавливается тот факт, что более половины всего импорта погибло в результате обращения, которому они подверглись. Почему это было так, можно понять из следующего отрывка, в котором показано, что система, которой придерживались там и тогда, почти соответствует системе Кубы в настоящее время.

Сторонники работорговли настаивали на том, что невозможно поддерживать поголовье негров без постоянного импорта из Африки. Действительно, совершенно очевидно, что до тех пор, пока продолжается ввоз и две трети ввозимых рабов составляют мужчины, следующее поколение при самых благоприятных обстоятельствах не может быть более многочисленным, чем если бы мужчин было вдвое меньше; или, другими словами, можно

сказать, что по крайней мере половина мужчин в отношении численности населения умрет, не оставив потомства ". -Макферсон, том iv. 148.

В 1792 году комитет Палаты собрания Ямайки сообщил, что за "отменой работорговли" должны последовать "полное разорение и обезлюдение острова". "Предположим", - сказали они,

"Плантатор, поселившийся с бандой из 100 африканских рабов, купленных в расцвете сил. Из этой бригады он сможет на первых порах нанять на работу в среднем от 80 до 90 чернорабочих. Комитет далее предположит, что их число увеличится; однако в течение двадцати лет численность этой банды настолько сократится, что она не сможет работать более 30-40 человек. Следовательно, потребуется поставка 50 новых негров для содержания его поместья, и это не из—за жестокости или отсутствия хорошего управления с его стороны; напротив, чем гуманнее он будет, тем большее количество стариков и молодежи будет у него в поместье ". - Макферсон, iv. 256.

В связи с этим необычным рассуждением Макферсон очень правильно говорит:

"Со смирением можно спросить, становятся ли люди пожилыми через двадцать лет после того, как находятся *врасцвете сил*; и находятся ли дети всех этих пожилых людей в состоянии младенчества? Если половина этих рабов - женщины (а так и должно быть, если плантатор смотрит в будущее), разве у этих пятидесяти женщин через двадцать лет не будет, помимо младших детей, по крайней мере сотни молодых мужчин и женщин, способных разделить труд своих родителей и возместить потерю пенсией или смертью, — как это было с трудящимися во всех других частях света, от сотворения мира до наших дней?"

На этот вопрос может быть только один ответ: численность людей всегда увеличивалась там, где они были хорошо накормлены, хорошо одеты и разумно трудились; и везде, где его численность уменьшалась, это происходило из-за дефицита пищи и одежды и избытка работы.

Именно в этот период Бордовая война снова была в самом разгаре и так продолжалась до 1796 года, когда она была прекращена привлечением ищеек для отслеживания беглецов, которые в конце концов сдались и были перевезены в Нижнюю Канаду, откуда вскоре были отправлены в Сьерра-Леоне.

С 1792 по 1799 год *чистый* импорт составил 74 741; и если бы он продолжался такими же темпами до 1808 года, даты отмены торговли, количество ввезенных за восемнадцать лет рабов составило бы почти 150 000; и все же количество рабов увеличилось за этот период с 250 000 до всего лишь 323 827, что составляет среднегодовое увеличение примерно на 4500 человек и показывает потерю пятидесяти процентов.

За тридцать четыре года, с 1775 по 1808 год, число негров, пополнивших население острова за счет импорта, по-видимому, составило более 260 000 человек, что примерно на 50 000 меньше того числа, которое четверть века спустя было освобождено.

В 1817 году, через девять лет после того, как импорт был объявлен незаконным, это число указано [4] в 346 150 человек; из чего следует, что торговля в какой-то мере продолжалась до этой даты, поскольку ни при каких обстоятельствах не зарегистрировано ни одного случая естественного прироста ни на одном из островов. Действительно, совершенно ясно, что такого

увеличения не произошло; ибо если бы оно однажды началось, то продолжалось бы, чего не было, как видно из следующих цифр:—

В 1817 году их число составляло, как мы видим, 346 150 человек. В 1820 году их было всего 342 382; и если к этому мы добавим льготы за тот же период (1016), то получим чистый убыток в 2752.

В 1826 году их численность сократилась до 331 119 человек, к которым следует добавить 1848 освобожденных, что свидетельствует о потере за шесть лет 9415 человек, или почти трех процентов.

Число, указанное в последней регистрации 1833 года, составляло всего 311 692; и если к этому мы добавим 2000 освобожденных, то за семь лет мы потеряем 19 275 человек, или более пяти процентов. За шестнадцать лет произошло сокращение на десять процентов, пятая часть которого может быть отнесена на счет освобождения; и таким образом, ясно установлено, что в 1830 году, как и в 1792 году, потребовался бы значительный ежегодный ввоз просто для поддержания численности населения.

О том, что положение негров в этот период постоянно ухудшалось, ясно свидетельствует тот факт, что соотношение рождаемости и смертности неуклонно снижалось, как показано здесь:

Зарегистрировано:

с 1817 по 1820..... 25,104 умерших, 24 348 родившихся.

с 1823 по 1826..... 25,171 " , 23,026 "

с 1826 по 1829..... 25,137 " , 21,728 "

Таким образом, уничтожение жизни происходило с постоянно ускоряющейся быстротой; и сохранение системы в том виде, в каком она тогда существовала, должно было стать свидетелем полного уничтожения негритянской расы в течение полувека.

Рассматривая эти факты, я думаю, можно не сомневаться в том, что количество негров, ввезенных на остров и удерживаемых для его *потребления*, было более чем вдвое больше, чем существовало там в 1817 году, и едва ли могло быть меньше 750 000, и, конечно, по самой скромной оценке, не менее 700 000. Если бы к этому мы добавили детей, которые должны были родиться на острове в течение длительного периода в 178 лет, а затем поразмышляли о том, что все, кто остался за освобождение, составили всего 311 000 человек, мы были бы вынуждены прийти к выводу, что рабство здесь сопровождалось уничтожением жизни, почти не имеющим аналогов в истории ни одной цивилизованной нации.

Чтобы показать, что Ямайку нельзя рассматривать как неблагоприятный образец этой системы, сейчас будет приведено перемещение населения в других колониях.

В 1764 году численность рабов на Сент-Винсенте составляла 7414 человек. ВИНСЕНТ. В 1787 году, двадцать три года спустя, их было 11 853, увеличившись на 4439; тогда как *только за четыре* из этих лет, 1784-87, *чистый* импорт негров составлял не менее 6100.[5] В 1805 году их число составляло 16 500, увеличившись на 4647; тогда как *чистый* импорт только за *три* из *восемнадцати* лет составлял 1937. Что было причиной этого, можно увидеть при

сравнительном рассмотрении смертей и их компенсации рождениями в более поздний период:—

Год 1822..... 4205 умерших, 2656 родившихся. " 1825..... 2106 " 1852 " "
1828..... 2020 " 1829 " " 1831..... 2266 " 1781 "

Будет замечено, что число рождений неуклонно сокращается.

По условиям мирного договора 1763 года на ДОМИНИКЕ содержалось 6000 рабов. Чистый объем импорта, за *четыре года*, с 1784 по 1787 год, составил 23 221;[6] и все же общая численность населения в 1788 году составляла всего 14 967 человек! Здесь мы имеем дело с расточительством жизни, настолько превышающим таковое на Ямайке, что мы могли бы почти почувствовать себя обязанными разрешить ввозить пять человек на каждого оставшегося на острове. Сорок четыре года спустя, в 1832 году, отчеты об освобождении рабов показали, что из огромного числа ввезенных рабов осталось 14 834. Потери, связанные со смертью, и выгоды, связанные с рождениями, за часть периода, предшествующего эмансипации, приведены таким образом:—

с 1817 по 1820..... 1748 число умерших, 1433 рождения. с 1820 по 1823..... 1527 "
1491 " 1823 по 1826..... 1493 " 1309 "

Если мы обратимся к БРИТАНСКОЙ ГВИАНЕ, то обнаружим те же результаты.[7]

В 1820 году в Демераре и Эссекебо
численность рабов составляла..... 77,376
К 1826 году она сократилась до..... 71,382
А к 1832 году он еще больше упал до..... 65 517

Смерти и рождения в этой колонии свидетельствуют о расточительстве жизни, которое было бы сочтено почти невероятным, если бы факты не были тщательно зарегистрированы в данный момент:—

с 1817 по 1820..... 7140 смертей, 4868 рождений. с 1820 по 1823..... 7188 " 4512 "
1823 по 1826..... 7634 " 4494 " 1826 по 1829..... 5731 " 4684 " 1829 по
1832..... 7016 " 4086 "

Здесь мы имеем сокращение за пятнадцать лет на пятнадцать процентов, или на 12 000 из 77 000. Каждый последующий период, за единственным исключением, характеризуется уменьшением числа рождений, в то время как среднее число смертей за последние три периода почти такое же, как и в первом.

В 1753 году на БАРБАДОСЕ насчитывалось 69 870 рабов. В 1817 году, шестьдесят четыре года спустя, хотя импорт, по-видимому, регулярно продолжался в небольших масштабах, он составил всего 77 493. В этом случае с рабами, по—видимому, обращались лучше, чем где-либо еще, поскольку здесь мы обнаруживаем, что в последующие годы рождаемость превысила смертность - в первом случае с 1826 по 1829 год было 9250 человек, в то время как во втором - 6814. Здесь также за тот же период было зарегистрировано 670 освобождений.

На ТРИНИДАДЕ из общей численности рабов в 23 537 человек умерло за двенадцать лет не менее 8774 человек, в то время как родилось всего 6001.

ГРЕНАДА капитулировала перед британскими войсками в 1762 году. Семь лет спустя, в 1769 году, на острове насчитывалось 35 000 негров. В 1778 году, несмотря на импорт, их количество, по-видимому, сократилось до 25 021.

За четыре года с 1784 по 1787 год и три с 1789 по 1791 год (единственные, для которых я могу найти отчет) количество импортированных и сохраненных для потребления на острове составило не менее 16 228;^[8] и все же общее число освобожденных в конечном итоге составило всего 23 471. Уничтожение жизни здесь, по-видимому, было огромным; и то, что оно продолжалось еще долгое время после отмены работорговли, показано следующим сравнением рождений и смертей:

1817..... 451 рождений, 902 смертей. 1818..... 657 " 1070 "

Общее число рождений с 1817 по 1831 год составило 10 144, а смертей — 12 764, что свидетельствует о потере примерно десяти процентов.

Число освобожденных рабов в 1834 году во всех британских владениях составляло 780 993; а чистые потери за предыдущие пять лет составили 38 811, или *почти один процент. per annum*.

Число освобожденных в Вест-Индии составляло 660 000 человек; и, рассматривая факты, представленные читателю, мы едва ли можем сильно ошибиться, предполагая, что количество ввезенных и удерживаемых для потребления в этих колониях составило 1 700 000 человек. Это дало бы примерно два с половиной импортированных доллара за одного освобожденного; и есть некоторые основания полагать, что их можно было бы увеличить до трех за одного, что дало бы общий импорт почти в два миллиона.

Демонстрируя таким образом ужасающую расточительность жизни в британских колониях, это также не имеет целью утверждать или отрицать какую-либо добровольную суровость со стороны землевладельцев. Они сами были, как будет показано ниже, в значительной степени рабами обстоятельств, над которыми они не имели никакого контроля; и не подлежит сомнению, что большая, очень большая часть ответственности должна лежать на других плечах.

ГЛАВА III.

О РАБСТВЕ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ.

В североамериканских провинциях, ныне Соединенных Штатах, негритянское рабство существовало с очень раннего периода, но в очень ограниченных масштабах, поскольку спрос на рабов в основном удовлетворялся из Англии. Экспорт из колоний был громоздким, и белых можно было ввозить в качестве обратного груза, в то время как черным потребовалось бы совершить путешествие к побережью Африки, с которым поддерживалась небольшая торговля. Экспорт из Англии прекратился после революции 1688 года, и с тех пор негритянские рабы ввозились несколько более свободно; однако торговля ими, по-видимому, была настолько незначительной, что едва привлекла внимание. Единственная информация по этому вопросу, предоставленная Макферсоном в его "Анналах торговли", состоит в том, что за восемь месяцев, закончившихся 12 июля 1753 года, негров, ввезенных в Чарльстон, Южная Каролина, было 511;

и что в 1765-66 годах стоимость негров, ввезенных из Африки в Джорджию, составляла 14 820 фунтов стерлингов - и это, если их оценить всего в 10 фунтов стерлингов каждого, даст только 1482. С 1783 по 1787 год количество экспортируемых товаров со всех островов Вест—Индии в эту страну составило 1392 [9], что в среднем составляло менее 300 в год; и нет особых оснований полагать, что это число было увеличено за счет какого-либо прямого импорта из Африки. Британская Вест-Индия была тогда центром торговли, [10] и оттуда они поставлялись на другие острова и в поселения на Мейне; и если бы спрос на эту страну был значительным, не подлежит сомнению, что большая часть из тысяч экспортируемых в то время ежегодно товаров направлялась бы в этом направлении.

В этих обстоятельствах единственный способ получить представление об истории рабства до первой переписи населения 1790 года, по-видимому, состоит в том, чтобы начать с этой даты и продвигаться вперед, а затем использовать полученную таким образом информацию в попытке прояснить действия предыдущего периода.

Число негров, свободных и порабощенных, на
ту дату составляло..... 757,263
А при второй переписи населения 1801 года оно составляло..... 1,001,436

рост составил почти тридцать три процента.

Однако в какой степени это было связано с импортом,
мы должны сейчас выяснить. Единственными двумя штатами, которые
тогда допускали ввоз рабов, были Южная
Каролина и Джорджия, общее чернокожее население
которых в 1790 году составляло..... 136,358
тогда как в 1800 году оно возросло до..... 205,555

Увеличение..... 69,197

=====

За тот же период белое население увеличилось на
104 762 человека, что потребовало иммиграции из Северных
рабовладельческих штатов в количестве не менее 45 000 человек,
допуская даже более тридцати процентов. для
естественного прироста рождаемости. Допустим теперь, что на
каждую семью из пяти свободных людей приходился один
раб, это, конечно, объясняло бы..... 9,000
И если мы примем естественный прирост
населения рабов всего на двадцать пять процентов., то у нас есть
еще..... 34,000

Общая сумма из внутренних источников составляет..... 43,000

И уходящий, для импорта из-за границы..... 26,197

Вычитая их из общего добавленного числа, мы получаем для естественного прироста около 29-1/2%.

Макферсон, описывая этот период, говорит:

"То, что ввоз не является необходимым для поддержания поголовья, доказывается примером Северной Америки — страны, менее благоприятной по строению для негров, чем Вест—Индия, —где, несмотря на уничтожение и дезертирство рабов, вызванные войной, число негров, хотя, возможно, и не рабов, значительно увеличилось, потому что *после войны они импортировали очень мало*, а в последние годы вообще ничего, за исключением Южных штатов". —"Анналы", том iv. 150.

Утверждается, что в 1795 году количество судов, задействованных в работорговле, составляло двадцать, и все они были небольшими; а количество перевозимых рабов было ограничено одним на каждую тонну их вместимости.

С 1800 по 1810 год прирост составил 378 374 человека, из которых почти 30 000 были обнаружены в Луизиане при ее присоединении к Союзу, в результате чего около 350 000 поступили из других источников; это увеличение на 35 процентов. В этот период прирост населения Джорджии и Южной Каролины, двух штатов-импортеров, составил всего 96 000 человек, в то время как белое население составляло 129 073 человека, что составляло, возможно, 25 000 человек. Если к этому прибавить естественный прирост в размере 25%, мы получим около 75 000, оставив только 21 000 для импорта. Однако вполне вероятно, что он был несколько больше, и что было бы безопасно оценить его в том же объеме, что и в предыдущий период, составив в общей сложности около 52 000 за двадцать лет. Вычитая 26 000 из 350 000, мы получаем 324 000 в качестве прибавки из внутренних источников, что составляет около 32% на население 1800 человек. Это может быть слишком много; и все же рост в течение следующего десятилетия — периода войны и больших торговых и сельскохозяйственных трудностей — составил почти тридцать процентов. В 1810 году их число составляло 1 379 800 человек.

В 1820 году их было 1 779 885; увеличение на 30 %. " 1830 " 2,328,642; " 30.8 " " " 1840 " 2,873,703; " 24 " " " 1850 " 3,591,000; " 25 " " [11]

Установив, таким образом, насколько это возможно, коэффициент прироста населения после первой переписи, мы можем теперь перейти к изучению хода дел в период, предшествовавший ей.

В 1714 году число чернокожих составляло 58 850 человек, и они были рассеяны по провинциям от Нью-Гэмпшира до Каролины, занимаясь, в значительной степени, трудом, аналогичным тому, которым занимались белые, которым они принадлежали. Половина из них, возможно, была импортирована. Начиная с этого момента и принимая естественный прирост за каждый десятилетний период в 25%, как это было показано впоследствии, мы должны получить для 1750 года около 130 000 человек. Фактическое количество составило 220 000 штук, а разницу в 90 000 можно отнести на счет импорта. Прибавляя теперь 25 процентов к 220 000, мы получаем в 1760 году 275 000; тогда как фактическое число составляло 310 000, что дало бы 35 000 для импорта. Продолжая тот же курс со следующими периодами, мы получаем следующие результаты:—

Фактическое количество естественных фактических лет. Увеличение. Увеличение. Импорт. --- ---
 - ----- 1760..... 310,000..... 77,500..... 152,000..... 74,500 1770..... 462,000..... 115,500.....
 120,000..... } 1780..... 582,000..... 140,500..... 170,000..... } 34,000 1790..... 752,000, количество,
 указанное при первой переписи.

На протяжении большей части периода с 1770 по 1790 год импорт, должно быть, был очень небольшим, поскольку почти половину времени торговля с зарубежными странами была почти полностью приостановлена из-за революционной войны.

Если мы сложим полученные таким образом количества, то получим приемлемое приближение к количеству рабов, ввезенных на территорию, ныне составляющую Союз, следующим образом:—

До 1714.....	30,000
1715 по 1750.....	90,000
1751 по 1760.....	35,000
1761 по 1770.....	74,500
1771 по 1790.....	34,000
И если мы теперь оценим импорт	
после 1790 года в четном.....	70,000

Получаем как общее число.....	333,500
=====	

Их число в настоящее время в Союзе превышает 3 800 000; и даже если мы оцениваем импорт в 380 000, у нас тогда получается более десяти на одного; тогда как на Британских островах мы можем найти не более двух на пятерых и, возможно, даже не более одного на троих. Если бы рабов последних так же хорошо кормили, одевали, размещали и иным образом заботились о них, как рабов из этих провинций и штатов, их численность достигла бы семнадцати или двадцати миллионов. Если бы чернокожие жители этих Штатов подвергались такому же обращению, как их собратья на островах, то сейчас среди нас было бы менее ста пятидесяти тысяч рабов.

Цены, выплачиваемые британским правительством, составляли в среднем 25 фунтов стерлингов за душу населения. Если бы численности в колониях было позволено увеличиваться так же, как они увеличивались здесь, для этого потребовалась бы, даже такой ценой, огромная сумма в размере..... £500,000,000

Если бы численность населения в этой стране была сокращена с помощью того же процесса, который там практикуется, эмансипация теперь могла бы быть осуществлена стоимостью менее .. 4 000 000 фунтов стерлингов

Чтобы освободить их сейчас, заплатив за них по той же ставке, потребовалось бы почти..... £100,000,000

или почти пятьсот миллионов долларов. Однако тот же курс, который увеличил их количество, в значительной степени увеличил их ценность для владельцев и для них самих. Люди, когда их хорошо кормят, хорошо одевают, у них хорошее жилье и о них хорошо заботятся в других

отношениях, всегда быстро увеличиваются в численности, и в таких случаях стоимость рабочей силы всегда быстро возрастает; и отсюда следует, что средняя цена негритянского раба в этой стране, вероятно, в четыре раза выше той, которую вынуждены были получать плантаторы Вест-Индии. В таком случае из этого следует, что для оплаты их полной стоимости потребуется, вероятно, четыреста миллионов фунтов стерлингов, или почти две тысячи миллионов долларов.

Теперь будет видно, что ход вещей в двух странах был совершенно разным. На островах работорговля ценилась как источник прибыли. Здесь это стало предметом неоднократных протестов со стороны нескольких провинций, и всем, кроме двух, было запрещено в самый ранний момент, когда у них была такая власть. На островах считалось, что покупать рабов дешевле, чем их растить, и полы были совершенно непропорциональны друг другу. Здесь импорт был небольшим, и почти весь прирост, каким бы большим он ни был, произошел в результате превышения числа рождений над смертями. На островах раб, как правило, был варваром, говорившим на неизвестном языке и работавшим с такими же, как он, бандами, почти без шансов на улучшение. Здесь он, как правило, был существом, родившимся на земле, говорившим на одном языке со своим хозяином и часто работавшим вместе с ним в поле, что давало много преимуществ для развития его способностей. На островах землевладельцы цеплялись за рабство как за оплот своих надежд. Здесь, напротив, рабство постепенно отменялось во всех штатах к северу от линии Мейсона и Диксона, а Делавэр, Мэриленд, Вирджиния и Кентукки на момент эмансипации на островах готовились к скорейшему принятию мер, направленных на его полную отмену. На островах связь с Африкой ценилась как средство получения дешевой рабочей силы, которую можно было получить путем разжигания розни среди местных жителей. Здесь, напротив, зародился грандиозный план переноса цивилизации в сердце Африки посредством постепенной трансплантации части уже цивилизованных чернокожих. На островах было сочтено желательным проводить "европейскую политику", направленную на то, чтобы помешать африканцам "достичь совершенства" в искусстве приготовления хлопка, сахара, индиго или других изделий, "из страха вмешательства в устоявшиеся отрасли торговли в других странах".[12] Здесь, напротив, были предприняты усилия по распространению среди них знаний, необходимых для совершенствования в способах приготовления и производства. На островах все говорило о постоянстве рабства. Здесь все говорило о постепенной и мягкой цивилизации и эмансипации негров по всему миру. На островах, однако, благодаря оперативным мерам, навязанным народу далеким правительством, рабство было отменено, и плантаторы или их представители в Англии получили двадцать миллионов фунтов стерлингов в качестве полной компенсации за услуги тех немногих, кто остался в живых из большого числа ввезенных. Здесь плантаторам теперь настоятельно предлагается принять для себя меры аналогичного рода. Поскольку весь ход судебных разбирательств в двух странах в отношении негров настолько сильно различался, существуют, однако, трудности на этом пути, которые кажутся почти непреодолимыми. Право покупать рабов в британских колониях было следствием того факта, что их численности не было разрешено увеличиваться. Трудность приобретения их здесь велика из-за того, что они были хорошо накормлены, хорошо одеты и в остальном хорошо обеспечены, и поэтому их количество так быстро росло. Если, тем не менее, можно будет доказать, что, отказавшись от системы, при которой негритянская раса неуклонно увеличивалась в численности и продвигалась к цивилизации, и приняв систему нации, под властью которой наблюдалось неуклонное сокращение численности и лишь небольшая, если вообще какая-либо, тенденция к цивилизации, мы принесем пользу расе, нашим долгом станет приложить усилия, какой бы

большой ни была цена. С целью выяснить, в какой степени долг может рассматриваться как призывающий нас сейчас следовать по стопам этой нации, предлагается изучить действие закона, по которому все негритянское население британских колоний было почти сразу и без подготовки наделено правом определять, на кого они будут работать и какова должна быть их заработная плата — или, другими словами, было объявлено свободным.

ГЛАВА IV.

ОБ ЭМАНСИПАЦИИ В БРИТАНСКИХ КОЛОНИЯХ.

Гармония вселенной - это результат борьбы между равными и противоположными силами. Земля притягивается к солнцу и от солнца; и если бы любая из этих сил была ослаблена или уничтожена, неизбежным результатом стал бы хаос. Так происходит повсюду наземле. Яблоко падает к центру земли, но на своем пути встречает сопротивление; и гармония всего, что мы видим вокруг себя, зависит от равного баланса этих противоположных сил. Так же обстоит дело и с людьми. Человек, у которого есть еда на продажу, желает получить за нее высокую цену, тогда как тот, кому нужно купить, желает иметь ее дешево; и цена продажи зависит от соотношения между необходимостью покупать, с одной стороны, и продавать, с другой. Внезапно и в значительной степени конкуренция за покупку продуктов питания ослабевает, и фермер становится добычей механика. Увеличьте его внезапно и в значительной степени, и механик станет добычей фермера; тогда как постепенное и плавное увеличение спроса на продукты питания сопровождается аналогичным увеличением спроса на изделия ткацкого станка и наковальни, и фермер, и механик процветают вместе, потому что конкуренция за покупку и конкуренция за продажу растут вместе и уравнивают друг друга. То же самое и с рабочей силой. Заработная плата зависит от соотношения между числом тех, кто желает покупать и продавать рабочую силу. Внезапно уменьшите число тех, кто желает ее продавать, и фермер может разориться. Внезапно уменьшите число желающих купить его, и рабочий может превратиться в раба фермера.

В течение почти двух столетий люди, обладающие капиталом и желающие покупать рабочую силу, были вынуждены переводить ее в колонии, и правительство обеспечило им право приобретать рабочих на определенных условиях — таких условиях, которые делали рабочего простым инструментом в руках капиталиста и не позволяли ему приобрести какие-либо из тех привычек или чувств, которые должны были внушить ему любовь к труду. Сразу же был утрачен всякий контроль над ним, и продавец рабочей силы превратился в его хозяина, который, таким образом, был поставлен действиями правительства в такое положение, что он *должен* был купить ее или разориться. Это было нарушение существовавшего порядка вещей, почти такое же сильное, как то, которое происходит, когда мощный пар, разрывающий котел, в котором он заключен, перестает быть слугой и становится хозяином человека; и потребовалось бы совсем немного предвидения, чтобы те, кто управлял этой машиной, увидели, что это должно оказаться почти таким же разрушительным.

Как это работало в Южной Африке, где раб чувствовал себя как дома, показывают следующие выдержки из работы недавнего путешественника и поселенца в этой колонии:—[13]

Цепь была разорвана, и народ Англии ликовал сколько душе угодно. А раб! Что же тем временем с ним стало? Если он был молод и порочен, он уходил прочь - он был сам себе хозяин. Он был волен ходить взад и вперед по земле, "ища, кого бы ему съесть". Он был свободен: перед ним

был целый мир, и он мог выбирать, сидя на корточках у кафрского костра, вероятно, считая, что его еда из сушеной кукурузы - невкусная после вкусных блюд, которые ему разрешалось готовить для себя на кухне буров или торговцев. Но ему это должно было понравиться — он не мог получить ничего другого, — и это было заработано ценой его собственной души; ибо это было дано ему как стимул научить кафров самому легкому способу ограбления своего древнего хозяина. Если бы он был склонен работать, у него не было определенной перспективы найти работу; а голландцы, так много потеряв из-за внезапного Закона об Эмансипации, решили работать на себя. Итак, у добродетельного, искупленного раба было слишком много искушений, чтобы оставаться добродетельным: он был голоден — как и его жена — как и его дети; и он должен был накормить их. Как? Неважно.

Эти люди будут время от времени работать, но у них должна быть заработная плата, которая позволит им играть большую часть своего времени.

"Когда мы читаем о бедствии нашей собственной страны и о ничтожных заработках наших механиков, нам становится противно при мысли о том, что те же самые финго бастуют на работе (в качестве кули) в бухте Ватерлоо, будучи недовольными оплатой в 2 шиллинга в день. Поскольку их услуги необходимы для доставки груза, они требуют 3 секунды в день. согласован рабочий день, и они согласились работать, когда им удобно! — поскольку они время от времени берут отпуска, чтобы потанцевать и поесть. В заливе Алгоа финго часто платят 6 тысяч долларов. за работу кули в день".

У этих людей все повадки дикарей. Они оставляют женщинам возделывание земли, рыхление кукурузы, ношение воды и всю тяжелую работу; а мальчикам и старикам — уход за скотом, в то время как сами они проводят год в охоте, танцах, еде и грабеже своих соседей - за исключением тех случаев, когда иногда они считают целесообразным поработать несколько дней за ту плату, которую они сочтут уместной назначить.

Как это действовало в Вест-Индии, мы можем узнать в следующий раз, и с этой точки зрения рассмотрим Ямайку, одну из старейших и до недавнего времени одну из самых процветающих колоний. Этот остров занимает около четырех миллионов акров земли, "из которых, — говорит мистер Бигелоу, -

"Вероятно, нет ни одного десятка прилегающих друг к другу участков, которые не были бы пригодны для самой высокой обработки, в то время как не более 500 000 акров когда-либо были освоены или даже присвоены".[14]

"Его пересекают более двухсот ручьев, сорок из которых имеют ширину от двадцати пяти до ста футов; и, что заслуживает упоминания, они обеспечивают водой энергию, достаточную для производства всего, что производится почвой или потребляется жителями. Гораздо меньшие затраты, чем обычно затрачиваются на внесение навоза на той же поверхности в Соединенных Штатах, позволили бы орошать все засушливые земли острова и противостоять самым затыжным засухам, которые когда-либо посещали его".[15]

Плодородие почвы огромно. Изобилуют фрукты всех сортов; овощи всех видов для стола и индийская кукуруза растут в изобилии. Остров богат ценнейшими красителями, лекарствами и специями, а леса дают самые знаменитые породы древесины в огромном разнообразии. В дополнение к этому, он обладает медными рудниками, не уступающими ни одному в мире, и

уголь, вероятно, будет добываться широко в ближайшие годы. "Такие, — говорит мистер Бигелоу, -

"Это некоторые из природных ресурсов этой полуразрушенной и пораженной нищетой страны. Будучи способным производить почти все, и фактически не производя ничего, что не могло бы стать основным продуктом питания при надлежащем применении капитала и навыков, его жители ужасно бедны и с каждым днем все глубже и глубже погружаются в полную беспомощность и крайнюю нужду.

"*"Magnas inter opes inops."*

"Судоходство покинуло ее порты; ее великолепные плантации сахара и кофе зарастают сорняками; ее частные жилища приходят в упадок; удобства и роскошь, присущие промышленному процветанию, были один за другим лишены ее жителей; и, я думаю, близок день, когда не останется никого, кто мог бы олицетворять богатство, интеллект и гостеприимство, которыми некогда отличались плантаторы Ямайки".

Причина всего этого, говорят плантаторы, в том, что заработная плата слишком высока для цен на сахар. Это мистер Бигелоу отрицает— не признавая, что шиллинг в день является высокой зарплатой; но все факты, которые он приводит, имеют тенденцию показывать, что рабочий за получаемые им деньги отдает очень мало труда; и что по сравнению с выполненной работой заработная плата действительно намного выше, чем в любой части Союза. Подобно финго из Южной Африки, он может получить с небольшого клочка земли все, что необходимо для его существования, и он будет выполнять немногим больше работы, чем необходимо для достижения этой цели. Следствием этого является то, что картофель продается по шести центов за фунт, яйца - по три-пять центов за штуку, молоко - по восемнадцати центов за кварту, а кукурузная мука - по двенадцать-четырнадцать долларов за баррель; и все же сейчас таких мелких собственников более ста тысяч, что составляет почти одного на каждых трех человек на острове. Все земледельцы, однако, производят мало для продажи, и следствием этого является тот факт, что масса муки, риса, кукурузы, гороха, масла, свиного сала, сельди и т. Д., Необходимых для потребления, требует импорта, так же как и вся древесина, хотя миллионы акров древесины можно найти среди незастроенных земель острова.

Невозможно читать книгу мистера Бигелоу, не придя к выводу, что свобода, предоставленная неграм, не имела особого эффекта, за исключением того, что позволила им жить за счет плантатора до тех пор, пока что-нибудь оставалось. Шестнадцать лет свободы, по мнению ее автора, ни на йоту не "повысили достоинство труда или трудящихся классов", в то время как разорили собственников земли; и, таким образом, одному классу был нанесен огромный ущерб без какой-либо выгоды для другого. Из статистической таблицы, опубликованной в августе прошлого года, следует, пишет *New York Herald*, что с 1846 г. —

"Количество полностью заброшенных сахарных плантаций на острове составляет сто шестьдесят восемь, а количество частично заброшенных - шестьдесят три; стоимость двухсот тридцати одной плантации была оценена в 1841 году в 1 655 140 фунтов стерлингов, или почти в восемь с половиной миллионов долларов. За тот же период двести двадцать три кофейные плантации были полностью и двадцать частично заброшены, оценочная стоимость которых составляла в 1841 году 500 000 фунтов стерлингов, или два с половиной миллиона долларов; а из загонов для скота (пастбищных ферм) сто двадцать две были полностью и десять частично

заброшены, стоимость которых составляла полтора миллиона долларов. Совокупная стоимость этих шестисот шести поместий, которые были таким образом разорены и брошены на острове Ямайка в течение последних семи или восьми лет, составила, согласно регулярным оценкам, проведенным десять лет назад, сумму почти в два с половиной миллиона фунтов стерлингов, или двенадцать с половиной миллионов долларов".

Как неизбежное следствие этого, "о нем мало что слышно, — говорит доктор Кинг, - кроме разорения".[16] "Во многих округах", - добавляет он, -

"Следов упадка предостаточно. Запущенные поля, разрушающиеся дома, ветхие заборы, бесшумная техника - это обычные достопримечательности, которые вскоре становятся привычными для наблюдения. Иногда я проезжал несколько миль подряд по плодородной земле, которая раньше была возделана, а теперь превратилась в пустошь. Земледелие так быстро пришло в упадок, и дикая роскошь природы заменила удобства искусства, что группам, все еще населяющим эти брошенные районы, приходится иногда, выражаясь сильным языком одного оратора из Кингстона, "рыскать в кустах, чтобы найти вход в свои дома".

"Города представляют собой зрелище не менее мрачное. Большая часть Кингстона была уничтожена несколько лет назад обширным пожаром, и все же множество домов, избежавших этого нападения, стоят пустыми, хотя население невелико, если вообще уменьшилось. Объяснение этому очевидно. Люди, у которых ничего нет и которые больше не могут содержать свое домашнее хозяйство, находят убежище в домах других людей, где еще остаются какие-то средства к существованию; и в отсутствие какой-либо заметной торговли или занятия жизнь тысяч людей, перенаселенных людьми, кажется, сохраняется изо дня в день каким-то чудом. На самых оживленных улицах прежних времен теперь царит почти субботняя тишина".

"Самую прекрасную землю в мире, - говорит мистер Бигелоу, - можно получить за любую цену и почти за то, что попросишь". Труд, добавляет он, "не получает никакой компенсации, и продукт труда, похоже, не знает, как найти путь на рынок". Недвижимость, которая раньше оценивалась в 40 000 фунтов стерлингов, теперь не будет стоить 4000 фунтов стерлингов, а другие объекты были проданы под шесть, восемь или десять процентов от их прежней ценности были окончательно отказались.

Следующее взято из отчета, составленного в 1849 году и подписанного различными миссионерами:—

"Миссионерские усилия на Ямайке в настоящее время сталкиваются со многими и серьезными препятствиями. Местные общества прекратили или уменьшили объем помощи, оказываемой ими часовням и школам по всему этому острову. Плачевное состояние сельского хозяйства и торговли не позволяет его собственному населению делать столько, сколько раньше, для поддержания богослужения и обучения молодежи, и побуждает большое количество чернокожих рабочих покидать построенные поместья и искать средства к существованию в горах, где они в целом отстранены от морального воспитания и надзора. Последствия такого положения вещей очень катастрофичны. Немало миссионеров и учителей, часто борющихся с трудностями, которые они не могли преодолеть, вернулись в Европу, и другие готовятся последовать за ними. Часовни и школы брошены или они перешли в ведение очень некомпетентных инструкторов". —*Цитируется в King's Jamaica*, стр. 111.

Население постепенно уменьшается, что является еще одним доказательством того, что тенденции всего сущего неблагоприятны для прогресса цивилизации. В 1841 году на острове проживало немногим менее 400 000 человек. В 1844 году результаты переписи дали около 380 000 человек; и недавно опубликованный журнал утверждает, что из них не менее сорока тысяч за последние два года унесла холера, а оспа, пришедшая на смену этой болезни, теперь уносит жизни тысяч людей, которых эта болезнь пощадила. Рост преступности, добавляет он, идет в ногу с распространением нищеты по всему острову.

Следующие выдержки из отчета Комиссии, назначенной в 1850 году для расследования состояния и процветания Гвианы, предоставлены лордом Стэнли в его втором письме мистеру Гладстону [Лондон, 1851 г.]

О Гвиане вообще говорят —

"Было бы лишь печальной задачей останавливаться на страданиях и разорении, которые столь тревожные перемены должны были вызвать в организации собственников; но ваши уполномоченные считают себя призванными обратить внимание на последствия, которые этот массовый отказ от собственности произвел на колонию в целом. Там, где целые районы быстро зарастают кустарником, а редкие склады провизии вокруг хижин деревенских поселенцев - это все, что остается, чтобы рассказать некогда процветавших поместях, не стоит удивляться тому, что самые обычные признаки цивилизации быстро исчезают, и что во многих районах колонии любое передвижение по суше вскоре станет совершенно невозможным".

"Абарского района—

"Ваши уполномоченные обнаружили, что линия дороги почти непроходима и что длинный ряд некогда возделанных поместий представляет собой теперь череду зловонных болот, заросших кустарником и вызывающих злокачественные лихорадки".

— Не лучше обстоят дела и дальше на юг, - говорит лорд Стэнли, -

"Спустившись еще ниже, ваши уполномоченные обнаруживают, что дороги общего пользования и мосты находятся в таком состоянии, что несколько поместий, все еще оставшихся на верхнем западном берегу ручья Махайка, полностью отрезаны, за исключением очень сухого сезона; и что касается всего округа, то, если в самое ближайшее время что-либо не будет сделано, передвижение по суше полностью прекратится. При таком положении вещей неудивительно, что у пастуха есть грозный враг, с которым можно столкнуться в лице ягуара и других хищных зверей, и что содержание крупного рогатого скота сопряжено со значительными потерями из-за грабежей, совершаемых этими животными.

"Возможно, стоит отметить, - продолжает лорд Стэнли, - что этот район, ныне наводненный дикими лесными зверями, когда-то был настоящим садом колонии. Поместья соприкасались друг с другом по всей линии дороги, не оставляя ни единого клочка необработанной земли.

"Восточное побережье, о котором далее упоминают члены Комиссии, находится в лучшем положении. Недвижимость, некогда имевшая огромную ценность, покупалась там по номинальным ценам, и единственная железная дорога Гвианы, проходящая через этот участок, и сравнительно трудолюбивое население, состоящее из бывших рабочих на линии, позволяли плантаторам все еще обрабатывать ее с некоторой прибылью. Однако даже об этом

излюбленном месте они сообщают, что здесь "наиболее остро ощущается нехватка постоянной рабочей силы". Затем члены Комиссии посещают восточный берег реки Демерара, который описывается следующим образом: —

"Поднимаясь вверх по восточному берегу реки Демерари, повсюду заметны в целом преобладающие черты разрухи и бедствия. Дороги и мосты, по которым практически невозможно проехать, являются впечатляющими показателями состояния плантаций, по которым они проходят; а канал № 3, когда-то покрытый бананами и кофе, теперь представляет собой сцену почти полного запустения".

Переезжая на западную сторону, они находят перспективы несколько более радужными: "в нескольких поместьях" все еще "ведется культивация, достойная лучших времен". Но этот процветающий район невелик, и следующая картина, представшая нашему взору, менее приятна:

"Поднимаясь по реке еще выше, ваши уполномоченные узнают, что в 1829 году в округе между Хобабо-Крик и "Стрикен-Хойвел" было восемь сахарных и пять кофейных и подорожниковых плантаций, а сейчас осталось только три сахарных и четыре частично засаженных бананами мелких поселенцев, в то время как дороги, за одним или двумя исключениями, находятся в состоянии полного запустения. Здесь, как и на противоположном берегу реки, обосновались орды скваттеров, которые избегают всякого общения с европейцами и, по-видимому, полностью отдались грубым удовольствиям совершенно дикой жизни".

"Западное побережье Демерары — единственная часть этой страны, которая до сих пор остается не посещенной, — описывается как *только* уменьшившееся на пятьдесят процентов. по производству сахара: и с этим фактом доказательства указывают на одну из трех частей, на которые разделена колония. Одинока ли Демерара в своем несчастье? Снова слышу отчет:—

"Если нынешнее состояние графства Демерара дает повод для глубоких опасений, ваши уполномоченные считают, что положение в Эссекебо ухудшилось до еще более тревожных масштабов. На самом деле, если не будет обеспечен большой и быстрый приток рабочей силы для обработки заброшенных полей этого некогда цветущего района, есть серьезные основания опасаться, что он снова придет в полное запустение".

Описание другой части колонии —

Об одном районе говорят: "Если в ближайшее время не будет получено новых рабочих рук, есть все основания опасаться, что он станет полностью заброшенным". О втором: "Только быстрая иммиграция может спасти этот остров от полного разорения". "Плачевное состояние этой некогда красивой части побережья" - вот слова, которыми начинается другой абзац, описывающий другой участок страны. О четвертом: "владельцы на этом побережье, похоже, ведут безнадежную борьбу с надвигающимся разорением. И снова: "некогда знаменитое арабское побережье, которым так долго гордилась колония, теперь представляет собой лишь скорбную картину ушедшего процветания. Когда-то здесь располагались одни из лучших поместий в стране, и большое количество постоянных владельцев проживало в округе и свободно тратило свои доходы там, где они их получали. " Еще раз, нижняя часть побережья, после прохождения Девонширского замка до реки Померун, представляет собой картину почти полного запустения". Таков Эссекебо!"

"Бербис, - говорит лорд Стэнли, - живет не лучше: его сельское население составляет 18 000 человек. Из них 12 000 покинули поместья, и в основном из окрестностей белого человека, чтобы наслаждаться дикой свободой невежества и безделья, недоступной для примера, а иногда и для контроля. Но на положении негров я остановлюсь подробнее позже; в настоящее время мне приходится иметь дело с имущественным положением. Какие районы вместе образуют графство Бербис? Побережье Корентина — ручей Канье - Восточный и Западный берега реки Бербис - и Западное побережье, где, однако, раньше основным продуктом производства был хлопок. К каждому из них соответственно применимы следующие отрывки, процитированные по порядку:—

"Заброшенные плантации на этом побережье, [17] которые, если бы удалось раздобыть капитал и рабочую силу, можно было бы легко сделать очень продуктивными, либо полностью заброшены, либо присвоены ордами скваттеров, которые, конечно, не в состоянии содержать за свой счет дороги общего пользования и мосты, и, следовательно, всякое сообщение по суше между Корентином и Новым Амстердамом почти прекратилось. Дороги непроходимы для лошадей или экипажей, в то время как для пеших пассажиров они чрезвычайно опасны. Число сельских жителей в этом пустынном регионе, должно быть, превышает 2500 человек, и поскольку страна изобилует рыбой и дичью, у них нет трудностей с добыванием средств к существованию; фактически, побережье Корентина быстро возвращается к естественному состоянию".

"Канье-Крик раньше считался процветающим районом графства и насчитывал на своем восточном берегу семь сахарных и три кофейных плантации, а на западном - восемь плантаций, из которых две были заняты сахаром и шесть - кофе, что составляло в общей сложности восемнадцать плантаций. Выращивание кофе уже давно полностью заброшено, и из сахарных плантаций до сих пор сохранилось только восемь. Они серьезно страдают из-за нехватки рабочей силы и получают поддержку в основном за счет иммигрантов из Африки и кули, поэтому следует опасаться, что, если последние уедут и потребуют возвращения в Индию, значительная часть округа окажется заброшенной".

"При нынешних обстоятельствах положение дел здесь настолько мрачное,[18] что два джентльмена, которых ваши уполномоченные опросили относительно этого района, оба согласны в предсказании "медленного, но уверенного приближения его к состоянию, в котором цивилизованный человек впервые обнаружил его".

"Округ [19], который в 1829 году дал работу 3635 зарегистрированным рабам, но в настоящее время в нескольких поместьях, которые все еще обрабатываются, работает не более 600 рабочих, хотя, по оценкам, более 2000 человек бездельничают в собственных деревнях. Дороги во многих местах находятся на глубине нескольких футов под водой и представляют собой сплошные болота; в то время как в некоторых местах мосты вообще отсутствуют. Фактически, весь район быстро превращается в сплошную пустыню, за исключением одного или двух поместий, за которые все еще продолжают бороться и до которых сейчас едва ли можно добраться, кроме как по воде".

"За исключением некоторых лучших деревень, [20] они не заботятся о задних или передних дамбах для защиты от воды; их боковые линии игнорируются, и, следовательно, дренаж отсутствует; в то время как во многих случаях дороги общего пользования настолько полностью затоплены, что в качестве средства передвижения приходится использовать каноэ. Африканцы,

к несчастью, следуют примеру креолов в этом округе и покупают землю, на которой они селятся в довольном безделье; и ваши уполномоченные не могут рассматривать подобные случаи без глубочайшей тревоги, ибо, если этой пагубной привычке сидеть на корточках будет позволено распространиться и на иммигрантов, у колонии не останется надежды ".

В этих обстоятельствах лондонская *Times* представляет своим читателям следующий абзац, — и поскольку этот журнал нельзя рассматривать как противника классов, которые в последнее время контролировали законодательство Англии, мы можем быть уверены, что на его информацию можно положиться:

"Наше законодательство было продиктовано предполагаемыми потребностями африканского раба. После принятия Закона об Эмансипации с колонии была взимана крупная плата за помощь гражданским и религиозным институтам в интересах получивших избирательные права негров, и была выражена надежда, что эти цветные подданные британской короны вскоре будут ассимилированы со своими согражданами. Исходя из всей дошедшей до нас информации, равно как и из очевидных вероятностей этого дела, *мы вынуждены полагать, что эти надежды были сфальсифицированы. Негр не приобрел со своей свободой никаких привычек к трудолюбию или морали. Его независимость немногим лучше, чем у непойманного животного.* Не принимая никаких ограничений цивилизации, он удовлетворяет лишь немногие из ее потребностей, и потребности его натуры так легко удовлетворяются, что при нынешнем уровне заработной платы от него не требуется ничего, кроме прерывистой физической нагрузки. *Чернокожие, следовательно, вместо того, чтобы стать разумными земледельцами, превратились в бродяг и скваттеров, и теперь считается, что с провалом земледелия на острове наступит нехватка ресурсов для обучения или контроля над населением.* Это завершение кажется настолько неизбежным, что классы колониального общества, до сих пор стоявшие в стороне от политики, подписали меморандумы, *и не только суд и коллегия адвокатов, но и епископ, духовенство и служители всех конфессий на острове без исключения зафиксировали свою убежденность в том, что в отсутствие своевременной помощи религиозные и образовательные учреждения острова должны быть заброшены, а массы населения скатиться к варварству.*"

В *Перспективном обзоре* (ноябрь 1852 г.), посвященном тому, что произошло в британских колониях, и говоря о возможности аналогичного курса действий по эту сторону Атлантики, говорится:

"У нас было достаточно опыта в наших собственных колониях, чтобы не желать, чтобы эксперимент был опробован где-либо еще в более крупном масштабе. Верно, что с некоторых небольших островов, где преобладает негритянское население и нет места для скваттеров, экспорт сахара не уменьшился: верно, что на Ямайке и Демераре коммерческий кризис в значительной степени объясняется безрассудством плантаторов, которые упрямо отказываются приспособиться к новому положению вещей и выманить негров из отдаленных поселений обещанием справедливой заработной платы. Но у нас нет оснований предполагать, что вся трагикомедия не была бы разыграна заново в рабовладельческих штатах Америки, если бы завтра актом Конгресса рабство было окончательно отменено. Собственность на плантациях состоит только из земли и негров: освободите негров — и у плантаторов больше не будет капитала для обработки земли. Рассмотрим случай с компенсацией: хотя трудно понять, откуда она могла взяться: есть большая вероятность, что плантаторы Алабамы, привыкшие всю свою

жизнь получать черную рабочую силу бесплатно, будут так же неохотно платить за это, как и их коллеги на Ямайке: и есть много бесхозной земли, на которой могли бы обосноваться распушенные банды, и никто не ставит под сомнение их право. Всеми признано, что негры как раса не будут работать дольше, чем необходимо для обеспечения простейших жизненных удобств. Было бы замечательно, если бы это было иначе. Народ был унижен и принижен на полтора столетия: его систематически держали в неведении в течение пяти поколений о каких-либо потребностях и удовольствиях, кроме потребностей дикаря; и затем стали жаловаться, что он не желает трудиться ради более высоких удобств и утонченной роскоши, ценности которых он не может знать!"

Упомянутая здесь систематическая деградация, вероятно, вполне справедлива в отношении Британских островов, куда 660 000 человек - это все, что осталось от почти двух миллионов ввезенных; но совершенно ошибочно предполагать это в отношении этой страны, в которой сейчас насчитывается десять человек на каждого когда-либо ввезенного, и все они постепенными шагами продвигаются к цивилизации и свободе; и все же, если бы рецензент рассуждал о поведении испанских поселенцев Эспаньолы, он вряд ли мог бы говорить о них более пренебрежительно, чем о народе, который один так относился к негритянской расе, как к чтобы дать ему возможность увеличиться в численности и улучшить свое физическое, моральное и интеллектуальное состояние. Если бы он был более полно информирован о происходящем в британских колониях и в самих этих колониях и штатах, он вряд ли осмелился бы утверждать, что "ответственность за деградацию африканской расы лежит на американском народе" — единственном народе, среди которого они были усовершенствованы. Тем не менее, правильно придавать должное значение всем мнениям относительно существования зла и всем рекомендациям относительно способа устранения, пусть они исходят из какого угодно источника; и автор статьи, из которой взят этот отрывок, безусловно, одушевлен несколько более либеральным и католическим духом, чем многие из его соотечественников.

То, что английская система в отношении эмансипации негров оказалась несостоятельной, теперь признают даже те, кто наиболее горячо выступал за принятые меры. "Есть много людей, - пишет лондонская *Times*, - которые думают, что при надлежащем регулировании, и особенно при системе саморазвития рабов, мы могли бы добиться полной эмансипации Британской Вест-Индии с гораздо меньшим ущербом для собственности плантаторов и характера негров, чем в результате принятия Закона об отмене рабства. Возможно, - продолжает она, - предупреждение не останется незамеченным для американцев, которые, возможно, увидят необходимость подготовить почву для окончательной отмены рабства и тем самым спасти общество". внезапный шок, который аболиционисты могут однажды нанести всем институтам Профсоюза и всей структуре американского общества".

"Фалмут" (Ямайка) *Post* от 12 декабря 1852 г. сообщает нам, что даже сейчас "в каждом приходе острова ведутся приготовления к ликвидации земель, которые когда-то были ценными, но возделывание которых больше не может продолжаться". "В Трелони, - продолжает он, - за последние два года было продано много поместий, и экспорт в Соединенные Штаты Америки в течение нескольких месяцев свыше 80 000 тонн меди, которая использовалась для производства сахара и рома, является одним из "знамений времени", на которое следует серьезно обратить внимание законодательной власти при обеспечении будущего содержания

наших различных учреждений, как государственных, так и приходских. Если не будет сокращено жалование всем официальным лицам, управлять колонией будет совершенно невозможно".

Восемьдесят тысяч тонн оборудования, которое до сих пор использовалось в качестве рабочей силы, или почти одна тонна на каждых четырех человек на острове, вывезено за несколько месяцев! *Банда Нуар* Франции сносила жилые дома и продавала материалы, но поскольку они оставили машины, используемые рабочими, их операции приносили меньше вреда, чем операции негров Ямайки, спрос на чей труд должен уменьшаться с каждым шагом в процессе заброшенности земель и разрушения машин. При таких обстоятельствах мы можем не испытывать особого удивления, узнав, что все стремится к варварству; нет ничего удивительного и в том, что уже цитированный писатель, которого нельзя заподозрить в каких-либо прорабовладельческих тенденциях, ставит вопрос: "Достаточно ли того, что они [американцы] просто ослабили свои цепи и бросили их плыть по течению ниже, - как он с удовольствием говорит, - чем они их нашли?"[21] Этого недостаточно. Они должны быть готовы к свободе. "Немедленное освобождение", как он говорит, "решает только простейшие формы проблемы".

Землевладелец разорен, а рабочий быстро скатывается к варварству, и все же перед лицом этого факта землевладельцев Южных Штатов клеймят во всем мире как "тиранов" и "работорговцев", потому что они не будут следовать в том же направлении. Именно перед лицом этого великого факта людей Севера приглашают присоединиться к крестовому походу против их братьев на Юге, потому что они все еще продолжают удерживать рабов, и что мужчин Юга самих так часто призывают согласиться на немедленное и безоговорочное освобождение.

Во всем этом может быть много филантропии, но, безусловно, много ошибок, — и с целью определить, где она лежит, а также показать, каков истинный путь к освобождению, предлагается исследовать, каким был путь, которым люди прошли в различных странах мира от бедности к богатству, от невежества и варварства к цивилизации и от рабства к свободе. Сделав это, мы можем затем исследовать причины, действующие в настоящее время для предотвращения эмансипации негров Америки и обитателей "притона свитера" в Лондоне; и если их однажды удастся установить, то будет легко определить, какие меры необходимо принять с целью установления свободы во всем мире.

ГЛАВА V.

КАК ЧЕЛОВЕК ПЕРЕХОДИТ ОТ БЕДНОСТИ И РАБСТВА К БОГАТСТВУ И СВОБОДЕ.

Первый бедный земледелец окружен незанятой землей. *Чем больше этого в его распоряжении, тем он беднее.* Вынужденный работать в одиночку, он раб своих потребностей и не может ни скатать, ни поднять бревно, из которого можно построить себе дом. Он делает себе яму в земле, которая служит вместо одной. Он возделывает бедную почву на холмах, чтобы добыть немного кукурузы, которой можно пополнить запасы пищи, полученные от ловли дичи в силках по соседству. Его зимний запас хранится в другой норе, которая может пострадать от воды, просачивающейся через легкую почву, в которую только он и может проникнуть. Ему ежечасно угрожает голодная смерть. Однако, в конце концов, его сыновья вырастают. Они объединяют свои усилия с его усилиями и теперь получают что-то вроде топора и лопаты. Они могут глубже зарываться в почву, рубить бревна и строить что-то вроде дома. Они добывают

больше зерна и дичи и могут лучше их сохранять. Опасность голодной смерти уменьшается. Поскольку они больше не вынуждены полагаться в качестве топлива на гнилую древесину, которая была всем, что мог раздобыть их отец, им меньше грозит гибель от холода на возвышенности, которую они по необходимости занимают. По мере роста семьи возделываются новые почвы, каждая из которых последовательно приносит большую отдачу от труда, и они получают постоянно увеличивающийся запас жизнеобеспечения с поверхности, уменьшающейся по отношению к количеству питаемых; и, таким образом, с каждым увеличением отдачи от труда увеличивается возможность объединения их усилий.

Если мы посмотрим теперь на одинокого поселенца Запада, даже если у него есть и топор, и лопата, мы увидим, что он с огромным трудом добывает самую обычную бревенчатую хижину. Приезжает сосед, и их совместные усилия приводят к созданию нового дома, затратив менее половины труда, необходимого для строительства первого. Этот сосед приводит лошадь и мастерит что-то вроде телеги. Продукт их труда теперь в десять раз больше, чем был у первого человека, работавшего самостоятельно. Появляется все больше соседей, и нужны новые дома. Создается "пчелка", и совместными усилиями соседей третий дом достраивается за день, в то время как первый требует месяцев, а второй - недель гораздо более серьезных усилий. Эти новые соседи привезли плуги и лошадей, и теперь возделываются лучшие почвы, и продукт труда снова увеличивается, как и способность сохранять излишки для использования зимой. Тропинка превращается в дорогу. Обмены увеличиваются. Появляется магазин. Труд вознаграждается большей прибылью, потому что благодаря более совершенной технике, применяемой для обработки лучших почв. Город растет. Каждое последующее увеличение населения приводит к появлению потребителя и производителя. Сапожник желает кожу и зерно в обмен на свою обувь. Кузнецу требуется топливо и пища, а фермеру - подковы для своих лошадей; и с возрастающей легкостью обмена на производство затрачивается все больше труда, и вознаграждение за труд повышается, порождая новые желания и требуя все более масштабных обменов. Дорога превращается в заставу, и на ней видны повозка и лошади. Город становится городом, и для снабжения его рынков возделываются лучшие почвы, в то время как железная дорога облегчает обмены с еще более удаленными городами. Таким образом, тенденция к объединению и сочетанию усилий растет с ростом богатства. В состоянии крайней бедности она не может быть развита. Ничтожное племя дикарей, голодающее из-за продуктов поверхностной почвы сотен тысяч акров земли, с завистью взирает на каждого незваного гостя, зная, что каждый новый рот, требующий пропитания, увеличивает трудности в добывании средств к существованию; тогда как фермер радуется приезду кузнеца и сапожника, потому что они приходят поесть на месте зерна, которое до сих пор он возил за десять, двадцать или тридцать миль на рынок, чтобы обменять на обувь для себя и своих лошадей. С каждым новым потребителем его продукции, который прибывает, он получает возможность все больше и больше концентрировать свои действия и мысли на своем доме, в то время как каждый вновь прибывший имеет тенденцию увеличивать свою *способность* потреблять товары, привезенные издалека, потому что это имеет тенденцию уменьшать его *необходимость* искать рынок сбыта продукции своей фермы на расстоянии. Дайте бедному племени лопаты и знания, как ими пользоваться, и начнется сила объединения. Запасы пищи становятся все более обильными, они приветствуют прибытие незнакомца, который приносит им ножи и одежду для обмена на шкуры и зерно; богатство растет, и возникает привычка к общению — первый шаг к цивилизации.

Маленькое племя, однако, вынуждено занимать более высокие земли. Нижние из них представляют собой массу густых лесов и унылых болот, в то время как у подножия холма протекает река, которую можно перейти вброд, но в определенный период года. На склоне холма, на расстоянии нескольких миль, живет другое племя; но общение между ними затруднено, потому что дно реки еще не расчищено, дороги проложить невозможно, а о мостах пока не задумывались. Население и богатство, однако, продолжают увеличиваться, и низменные земли постепенно начинают обрабатываться, принося большую отдачу от труда и позволяя племени добывать большие запасы пищи с меньшими усилиями и экономить рабочую силу для использования в других целях. Дороги проложены в направлении берега реки. Население увеличивается быстрее из-за увеличения запасов продовольствия и возросшей способности его сохранять, а богатство растет еще быстрее. Наконец мы достигли берега реки, и некоторые из лучших земель теперь расчищены. Население снова растет, и появляется новый элемент богатства в виде моста; и теперь два маленьких сообщества могут более свободно общаться друг с другом. Один радуется, что у него есть колесный мастер, в то время как у другого есть ветряная мельница. Одному нужны телеги, а другому нужно молоть зерно. У одного есть лишняя ткань, в то время как у другого больше кожи, чем необходимо для его использования. Обмены увеличиваются, и маленький городок растет из-за увеличения объема торговли. Богатство растет еще быстрее благодаря новым способам объединения труда, благодаря которым общий труд становится более производительным. Теперь прокладываются дороги в направлении других населенных пунктов, и работа выполняется быстро, потому что усилия обоих теперь объединены, а также потому, что используемая техника более эффективна. Один за другим исчезают леса и болота, занимавшие плодородные земли, разделяющие десять, двадцать, пятьдесят или пятьсот общин, которые теперь связаны друг с другом; и с каждым шагом труд становится все более и более производительным и вознаграждается лучшей пищей, одеждой и кровом. Исчезают голод и болезни, продлевается жизнь, увеличивается численность населения, а вместе с этим и тенденция к тому сочетанию усилий между индивидами, составляющими эти сообщества, которое является отличительной чертой цивилизации всех наций и во все периоды мира. С дальнейшим увеличением населения и богатства возрастают и желания человека, и его способность их удовлетворять. Образованная таким образом нация имеет больше зерна, чем ей нужно; но у нее нет хлопка, а запасов шерсти недостаточно. У соседней страны есть хлопок и шерсть, и она нуждается в кукурузе. Однако они все еще разделены обширными лесами, глубокими болотами и быстрыми реками. Население увеличивается, и огромные леса и болота исчезают, уступая место богатым фермам, через которые проложены широкие дороги с огромными мостами, позволяющие торговцу перевозить свою шерсть и хлопок для обмена со своими ныне богатыми соседями на их излишки кукурузы или сахара. Народы теперь объединяют свои усилия, и богатство растет с еще большей быстротой, облегчая осушение болот и, таким образом, приводя в действие богатейшие почвы; в то время как угольные шахты дешево доставляют топливо для превращения известняка в известь, а железной руды - в топоры и лопаты, а также в рельсы для новых дорог, необходимых для транспортировки на рынок огромного количества продуктов, добываемых на ныне используемых плодородных почвах, и для доставки обратно больших запасов сахара, чая, кофе и тысячи других продуктов из отдаленных стран, с которыми сейчас налажено сообщение. С каждым шагом численность населения, богатство, счастье и процветание приобретают новые границы; и люди с трудом осознают тот факт, что страна, которая сейчас предоставляет десяткам миллионов все необходимое, удобства и роскошную жизнь, - это та же самая страна, которая, когда изобильная земля была заселена всего десятками тысяч людей, давала этому

ограниченному числу скудные запасы худшей пищи; настолько скудные, что голод был частым, а иногда и таким жестоким, что за голодом следовала эпидемия, которая с короткими интервалами сметала с лица земли население маленьких и необитаемых стран. разбросанные поселения, между которыми люди были вынуждены разделяться, когда возделывали только бедные почвы холмов.

Описанный здесь ход событий находится в строгом соответствии с фактами, наблюдаемыми в каждой стране по мере роста ее благосостояния и численности населения. Считается, что первые поселенцы всех стран мира были рабами своих потребностей — и часто рабами своих соседей; тогда как с увеличением численности и возросшей способностью к возделыванию они переходят с более бедных почв холмов на плодородные почвы речных низин и болот, с постоянным увеличением отдачи от труда и постоянно возрастающей способностью самим определять, на кого они будут работать и какова будет их награда. Эта точка зрения, однако, находится в прямом противоречии с теорией захвата земли, преподаваемой в политико-экономической школе, основателями которой были Мальтус и Рикардо. Они убеждают нас, что поселенец всегда начинает с низменных и богатых земель, и что по мере увеличения населения люди должны переходить в более высокие и бедные земли - и, конечно, в гору — с постоянно уменьшающейся отдачей от труда, и, таким образом, по мере роста населения человек становится все более и более рабом своих потребностей и тех, кто имеет власть удовлетворять его нужды, что влечет за собой необходимость рассеивания по всему миру в поисках богатых земель, на которых, как предполагается, первый поселенец начнет свою деятельность. Именно в связи с этой теорией г—н Дж. С. Милль говорит:

"Этот общий закон сельскохозяйственного производства является наиболее важным положением политической экономии. Если бы закон был другим, почти все явления производства и распределения богатства были бы иными, чем они есть на самом деле".

В точке зрения, изложенной таким образом мистером Миллем, нет никакого преувеличения. Закон занятия земли человеком лежит в основе всей политической экономии; и если мы желаем знать, что именно ведет к освобождению народов земли от рабства, мы должны сначала убедиться, что теория господ Дж. У Мальтуса и Рикардо нет не только фактических оснований, но и того, что закон прямо противоположен и, следовательно, имеет тенденцию к принятию мер, прямо противоположных тем, которые были бы необходимы, если бы эта теория была верна. Огромная важность этого вопроса извинит нас за то, что мы уделили несколько минут вниманию читателя, представив ему некоторые факты, которые позволяют ему убедиться в универсальности закона, предлагаемого сейчас на его рассмотрение. Пусть он поинтересуется, где сможет, он обнаружит, что первый жилец не начинал на равнинах или на сильно поросшей лесом земле, но что он начал на возвышенностях, где леса было меньше, а место для его дома было сухим. По мере роста способностей он осушает болота, расчищает тяжелую древесину, добывает мергель или сжигает известь и, таким образом, приобретает контроль над более плодородными почвами, что приводит к постоянному увеличению отдачи от труда. Затем позвольте ему проследить путь ранних поселений, и он обнаружит, что, хотя они часто следовали течению ручьев, они всегда избегали болот и речного дна. Самые ранние поселения этой страны находились на самых бедных землях Союза — в Новой Англии. Так было и в Нью-Йорке, где мы находим железные дороги, проходящие через низменные и более богатые, но все же необработанные земли, в то время как возвышенности справа и слева уже давно возделаны. То же самое сейчас происходит в Пенсильвании, Вирджинии и Огайо. В недавней беседе в

Южной Каролине было отмечено, что их предшественники не отбирали богатые земли и что миллионы акров прекраснейших лугов в этом штате до сих пор остаются нетронутыми. Поселенец в прериях начинает с более возвышенных и сухих земель, оставляя влажные прерии *итопь* - самую богатую почву — своим преемникам. Земли ниже устья реки Огайо являются одними из богатейших в мире; и все же они незаняты, и так будет продолжаться до тех пор, пока богатство и население значительно не увеличатся. То же самое сейчас происходит с низменными и богатыми землями Мексики. Так было и в Южной Америке, раннее возделывание которой происходило на бедных землях западного склона, в Перу и Чили, в то время как богатые земли Амазонки и Ла-Платы оставались, как и большинство из них до сих пор, дикой природой. В Вест-Индии небольшие засушливые острова были заселены рано, в то время как Порто-Рико и Тринидад, изобилующие богатыми почвами, остались нетронутыми. Первые жители Англии были обнаружены на более бедных землях центра и юга королевства, а также в Шотландии в Высокогорье или на маленьких скалистых островах Ла-Манша. Остров Мона был знаменит, в то время как плодородная почва Лотиан оставалась почти нетронутой массой лесов, а болота Ланкашира наводили ужас на путешественников еще долго после того, как Хэмпшир был расчищен и возделан. Если читатель желает найти место рождения короля Артура и древнейшую резиденцию английского могущества, он должен обратить внимание на окрестности королевского замка Тинтагель в высокогорном и сухом Корнуолле. Если ему нужны другие свидетельства характера почвы, возделываемой в период, когда земли было много, а людей было мало, он может найти их в том факте, что в некоторых частях Англии едва ли найдется вершина холма, которая не свидетельствовала бы о раннем заселении,[22] и в другом факте, что насыпи или курганы почти равномерно сложены из камня, потому что эти памятники "чаще всего встречаются там, где камень добывался легче, чем земля".[23] Цезарь обнаружил, что галлы занимали возвышенности, окружающие Альпы, в то время как богатая Венеция оставалась болотом. . Заселение Кампаньи последовало намного позже заселения самнитских холмов, и самые ранние поселенцы Пелопоннеса возделывали высокогорную и засушливую Аркадию, в то время как города аргивских царей времен Гомера, Микены и Тиринф, находятся в восточной Арголиде, стране настолько бедной, что она была заброшена еще до возникновения самой ранней достоверной истории. Заселение страны вокруг Мероз и Фиваиды задолго до заселения нижних земель, окружающих Мемфис, или еще более низких и богатых земель близ Александрии. Негр обитает в высокогорных районах Африки, в то время как богатые земли вдоль русла рек необитаемы. Маленькие острова Австралии, бедные и засушливые, населены расой, намного превосходящей по цивилизации жителей соседнего континента, которые владеют богатыми почвами. Бедная Персия возделывается, в то время как по богатым землям древней Вавилонии бродят лишь разрозненные орды разбойников.[24] Лейярд приходится искать холмы, когда он хотел найти людей у себя дома. Афганистан и Кашемир были заселены очень рано, и оттуда снабжались люди, которые двинулись к дельтам Ганга и Инда, большая часть которых по прошествии стольких тысяч лет все еще остается в состоянии дикой природы. Куда бы мы ни посмотрели, это одно и то же. Земля подчиняется тому же великому и универсальному закону, который управляет светом, энергией и теплом. Человек, работающий в одиночку и имеющий плохую технику, должен обрабатывать плохую землю и довольствоваться небольшим количеством света, небольшой мощностью и небольшим количеством тепла, и все это, подобно его пище, получается в обмен на большой труд; в то время как тот, кто работает в сочетании со своими собратьями, может иметь хорошую технику, позволяющую ему расчищать и обрабатывать богатую землю, дающую ему много пищи и позволяющую ему получать много света, много тепла и много энергии в обмен на небольшой труд. Первый - *этосущество*

необходимости— раб, и как таковой человек повсеместно рассматривается мистером Рикардо и его последователями. Второй — *этосущество, обладающее властью*— свободный человек — и в качестве такового человека рассматривал Адам Смит, который учил, что чем больше людей работают в сочетании друг с другом, тем легче будет добывать пищу и все другие предметы первой необходимости и удобства для жизни - и чем шире они будут разделены, тем меньше будет отдача от труда и капитала и тем меньше производственная мощность, как, по здравому смыслу, неизбежно должно быть у каждого человека.

Теперь легко увидеть, насколько совершенно точен был м-р Милль в своем утверждении, что "если бы закон был иным, почти все явления производства и распределения богатства были бы иными, чем они есть на самом деле". Доктрина Мальтуса и Рикардо стремится превратить рабочего в раба владельца земли или другого капитала; но, к счастью, она не имеет фактического основания, и поэтому естественные законы производства и распределения богатства ведут не к рабству, а к свободе.

ГЛАВА VI.

КАК БОГАТСТВО ИМЕЕТ ТЕНДЕНЦИЮ УВЕЛИЧИВАТЬСЯ.

Первый бедный земледелец начинает, как мы видели, свои работы на склоне холма. Под ним находятся земли, на которые силой воды были перенесены более богатые участки тех, что выше, а также листья деревьев и сами поваленные деревья, все из которых с незапамятных времен сгнили и слились с землей, и таким образом образовались почвы, способные приносить наибольшую отдачу от труда; однако по этой причине они недоступны. Их характер проявляется в огромных деревьях, которыми они покрыты, и в их способности удерживать воду, необходимую для содействия процессу разложения, но бедный поселенец хочет иметь власть либо очистить их от древесины, либо осушить от излишней влаги. Он начинает с холма, но постепенно овладевает более совершенной техникой возделывания, и с каждым шагом в этом направлении мы обнаруживаем, что он спускается с холма и получает все большую отдачу от труда. У него есть больше еды для себя, и теперь у него есть возможность прокормить лошадь или быка. С помощью навоза, который, таким образом, приносят ему лучшие земли, мы видим, как он затем возвращается по своим следам, улучшая склон холма и заставляя его давать отдачу вдвое большую, чем он получил вначале. С каждым шагом вниз по склону он получает все большую награду за свой труд, и с каждым разом он возвращается с возросшими силами к возделыванию изначально бедной почвы. Теперь у него есть лошади и быки, и хотя с их помощью он извлекает из новых почв навоз, который копился веками, у него также есть телеги и повозки для перевозки его в гору; и с каждым шагом его награда увеличивается, в то время как труды уменьшаются. Он возвращается к песку и поднимает мергель, которым покрывает поверхность; или он возвращается к глине и погружается в известняк, с помощью которого удваивает его продукт. Он все время создает машину, которая питает его, пока он ее делает, и мощность которой увеличивается по мере того, как он берет от нее больше. Сначала она ничего не стоила. Теперь, когда он кормил и одевал его в течение многих лет, она приобрела большую ценность, и те, кто мог бы пожелать ею воспользоваться, заплатили бы ему большую арендную плату за разрешение сделать это.

Земля - это огромная машина, данная человеку для того, чтобы соответствовать его назначению. Чем больше он работает, тем лучше это его кормит, потому что каждый шаг является лишь подготовкой к новому, более продуктивному, чем предыдущий, требующему

меньше труда и приносящему большую отдачу. Работа по расчистке велика, но отдача невелика. Земля покрыта пнями и наполнена корнями. С каждым годом корни загнивают, и почва обогащается, в то время как трудозатраты на вспашку уменьшаются. В конце концов, пни исчезают, и отдача удваивается, в то время как трудозатраты сокращаются вдвое по сравнению с первоначальными. Чтобы ускорить этот процесс, владелец не сделал ничего, кроме обработки земли, остальное сделала природа. Помощь, которую он таким образом получает от нее, дает ему столько же пищи, сколько вначале было получено трудом по вырубке деревьев. Это, однако, не все. Полученный таким образом избыток дал ему средства для улучшения более бедных земель путем внесения навоза, который обогатил бы их, и, таким образом, он утроил свою первоначальную прибыль без дополнительного труда; ибо того, что он экономит при обработке новых почв, достаточно для доставки навоза на старые. С каждым днем он обретает все большую власть над различными сокровищами земли.

При любой операции, связанной с формированием земли, результат один и тот же. Первый шаг неизменно является самым дорогостоящим и наименее производительным. Первый дренаж начинается у ручья, где работа самая тяжелая. Он освобождает от воды всего несколько акров. Немного выше, то же количество рабочей силы, извлекающей выгоду из того, что уже было сделано, высвобождает вдвое большее количество. Снова их количество удваивается; и теперь самая совершенная система тщательного осушения может быть создана с меньшими затратами труда, чем первоначально требовалось для одной из самых несовершенных систем. Смешать известь с глиной на пятидесяти акрах - более легкая работа, чем при расчистке одного акра, однако этот процесс удваивает отдачу с каждого пятидесяти акров. Человек, которому требуется немного топлива для собственного употребления, затрачивает много труда на вскрытие соседней угольной жилы; но увеличить ее так, чтобы удвоить продукт, требует сравнительно небольшого труда. Пробурить шахту до первой залегающей под поверхностью жилы и соорудить паровую машину - дорогостоящие операции; но после их выполнения каждый будущий этап становится более производительным, хотя и менее затратным. Погрузиться в следующую жилу ниже и проложить туннель к другой - мелочи по сравнению с первой, но каждая из них дает столь же большую отдачу. Первая линия железной дороги проходит мимо домов и поселков, в которых проживает двести или триста тысяч человек. Полдюжины небольших ответвлений, которые вместе стоят гораздо меньше труда, чем первое, приносят с собой полмиллиона, а может быть, и миллион. Объем торговли увеличивается, и может потребоваться второй путь, третий или четвертый. Оригинальный облегчает прохождение материалов и устранение препятствий, а три новых теперь можно изготовить с меньшими затратами труда, чем первоначально требовалось для одного.

Весь труд, затраченный таким образом на создание огромной машины, является лишь прелюдией к применению дальнейшего труда с еще большей отдачей. С каждым таким применением заработная плата повышается, и, следовательно, части машины в том виде, в каком она существует, неизменно обмениваются, будучи доставлены на рынок, на гораздо меньшую рабочую силу, чем они стоили. Таким образом, происходит неуклонное снижение ценности капитала в труде и ежедневное увеличение власти труда над капиталом, и с каждым шагом в этом направлении человек становится все более свободным. Человек, возделывавший скудные почвы, был счастлив получить сто бушелей за свой годовой труд. По мере того как он и его сосед спускались с холма на более плодородные почвы, заработная плата росла, и теперь требуется двести бушелей. Его ферма даст тысячу бушелей, но это требует труда четырех человек, у которых должно быть по двести бушелей у каждого, а излишек составляет всего

двести бушелей. При двадцатилетней покупке это дает капитал в четыре тысячи бушелей, или эквивалент двадцатилетней заработной платы; тогда как это стоило труда ему самому, его сыновьям и помощникам, эквивалентного ста годам труда, а может быть, и гораздо большего. Однако все это время она кормила и одевала их всех, и ферма создавалась за счет незаметных взносов, вносимых из года в год, неосознанных и неощутимых.

Она стала стоить двадцатилетнего заработка, потому что ее владелец в течение многих лет брал из нее по тысяче бушелей ежегодно; но когда она пролежала столетия, накапливая богатство, она ничего не стоила. Так обстоит дело с землей повсюду. Чем больше отнимается у нее, тем больше можно вернуть и тем больше нашей силы черпать из нее. Когда угольные шахты Англии были нетронуты, они не представляли ценности. Сейчас их ценность почти неисчислима; тем не менее, земля содержит изобильные запасы на тысячи лет. Столетие назад железная руда была наркотиком, и договоры аренды выдавались по почти номинальной арендной плате. В настоящее время такая аренда считается эквивалентной владению большими состояниями, несмотря на огромные объемы добытой руды, хотя количество руды, о существовании которой известно сейчас, вероятно, в пятьдесят раз больше, чем было тогда.

Земля - единственный производитель. От нее человек получает зерно и вату, и все, что он может сделать, - это изменить их форму или место. Первое он может превратить в хлеб, а последнее - в ткань, и то и другое, возможно, перевезти в отдаленные места, но там его власть заканчивается. Он не может увеличить их количество. Часть его труда затрачивается на подготовку и усовершенствование великой производственной машины, и это приводит к постоянным изменениям. Дренаж, однажды прорезанный, остается дренажом; а известняк, однажды превращенный в известь, никогда больше не становится известняком. Он входит в пищу человека и животных и всегда после этого участвует в одном и том же круговороте с глиной, в которую он был включен. Железо ржавеет и постепенно переходит в почву, чтобы занять свое место вместе с глиной и известью. Эта часть его труда приносит ему заработную плату при подготовке машины к большему производству в будущем. Та другая часть, которую он расходует на изготовление и обмен *продуктов* машины, дает временные результаты и приносит ему только заработную плату. Все, что имеет тенденцию уменьшать количество труда, необходимого для производства пищи, имеет тенденцию позволять ему отдавать больше на подготовку машин, необходимых для изготовления и обмена продуктов; а эти машины, в свою очередь, имеют тенденцию увеличивать количество, которое может быть отдано на увеличение количества продуктов и на подготовку большой машины; и таким образом, увеличивая нынешнюю отдачу от труда, подготавливая к дальнейшему увеличению в будущем.

Первый бедный земледелец получает сто бушелей своей годовой зарплаты. Чтобы растолочь это между двумя камнями, требуется много дней труда, и работа не делается и наполовину. Будь у него мельница по соседству, у него была бы мука получше, и у него было бы почти все эти дни, чтобы возделывать свою землю. Он собирает зерно. Будь у него коса, у него было бы больше времени на подготовку производственной машины. Он теряет свой топор, и ему требуется несколько дней самому и его лошади в дороге, чтобы раздобыть другой. Его машина теряет время и навоз, которые можно было бы сэкономить, если бы под рукой был топорщик. Реальное преимущество, получаемое от мельницы и косы, а также от близости мастера по изготовлению топора, состоит просто в том, что они дают ему возможность все больше и больше посвящать свой труд подготовке великой производственной машины, и так обстоит дело со всеми механизмами преобразования и обмена. Плуг позволяет ему сделать за один день столько,

сколько с лопатой он мог бы сделать за пять. Он экономит четыре дня на дренаже. Паровой двигатель истощает столько, сколько без него можно было бы истощить за тысячи дней труда. У него больше времени, чтобы мергелировать или известковать свою землю. Чем больше он может извлечь из своей собственности, тем выше ее ценность, потому что каждая вещь, которую он берет, самым актом взятия создается для содействия дальнейшему производству. Следовательно, машина совершенствуется в процессе использования, тогда как лопаты, и плуги, и паровые машины, и все другие инструменты, используемые человеком, являются всего лишь различными формами, в которые он превращает части великой первоначальной машины, которые исчезают в процессе использования; в той же степени, что и пища, хотя и не так быстро. Земля - это великий банк трудовых сбережений, и ценность для человека всех других машин прямо пропорциональна их стремлению помочь ему увеличить его вклады в этом единственном банке, дивиденды которого постоянно растут, в то время как его капитал постоянно удваивается. Чтобы это могло продолжаться вечно, все, чего оно требует, - это чтобы ему вернули отходы его производства, навоз; и чтобы оно могло это сделать, потребитель и производитель должны занять свои места друг подле друга. После этого каждое произведенное изменение становится постоянным и, как правило, способствует другим, более масштабным изменениям. Весь бизнес фермера состоит в создании и улучшении почвы, и земля вознаграждает его за доброту, давая ему тем больше и больше пищи, чем больше внимания он ей уделяет. Все, что он получает от нее, должно рассматриваться как ссуда, и когда он не в состоянии выплатить свои долги, она морит его голодом.

Абсолютная необходимость возврата земле навоза, получаемого в результате ее производства, настолько широко признана, что вряд ли возникнет необходимость в чем-то большем, чем констатация факта; ибо каждый землевладелец знает, что, когда он предоставляет ферму в аренду, одним из условий, которое он желает включить, является то, что все сено, которое производится, должно скормиться на земле, и что навоз должен закупаться для восполнения отходов, образующихся в результате продажи кукурузы или льна с земли. Однако для того, чтобы навоз мог быть поставлен таким образом, необходимо, чтобы место потребления не находилось далеко от места производства, поскольку в противном случае стоимость транспортировки будет выше стоимости навоза. В недавней работе по сельскому хозяйству Мекленбурга утверждается, что количество зерна, которое стоило бы около полутора тысяч долларов на рынке, ничего не стоило бы на расстоянии пятидесяти немецких или около двухсот английских миль от него, поскольку вся стоимость была бы поглощена затратами на транспортировку зерна на рынок и навоза с рынка — и что навоз, который вблизи города стоил бы фермеру пять долларов, ничего не стоил бы на расстоянии 4-3/4 немецких или 19 английских миль от него — и что, таким образом, весь вопрос о стоимости зерна не имеет значения. Земля и богатство ее владельца зависели от удаленности от места, в котором можно было обменять ее продукты. На расстоянии большем, чем 28 немецких или 112 английских миль, в Мекленбурге земля перестает приносить ренту, потому что ее нельзя обрабатывать без потерь. По мере приближения к месту обмена стоимость земли возрастает в результате одновременного действия двух причин: во-первых, можно выращивать большее разнообразие товаров, а преимущества, получаемые в результате севооборота, хорошо известны. На расстоянии фермер может выращивать только то, чего земля дает мало и что ценно пропорционально их небольшой массе, как, например, пшеница или хлопок; но вблизи места обмена он может выращивать картофель, репу, капусту и сено, масса которых велика пропорционально стоимости. Во-вторых, стоимость возврата навоза в землю возрастает по мере того, как

ценность продуктов земледелия уменьшается с увеличением расстояния; и из-за сочетания этих двух причин земля в Мекленбурге, которая стоила бы, если бы находилась недалеко от города, годовой арендной платы в размере 29 808 долларов, стоила бы на расстоянии всего 4 немецких или 16 английских миль всего 7467 долларов.

Таким образом, мы видим, насколько велика тенденция к росту богатства по мере того, как люди получают возможность все больше и больше объединять свои усилия с усилиями своих братьев, потребляя на земле или вблизи нее продукты земли и позволяя фермеру не только легко восполнять истощение, вызванное каждым последующим урожаем, но и прибегать к услугам химика при приготовлении искусственных удобрений, а также задействовать минеральные удобрения, которыми он окружен почти повсюду. Мы также видим, насколько интересам каждого сообщества должно противоречить то, что его продукты экспортируются в их первоначальном виде и, таким образом, истощаются его земли. Тот же автор, из которого были взяты приведенные выше цитаты, сообщает нам, что, когда навоз не возвращается в землю, урожайность должна уменьшаться из года в год, пока, наконец, она не составит более одной четвертой от первоначальной: и это согласуется со всеми наблюдениями.

Естественная тенденция ткацкого станка и наковальни стремиться занять свое место рядом с плугом и бороной, таким образом, показана АДАМОМ СМИТОМ:

"Внутренняя страна, естественно плодородная и легко обрабатываемая, производит большой избыток продовольствия сверх того, что необходимо для содержания земледельцев; и из-за расходов на наземный транспорт и неудобств речного судоходства часто бывает трудно отправить этот избыток за границу. Следовательно, изобилие удешевляет провизию и побуждает большое количество рабочих селиться по соседству, которые обнаруживают, что их трудолюбие может обеспечить им там больше предметов первой необходимости и жизненных удобств, чем в других местах. Они перерабатывают производственные материалы, которые производит земля, и обменивают свою законченную работу, или, что то же самое, цену на нее, на большее количество материалов и провизии. *Они придают новую ценность избыточной части сырых продуктов, экономя расходы на доставку их к морю или на какой-нибудь отдаленный рынок;* и они предоставляют земледельцам в обмен на это нечто полезное или приятное для них на более легких условиях, чем они могли бы получить это раньше. *Земледельцы получают более высокую цену за излишки своей продукции и могут дешевле приобретать другие удобства, в которых у них есть необходимость.* Таким образом, они поощряются и получают возможность увеличивать этот избыточный продукт путем дальнейшего улучшения и лучшей обработки земли; и *поскольку плодородие земли породило мануфактуру, прогресс мануфактуры воздействует на землю и еще больше увеличивает ее плодородие.* Производители сначала поставляют продукцию по соседству, а затем, по мере совершенствования своей работы, на более отдаленные рынки. *Ибо, хотя ни сырой продукт, ни даже грубое производство не могли бы без величайшего труда покрыть расходы на значительные перевозки по суше, утонченное и усовершенствованное производство легко может это сделать.* В небольшом количестве он часто содержит цену большого количества сырого продукта. Например, кусок тонкого сукна, который весит всего восемьдесят фунтов, содержит в себе цену не только восьмидесяти фунтов шерсти, но иногда и нескольких тысяч фунтов зерна, на содержание различных работников и их непосредственных нанимателей. *Зерно, которое с трудом могло быть вывезено за границу в собственном виде,*

таким образом фактически экспортируется в готовом виде и может быть легко отправлено в самые отдаленные уголки мира."

Ещераз:

"Чем больше число жителей города и их доходы, тем обширнее рынок, который он предоставляет жителям деревни; и чем обширнее этот рынок, тем он всегда выгоднее для большого числа. Кукуруза, которая растет в радиусе мили от города, продается там по той же цене, что и та, что поступает с расстояния в двадцать миль. Но цена последнего, как правило, должна не только покрывать расходы по его выращиванию и доставке на рынок, но и обеспечивать фермеру обычную прибыль от ведения сельского хозяйства. Следовательно, собственники иземледельцы сельской местности, расположенной по соседству с городом, сверх обычной прибыли от земледелия получают в цене того, что они продают, всю стоимость перевозки аналогичных продуктов, доставляемых из более отдаленных частей; и они сохраняют, кроме того, всю стоимость этой перевозки в цене того, что они покупают. Сравните обработку земель по соседству с любым значительным городом с обработкой земель, расположенных на некотором расстоянии от него, и вы легко убедитесь, какую пользу приносит стране городская торговля".

Эти взгляды полностью соответствуют фактам. Рабочий радуется, когда рынок его труда появляется у его дверей в результате возведения мельницы, печи или строительства дороги. Фермер радуется, когда у его дверей открывается рынок рабочей силы, дающий ему рынок для его продуктов питания. Его земля радуется домашнему потреблению произведенных на ней продуктов, поскольку ее владелец таким образом получает возможность возвращать ей отходы своего производства в виде навоза. Плантадор радуется строительству мельницы по соседству, которая дает ему рынок сбыта для его хлопка и продуктов питания. Родитель радуется, когда рынок их труда позволяет его сыновьям и дочерям самим обеспечивать себя едой и одеждой. Все радуются росту внутреннего рынка труда и его продуктов, поскольку торговля тогда увеличивается ежедневно и быстро; и все скорбят об уменьшении внутреннего рынка, поскольку его дефицит не может быть восполнен.

С каждым шагом в этом направлении человек становится все более и более свободным по мере того, как земля становится более ценной, а труд - более производительным, и по мере того, как земля становится все более разделенной. Влияние этого как на человека, так и на землю доктор Смит демонстрирует следующим образом:

"Мелкий собственник, который знает каждую частичку своей маленькой территории, относится к ней со всей любовью, которую естественно вызывает собственность, особенно небольшая, и который по этой причине получает удовольствие не только от возделывания, но и от украшения ее, как правило, является самым трудолюбивым, самым умным и самым успешным из всех улучшителей".

Тенденция к разделению земли по мере увеличения богатства и численности населения станет очевидной для читателя при изучении фактов, ежедневно происходящих в растущем городе и вблизи него; и противоположную тенденцию к консолидации земли в немногих руках можно увидеть по соседству со всеми приходящими в упадок городами и во всех приходящих в упадок штатах.[25]

ГЛАВА VII.

КАК ТРУД ПРИОБРЕТАЕТ ЦЕННОСТЬ И ЧЕЛОВЕК СТАНОВИТСЯ СВОБОДНЫМ.

Близость рынка позволяет фермеру не только обогащать свою землю и получать с нее гораздо больше, чем он мог бы сделать в противном случае, но и создает спрос на многие вещи, которые в противном случае были бы потрачены впустую. На Западе люди не придают значения соломе, и почти в каждой части этой страны расточительство, возникающее из-за отсутствия рынка сбыта для каких-либо товаров, кроме тех, которые можно перевезти на расстояние, должно поражать каждого путешественника. Рядом с городом почти каждая вещь имеет какую-то ценность. То же самое и с трудом, стоимость которого, как и стоимость земли, имеет тенденцию возрастать с каждым увеличением легкости обмена его продуктов.

Поселенец-одиночка должен занимать участки, которые он *может* возделывать с помощью своей грубой техники. Не имея ни лошади, ни повозки, он несет домой свой урожай на плечах, как сейчас делают во многих частях Индии. Он несет шкуру к месту обмена, удаленному, возможно, на пятьдесят миль, чтобы получить за нее кожу или обувь. Население увеличивается, и строятся дороги. Плодородные почвы возделываются. Магазин и мельница приближаются к нему, и он получает обувь и муку, используя меньше механизмов обмена. У него появляется больше свободного времени для улучшения своей земли, и отдача от труда увеличивается. Теперь все больше людей добывают пищу с той же поверхности, и появляются новые места обмена. Шерсть на месте перерабатывается в ткань, и он обменивается непосредственно с мастером по пошиву одежды. Лесопилка под рукой, и он обменивается с пильщиком. Кожевник дает ему кожу на шкуры, а бумагоделатель - бумагу на тряпки. С каждой из этих перемен у него появляется все больше и больше времени и навоза, которые он может посвятить приготовлению огромной машины для производства продуктов питания, и с каждым годом отдача становится все больше. Его *власть распоряжаться* использованием механизма обмена возрастает, но его *необходимость* в этом уменьшается, поскольку с каждым разом возрастает тенденция к тому, чтобы потребитель располагался бок о бок с производителем, и с каждым разом он может посвящать все больше и больше своего времени и ума делу создания огромной машины, которой он обязан продуктами питания и одеждой; и, таким образом, увеличение потребляющего населения необходимо для прогресса производства.

Таким образом, диверсификация занятий, возникающая в результате сочетания действий, позволяет мужчинам экономить труд и увеличивать производство. Рост производства, с другой стороны, создает спрос на рабочую силу. Чем больше выращено пшеницы и чем больше изготовлено тканей, тем больше можно будет отдать в обмен на труд, тем больше будет людей, ищущих работников, и тем больше будет возможностей людей самим определять, каким образом они будут использовать свое время или свои таланты. Следовательно, если мы желаем видеть, как люди продвигаются к свободе, мы должны стремиться увеличить производительную силу; и она, как мы видим, растет с ростом способности улучшать землю, в то время как она уменьшается с каждым уменьшением способности возвращать земле удобрения, производимые ее продуктами. В чисто сельскохозяйственных странах спрос на рабочую силу невелик, и он всегда имеет тенденцию к уменьшению, в чем может убедиться любой читатель этой книги, которому посчастливится жить в чисто сельскохозяйственном районе. Пусть он оглянется вокруг, и он без труда обнаружит сотни мужчин, сотни женщин и детей, тратящих впустую больше времени, чем было бы потрачено при правильном использовании на покупку

вдвое большего количества одежды и вдвое большего количества производственных машин, которые они сейчас могут приобрести. Однако почему, вероятно, спросит он, они так растрачивают его впустую? Потому что на него нет спроса, кроме как в сельском хозяйстве; а когда это так, неизбежно возникает огромная трата времени. В одно время года на ферме требуется много труда, в то время как в другое - мало; и если все ее соседи - фермеры, то все они находятся в одинаковом положении. Если погода благоприятствует пахоте, все они, их лошади и люди заняты. Если нет, все они бездельничают. Зимой им всем почти нечего делать; во время сбора урожая все они завалены работой, и урожай часто гибнет на земле из-за отсутствия помощи, необходимой для его выращивания. Теперь, казалось бы, совершенно ясно, что если бы существовал какой-то другой способ занятости, который находил бы спрос на избыточную рабочую силу по соседству, то выиграли бы все. Человек, у которого был дневной труд на продажу, мог продать его и на доходы от труда в течение нескольких дней, теперь потраченных впустую, мог купить одежду для своих детей, если, конечно, труд этих детей, теперь также потраченный впустую, не окупал всей одежды не только их самих, но и его жены и его самого.

Чтобы читатель мог ясно увидеть, как такое положение вещей влияет на всех работников, даже на тех, кто работает по найму, мы должны теперь попросить его изучить вместе с нами, каким образом на цены всех товаров влияет превышение предложения над спросом или спроса надпредложением. Каждому фермеру хорошо известно, что, когда урожай персиков или картофеля *даже в очень малой степени* превышает обычный спрос, наличие этого небольшого излишка настолько снижает цену, что большой урожай не принесет столько прибыли, сколько принес бы гораздо меньший. Им также известно, что когда урожай немного меньше, чем требуется для удовлетворения спроса, рост цен велик, и фермер становится богатым. В этом последнем случае покупатели ищут продавцов, тогда как в первом продавцы должны искать покупателей. Итак, рабочая сила - это товар, который одни желают продать, а другие - купить, точно так же, как в случае с картофелем; но у нее есть тот недостаток по сравнению с любым другим товаром, что ее труднее перенести из места, где она существует, туда, где она необходима, и что потери, возникающие в результате *отсутствия спроса на месте*, больше, чем в отношении *любого другого товара вообще*. Человек, выращивающий сто бушелей персиков, из которых дома требуется всего семьдесят, может отправить остаток на расстояние в сто или тысячу миль, и понесенные им убытки являются лишь результатом того факта, что цена всего продукта определяется тем, что он может получить за излишки бушелей, поскольку они обременены большими транспортными расходами, которые он должен потерять; ибо человек, который *должен* отправиться на отдаленный рынок, всегда должен оплачивать расходы по доставке туда. Это, конечно, тяжелая потеря, но она ничтожна по сравнению с той, которую несет тот, у кого есть рабочая сила на продажу, потому что *это*, как и другие очень скоропортящиеся товары, не может быть перенесено на другой рынок и *должно быть выброшено*. Если у него есть два свободных часа в день для продажи, он обнаруживает, что они растрачиваются впустую в самом процессе поиска отдаленного рынка сбыта, а его дети могут ходить в лохмотьях или даже страдать от голода из-за его неспособности найти покупателя на единственный товар, который он может продать. То же самое происходит и с человеком, у которого есть дни, недели или месяцы труда, на который он желает найти покупателя. Не желая оставлять свою жену и детей, уезжать на расстояние, он остается постоянным грузом на рынке труда и должен оставаться таковым до тех пор, пока не возникнет усиленная конкуренция за покупку рабочей силы. Каждому, кто это читает, известно, будь то сапожник, шляпный мастер, портной, печатник, кирпичник, каменотес или чернорабочий, что очень немногие безработные

в своем собственном деле снижают заработную плату всех сапожников, всех шляпных дел мастеров, всех портных или печатников; в то время как заработная плата повышается, когда есть спрос на несколько больше, чем есть под рукой. Причину этого следует искать в трудности перемещения рабочей силы с места, где она существует, туда, где она необходима; и именно этому мы должны приписать тот факт, что тенденция к снижению заработной платы за весь труд так велика, когда имеется даже очень небольшой избыток предложения, и тенденция к повышению так велика, когда имеется даже очень небольшой избыток спроса. Люди в Ирландии голодают из-за отсутствия работы, и все же расстояние между ними и людьми, которые здесь зарабатывают доллар в день, можно преодолеть за счет пятнадцати-двадцати долларов. Заработная плата может быть высокой в одной части Союза и низкой в другой, и все же тысячи людей вынуждены оставаться на низкой из-за трудностей с транспортировкой себя, своих жен и своих семей к местам, где требуются их услуги. Каждый такой человек стремится снизить заработную плату *у всех других людей, у которых есть труд на продажу*, и поэтому каждый человек заинтересован в том, чтобы все остальные люди были полностью заняты и чтобы спрос рос быстрее предложения. Это наилучшее положение вещей для всех, капиталистов и рабочих; тогда как иметь предложение, превышающее спрос, вредно для всех, работодателей и занятых. Все извлекают выгоду из усиления конкуренции за покупку рабочей силы, и все страдают от усиления конкуренции за ее продажу.

Некоторое время назад нам довелось посетить фабрику, на которой были заняты двести женщин разного возраста, от четырнадцати до двадцати, которые зарабатывали в среднем три доллара в неделю, производя в общей сложности шестьсот долларов в неделю, или тридцать тысяч долларов в год; или столько, сколько хватило бы на покупку пятисот тысяч ярдов хлопчатобумажной ткани. Теперь предположим, что эти двести женщин представляют сто семей, из чего следует, что их труд произвел пять тысяч ярдов ткани на семью, что, вероятно, в три раза превышает общее потребление одежды всеми ее членами, от родителя до младенца.

Давайте теперь предположим, что эта фабрика закрыта; какова тогда была бы ценность труда этих девушек, у немногих из которых есть силы для полевых работ, даже если бы наш образ мыслей позволял использовать их именно так? Это было бы почти ничего, потому что они мало что могли бы делать, кроме работы по дому, и единственным результатом их отправки домой было бы то, что, в то время как один человек, полностью занятый, теперь выполняет работу по дому, отныне она была бы разделена между двумя или тремя, и все они постепенно утратили бы приобретенную привычку к трудолюбию. Прямым следствием этого было бы снижение спроса на женский труд и уменьшение вознаграждения за него. Пока фабрика продолжает работать, существует конкуренция за покупку такой рабочей силы. Родитель желает оставить по крайней мере одного ребенка. Сосед желает нанять другого, и фабрика также желает иметь такого. Для удовлетворения этих потребностей требуются все женщины по соседству, способные работать и не обеспеченные собственными семьями, и, таким образом, те, кто готов работать, имеют возможность выбора работодателей и места работы; в то время как конкуренция за покупку их услуг имеет тенденцию повышать уровень заработной платы. Если бы теперь, при существующем положении вещей, в том же районе была открыта другая фабрика, требующая еще ста или ста пятидесяти женщин, результатом было бы усиление конкуренции за покупку рабочей силы, сопровождаемое увеличением свободы выбора со стороны рабочего и повышением вознаграждения за труд — и именно в этом увеличении свободы выбора и состоит свобода. Если бы, напротив, фабрики были закрыты, был бы произведен обратный эффект, конкуренция за покупку рабочей силы уменьшилась бы с соответствующим уменьшением

возможности выбора со стороны рабочего, уменьшением его вознаграждения и ограничением свободы.

То, что верно по отношению к женщинам этого района, в равной степени верно и по отношению к мужчинам, женщинам и детям всего мира. Везде, где существует конкуренция за покупку рабочей силы, там у рабочего есть свой выбор среди работодателей, и последние не только обязаны платить более высокую заработную плату, но они также обязаны относиться к своим рабочим и работницам с уважением, которое подобает равным с ними собратьям по правам: но везде, где нет конкуренции за покупку рабочей силы, рабочий вынужден работать на любого, кто готов нанять его, и получать от своего работодателя низкую заработную плату и обращение с рабом, поскольку он раб. Вот простое утверждение, доказательство которого каждый читатель может проверить на себе. Если он живет в районе, в котором существует конкуренция за покупку рабочей силы, он знает, что может действовать так, как подобает свободному человеку, при определении того, на кого он будет работать, и цены, которую он готов получать за свои услуги; но если он живет в районе, в котором существует конкуренция за продажу рабочей силы, он хорошо знает, что не ему решать, где он будет работать или какова будет его заработная плата.

Там, где все являются фермерами, не может быть конкуренции за покупку рабочей силы, за исключением нескольких дней сбора урожая; но конкуренция за продажу рабочей силы должна быть в течение всего остального года. Конечно, там, где все являются фермерами или плантаторами, человек, у которого есть труд на продажу, находится во власти немногих, желающих его купить, как это видно в наших Южных Штатах, где рабочий является рабом; и в Ирландии, где его положение намного хуже, чем у рабов Юга; и в Индии, где люди продают себя на долгие годы для работы в Вест-Индии; и в Португалии, где конкуренции за покупку рабочей силы не существует. Там, напротив, где происходит диверсификация занятий, наблюдается неуклонное улучшение положения людей, поскольку они все больше и больше приобретают способность самостоятельно определять, на кого они будут работать и какова будет их награда, как видно из быстрого улучшения положения населения Франции, Бельгии и Германии, и особенно населения России, где конкуренция за покупку рабочей силы возрастает с поразительной быстротой. Диверсификация занятости абсолютно необходима для создания конкуренции за покупку рабочей силы. Сапожнику не нужно покупать обувь, шахтеру не нужно покупать уголь, так же как фермеру не нужно покупать пшеницу или картофель. Сведите их вместе и соедините с ними шляпника, кожевенника, прядильщика хлопка, производителя шерстяных тканей, а также плавильщика и прокатчика железа, и каждый из них станет конкурентом за покупку труда или продуктов труда всех остальных, и заработная плата всех повышается с усилением конкуренции.

Для того чтобы труд мог быть производительным, ему должны помогать машины. Фермер мало что может сделать своими руками, но с помощью плуга и бороны он может вырастить много пшеницы и кукурузы. Он мало что мог бы унести на своих плечах, но он может многое перевезти, если ему помогают лошадь и повозка, и еще больше, если ему помогают локомотив или корабль. Он мог бы превратить небольшое количество зерна в муку, если бы у него были только пестик и ступка, но он может многое сделать, если у него есть мельница. Его жена могла перерабатывать небольшое количество хлопка в ткань, имея только прялку и ручной ткацкий станок, но ее труд становится очень продуктивным, когда ей помогают прялка и механический ткацкий станок. Чем больше ее труду и труду ее мужа будет оказана такая помощь, тем больше

будет произведено количество зерна, тем быстрее оно будет превращено в муку, тем легче оно будет доставлено на рынок, тем больше будет количество ткани, на которую оно будет обменено, тем большее количество продуктов питания и одежды будет разделено между рабочими, и тем больше будет возможностей со стороны рабочего приобрести собственное оборудование и стать своим собственным работодателем и, таким образом, увеличить ту диверсификацию в использовании рабочей силы, которая ведет к усилению конкуренции за ее товар. покупка.

Далее, мы думаем, читателю будет совершенно ясно, что *чем ближе* мукомольная фабрика находится к ферме, тем меньше труда потребуется для превращения пшеницы в муку, тем больше труда можно будет направить на улучшение фермы и тем больше будет возможностей фермера приобретать обувь, шляпы, пальто, плуги или бороны и, таким образом, создавать спрос на рабочую силу. Столь же ясно будет, что *чем ближе* он сможет приблизить шляпника, сапожника и портного, изготовителя плугов и борон, тем меньше будут потери труда при обмене его пшеницы на их товары и тем больше будет его возможностей покупать книги и газеты, давать образование своим детям и, таким образом, вносить новые изменения в спрос на рабочую силу; и каждое такое новое изменение в спросе на этот товар ведет к повышению заработной платы тех, кто занят всеми другими занятиями. Если там нет никого, кроме фермеров, то все ищут работу на ферме. Откройте столярную или кузнечную мастерскую, и занятые в ней люди перестанут быть конкурентами за сельскохозяйственный труд, а заработная плата будет иметь тенденцию к росту. Откройте шахту или каменоломню и постройте мельницу, и возникнет новая конкуренция за рабочую силу, которая, как правило, приведет к повышению заработной платы всех работников. Постройте дюжину мельниц, и потребуются мужчины, чтобы добывать древесину и камень, а также изготавливать веретена, ткацкие станки и паровые машины; а когда фабрики будут достроены, спрос на рабочую силу отзовет сотни мужчин, которые в противном случае были бы конкурентами за работу на вспашке полей, пошиве обуви или пальто, и сотни женщин, которые в противном случае стремились бы заняться подшивкой обуви или пошивом рубашек. Таким образом, конкуренция за покупку рабочей силы растет с каждым увеличением диверсификации занятости при постоянной тенденции к увеличению вознаграждения за труд. Она снижается с каждым сокращением способов применения рабочей силы при устойчивой тенденции к снижению заработной платы.

Если читатель теперь проследит путь человека к свободе у различных народов мира, он увидит, что его прогресс соответствовал росту городов, в которых он и его соседи могли обмениваться продуктами своего труда, и что он снижался по мере того, как ближние города уступали место отдаленным. Жителям Аттики не нужно было выезжать за границу, чтобы осуществлять свой обмен, и поэтому они стали богатыми и свободными; в то время как спартанцы, которые не терпели ничего, кроме сельского хозяйства, оставались бедными и окруженными толпами рабов. Большие и невеликие города Италии придавали ценность земле, которой они были окружены, и свободу людям, которые обрабатывали эту землю. Так было в Голландии, и в Бельгии, и то же самое в Англии. В каждом из этих регионов стоимость земли возрастала с каждым увеличением возможности обмена ее продуктов на одежду и машины, и с каждым шагом в этом направлении людям становилось легче поддерживать и увеличивать мощь земли и позволять большему количеству людей получать увеличенные запасы с тех же поверхностей. Ассоциация, таким образом, увеличивала способность накапливать богатство, и богатство, таким образом, уменьшало свою власть над трудом, в то время как с увеличением численности людей повсюду возрастала их способность отстаивать свои права. Поразмыслив над фактами,

представленными ему на страницах истории, и убедившись, что они полностью соответствуют изложенным здесь взглядам, читатель, возможно, окажется склонным признать правильность следующих положений:

I. Чем ближе рынок, тем меньше должны быть затраты фермера на транспортировку своей продукции на рынок и навоз обратно для содержания и улучшения своей земли.

II. Чем ближе рынок, тем меньше должны быть потери рабочей силы при походе на рынок и тем больше средств можно направить на улучшение земли.

III. Чем больше труда и удобрений можно будет вложить в обработку земли, тем крупнее будет продукт и выше его стоимость.

IV. Что чем большее количество произведенных товаров, тем больше будет спрос на труд, который будет затрачен на преобразование их в формы, пригодные для потребления, и тем большее количество будет разделено между рабочими.

V. Чем сильнее конкуренция за покупку рабочей силы, тем сильнее должна быть тенденция к свободе рабочего.

VI. Что свобода человека в мыслях, слове, действиях и торговле, таким образом, имеет тенденцию идти в ногу с ростом привычки к объединению среди людей и увеличением стоимости земли;—и

VII. Что интересы рабочего и землевладельца, таким образом, находятся в совершенной гармонии друг с другом, и один становится свободным по мере того, как другой становится богатым.

Столь же правильными будут признаны следующие утверждения:—

I. Чем дальше рынок, тем больше должны быть затраты фермера на транспортировку его продукции на рынок, тем больше должны быть трудности с получением навоза и тем больше должна оскудевать его земля.

II. Что чем дальше рынок сбыта, тем больше должны быть потери рабочей силы в дороге и тем меньше средств можно направить на улучшение земли.

III. Что чем меньше труда и удобрений вносится в землю, тем меньше должен быть продукт и тем меньше его стоимость.

IV. Что чем дольше продолжается этот процесс, тем беднее должна становиться земля, пока, наконец, она не перестанет иметь ценность и должна быть заброшена.

V. Что чем меньше количество произведенных товаров, тем меньше должен быть спрос на труд, затраченный на их переработку, и тем меньшее количество должно быть разделено между рабочими.

VI. Чем меньше конкуренция за покупку рабочей силы, тем меньшей должна быть власть рабочего определять, на кого он будет работать или какова должна быть его награда, и тем больше тенденция к его порабощению.

VII. Что тенденция к рабству, таким образом, имеет тенденцию идти в ногу с упадком привычки к объединению людей и потерей ценности земли; — и

VIII. Таким образом, рабочий и землевладелец страдают вместе, один становится порабощенным, а другой - разоренным.

Если желательны доказательства правильности этих утверждений, их можно найти в истории Египта, Греции, Рима, Мексики и любой другой страны, богатство и население которой сократились.

ГЛАВА VIII.

КАК ЧЕЛОВЕК ПЕРЕХОДИТ ОТ БОГАТСТВА И СВОБОДЫ К БЕДНОСТИ И РАБСТВУ.

Изложенные таким образом взгляды полностью соответствуют взглядам знаменитого автора книги "Богатство народов". "При поиске работы в столице, - говорит доктор Смит, -

"Мануфактурная промышленность при равной или почти равной прибыли естественно предпочтительнее внешней торговли по той же причине, по которой сельское хозяйство естественно предпочтительнее мануфактурной промышленности. Как капитал землевладельца или фермера более надежен, чем капитал фабриканта, так и капитал фабриканта, находясь в постоянном поле его зрения и в его распоряжении, более надежен, чем капитал иностранного купца. Действительно, в каждый период существования каждого общества избыточная часть как сырых, так и промышленных продуктов, или то, на что нет спроса внутри страны, должна быть отправлена за границу, чтобы быть обмененной на что-то, на что есть некоторый спрос внутри страны. Но не имеет большого значения, является ли капитал, который вывозит этот излишек продукции за границу, иностранным или внутренним".

Таким образом, по его оценке, не имеет большого значения, является ли капитал, задействованный в транспортных работах, иностранным или внутренним — операциями, наиболее важными для комфорта и совершенствования человека, являются, во-первых, производство, а затем переработка продуктов земли людьми, населяющими города, расположенные среди производителей. Чем ближе рынок, тем меньше должны быть, как он ясно видел, транспортные потери и тем выше стоимость земли. Если бы количество или капитал этих рынков были недостаточны для переработки всего необработанного продукта земли, тогда можно было бы извлечь "значительную выгоду" из экспорта излишков с помощью иностранного капитала, что позволило бы использовать "весь запас общества" дома "для более полезных целей". Эти взгляды, безусловно, сильно отличаются от взглядов современных экономистов, которые видят в таблицах импорта и экспорта единственный критерий состояния общества. Торговля, под которой подразумеваются обмены с отдаленными народами, рассматривается как единственный показатель процветания нации; и все же каждый человек радуется, когда рынок сбыта его продукции возвращается к нему домой, и он, таким образом, получает возможность экономить на транспорте и обогащать свою землю, возвращая ей элементы, из которых состояли эти продукты.

"Согласно естественному ходу вещей, - говорит д-р Смит, - большая часть капитала каждого растущего общества направляется сначала в сельское хозяйство, затем в мануфактуры и, в последнюю очередь, во внешнюю торговлю".

Это, говорит он, согласуется с законами природы. Как средства к существованию предшествуют предметам роскоши, так и производство товаров должно предшествовать их обращению или обмену.

"Необходимость навязывает, - продолжает он, - тот порядок вещей", который "в каждой стране поддерживается естественными склонностями человека. Если бы человеческие институты никогда не препятствовали этим естественным наклонностям, города нигде не смогли бы вырасти сверх того, что могло обеспечить улучшение и возделывание территории, на которой они были расположены; по крайней мере, до тех пор, пока вся эта территория не была полностью возделана и улучшена. При равной или почти равной прибыли большинство людей предпочтут употребить свои капиталы скорее на улучшение и обработку земли, чем на производство или внешнюю торговлю. Человек, вкладывающий свой капитал в землю, имеет ее в большей степени в поле своего зрения и распоряжения; и его состояние гораздо менее подвержено случайностям, чем состояние торговца, который часто вынужден отдавать его не только ветрам и волнам, но и более неопределенным элементам человеческой глупости и несправедливости, предоставляя большие кредиты в отдаленных странах людям, с характером и положением которых он редко может быть полностью знаком. Напротив, капитал землевладельца, вложенный в улучшение его земли, по-видимому, обеспечен настолько хорошо, насколько это позволяет природа человеческих дел. Красота местности, помимо удовольствий сельской жизни, спокойствие духа, которое она обещает, и независимость, которую она действительно дает, там, где несправедливость человеческих законов не нарушает ее, обладают очарованием, которое в большей или меньшей степени привлекает каждого; и поскольку возделывание земли было изначальным предназначением человека, то на каждом этапе своего существования он, по-видимому, сохраняет склонность к этому примитивному занятию.

"Действительно, без помощи некоторых ремесленников обработка земли не может продолжаться, но с большими неудобствами и постоянными перерывами. Кузнецы, плотники, колесники и пахари, каменщики, кожевенники, сапожники и портные - это люди, к услугам которых фермер часто прибегает. Такие ремесленники тоже время от времени нуждаются в помощи друг друга; и поскольку их местожительство, в отличие от местожительства фермера, не обязательно привязано к определенному месту, они, естественно, селятся по соседству друг с другом и таким образом образуют небольшой городок или деревню. Мясник, пивовар и пекарь вскоре присоединяются к ним вместе со многими другими ремесленниками и розничными торговцами, необходимыми или полезными для удовлетворения их случайных потребностей и вносящими еще больший вклад в увеличение города. Жители города и жители деревни являются взаимными слугами друг друга. Город - это постоянная ярмарка или рынок, на который жители страны прибегают, чтобы обменять свое сырье на промышленные продукты. Именно эта торговля снабжает жителей города как материалами для их работы, так и средствами к существованию. Количество готовой работы, которую они продают жителям страны, обязательно регулирует количество материалов и провизии, которые они покупают. Следовательно, ни их занятость, ни средства к существованию не могут увеличиваться иначе, как пропорционально увеличению спроса со стороны страны на готовую работу; а этот спрос может увеличиваться только пропорционально расширению улучшений и культивации. Следовательно, если бы человеческие институты никогда не нарушали естественный ход вещей, прогрессивное обогащение и рост городов были бы в каждом политическом обществе последовательными и пропорциональными благоустройству территории или страны".

Спрос на ремесленника "может увеличиваться только пропорционально расширению совершенствования и культивации". Нет ничего более верного. Интересы фермера и механика находятся в совершенной гармонии друг с другом. Человеку нужен рынок сбыта своей продукции, и чем ближе рынок, тем больше должно быть продукции с его земли, из-за его возросшей способности доставлять на нее навоз. Другому нужен рынок для его труда, и чем богаче земля вокруг него, тем большее количество продуктов будет предлагаться в обмен на труд и тем больше его свобода определять для себя, на кого он будет работать и какова будет его заработная плата. Таким образом, сочетание усилий рабочего в мастерской и рабочего на ферме придает ценность земле, и чем быстрее росла стоимость земли, тем сильнее повсюду проявлялась тенденция к свободе человека.

Эти взгляды противоречили тем, которые тогда были повсеместно распространены. "Сокровище Англии во внешней торговле" стало

"Фундаментальная максима политической экономии не только Англии, но и всех других торговых стран. Внутренняя торговля, наиболее важная из всех, торговля, в которой равный капитал приносит наибольший доход и создает наибольшую занятость для населения страны, рассматривалась как вспомогательная только по отношению к внешней торговле. Говорили, что это не приносило денег в страну и ничего не выносило из нее. Следовательно, страна никогда не могла бы стать богаче или беднее с его помощью, за исключением тех случаев, когда ее процветание или упадок могли бы косвенно влиять на состояние внешней торговли".

Именно против этой ошибки главным образом предостерегал своих соотечественников доктор Смит. Он показал, что это привело и продолжает приводить к мерам, имеющим тенденцию нарушать естественный ход вещей во всех странах, связанных с Англией, и вызывать среди них потребность в торговле, одновременно уменьшая возможности для поддержания торговли. "Все, что стремится, - говорит он, - к уменьшению в какой-либо стране числа ремесленников и фабрикантов, имеет тенденцию уменьшать внутренний рынок, самый важный из всех рынков для первичных продуктов земли, и тем самым еще больше препятствовать развитию сельского хозяйства", а следовательно, и способность производить товары, которыми можно торговать. Он нигде не ссылается на тот факт, что любая система, направленная на принуждение нации экспортировать сырые продукты, неизбежно ведет к обнищанию земли и ее владельца, а также к ограничению свободы рабочего, и все же то, что так оно и было, вряд ли могло ускользнуть от его наблюдения. Тенденция существовавшей в то время английской политики состояла, как он показал, в том, чтобы вызвать в различных странах необходимость экспортировать все в самой примитивной форме, тем самым увеличивая транспортные расходы, одновременно обнищая землю и изматывая людей. Законодательную власть, по его словам, "убедили" воспрепятствовать созданию мануфактур в колониях, "иногда с помощью высоких пошлин, а иногда и абсолютных запретов". В Гренаде, в то время колонии Франции, каждая плантация имела свой собственный сахарный завод, но после ее передачи Англии все они были заброшены, и таким образом число ремесленников сократилось, что "привело к упадку сельского хозяйства". Таким образом, описывается ход действий относительно этих колоний:—

"В то время как Великобритания поощряет в Америке производство чушки и сортового железа, освобождая их от пошлин, которыми облагаются подобные товары при импорте из любой другой страны, она налагает абсолютный запрет на возведение сталеплавильных печей и

щелевых мельниц на любой из своих американских плантаций: она не позволит своим колониям работать на этих более совершенных производствах даже для собственного потребления; но настаивает на том, чтобы они покупали у ее торговцев и производили все товары такого рода, в которых у них есть необходимость.

"Она запрещает вывоз из одной провинции в другую водным путем и даже перевозку по суше верхом или в телеге шляп, шерсти и шерстяных изделий, произведенных в Америке; постановление, которое эффективно предотвращает создание какого-либо производства таких товаров для продажи на расстоянии и, таким образом, ограничивает промышленность ее колонистов такими грубыми и домашними изделиями, которые частная семья обычно производит для собственного использования или для некоторых своих соседей в той же провинции".

Его взгляды в отношении таких мер излагаются следующим образом:—

"Запрещать великому народу производить все, что он может, из каждой части своего собственного продукта или использовать свой скот и промышленность таким образом, который он считает наиболее выгодным для себя, является явным нарушением самых священных прав человечества".

Далее, для осуществления этой цели, заключающейся в том, чтобы заставить население колоний воздерживаться от самостоятельного производства и перевозить свои продукты на отдаленные рынки из-за истощения земель и снижения стоимости труда, были выплачены премии за ввоз в Англию различных видов сырья, в то время как экспорт различного сырья, ремесленников и машин был запрещен. По его словам, вся цель системы заключалась в том, чтобы "создать колонии покупателей, проект, - добавил он, - пригодный только для нации владельцев магазинов". Действительно, он считал это "неподходящим даже для нации лавочников", хотя и "чрезвычайно подходящим для нации, правительство которой находилось под влиянием лавочников". Поэтому он был полностью против всех подобных договоренностей, таких как Метуэн-ский договор, по которому, принимая во внимание получение контроля над рынком Португалии для продажи ее продукции, Великобритания согласилась предоставить винам этой страны большое преимущество перед винами Франции.

Несмотря на все ошибки системы, доктор Смит, однако, напрасно возвысил свой предостерегающий голос. Считалось, что "сокровище Англии" можно найти "во внешней торговле", и все меры, принимаемые правительством, были направлены на расширение этой торговли. С каждым новым усовершенствованием оборудования появлялся новый закон, запрещающий его экспорт. Вводились в действие законы против экспорта ремесленников, а еще один запрещал эмиграцию угольщиков. Читатель легко увидит, что закон, запрещающий экспорт хлопчатобумажных или шерстяных машин, был в точности эквивалентен закону, обязывавшему всех производителей шерсти или хлопка искать отдаленный рынок Англии, если они хотели переработать свою продукцию в ткань. Изобретатели машин и ремесленники, которые хотели работать с ними, были, таким образом, лишены свободы действий, чтобы иностранцы могли стать рабами тех, кто управлял прялкой, ткацким станком и паровой машиной, в чьих руках желалось централизовать контроль над фермерами и плантаторами всего мира. Англия должна была стать "мастерской мира", хотя ее народ был предупрежден о

том, что система была не только неестественной, но и в высшей степени несправедливой, и даже скорее невежливой, чем несправедливой, потому что, стремясь вытеснить капитал и рабочую силу с большого и прибыльного внутреннего рынка, она в значительной степени способствовала "расхолаживанию сельского хозяйства" в колониях и странах, подчиненных этой системе, и препятствовала естественному увеличению меньшего и менее прибыльного отдаленного рынка, от которого она становилась все более зависимой.

Постепенно тенденция системы становилась очевидной. Льготы на импорт древесины, шерсти, льна и другого сырья имели тенденцию "препятствовать развитию сельского хозяйства" на родине, а льготы на экспорт мануфактурных изделий имели тенденцию привлекать к работе по переработке и обмену продуктов других стран труд и капитал, которые в противном случае были бы применены к производству на родине. Необходимым следствием этого было то, что трудность получения этого сырья, вместо того чтобы уменьшаться с ростом численности населения, имела тенденцию возрастать, и тогда, спустя четверть века со дня публикации *"Богатства наций"*, фундамент новой школы был заложен мистером Мальтусом, который учил, что все бедствия, существующие в мире, являются неизбежным следствием великого закона природы, который предусматривает, что количество продовольствия должно увеличиваться только в арифметической прогрессии, в то время как население может увеличиваться в геометрической прогрессии. Следующим выступил м-р Рикардо, который представил закон захвата земли, показывающий, и, как он предполагал, убедительно, что обработка всегда начиналась на богатых почвах, принося большую отдачу за труд, и что по мере увеличения населения люди были вынуждены прибегать к другим, каждый из которых последовательно был менее плодородным, чем предыдущий, — следствием чего было то, что труд с каждым днем становился менее производительным, способность добывать пищу уменьшалась, а способность требовать ренты увеличивалась, бедные с каждым днем становились беднее, слабее и более поработанными, по мере того как богатые становились богаче и могущественнее. Следующим выступил Милль-старший, который показал, что, согласно закону, выдвинутому м-ром Рикардо, отдача от капитала и труда, затрачиваемых на обработку земли, должна "постоянно уменьшаться", а годовой фонд, из которого делаются высказывания, постоянно уменьшаться. "Таким образом, трудность создания сбережений, - добавляет он, - постоянно возрастает, и в конце концов они должны полностью прекратиться". Поэтому он считал несомненным, что "заработная плата будет снижена настолько низко, что часть населения будет регулярно умирать от последствий нужды". При таком положении вещей мужчины продают себя, своих жен или детей просто за еду. Таким образом, мы видим, что современная британская теория прямо направлена на порабощение человека.

Таким образом, шаг за шагом, британские политэкономисты перешли от школы Адама Смита, в которой учили, что сельское хозяйство предшествовало мануфактурам и торговле, причем последние были полезны в той мере, в какой они помогали первым, — к новой школе, в которой учили и продолжают учить, что мануфактуры и торговля были великими и прибыльными занятиями человека, и что сельское хозяйство из-за "постоянно возрастающей бесплодности почвы" было наименее прибыльным из всех. Следовательно, мы видим, что Англия неуклонно продвигалась в том же направлении и посвящала всю свою энергию предотвращению создания в любой стране мира рынков, на которых необработанные продукты земли могли бы напрямую обмениваться с ремесленником на продукты его труда.

Какое-то время это процветало, но, наконец, глаза мира открылись на тот факт, что они и их земля беднели по мере того, как она обогащалась; и что результатом системы было то, что она стала *единственным покупателем* необработанных продуктов их труда и их земли и *единственным продавцом* промышленных товаров, которые должны были быть предоставлены в обмен на них, с правом устанавливать цены на то и другое; и, таким образом, она действительно действовала в качестве владычицы мира, имея право вводить налоги по своему усмотрению. Постепенно машины и ремесленники контрабандой вывозились за границу, производились новые машины, и другие страны все больше и больше обращали свое внимание на производство; и теперь стало необходимым предпринять новые усилия с целью закрепления за Англией монополии, которой она так долго пользовалась. Чтобы дать ей возможность сделать это, мы видим, что она, наконец, открывает свои порты для свободного ввоза кукурузы и множества других сырых продуктов земли, без уплаты каких бы то ни было пошлин, и таким образом предлагает различным нациям мира вознаграждение за дальнейшее истощение их земель. Предполагалось, что принятие этой меры побудило бы Пруссию, Австрию, Россию и Данию, а также всю Америку посвятить себя исключительно возделыванию земли, отказавшись от всех попыток создания более близких мест обмена; и, таким образом, весь мир за пределами Англии стал бы производителями сырья, которое доставлялось бы на этот единственный и отдаленный рынок, там потреблялось или перерабатывалось, а отходы от него оседали бы на земле Англии. То, что такова была цель этой меры, признавали все. Это было объявлено благом для земледельцев всего мира. Насколько это было рассчитано верно, читатель может судить, убедившись в истинности следующих положений:

- I. Что, если в мире должно существовать только одно место обмена или производства, все остальные люди мира должны ограничиться сельским хозяйством.
- II. Что это обязательно подразумевает отсутствие городов или местных мест обмена и необходимость обращения к месту обмена, расположенному далеко.
- III. Что удаленность места потребления от места производства исключает возможность возврата в землю какого-либо навоза, получаемого в результате ее производства.
- IV. Что это, в свою очередь, подразумевает истощение земли и обнищание ее владельца.
- V. Что обнищание земли делает необходимым переселение в новые и более отдаленные земли.
- VI. Что это делает необходимым большее количество транспорта, в то время как обнищание фермеров увеличивает трудности с прокладкой дорог.
- VII. Что увеличивающаяся удаленность рынка приводит к неуклонно возрастающей необходимости ограничивать работу по обработке земли производством тех товаров, которые могут быть получены на высокогорных и засушливых землях, и что количество продуктов, следовательно, имеет тенденцию уменьшаться с увеличением расстояния от рынка.
- VIII. Что с каждым шагом в процессе истощения земель люди вынуждены все больше отдаляться друг от друга, и что, следовательно, происходит неуклонное уменьшение возможностей ассоциаций для прокладки дорог или учреждения школ, и что маленькие города или близлежащие пункты обмена постепенно стремятся к обезлюдению и разорению.

IX. Чем больше людей отделяются друг от друга, тем меньше возможностей для приобретения машин и тем больше необходимость возделывать самые бедные почвы, даже если они окружены свинцовой, железной и медной рудой, углем, известью и всеми другими элементами, из которых состоят машины.

X. Что при снижении способности к общению дети растут необразованными, а мужчины и женщины становятся грубыми и варварскими.

XI. Что способность продуктивно применять труд имеет тенденцию неуклонно уменьшаться и что женщины, за неимением другой работы, вынуждены работать в поле и становиться рабынями своих отцов, мужей и братьев.

XII. Что способность накапливать капитал также имеет тенденцию к уменьшению — что земля день ото дня становится все более консолидированной — и что человек постепенно опускается до положения раба землевладельца или другого капиталиста.

XIII. Что при таком неуклонном переходе человека из состояния свободного человека в состояние раба у него становится все меньше товаров для продажи и, следовательно, он может купить меньше; и что, таким образом, единственным результатом политики, которая ведет к обеднению земли и ее владельца, является уничтожение покупателя, который при другой системе политики мог бы год от года становиться все более крупным покупателем.

Нельзя отрицать, что целью нынешней английской политики является превращение всех наций мира в чисто сельскохозяйственные сообщества; но поскольку можно усомниться в том, что результаты будут такими, как здесь описаны, предлагается теперь исследовать движение некоторых непроеизводственных сообществ мира с целью определить, соответствуют ли наблюдаемые факты тем, которые, рассуждая *априори*, мы должны ожидать. Однако, прежде чем приступить к этому исследованию, читателя просят ознакомиться со следующими выдержками из "Джи о торговле", в которых описывается бывшая колониальная система, а затем с выдержкой из недавнего послания лорда Грея, покойного министра по делам колоний, с целью убедиться, насколько цели, к достижению которых сейчас стремятся, полностью совпадают с целями, которых добивались государственные деятели прошлого столетия и которые были осуждены Адамом Смитом.

ДЖОШУА ДЖИ—1750.

Первое: "Производство в американских колониях должно быть пресечено, запрещено".

"Великобритания с ее зависимостями, несомненно, так же способна существовать сама по себе, как и любая нация в Европе. У нас предприимчивый народ, пригодный ко всем мирным или военным искусствам. У нас в изобилии есть провизия, причем самого лучшего сорта, и мы в состоянии собрать ее в количестве, достаточном для удвоения числа жителей. У нас есть самые лучшие материалы для одежды, и нам не нужно ничего ни для использования, ни для роскоши, кроме того, что у нас есть дома или что мы могли бы получить из наших колоний; так что мы могли бы наладить такие торговые отношения между собой или между нами и ними, которые позволили бы поддерживать обширное судоходство. Но мы всегда должны внимательно следить за нашими колониями, чтобы удержать их от создания каких-либо производств, которые ведутся в Великобритании; и любые такие попытки должны подавляться в самом начале, поскольку, если им дать вырасти до зрелости, их будет трудно подавить".

"Наши колонии находятся во многом в том же состоянии, в каком была Ирландия, когда они основали шерстяное производство, *и по мере увеличения их численности они сами перейдут к изготовлению одежды, если не будут приняты надлежащие меры для того, чтобы найти для них работу* в создании таких производств, которые позволят им получать от нас все необходимое".

Поэтому я считаю достойным заботы правительства приложить все возможные средства, чтобы поощрить их выращивание шелка, пеньки, льна, железа (*в Англии забивают только свиней*), поташа и т. Д., Вначале щедро наградив их и направив за государственный счет умелых и рассудительных людей помогать им и обучать их наиболее правильным методам управления, которые, по моему мнению, заложили бы основу для установления самой прибыльной торговли из всех, которые у нас есть. И учитывая выгодное положение наших колоний вдоль морского побережья, большое удобство судоходных рек во всех из них, дешевизну земли и легкость добывания провизии, огромное количество людей переправилось бы туда, чтобы поселиться на таких улучшениях. Теперь, когда люди были полны опасений, что колонии, если их поощрить выращивать необработанные материалы, будут создавать их сами, потребуется небольшое регулирование; и поскольку они будут сами обеспечивать себя необработанными материалами, *небольшое регулирование* устранил всю эту зависть. Они еще никогда не бросали и не ткали никакого шелка, о котором мы слышали, — следовательно, если бы был принят закон, запрещающий использование любых металлических мельниц для удвоения или дросселирования шелка с помощью какой бы то ни было машины, они бы отправили его *нам необработанным*. И как они будут иметь в своем распоряжении сырье, так и мы будем иметь в своем распоряжении их производство. Если поощрять выращивание конопли, льна и т. Д., То, несомненно, они вскоре начнут производить, если им не помешать. Следовательно, чтобы остановить развитие любого такого производства, предлагается, чтобы ни один *ткач* имел *свободы* устанавливать какие-либо ткацкие станки без предварительной регистрации в офисе, предназначенном для этой цели, а также имени и места жительства любого подмастерья, который будет на него работать. Но если какой-либо *конкретный житель* захочет иметь какое-либо полотно или шерсть собственного прядения, его не следует ограничивать в той же свободе, которой он пользуется сейчас, а именно в праве иметь ткача, который должен иметь *лицензию* губернатора, и выделять его для использования семьей, но не продавать какому-либо лицу частным образом или выставлять на какой-либо рынок или ярмарку под страхом конфискации ". "Чтобы все продольно-резальные станки и машины для волочения проволоки или ткачества чулок были *выведены из строя*". "Что всем неграм должно быть запрещено ткать льняное или шерстяное полотно, прясть или расчесывать шерсть, или работать на любом производстве железа, кроме изготовления из него свинца или бруска железа. Чтобы им также было запрещено производить *головные уборы, чулки или кожу любого вида*. Это ограничение не лишит плантаторов никакой свободы, которой они сейчас пользуются, — напротив, оно направит их промышленность на продвижение и выращивание этих необработанных материалов ".

Второе — "Преимущества для Великобритании от сохранения зависимости колоний от нее в отношении их основных поставок".

"Если мы изучим положение жителей наших плантаций и наше собственное, окажется, что *не одна четвертая часть их продукции используется для получения их собственной прибыли, поскольку из всего, что поступает сюда, они везут обратно только одежду и другое жилье*

для своих семей, и все это является товаром и производством этого королевства". "Все эти преимущества, которые мы получаем от плантаций, помимо закладных на поместья плантаторов и высоких процентов, которые они нам выплачивают, которые очень значительны, и, следовательно, следует проявлять большую осторожность при регулировании всех дел колонистов, чтобы плантаторы не испытывали слишком больших трудностей, а поощрялись к жизнерадостному продолжению". "Новая Англия и северные колонии не имеют достаточного количества товаров и изделий, чтобы отправить их нам в обмен на покупку необходимой одежды, и испытывают очень большие трудности; и, следовательно, у них продаются любые обычные товары, а когда они выходят у нас из моды, они становятся достаточно новомодными для них."

ЛОРД ГРЕЙ —1850.

"Если, как утверждали заявители, и как, по-видимому, имеет место в некоторых случаях, какая-либо из пошлин, включенных в тариф, была введена не с целью получения доходов, а с целью защиты интересов канадского производителя, правительство ее Величества явно придерживается мнения, что такой курс наносит ущерб как интересам метрополии, так и интересам колонии. Канада обладает естественными преимуществами в производстве товаров, которые всегда можно обменять на рынках этой страны на те промышленные товары, в которых она нуждается. Благодаря такому обмену она получит эти товары гораздо дешевле, чем могла бы произвести их для себя, и обеспечит выгодный рынок сбыта для сырых продуктов, которые она лучше всего способна вырастить. С другой стороны, закрывая свои рынки для британских мануфактур или делая их ввоз более дорогостоящим, она повышает их цену для потребителя, а путем введения протекционистских пошлин с целью поощрения неестественной торговли она дает неправильное направление капиталу, отвлекая его от более прибыльного применения и заставляя вкладывать его в производство товаров, которые могли бы быть импортированы по цене ниже, чем производство в колонии, и в то же время наносит удар по своей экспортной торговле, делая ее рынки менее привлекательными для британского покупателя". "Если торговец обнаружит, что, экспортируя свои товары в Канаду, они производят ему взамен большое количество кукурузы и, таким образом, приносят большую прибыль, чем при экспорте в любую другую страну, он, конечно, отдаст предпочтение Канаде. Но если из-за повышения импортных пошлин эти товары приносят меньшую прибыль, результатом будет либо то, что канадский фермер должен будет согласиться на пропорциональное снижение цен на свою продукцию, либо британский производитель должен будет обратиться к другому рынку. Следовательно, очевидно, что сама Канада заинтересована в тщательном пересмотре этого тарифа импортных пошлин не меньше, чем Великобритания".

Фразеология этих двух понятий различна, но цель одна и та же — сделать необходимым отправку всех необработанных продуктов земли на отдаленный рынок и, таким образом, лишить фермера или плантатора возможности вернуть любую часть ссуды, предоставленной ему землей, которую она всегда готова возобновить, при простом условии, что, когда заемщик воспользуется ею, он вернет кредитору элементы, из которых она состояла.

ГЛАВА IX.

КАК ВОЗНИКЛО РАБСТВО И КАК ОНО СЕЙЧАС ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ В ВЕСТ-ИНДИИ.

Система, описанная в предыдущей главе, была полностью внедрена в вест-индских колониях. Промышленные предприятия были настолько полностью запрещены со дня их перехода под власть короны Великобритании, что колонистам не разрешалось даже перерабатывать свой собственный сахар, а тем более перерабатывать свой хлопок в ткани. Необходимым следствием этого было то, что женщины и дети не могли иметь никакой работы, кроме как в полевых условиях. Это, конечно, приводило к тому, что мать и ребенок опускались гораздо ниже по шкале цивилизации, чем это было бы, если бы более легкий труд по преобразованию был связан с более тяжелым трудом по производству. Следующий эффект заключался в том, что, поскольку все были обречены оставаться производителями сырьевых товаров, под рукой не могло быть рынков, а обмены могли осуществляться только на расстоянии тысяч миль. Трудности также возникли в связи с диверсификацией рабочей силы, даже в самом сельском хозяйстве. Индиго попробовали, но столь значительная часть цены, по которой оно продавалось в Англии, была поглощена судовладельцами, комиссионерами и правительством, что от его выращивания отказались. Кофе был широко распространен, и поскольку он растет на более возвышенных и полезных землях, его выращивание принесло бы большую пользу обществу; но здесь, как и в случае с индиго, производитель получал столь малую часть цены, по которой он продавался, что его производство было практически прекращено, и спасло его только согласие правительства снизить свои требования до шиллинга, или двадцати четырех центов, за фунт. Это составляло около ста восьмидесяти долларов за акр, предполагаемый объем производства составлял около 750 фунтов товарного кофе;[26] и очень большая его часть поступала от производителя — бедного негра. Насколько чрезвычайно обременительным, должно быть, был такой налог, можно судить по фермерам, которые сейчас так сильно ощущают давление пошлин на солод; и всегда следует иметь в виду, что рабочим Вест-Индии помогали самые посредственные механизмы производства. Постепенно эти различные налоги сделали необходимым отказ от всех видов возделывания, кроме сахарного тростника, который из всех других наиболее разрушителен для здоровья, и поскольку все население, мужчины, женщины и дети, были ограничены этим единственным занятием, мы едва ли ошибемся, приписав этому факту огромную растрату жизни, описанную в предыдущей главе.

Торговля также была запрещена, за исключением торговли с Великобританией и ее колониями; и это привело к попыткам наладить контрабандную торговлю с испанскими владениями на континенте; но этому пришел конец из-за бдительности военных кораблей.[27] Однако рабы могли ввозиться и вывозиться, и эта торговля осуществлялась в самых широких масштабах, большая часть спроса на испанские колонии удовлетворялась с британских островов. Однако в 1775 году законодательное собрание колоний, желая предотвратить чрезмерный ввоз негров, ввело пошлину в размере 2 фунтов стерлингов с человека, но против этого было подано ходатайство английских купцов, и правительство метрополии распорядилось отменить налог.[28] В этот период ежегодный экспорт сахара, как утверждается, составлял 980 346 тонн., валовые продажи которого без пошлин составляли в среднем 1 148 шилл. 8д. за килограмм, что составило в общей сложности 1 699 421 фунт стерлингов — настолько большой частью которого, однако, была поглощена фрахтом, комиссионными, страхованием и т. Д., Что чистая выручка 775 сахарных плантаций, как утверждается, составила всего 726 992 фунта стерлингов, или менее 1000 фунтов стерлингов каждая. Если к вычтенным таким образом 973 000 фунтов

стерлингов добавить долю правительства (12 шилл. 3 за центнер) и дополнительные сборы до того, как сахар дошел до потребителя, то будет видно, что его производитель не мог получить более одной четвертой от цены, по которой он продавался. Таким образом, плантатор, по-видимому, был не более чем надзирателем за рабами, которые работали на благо торговцев и правительства Великобритании, которое поглощало львиную долю продуктов их труда. Он был поставлен между рабом, которого он был обязан содержать, с одной стороны, и залогодержателем, торговцами и правительством, которых он также был обязан содержать, с другой, и он мог взять себе только то, что оставалось, — и если урожай оказывался большим, а цены падали, он разорялся. Последствия этого видны в том факте, что за двадцать лет, последовавших за этим периодом, было продано за долги не менее 177 поместий, в то время как 92 остались непроданными в руках кредиторов, а 55 были полностью заброшены. Видя все это, нетрудно будет понять причину необычайного расточительства жизни, наблюдаемого на Британских островах. Сам плантатор мог существовать, только переутомляя своих людей; и, несмотря на все его усилия, не менее 324 из 775 поместий перешли из рук в руки по причине неудач за короткий двадцатилетний период. Каким бы ни было его стремление улучшить положение рабочего, сделать это было совершенно невозможно, получая для себя и для них столь малую часть цены своего товара.

В первые годы нынешнего столетия земля стала более ценной. Цена на сахар выросла примерно на 80%, и плантаторы постепенно справлялись со своими трудностями; и следствием этого стало значительное улучшение положения рабов, которые теперь были гораздо лучше накормлены, одеты и иным образом обеспечены.[30] Рабы, средняя цена которых составляла всего 34 фунта стерлингов, выросли до 50 фунтов стерлингов, при этом 250 000 человек на острове составляли 12 500 000 фунтов стерлингов, а недвижимое и движимое имущество, за исключением рабов, оценивалось в 25 000 000 фунтов стерлингов.[31] Насколько велики, однако, были трудности, с которыми все еще работали плантаторы, видно из следующего отрывка, который, каким бы длинным он ни был, приводится потому, что он так убедительно иллюстрирует разрушительные последствия политики, направленной на предотвращение объединения, возникающего в результате замены ткацкого станка и наковальни плугом и бороной.

"Теперь я должен приступить к болезненной части моей задачи, части, в которой я вынужден изложить такие обстоятельства, которые не могут не навлечь позора на тех, кто их порождает, и из-за которых слабость, я не буду использовать более резкий термин, законодательной власти, слишком очевидна. Эти обстоятельства возникают из-за различных видов деятельности, таких как деятельность поверенного в делах о недвижимости, залогодержателя во владении, получателя в канцелярии и т.д. Первый из этих признаков требует определения. Под словом "поверенный" в этом смысле подразумевается агент; и обязанности, прилагаемые к его должности, настолько схожи с обязанностями управляющего в Англии, что, если бы не различие в их исполнении и достоинство, сопутствующее первому, я бы назвал их одним и тем же, *но поскольку это колониальное управление - самый верный путь к имперскому богатству*, люди состоятельные и выдающегося положения страстно стремятся к нему. Адвокаты бывают двух видов; шесть процентов. адвокаты и наемные адвокаты; прибыль первых складывается из комиссионных в размере шести процентов. на все продукты поместья и различные внутренние ресурсы; последним выплачивается определенное жалованье некоторыми необремененными владельцами, которые недавно обнаружили, что управляющего на Ямайке можно нанять так же, как управляющего в Англии, благодаря чему экономится несколько тысяч фунтов в год, и вместо

того, чтобы обогащать своих агентов, они вливаются в их собственную казну. Обязанность обоих состоит в том, чтобы заботиться об имуществе своих работодателей и обо всех их интересах на острове, вверенных им для того, чтобы сами владельцы могли жить дома, то есть в Европе.

"Из всех зол на острове Ямайка, которые требуют исправления и с помощью которых продолжаются самые неоправданные действия, первое и наиболее вопиющее - это деятельность определенного круга поверенных сирот, лиц, находящихся во владении закладной, попечителей, душеприказчиков, опекунов и распорядителей при канцлерском суде; и это зло в значительной степени проистекает из несправедливого и бестактного закона, разрешающего взимать шесть процентов. комиссия по валовому продукту поместий, находящихся в их ведении и под их руководством. Незаконная практика, скрытая, если не разрешенная этим законом, долгое время была слишком вопиющей, чтобы оставаться незамеченной; и предпринимались попытки сократить комиссию и установить ее на каком-нибудь более справедливом принципе; но, к сожалению, в Палате Собрания всегда было слишком много ее членов, заинтересованных в выгодах, вытекающих из нынешнего закона, чтобы допустить принятие этой меры. То, что интересы адвокатов не всегда совпадают с интересами тех, чьим имуществом они владеют, является неоспоримым фактом, в котором, я думаю, вы убедитесь к тому времени, когда дочитаете это письмо. Кроме того, во многих случаях этот высокий побочный интерес препятствует счастью и улучшению состояния рабов, что, по утверждению колонистов, является объектом их самого серьезного внимания; и нередко это доказывает полное разорение несчастного плантатора, запутанное положение которого вынуждает его подчиниться условию передачи своего имущества в управление адвокату, назначенному его кредитором, которым обычно является его торговец, и который передает все юридические преимущества имущества своего должника в руки своего собственного агента на острове, чтобы компенсировать экономическую сделку. он занимается управлением своими собственными заботами; практика, обычная также для попечителей, опекунов и т. Д. Закон, допускающий такие огромные комиссионные за столь неадекватные услуги, также очень несовершенен в важном пункте; ибо он не устанавливает данных для определения размера этой комиссии, которая никогда не начисляется в соответствии с продажей сахара, поскольку это не скоро станет известно адвокату, если вообще когда-либо станет известно. Следовательно, в разных счетах расходы на сахар оцениваются по разным ценам, от 20 шекелей за центнер до 45 шекелей и даже 50 шекелей; и в одних и тех же бухгалтерских книгах одного и того же поверенного обнаруживается, что эти расходы различаются в зависимости от его связей с работодателем, обычно увеличиваясь пропорционально бедственному положению имущества и собственника. Чтобы составить некоторое представление о преимуществах, сопутствующих этим назначениям, и об их пагубной тенденции для вовлеченных собственников и даже для их кредиторов, давайте посмотрим, что может сделать управляющий при канцлерском суде. Во-первых, не всегда было принято выбирать его из числа жителей окрестностей несчастных поместий или из числа друзей владельца; часто он проживал в одном из городов, *обладая, возможно, столь же малыми знаниями об управлении поместьем, какими обладает подметальщик канцелярии*; и действительно, было бы уместно отличать таких получателей помощи от подметальщиков канцелярии. Эти джентльмены редко, если вообще когда-либо, видят поместья, которыми им предстоит управлять, и не могут дать никаких других указаний, кроме как производить как можно больше сахара кусками и отправлять его, скорее всего, своим собственным корреспондентам. *Все, что получают поместья, в значительной степени*

находится в их руках, и, конечно, чем больше денег, тем лучше для них; деньги пускают корни в любой почве и распространяются тысячью способов; поэтому ни один доллар из них не попадает в сундук канцелярии, поскольку получатель предоставил гарантию, и сокровище, согласно распространенной фикции, считается в полной безопасности в его руках. В то время как различные кредиторы имущественного комплекса ведут борьбу за приоритет, получатель продолжает руководить управлением им, отгружать урожай и заботиться о деньгах. В конце концов устанавливается предыдущий долг, и кредитор, добившись своего, остается на некоторое время удовлетворенным; но, обнаружив, что, хотя его основная сумма накапливается, он ничего не получает, он начинает требовать продажи. Это может произойти через пять или шесть лет, когда все предлоги для задержки будут исчерпаны, а тем временем получатель позаботится о том, чтобы его получатель или коммерсант передал деньги, адекватные простым полученным суммам, в другие руки, своему банкиру, чтобы быть готовым оплачивать счета, которые будут выписаны за его *собственный счет*, за что он должен иметь премию в размере от двенадцати до семнадцати с половиной процентов. Поместье, наконец, выставлено на продажу магистром канцелярии в соответствии с приказом канцлера. Продажа, однако, затягивается на год или два дольше, пока кредитор или его поверенный не начнет возражать хозяину: следуют условия для мирового соглашения, то есть для признания счетов получателя такими, какими они могут быть, и для времени, предоставленного ему для выплаты основной прибыли или остатка на его руках; по соглашению, продажа должна состояться *после сбора следующего урожая*. Затем продажа фактически завершается, накопления этих ежегодных фондов остаются незамеченными для дальнейшего приумножения богатства получателя; и покупатель, который является не кем иным, как предыдущим кредитором, получает во владение *разоренное поместье с бандой унылых и несчастных негров, которые давно осознали свое положение, считая себя никому не принадлежащими* и почти отчаявшись когда-либо попасть в руки доброго хозяина, заинтересованного в их благополучии и счастье. Давайте теперь обратимся к адвокату залогодержателя, находящегося во владении, и посмотрим, что он предлагает лучшего. Долг по соответствующему имуществу причитается человеку с большим состоянием или купцу; если первому, то у него есть купец, для которого груз представляет значительную ценность. Неважно, в чем заключается долг, имущество, находящееся во владении залогодержателя, как правило, обязано выплачивать полные комиссионные адвокату, нанятому для этого. По справедливости для всех сторон, от собственности следует извлечь максимум пользы, и вскоре обнаруживается, что работающие на ней негры не равны доходности, которую она способна приносить, следовательно, к бригадам плантаторов добавляются наемные негры, которые сажают, пропалывают и убирают урожай; работы расширяются, чтобы соответствовать предполагаемому увеличению; покупается больше скота, больше повозок, нанимается больше белых людей. Чтобы соответствовать этим грандиозным планам, *бедные негры с плантаций, конечно, перегружены работой*. Каков результат? Производится большое количество сахара и рома как к чести, так и к прибыли поверенного, и за счет этого выигрывает торговец, поскольку количество партий увеличивается; но на шесть процентов. проценты на основную сумму - шесть процентов. на эти проценты путем сложной арифметики начисляется основная сумма - шесть процентов. комиссионные вместе с условными платежами за рабочую силу, улучшения, запасы и т. Д. Поглощают весь продукт, и плантатор с каждым днем увязает в накапливающемся долге, пока не разорится окончательно. *Чем сильнее бедствие, тем больше адвокат жиреет*; например, на войне он получает значительную дополнительную выгоду; он становится торговцем лесом и, имея в своем распоряжении ром поместья и, возможно, немного сахара, хотя в последней

статье он обычно ограничен, поскольку его продажа на острове помешала бы погрузке кораблей и партий товара, он закупает оптом грузы и перепродает их поместью с большой прибылью. Известно, что посохи, купленные адвокатом по цене 18 фунтов стерлингов за тысячу, были проданы имению по цене 45 фунтов стерлингов за тысячу; и тележка, принадлежащая имению, перевозила ром, чтобы заплатить за них. *Хорошо известно, что ром, произведенный в поместье, редко окупает его непредвиденные расходы, и что Великобритании часто выставляются счета на сумму в тысячу, а иногда и в две тысячи фунтов стерлингов за превышение непредвиденных расходов над суммой продажи рома:* здесь поверенный находит для себя другой способ накопления. Погашая излишек из своих собственных средств, он присваивает векселя, которые это позволило ему получить, на покупку оставшейся партии негров после отбора лучших из них по цене от девяноста до девяноста пяти фунтов за голову: этих некачественных негров он передает зависимым от него надсмотрщикам, джобберам, врачам, торговцам, винокуренам и бухгалтерам по сорок или пятьдесят фунтов прибыли на душу населения; не лишен примера и тот факт, что те самые поместья, в кредит на которые выписаны некоторые векселя, были снабжены неграми. таким же образом и с той же скоростью. На этот маневр действительно отваживаются только в отношении имущества несовершеннолетних, попечителями которых являются торговцы в Великобритании, не знающие о подобной практике; или, возможно, когда они передали имущество поверенному, который может воспользоваться всеми преимуществами, которые могут быть получены от них, чтобы компенсировать умеренное содержание, которое они предоставляют для управления своими собственными делами. Островной торговец, или, согласно названию Вест-Индии, владелец магазина, занимающийся крупным бизнесом, рассказал моему другу, что он продал поверенному партию мулов по восемнадцать фунтов за голову, которые были распределены отдельными участками по восемь человек в каждом в несколько поместий, но что по особой просьбе покупателя он выписал накладные на посылки по тридцать фунтов за голову. Это не слишком говорит в пользу добродетели владельца магазина, но следует отметить, что он потерял бы своего покупателя, если бы отказался, и, вероятно, считался бы чрезмерно праведным. У адвоката есть множество более мелких преимуществ, таких как установление связей с мясниками, которые могут приобретать откормленный скот, с торговцами неграми с целью смешивания негров с соразмерной прибылью, откармливание лошадей и длительный *и так далее*. К адвокату командиры торговых судов относятся с должным уважением, и поскольку они являются подходящими людьми, чтобы говорить о нем с торговцем, их доброжелательностью нельзя пренебрегать. Для вовлеченного плантатора их формулировка часто звучит так: "Сэр, я должен доставить ваш сахар прямо на пристань"; то есть ваш сахар должен быть на самом нижнем ярусе, чтобы его не смыло, если судно даст течь или поднимется много воды при плохом проходе. Когда они обращаются к адвокату, они просят не сахар, а его одолжения в отношении количества и времени; и его бочки образуют верхний ярус". [32]

Экспертиза, проведенная примерно в этот период, доказала, что эти лица, числом 193 человека, руководили 606 сахарными заводами, производившими около 80 000 hhd. сахара и 36 000 пуншей рома, которые при отпускных ценах того времени в Англии давали около 4 000 000 фунтов стерлингов, из которых они имели право на шесть процентов, или 240 000 фунтов стерлингов. У нас здесь самая разветвленная система невыходов на работу, и отсутствующие *должны* быть представлены посредниками, не имеющими никакого интереса ни к рабу, ни к плантации, кроме как брать у обоих все, что можно взять, отдавая как можно меньше ни одному из них.

Почему, однако, существовал этот невыход на работу? Почему владельцы собственности не проживали в своих поместьях? Потому что политика, направленная на ограничение всего населения, мужчин и женщин, старых и молодых, выращиванием сахара и запрещающая даже рафинировать сам сахар на острове, эффективно препятствовала росту любого среднего класса, который должен был формировать население городов, в которых плантатор мог бы найти общество, способное заставить его считать остров своим домом. На французских островах этого не было, потому что французское правительство не желало препятствовать занятию более слабого класса населения промышленным трудом, как это было видно в случае с Гренадой, где сахар перерабатывался до периода ее сдачи британскому оружию.[33] Таким образом, росли города, и люди всех мастей приезжали из Франции, чтобы сделать острова *своим домом*; в то время как английские колонисты стремились только к тому, чтобы сколотить состояние и вернуться домой, чтобы потратить его. Все это полностью показано в следующем отрывке, в котором дается сравнительный обзор британских и французских островов непосредственно перед принятием закона об эмансипации 1832 года.

"У домов больше европейского вида, чем в наших английских колониях, и я должен с похвалой отметить существование четырех книжных магазинов, таких же больших и хорошо обставленных, как любой второсортный в Париже. Вид книг, которые продаются в Вест-Индии, подобен воде в пустыне, поскольку книги еще не поступили в магазины для плантаций на наших островах. Причина вот в чем. Французские колонисты, будь то креолы или европейцы, считают Вест-Индию своей страной; они не бросают тоскливых взглядов на Францию; у них нет даже собственного имущества; они женятся, получают образование и строят в Вест-Индии и только для Вест-Индии. В наших колониях все совсем по-другому; за исключением нескольких обычных креолов, которым бесплатный ром и бесплатные цветные матери для их детей стали совершенно необходимы, все рассматривают колонию как временное пристанище, где они должны питаться сахаром и патокой, пока ипотека не позволит им жить в другом месте. Они называют Англию своим домом, хотя многие из них никогда там не были; они говорят о том, чтобы написать домой и вернуться домой, и больше гордятся тем, что знают вероятный результат оспариваемых выборов в Англии, чем ремонтом своих дорог, созданием полиции или очисткой тюрьмы. Французский колонист сознательно эмигрирует, англичанин - никогда. Если бы наши колонии отошли в руки североамериканцев, как, по словам их врагов, некоторые из них хотели бы сделать, плантаторы совершали бы свои маленькие трехлетние поездки в Нью-Йорк, как они сейчас совершают в Лондон. Следствием этого чувства является то, что каждый, кто может это сделать, поддерживает некоторую переписку с Англией, и когда требуется какой-либо предмет, он посылает за ним в Англию. Следовательно, за исключением химических лекарств, существует незначительный рынок сбыта для импортных магазинов различных товаров, а тем более для ассортимента изделий того же рода. Иное чувство на Мартинике производит противоположный эффект; на этом острове очень мало индивидуальной переписки с Францией, и, следовательно, в самой колонии существует тот эффективный спрос на книги, вина, украшения, галантерею и т. Д., Который позволяет распределять труд почти так же широко, как в метрополии. В Сен-Пьере есть много магазинов, в которых нет ничего, кроме шляпок, лент и шелков, в других - ничего, кроме безделушек и игрушек, в третьих - только шляпки и так далее, и по этой причине в Сен-Пьере есть богатые торговцы. Бридж-Таун быстро стал бы богатым местом, если бы была принята другая система; ибо не только удобству общества во многом способствовал бы постоянный, безопасный и обильный ввоз и раздельное хранение каждого предмета по общему запросу, но и спрос на эти предметы был бы в самом

Бридж-Тауне в сто раз выше, чем сейчас, по той же причине в Лондоне, Ливерпуле или Бристоле, когда система пересылки посылок через Атлантику затруднена, разделена и растрочена впустую. Предложение при определенных обстоятельствах создаст спрос. Если бы на Барбадосе была открыта почта или между островами пустили пароход, тысяча писем была бы написана там, где сейчас находится сто, и сто человек обменивались бы визитами там, где сейчас едва ли бывает десять. Мне нужна книга, но я не могу взять ее взаймы; я бы немедленно купил ее у книготорговца по соседству, но, возможно, я считаю, что не стоит тратить время на то, чтобы посылать за ней через океан, когда, несмотря на все риски, я должен ждать ее по меньшей мере три месяца. Моральные последствия этой системы заслуживают еще большего сожаления, чем экономические, но я скажу об этом подробнее как-нибудь в другой раз".[34]

В другой части того же произведения писатель говорит:

"Школы для детей рабов являются первым и главным шагом к улучшению условий жизни и морали во всех классах населения Вест-Индии".

Здесь, однако, существовала та же самая трудность. По той же причине, по которой не могло возникнуть городов, не могло быть и школ, и плантатор оказался вынужден отправлять своих детей получать образование в Англию; следствием чего было то, что после его смерти его имущество перешло в руки агентов, а его преемники, заразившись любовью к европейской и неприязнью к колониальной жизни, остались за границей, оставив свои поместья разоряться, в то время как их людигибли под ударами людей, у которых не было другого интереса, кроме как поставлять наибольшее количество сахара, патоки и рома. Все это было естественным результатом системы, которая лишала женщин и детей привилегии перерабатывать хлопок в ткань или заниматься другими домашними делами. Механик был не нужен там, где нельзя было использовать технику, а без него не могли вырасти ни города, ни школы.

Читатель, вероятно, заметил в приведенном выше первом отрывке, что экспорт рома обычно приводил плантаторов к долгам, и все же цена, уплаченная за него потребителями, по-видимому, составляла почти миллион фунтов стерлингов - то есть народ Англии отдавал труд и его продукты на эту крупную сумму в обмен на определенный продукт трудового народа Ямайки, ни шиллинга из которого плантатор никогда не получал для улучшения состояния своего поместья или людей, живущих в нем. Урожай продавался по прибытии по 3 или 3,6 шиллинга за галлон, но потребитель платил за него, вероятно, 17 шиллингов, которые были разделены таким образом: —

Правительство, представляющее британский народ в целом... 11.3

Судовладельцы, оптовые и розничные торговцы и т. Д..... 5.9

Землевладелец и чернорабочий..... 0.0

-

17.2

Если мы обратимся к сахару, то обнаружим результат несколько лучший, но аналогичного характера. Английский потребитель отдавал за него 80 миллионов долларов труда, и эти шиллинги были разделены примерно таким образом:

Правительство..... 27

Судовладелец, торговец, залогодержатель и т. Д..... 33

Теперь читатель увидит, что мистер *Джошуа Джи* не преувеличивал, когда приводил в качестве одной из рекомендаций колониальной системы то, что колонисты оставляли в Англии три четверти всех своих продуктов,[35] разница покрывалась теми, кто производил обмен или руководил им. Таков был результат, которого желали те, кто вынуждал плантатора зависеть от отдаленного рынка, на котором он продавал все, что выращивал, и покупал все, что ему и его людям было необходимо для потребления. Чем больше он забирал со своей земли, тем больше истощал ее и тем меньше получал за ее продукцию, поскольку большие урожаи требовали больших поставок, больших затрат на хранение и огромных сборов со стороны правительства, в то время как цены падали из-за размера урожая, и таким образом он разорился, в то время как все остальные обогащались. При таких обстоятельствах он не мог приобрести технику для улучшения своего земледелия и, таким образом, был лишен возможности оказывать услуги людям, которых он был обязан содержать. Повелитель рабов, он сам был рабом тех, кто руководил его трудом и его работниками, и было бы несправедливо приписывать ему необычайную расточительность жизни, неизбежно вытекающую из того факта, что весь народ был ограничен полевыми работами.

Обладая неисчерпаемыми запасами древесины, на острове даже в 1850 году не было ни одной лесопилки, хотя он обеспечивал обширный рынок сбыта пиломатериалов из-за рубежа. Собирая в величайшем изобилии лучшие плоды, горожане все же не имели своих суденышек, чтобы возить их на большие рынки этой страны, и за неимением сбыта они гнили под деревьями. "Производственные ресурсы этого острова, - говорит м-р Бигелоу, - неисчерпаемы"; и так было всегда, но люди были лишены всякой возможности извлекать из них выгоду, и из-за отсутствия этой возможности ежегодно терялось в пять раз больше рабочей силы, чем можно было бы заплатить за товары, в поисках которых они были вынуждены искать отдаленный рынок. Из тех, кто не погиб из-за необходимости всеобщей зависимости от полевых работ, большая часть труда была тогда, как, должно быть, и сейчас, совершенно потрачена впустую. "В течение шести или восьми месяцев в году ничего не делается на сахарных или кофейных плантациях", - говорит м-р Бигелоу (Примечания, стр. 54). "Сельское хозяйство, - продолжает он, - в том виде, в каком оно ведется в настоящее время, занимает у них не более половины рабочего времени". Так было пятьдесят лет назад, и именно из-за вынужденной растраты труда и, как следствие, небольшого количества производительной силы существовало мало возможностей для накопления капитала. Население уменьшалось, потому что не могло быть улучшения положения рабочего, который, будучи таким образом ограничен в использовании своего времени, был вынужден содержать не только себя и своего хозяина, но и агента, комиссионера, судовладельца, залогодержателя, розничного торговца и правительство, и это при системе, которая стремилась забрать все у земли и ничего ей не возвращать. Из суммы, уплаченной в 1831 году британским народом за продукцию 320 000 чернорабочих этого острова, правительство метрополии забрало не менее 3 736 113 фунтов стерлингов 10 шилл. 6долларов., [36] или около восемнадцати миллионов долларов, что составляет почти шестьдесят долларов на душу населения, и это просто за надзор за обменом. Если бы такие требования не предъявлялись к продукту труда этих бедных людей, потребитель получал бы сахар дешевле, и это привело бы к большому потреблению, и эти восемнадцать миллионов были бы разделены

между чернокожими рабочими, с одной стороны, и белыми, с другой. Было бы вполне безопасно утверждать, что в тот год каждый негр, старый и молодой, мужчина и женщина, внес пять фунтов - 24 доллара — на содержание британского правительства, и это была тяжелая сумма налога, которую должен был нести народ, полностью ограниченный сельским хозяйством и лишенный машин, необходимых даже для того, чтобы сделать его производительным. Если теперь к этому тяжелому бремени добавить комиссионные, грузы, страхование, проценты и другие сборы, то легко будет увидеть, что столь изнуряющая система налогообложения не могла закончиться ничем иным, как крахом; и что такова была тенденция развития событий, было видно по неуклонному сокращению производства.

Сахар, ром, Кофе,
жесткие диски. пунши. фунтов.

————— -----
За три года,
закончившихся 1802 годом,
средний экспорт
составил 113 000 44 000 14 000 000

Тогда как за три года , закончившихся 1829 годом , их было всего 92 000 34 000 17 000 000

Система, направленная на то, чтобы лишить земледельца преимущества ближайшего рынка, на который он мог бы поставлять свои продукты и откуда он мог бы вывозить домой навоз итаким образом поддерживать мощь своей земли, давала, таким образом, свои естественные результаты. Это приводило к тому, что раб становился день ото дня все более поработанным; и о том, что так оно и было, свидетельствует превышение числа смертей над числом рождений, приведенное в предыдущей главе. Свидетельства истощения были видны во всем, что было связано с островом. Рабочая сила и земля падали в цене, а гарантии выплаты крупного долга, причитающегося залогодержателям в Англии, становились все меньше из года в год, поскольку все больше и больше людей из других стран были вынуждены заниматься земледелием из-за невозможности конкурировать с Англией в производстве. Сахар подешевел чуть более чем до гинеи за сотню килограммов, а ром подешевел чуть более чем до двух шиллингов за галлон;[37] и почти все это, должно быть, было поглощено комиссионными и процентами. При таких обстоятельствах огромная потеря жизней была неизбежна; и поэтому мы стали свидетелями ввоза сотен тысяч чернокожих мужчин, которые погибли, не оставив после себя никаких следов своего когда-либо существования. Но на ком должна лежать ответственность за столь отвратительное положение вещей, какое представлено здесь? Конечно, не на плантаторе, поскольку он вообще не проявлял никакой воли. Ему не разрешалось использовать свои излишки энергии для переработки собственного сахара. Он не мог легально ввозить на остров веретено или ткацкий станок. Он не мог ни добывать уголь, ни плавить железную руду. Он никак не мог погасить свои займы у земли, и, как само собой разумеющееся, займы, которые он мог получить, уменьшились в количестве; и затем, какими бы незначительными они ни были, основная часть того, на что обменивались его товары, была поглощена обменниками и теми, кто наблюдает за обменами, выполняя обязанности правительства. Он был всего лишь инструментом в их руках для разрушения морали, интеллекта и жизни негров; и на них, а не на нем, должна лежать ответственность за тот факт, что из всех рабов, ввезенных на остров, в день освобождения было представлено не более двух пятых.

Тем не менее, именно он был заклеен как тиран и разрушитель морали и жизни; и общественное мнение — общественное мнение тех же людей, которые поглощали столь значительную часть продукта труда негров, — вынудило правительство принять меры по освобождению раба от обязательной службы и выделению определенной суммы на выплату, во-первых, долгов по закладной, причитающихся в Англии, и, во-вторых, владельца, который, даже если он находил, что его земля передана ему без обременений, в большинстве случаев оставался без шиллинга, который позволил бы ему продолжать работу по дому. его плантация. Рабы были освобождены, но не существовало капитала, чтобы найти им работу, и с момента освобождения занять деньги под залог ипотеки стало почти невозможно. Последствия проявляются в массовом забросе земель и снижении их стоимости. Любое количество ее можно приобрести, подготовить к возделыванию и получить такую же хорошую, как любая другая на острове, по цене пять долларов за акр, в то время как другая земля, гораздо более продуктивная, чем любая в Новой Англии, может быть приобретена по цене от пятидесяти центов до одного доллара. С падением стоимости земли рабочий склоняется к варварству, и причину этого можно найти, внимательно прочитав следующий параграф:

"У них нет новых мануфактур, к которым они могли бы прибегнуть, когда им не хватает работы; нет непривычных отделов механического или сельскохозяйственного труда, которые могли бы принять их, стимулировать их изобретательность и вознаградить их трудолюбие. Когда они знают, как работать мотыгой, собирать кофейные ягоды и ухаживать за сахарными заводами, они узнают почти все, чему их может научить промышленность острова. Если за шестнадцать лет, в течение которых негры наслаждались своей свободой, они достигли меньшего прогресса в цивилизации, чем обещали или ожидали их поборники филантропии, пусть те нужды, о которых я говорил, получают некоторое внимание. Возможно, что даже белое крестьянство выродилось бы под таким влиянием. Измените это, и когданегр сократит потребление сахара или кофе, повысит спрос на его труд на фабриках и мануфактурах, которые природа создала на этом острове, и прежде чем пройдет еще шестнадцать лет, мир, вероятно, получит какие-то новые факты, которые помогут ему оценить природные способности негритянской расы, и в руках филантропа они окажутся более действенными, чем все призывы, которые он когда-либо мог адресовать сердцам или совести людей". *Ямайка Бигелоу*, стр. 156.

Ремесленник всегда был союзником земледельца в его борьбе с торговцем и правительством, как показывает вся мировая история. Первый желает обложить его налогом, покупая дешево и продавая дорого. Второй желает обложить его налогом за то, что он позволяет ему совершать свои обмены, и чем отдаленнее место обмена, тем больше сила налогообложения. Ремесленник приближается к нему и позволяет ему комбинировать сырье на месте, при этом производитель обменивается им непосредственно с потребителем, не платя налогов на содержание судовладельцев, комиссионеров или лавочников.

В куске ткани весом восемьдесят фунтов, говорит Адам Смит, содержится не только более восьмидесяти фунтов шерсти, но и "несколько тысяч килограммов зерна, необходимого для содержания трудящихся", и именно шерсть и зерно дешево продаются в виде ткани. Что, однако, в конечном итоге становится с кукурузой? Хотя ее и съедают, она не уничтожается. Оно снова возвращается на землю, которая обогащается; и чем больше у нее забирается; чем больше должно быть возвращено, тем больше она обогащается, тем больше урожай и тем больше способность фермера предъявлять требования к ремесленнику. Вознаграждение последнего увеличивается с ростом стоимости земли и с увеличением богатства

землевладельцев, которыми он окружен; и таким образом получается, что все вместе становятся богатыми и свободными, и что община из года в год приобретает силу противостоять попыткам взимания налогов сверх того, что действительно необходимо для поддержания прав личности и собственности. Чем больше возможностей для осуществления обмена внутри страны, тем больше всегда будет свобода человека в отношении мысли, слова, действий и торговли, а также тем выше ценность земли.

Цель политики, проводимой по отношению к колониям, была прямо противоположной всему этому, стремясь предотвратить какую бы то ни было диверсификацию занятий и, таким образом, не только предотвратить увеличение стоимости земли, но и уменьшить ее стоимость, поскольку она запрещала возврат на землю какой-либо части произведенных с нее продуктов. Она запрещала ассоциации, потому что ограничивала весь народ одним стремлением. Он запрещал иммиграцию ремесленников, рост городов, учреждение школ и, следовательно, запрещал рост интеллекта среди рабочих или их владельцев. Это препятствовало росту населения, потому что вынуждало женщин и детей выращивать сахар на самых богатых и нездоровых почвах островов. Таким образом, оно обнищало землю и ее владельцев, истребило рабов и ослабило общину, превратив ее, таким образом, в простой инструмент в руках людей, которые осуществляли обмен и руководили им, — торговцев и правительства, — класса людей, который во все века процветал за счет возделывателя земли. Отделив потребителя от производителя, они получили возможность, как было показано, забирать себе три четверти всей выручки от продажи потребленных товаров, оставляя только одну четверть для раздела между землей и трудом, который ее произвел. Они, конечно, становились сильнее, в то время как производящие сахар земли и рабочая сила слабели, и чем слабее они становились, тем меньше было необходимости считаться с правами тех и других. При таком положении вещей землевладелец был обязан принять фиксированную денежную сумму в качестве компенсации за отказ от своего права требовать от работника выполнения работы, к которой он привык. Однако, к сожалению, применяемая система эффективно предотвратила улучшение самочувствия и вкуса, необходимое для того, чтобы вызвать у последнего желание чего-либо, кроме достаточного количества еды и рубашки. Поскольку города и магазины не росли, он не привык даже видеть товары, которые привлекали его товарищей по работе на французских островах. Поскольку школ не существовало даже для белых, у него не возникло желания читать книги для себя или учить своих детей. Его жена не приобрела вкуса к одежде, потому что была ограничена работой в поле. Внезапно освободившись от контроля, они удовлетворили единственное желание, которому было позволено в них вырасти, — любовь к совершенной праздности, которой можно было потакать до такой степени, чтобы получать немного еды и одежды, необходимых для поддержания существования.

Положение дел было бы совершенно иным, если бы им разрешили производить обмен у себя дома, обменивая хлопок и сахар на ткани и железо, произведенные трудом и из почвы острова. Производитель сахара получил бы тогда всю ткань, отданную за нее потребителем, вместо того, чтобы получать четвертую ее часть, и тогда стоимость земли возросла бы, плантатор разбогател бы, а рабочий стал бы свободным в силу великого естественного закона, который гласит, что чем быстрее увеличивается богатство, тем больше должен быть спрос на труд, тем больше должно быть количество товаров, произведенных рабочим, тем больше должна быть его доля продукта и тем больше должна быть тенденция к его увеличению. стать свободным человеком, а самому стать капиталистом.[38]

В качестве причины отказа от переработки собственного сахара и хлопка в ткани было предусмотрено, что их продукция должна пользоваться определенными преимуществами в портах метрополии; и на момент эмансипации существовало понимание, что свободный негр должен продолжать пользоваться теми же привилегиями, которые были предоставлены рабу и его хозяину. Вскоре, однако, обнаружилось, что негр, не имевший почти никаких желаний, кроме пищи, которую можно было добыть на маленьком клочке земли, не желал работать, и что, следовательно, поставки сахара сократились при значительном повышении цен, и что, таким образом, судовладелец пострадал из-за сокращения грузов, торговец - из-за сокращения потребления, а правительство - из-за сокращения доходов. Вместо того чтобы получать, как раньше, четвертую часть продукта, земледелец теперь получал, возможно, половину, потому что налоги не росли вместе с ростом цен. Тем не менее, землевладельцы и рабочие острова были слабее, чем раньше, ибо исчезла всякая сила ассоциаций; и вот теперь торговцы и правительство обнаружили, что, если они хотят продолжать извлекать из мировых производителей сахара их обычные запасы государственных и частных доходов, они должны снова прибегнуть к рабскому труду, поставив бедных свободных негров Ямайки с их истощенной почвой в одно положение с рабами Бразилии и Кубы на девственной почве; и это тоже в тот момент, когда европейская наука одержала победу над трудностью дешевого производства сахара из свеклы. - рут, а Германия, Франция и Бельгия угрожали предоставить поставки в таком количестве, что почти полностью исключили производство тростника. У них тоже был сахарный завод под рукой, в то время как бедному свободному негру не разрешалось перерабатывать свой продукт, *и он не является таковым даже сейчас*, хотя утверждается, что сахар все еще можно было бы выращивать с пользой, если бы ему разрешили осуществлять хотя бы такой небольшой контроль над своим трудом и его продуктами.

Каков был характер техники, с которой они должны были участвовать в этом соревновании, будет видно из следующего отрывка:—

"Я не смог узнать, есть ли на острове какие-либо поместья, прилично снабженные сельскохозяйственными орудиями. Даже современный топор не используется повсеместно; для рубки более крупных пород деревьев негры обычно используют то, что они называют топором, который по форме очень похож на клин, за исключением того, что он немного шире у края, чем у противоположного конца, на самом конце которого вставлена идеально прямая рукоятка. Более неудобной штуковины для колки дров трудно было придумать — по крайней мере, так я думал, пока не увидел этот инструмент в еще более широком применении в загородных домах для рубки дров. По форме, размеру и внешнему виду он больше всего походил на внешнюю половину лезвия косы, воткнутой в маленькую деревянную рукоятку, с чем я могу его сравнить: этим длинным ножом, ибо это ничто иное, я видел, как негры в течение нескольких минут рубили пальмовые ветви, добиваясь того, чего хороший рубщик дров американским топором добился бы одним ударом. Я сейчас говорю не о беднейшем классе негритянских собственников, чья бедность или невежество могли бы оправдать это, а о владельцах крупных поместий, которые обошлись им в тысячи фунтов".[39]

На Кубе тоже были свои города и магазины, и все это потому, что испанское правительство не желало принуждать жителей острова ограничиваться только земледелием. Мануфактуры были небольшими по размерам, но они существовали; и возможность производить обмены на месте, как правило, предотвращала рост невыходов на работу. Землевладельцы присматривали за своими поместьями, и поэтому все стремилось к благоустройству и цивилизации, с постоянно

растущим привлечением как капитала, так и рабочей силы. На Ямайке, напротив, был всего лишь морской порт, настолько бедный, что не было заасфальтировано ни одного фута тротуаров, и три четверти жителей которого принадлежали к черной расе; и среди них всех, черных и белых, не было механиков. В столице острова, Спаништауне, с населением 5000 человек, в 1850 году нельзя было найти ни одного магазина, ни респектабельной гостиницы, ни даже телеги;[40] и на всем острове не было ни дилижанса, ни какого-либо другого способа регулярного передвижения по суше или воде, за исключением маленькой железной дороги протяженностью пятнадцать миль от Кингстона до столицы.[41]

Таков был механизм производства, транспортировки и обмена, с помощью которого свободный народ Ямайки должен был поддерживать "неограниченную конкуренцию" с Кубой и ее городами, железными дорогами и целиной, а также с Европой и ее наукой. Каким должен быть конечный результат, можно сделать вывод из следующего сравнительного обзора первых четырех лет столетия и последних четырех, по которым у нас есть результаты: —

Сахар, ром, Кофе,
жесткие диски. пунши. фунтов.

с 1800 по 1803 год,
средний экспорт - 124 000 44 000 14 600 000
с 1845 по 1848 год,
средний экспорт - 44 000 17 000 6 000 000

Следствие этого видно из того факта, что для оплаты фунта масла требуется дневная заработная плата двух мужчин и двух женщин для оплаты фунта ветчины, в то время как для оплаты бочки муки потребовался бы труд восьмидесяти или ста мужчин в день.[42] Лондонская *Times* недавно заявила, что свободный рабочий сейчас получает меньше пищи, чем во времена рабства, и, похоже, нет причин сомневаться в точности ее информации. Эта точка зрения, действительно, кажется, полностью подтверждается признанием в Палате общин, что стоимость сахара "в рабочей силе и продуктах питания" сейчас ниже, чем шесть лет назад.[43]

Как, в самом деле, может быть иначе? Искомая цель - дешевый сахар, и с целью ее достижения производство сахара стимулируется во всех кварталах; и все мы знаем, что чем больше его производится, тем большее количество будет вливаться на рынок Англии и тем большей будет власть народа этой страны диктовать условия, на которых он согласится его потреблять. Экстенсивное возделывание и хорошие урожаи приводят к низким ценам, высоким перевозкам, большим комиссионным и большим доходам; и когда такие урожаи выращиваются, народ Англии наслаждается "дешевым сахаром" и "процветает", но раб, таким образом, становится все более рабом, получая все меньше и меньше пищи в обмен на свой труд. Тем не менее, именно в этом направлении направлена вся нынешняя политика Англии. "Процветание" ее народа должно быть обеспечено с помощью дешевого сахара и дорогостоящих тканей и железа; и чем более исключительно население Индии и Бразилии можно будет заставить посвятить себя полевым работам, тем дешевле будет сахар и тем сильнее будет тенденция удорожания тканей и железа. Что, однако, становится с бедным свободным негром? Чем больше сахара он отправляет, тем больше накапливается запасов, и тем ниже цены, и тем меньше у него возможностей покупать одежду или оборудование, как сейчас будет показано.

Лондонская *economist* 13 ноября публикует следующий отчет о запасах и ценах сахара на основных рынках Европы:—

1849. 1850. 1851. 1852.

Запасы cwt.. 3,563,000 2,895,000 3,810,000 3,216,000

Цены—беспошлинные.

Гавана Браун ... с 17 по 24 секунды. с 20 по 27 секунды. с 16 по 22 секунды. с 19 по 26 секунды.

Бразильский коричневый ... от 16 до 20 лет. от 18 до 22 лет. от 12 до 17 лет. от 16 до 20 лет.

Запасы 1849 и 1852 годов были, как мы видим, почти одинаковыми, и цены отличались не сильно. Принимая их, следовательно, за стандарт, мы видим, что *сокращение* предложения настолько незначительно, что вызывает уменьшение запасов примерно на 400 000 центнеров, или всего *примерно на три процента. от импорта* прибавилось около *пятнадцати процентов.* к ценам на весь урожай в 1850 году; тогда как аналогичный *избыток* предложения в 1851 году вызвал почти такое же значительное снижение цен. Фактическое количество, полученное в Европе за первые десять месяцев прошлого года, составило 509 000 центнеров. меньше, чем за соответствующие месяцы предыдущего. Среднемесячные поступления составляют около миллиона центнеров. в месяц, и если мы примем цены за эти два года за стандарт, то результатом будет следующее:—

1851..... 12,000,000 cwtс. В среднем 16 секунд. 9d.... 10 050 000 фунтов стерлингов

1852..... 11,500,000 " " 20s. 3d.... 11 643 750

Прирост при коротком урожае 1,593,750

Если теперь мы сравним 1850 год с 1851 годом, то
результат будет следующим: —

1851 год, как указано выше 10,050,000

1850..... 11,000,000 cwtс. Средний 21 ш. 9д.... 11 971 250

1 921 250

Теперь, если бы это сокращение экспорта было
следствием увеличения внутреннего
потребления, нам пришлось бы прибавить
стоимость этого миллиона к продукту,
и это дало бы..... 1,187,500

3 108 750 фунтов стерлингов

=====

Здесь мы имеем разницу в тридцать процентов, являющуюся результатом сокращения экспорта до одной двенадцатой части экспорта в Европу и не более чем на двадцать четвертую часть всего урожая. Если допустить, что урожай составил 24 000 000 центнеров, а должно было быть и больше, то общая разница, полученная при таком отвлечении, составит четыре процента. с

рынков Европы поступило бы более шести миллионов фунтов стерлингов, или тридцать миллионов долларов. Таков результат разницы в четыре процента. Если бы народы Кубы, Бразилии, Индии и других стран обратили часть своего труда на производство сукна, железа и других товаров, в производстве которых они в настоящее время полностью зависят от Европы, и таким образом уменьшили свою потребность в экспорте еще на два процента., разве не вполне очевидно, что результатом было бы почти удвоение стоимости мирового урожая сахара к большой выгоде свободного земледельца Ямайки, который получал бы больше за свой сахар, получая при этом ткань и железо дешевле? Если бы он мог это сделать, разве он не стал бы более свободным человеком? Не является ли это, однако, прямо противоположным тому, чего добиваются те, кто считает, что процветание Англии связано с дешевым сахаром, и кто поэтому желает, чтобы конкуренция за продажу сахара была *неограниченной*, в то время как конкуренция за продажу сукна должна быть *ограниченной*?

"Неограниченная конкуренция" подразумевает конкуренцию за продажу сырых продуктов на рынках Англии и уничтожение любой конкуренции с Англией за продажу промышленных товаров; и именно в рамках этой системы уничтожается бедный рабочий Ямайки. Сейчас он больше раб, чем когда-либо, потому что его труд дает ему меньше предметов первой необходимости и жизненных удобств, чем когда хозяин был обязан обеспечивать его.

Такова краткая история вест-индского рабства от его возникновения до наших дней, и из нее читатель сможет составить представление о решении суда, которое продиктовало немедленную и безоговорочную эмансипацию, и о гуманности, которая впоследствии продиктовала неограниченную свободу конкуренции при продаже сахара. В том, что подавляющее большинство тех, кто выступал за эмансипацию, руководствовались самыми похвальными мотивами, сомневаться не приходится; но непросвещенный энтузиазм и раньше часто приводил чуть ли не к преступлению, и остается посмотреть, не скажет ли беспристрастный историк в будущем, что так было и здесь. Что касается курса, который с тех пор был применен к этим обедневшим, невежественным и беззащитным людям, у него, возможно, возникнет меньше трудностей; и вполне возможно, что, описывая это, мотивы, которые привели к этому, и результаты, он может оказаться вынужденным отнести это к преступлениям самой страшной окраски.

ГЛАВА X.

КАК ВОЗНИКЛО И СОХРАНЯЕТСЯ РАБСТВО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ.

Первая попытка производства каких-либо видов ткани в североамериканских провинциях привела к принятию резолюции Палатой общин [1710 г.] о том, что "возведение мануфактур в колониях имело тенденцию уменьшать их зависимость от Великобритании". Вскоре после этого в парламент были поданы жалобы на то, что колонисты создают мануфактуры для себя, и Палата общин обязала Совет по торговле представить доклад по этому вопросу, что и было сделано с большим размахом. В 1732 году экспорт шляп из провинции в провинцию был запрещен, и количество учеников, которых могли брать шляпники, было ограничено. В 1750 году строительство любого стана или другого двигателя для раскалывания или прокатки чугуна было запрещено; но чугун было разрешено ввозить в Англию беспошлинно, чтобы его можно было там производить и отправлять обратно. Позднее лорд Чатем заявил, что он не позволит

колонистам изготовить даже гвоздь для себя — и его взгляды были тогда и впоследствии претворены в жизнь абсолютным запретом в 1765 году экспорта ремесленников, в 1781 году шерстяных машин, в 1782 году хлопчатобумажных машин и мастеров по производству хлопка, в 1785 году оборудования для производства железа и стали и рабочих в этих отраслях торговли, а в 1799 году запретом экспорта угольных шахт, чтобы другие страны не овладели искусством добычи угля.

Таким образом, тенденция системы была единообразной —

I. Предотвратить применение рабочей силы в других странах, кроме Англии, для любых целей, кроме сельского хозяйства, и, таким образом, лишить более слабую часть общества — женщин и детей — любой работы, кроме как в поле.

II. Заставить все население производить одни и те же товары и, таким образом, лишить их возможности осуществлять обмен между собой.

III. Следовательно, заставить их экспортировать в Англию всю свою продукцию в самых грубых формах с большими транспортными затратами.

IV. Лишить их всякой возможности возвращать земле навоз, получаемый из ее продуктов, и таким образом заставить их истощать свои земли.

V. Лишить их права объединяться для строительства городов, учреждения школ, прокладки дорог или защиты своих прав.

VI. Заставлять их с каждым шагом в процессе освоения земель увеличивать расстояние друг от друга и от рынка.

VII. Чтобы заставить тратить впустую весь труд, который нельзя было использовать в полевых условиях.

VIII. Принуждать к растрате всего огромного разнообразия вещей, почти не имеющих ценности сами по себе, но которые приобретают ценность по мере того, как люди получают возможность работать в сочетании друг с другом.[44]

IX. Предотвращать повышение стоимости земли и спроса на человеческий труд; и

X. Препятствовать продвижению к цивилизации и свободе.

То, что таковы были тенденции системы, было замечено жителями колоний. "Хорошо известно и понято, - сказал Франклин в 1771 году, - что всякий раз, когда создается мануфактура, в которой занято несколько рабочих рук, это повышает стоимость земель в соседней стране, частично из-за более высокого спроса на продукцию земли, а частично из-за большого количества денег, привлекаемых мануфактурами в эту часть страны. Поэтому, по-видимому, - продолжал он, - все наши фермеры и землевладельцы заинтересованы в том, чтобы поощрять наши молодые мануфактуры в предпочтении иностранным, завезенным к нам из дальних стран". Таково было почти всеобщее чувство в стране, и ограничению права применять труд была в значительной степени обязана Революция.

Право принуждать колонистов производить все свои обмены за границей давало английским купцам и правительству те же самые налоговые полномочия, которые, как мы видим, столь

свободно применялись в отношении сахара. В статье, опубликованной в 1750 году в лондонской "Дженерал адвертайзер", говорилось, что Вирджиния тогда экспортировала 50 000 hdd. табака, произведя 550 000 фунтов стерлингов, из которых судовладелец, страховщик, комиссионер и правительство забрали 450 000 фунтов стерлингов, оставив для распределения между землевладельцем и рабочим только 100 000 фунтов стерлингов, или около восемнадцати процентов, что даже меньше доли, указанной Джив его работе того времени. При таких обстоятельствах плантатор мог накопить небольшой капитал, который помог бы ему улучшить свое земледелие.

Произошла революция, и с тех пор не существовало юридических препятствий для создания внутренних рынков, с помощью которых фермер мог бы иметь возможность снизить затраты на транспортировку своей продукции на рынок и навоза с рынка, таким образом предоставляя своей земле некоторые из тех преимуществ положения, которые в других местах в значительной степени увеличивают ее стоимость. Запретительные законы, однако, препятствовали постепенному развитию механического искусства, и в Виргинии не было сколько-нибудь заметных городов, хотя теми же обстоятельствами объяснялся тот факт, что Англия была готова пресечь все попытки конкурировать с ней в производстве ткани или железа. Территория первой занимала сорок миллионов акров, а ее широко разбросанное население составляло немногим более 600 000 человек. На Севере некоторые виды производства развивались медленно, и механиков было гораздо больше, и города постепенно превратились в очень маленькие городки; следствием этого было то, что фермер там, поддерживаемый ремесленником, который всегда был его союзником, был более способен защитить себя от торговца, который представлял иностранного производителя. Однако повсюду рост мануфактур был медленным, и, следовательно, повсюду было видно, как фермер истощает свои земли, выращивая пшеницу, табак и другие товары для отправки на отдаленные рынки, откуда навоз не мог быть возвращен. С истощением земли ее владельцы, конечно, обнищали, и возникла необходимость переселения людей, которые ее обрабатывали, на новые земли, которые, в свою очередь, были истощены. На Севере рабочий, оказавшийся в таких обстоятельствах, *удалился сам*. На Юге его пришлось *убрать*. Иногда плантатор покидал свою землю и отправлялся в путь со всеми своими людьми, но чаще он оказывался вынужден передавать одних своих рабов другим; и таким образом, внутренняя работорговля росла благодаря изнурительному процессу, которому подвергались земля и ее владелец.

Читатель может получить некоторое представление о степени имевшего место истощения, прочитав следующие выдержки из обращения к Сельскохозяйственному обществу округа Олбемарл, штат Вирджиния, одного из лучших представителей власти штата, почтенного Дж. Эндрю Стивенсон, покойный спикер Палаты представителей и посланник в Англии.

Рассматривая "реальное положение" вещей, говорящий спрашивает:

"Есть ли умный и беспристрастный человек, который может бросить взгляд на государство и не быть поражен истиной, какой бы прискорбной она ни была, что урожай большинства наших земель не только невелик пропорционально степени возделывания, но и что сами земли постепенно проседают и становятся все хуже при самой несовершенной и разорительной системе возделывания?" "Правда в том, - продолжает он, - что мы все должны чувствовать и знать, что дух совершенствования сельского хозяйства слишком долго угасал в Вирджинии и что сейчас он достигает точки на нисходящей шкале, после которой, если его не возродить, и

очень быстро, нашему штату придется оставаться не только третьим или четвертым по численности населения, как сейчас, но и согласиться занять свое место среди своих меньших сестер по Союзу".

Причину такого плачевного положения вещей он считает кроющейся в "пренебрежении научными знаниями" и "глубоко укоренившейся привязанности к старым привычкам возделывания", а также в "практике жестких посевов и неразумной ротации культур, что приводит к возделыванию большего количества земли, чем они могут удобрять или чем у них есть средства для улучшения"; а последствия проявляются в том факте, что по всей стране к востоку от Блу-Ридж средняя урожайность пшеницы "не достигает семи бушелей на акр", четыре из которых требуются для восстановления посевного материала и повышения урожайности. покрывать расходы на обработку, оставляя землевладельцу за свои услуги и за услуги ста акров земли триста бушелей, что по нынешним ценам составляет, вероятно, двести семьдесят долларов! Однако даже это не такая плохая иллюстрация, как в отношении другого густонаселенного района протяженностью более ста миль — между Линчбергом и Ричмондом, — в котором продукт оценивается *вне более шести бушелей на акр!* При таких обстоятельствах мы вряд ли можем удивиться, узнав от выступающего, что жители его великого штата, где изобилуют луга и существует мергель в неограниченном количестве, импортируют картофель из бедных штатов Севера и вынуждены зависеть от них в плане сена и масла, импортеры которых наживаются состояния, в то время как фермеры вокруг них повсеместно истощают свои земли и с каждым последующим годом получают все меньший урожай.

Почему это так? Почему Вирджиния должна импортировать картофель и сено, сыр и масло? С акра картофеля можно получить урожай в четыреста бушелей, а луга дают сено тоннами, и все же ее народ выращивает пшеницу, которой они получают шесть или семь бушелей с акра, и кукурузу, которой они получают пятнадцать или двадцать, и на эти продукты они покупают масло и сыр, свинину и картофель, которые приносят производителю пять долларов там, где они получают один, — и импортируют многие из этих товаров также из штатов, в которых изобилует промышленное население, и в которых все эти товары при естественном ходе вещей должны были бы стоить дороже, чем в Вирджинии, где все, даже при приеме на работу занимаются обработкой почвы. Ответ на эти вопросы следует искать в том факте, что государственные фермеры и плантаторы не могут производить навоз. Они выращивают пшеницу и кукурузу, которые отправляют на потребление в другое место; а люди, среди которых это потребляется, выбрасывают отходы на свои собственные земли и, таким образом, получают возможность выращивать урожай, исчисляемый тоннами, который они затем обменивают с производителями пшеницы, выращенной на земле, дающей шесть бушелей с акра.

"Сколько наших людей, — продолжает оратор, - мы видим, как они избавляются от своих земель по разорительным ценам и оставляют места своего рождения и друзей, чтобы поселиться на Западе; и многие не столько по собственному выбору, сколько из-за фактической неспособности прокормить свои семьи, вырастить и дать образование своим детям на продуктах своих истощенных земель, когда-то плодородных, но ставших бесплодными и непродуктивными из-за разрушительной системы возделывания.

"И насколько сильно усиливается это горе, когда мы становимся свидетелями, как мы часто это делаем, успехов и неудач в этой борьбе между отъездом и пребыванием со стороны многих эмигрантов. И сколько есть таких, кто после переезда остается всего на несколько лет, а затем

возвращается, чтобы снова захватить часть своей родной земли, и умирает там, где они родились. Как странно это напоминает нам бедного моряка, потерпевшего кораблекрушение, который, коснувшись в разгар шторма берега, цепляется за него, но отступающая волна уносит его в море; но, отбиваясь, истерзанный, он снова хватается за скалу кровотокающими руками и все еще цепляется за нее, как за последнюю и безнадежную надежду. И этому не стоит удивляться. Возможно, это был дом его детства — жилище его отцов для прошлых поколений — почва, на которую были потрачены сбережения и питание, энергия и добродетели долгой жизни — "пот живых и пепел мертвых".

- О! как трудно разорвать подобные узы.

"Это не мрачная картина воображения, а точное отображение того, что большинство из нас знает и считает правдой. У кого из нас не было какого—нибудь знакомого или соседа - какого-нибудь друга, возможно, какого-нибудь родственника, вынужденного влиться в этот поток эмиграции и вынужденного по необходимости, вероятно, на закате долгой жизни, покинуть свое Состояние и друзей, дом своих отцов и детства в поисках ненадежного пропитания в предполагаемых Эльдорадо на Западе?"

Это ужасная картина, и все же она является лишь указателем на еще худшую, которая должна следовать за ней. Молодец, милая. говорящий говорит, что...

"Есть еще одно зло, сопровождающее этот постоянный отток нашего населения на Запад, следующее по значимости после фактической потери самого населения, а именно его тенденция сохранять и расширять нашу убогую систему культивирования.

"В тот момент, когда некоторые люди чувствуют уверенность, что ради нынешней выгоды они могут истощить плодородие своих земель в старых Штатах, а затем оставить их для земель на Западе, которые, будучи богатыми, не нуждаются ни в помощи науки, ни в искусстве, естественной тенденцией является немедленное прекращение всех усилий по самосовершенствованию и уничтожение своей земли как можно быстрее — затем продать ее за то, что она принесет, или бросить как ненужную. И выяснится, что так обстоит дело со слишком многими эмигрантами из низменностей Вирджинии".

Другой выдающийся виргинец, мистер Раффин, призывая к восстановлению истощенных земель и задействию богатых, которые никогда не осушались, оценивает выгоды, которые может извлечь только Нижняя Виргиния, в 500 000 000 долларов. "Сила, физическая, интеллектуальная и моральная, а также доходы содружества будут", - говорит он,

"Вскоре получит новый и значительный прирост благодаря растущим улучшениям та, самая маленькая из крупных частей ее территории, которая была беднейшей по естественному строению — более того, беднейшей из—за долгой изнурительной обработки почвы - лучшее население ее исчезло или уезжает, а оставшаяся часть погрузилась в апатию и деградацию, и у нее не осталось никакой надежды, кроме той, которую почти все лелеяли, на бегство из разоренной страны и возобновление подобной разрушительной работы на плодородных землях дальнего Запада".

Если мы посмотрим дальше на Юг, то обнаружим такое же положение дел. Северная Каролина изобилует богатыми землями, неосушенными и невозделанными, а также изобилует углем и железной рудой. Ее площадь больше, чем у Ирландии, и все же ее население составляет всего

868 000 человек; и оно увеличилось всего на 130 000 за двадцать лет, а с 1830 по 1840 год прирост составил всего 16 000 человек. В Южной Каролине мужчины повсюду занимались именно тем, что было описано применительно к Вирджинии; и все же штат, как говорит губернатор Сибрук в своем обращении к Сельскохозяйственному обществу штата, обладает "миллионами необработанных акров непревзойденного плодородия, которые, кажется, требуют испытания своих сил от жителей плантационных штатов". "В ее пределах, - продолжает он, - едва ли найдется растительный продукт, необходимый человечеству, который нельзя было бы добыть". Мергеля и извести предостаточно, миллионы акров плодородных луговых угодий остаются в естественном состоянии, а "прибрежные округа, - добавляет он, - обладают неисчерпаемыми запасами соленой грязи, соленой травы и ракушечника". Тем не менее, тенденция к заброшенности земель была настолько велика, что за десять лет с 1830 по 1840 год белое население увеличилось всего на 1000 человек, а черное - на 12 000, тогда как естественный прирост дал бы 150 000!

Если учесть, что в Виргинии на момент окончания революции проживало 600 000 человек, то теперь, при обычных темпах прироста, без учета всех надбавок на иммиграцию, в ней должно было проживать 4 000 000 человек, или по одному на каждые десять акров; и никто, хоть сколько-нибудь знакомый с огромными преимуществами штата, не может усомниться в его способности содержать более чем в три раза больше этого числа.[45] Тем не менее, общее число в 1850 году составляло всего 1 424 000 человек, а прирост за двадцать лет составил всего 200 000 человек, тогда как должно было быть 1 200 000. Если читатель пожелает узнать, что стало со всеми этими людьми, он может найти большинство из них среди миллионов, населяющих сейчас Алабаму и Миссисипи, Луизиану, Техас и Арканзас; и если он захочет узнать, почему они сейчас находятся там, ответ на вопрос можно дать словами: "Они взяли займы у земли, и они не вернули долг, и поэтому она изгнала их". Было сказано, и верно сказано, что "нация, которая начинает с экспорта продовольствия, закончит экспортом людей".

Когда люди собираются вместе и объединяют свои усилия, они получают возможность задействовать все обширные и разнообразные силы земли; и чем больше их объединяется, тем выше ценность земли, тем больше спрос на рабочую силу, тем выше ее цена и тем больше свободы человека. Когда же, напротив, они отделяются друг от друга, то тем больше тенденция к снижению стоимости земли, тем меньше ценность труда и тем меньше свобода человека. В таком случае, если мы хотим установить конечную причину существования внутренней работорговли, то, по-видимому, необходимо только установить причину истощения земель. Причину, обычно приводимую для этого, можно найти в следующем отрывке, извлеченном из одного из современных английских журналов.—

"Способ ведения сельского хозяйства, обычно совпадающий с применением рабского труда, по существу исчерпывающий и, следовательно, приспособленный только к девственным богатствам недавно колонизированной почвы. Раб может сажать, копать и мотыжить: он работает грубо и лениво грубыми инструментами, и его неохотные ноги изо дня в день ступают по одному и тому же пути принудительного труда. Но рабский труд не приспособлен к операциям научного земледелия, которое восстанавливает свои богатства на истощенной почве; и установлено, что плантаторы Северных рабовладельческих штатов, таких, как, например, Вирджиния, постепенно покидают старые очаги цивилизации и продвигаются все дальше и дальше вглубь еще не обработанной страны. Табак был основным продуктом питания Вирджинии в течение многих лет после того, как эта прекрасная провинция была

колонизирована англичанами. Это истощило почву; посевы зерновых увенчались успехом и оказались едва ли не менее изнурительными; и эмиграция как белого, так и цветного населения на Запад и Юг имела место в очень больших масштабах, результат можно передать словами американского очевидца: "Та часть Вирджинии, которая лежит на приливных водах, представляет собой явление всеобщего упадка. Его население уменьшается, и он день ото дня погружается во все меньшую глубину истощения и бедности. Страна между тайд-уотерс и Голубым хребтом быстро переходит в то же состояние. Маунт-Вернон - это пустынная пустошь; Монтичелло немногим лучше, и те же обстоятельства, которые привели в запустение земли Вашингтона и Джефферсона, привели к обнищанию всех плантаторов в штате. Вряд ли кому-то удалось спастись, за исключением владельцев богатых донных земель вдоль реки Джеймс, плодородие которых, кажется, трудно полностью уничтожить". [46] Плантатор из Вирджинии относится к своей плантации почти так же, как ирландский землевладелец, отсутствующий в Ирландии, относится к своему поместью; забота о земле в каждом случае передается посреднику, который стремится получить от нее как можно большую прибыль в виде продукции или ренты; результатом в обоих случаях являются денежные затруднения. Но до тех пор, пока каждый фунт хлопка, выращенного на Миссисипи и Ред-Ривер, находит нетерпеливых покупателей в Ливерпуле, цены на рабов в этих районах не могут не расти. Во многих случаях плантатор Северных рабовладельческих Штатов эмигрирует в регион, где он может использовать свой капитал в виде костей и сухожилий с большей прибылью, чем дома. Во многих других он превращает свою плантацию в заведение по разведению рабов и продает растущий скот в обмен на работу на хлопковых полях". — *Перспективное обозрение* ноябрь 1852 г.

К сожалению, однако, для такого рассуждения точно такое же истощение наблюдается и в Северных Штатах, в чем читатель может убедиться, внимательно прочитав высказывания по этому предмету, сделанные профессором Джонсоном в его "Заметках о Северной Америке", примером которых являются следующие:

"Истощение привело к сокращению производства земли, которая ранее была основным продуктом питания страны. Когда пшеница опала, ячмень, который поначалу давал пятьдесят или шестьдесят бушелей, выращивали год за годом, пока земля не перестала быть такой и не заросла сорняками". — Том i. 259.

Севооборот культур не может осуществляться на расстоянии от рынка сбыта. Исчерпывающий характер системы хорошо показан в следующем отрывке:—

"В штате Нью-Йорк насчитывается около двенадцати миллионов акров улучшенной земли, которая включает в себя все луга и огороженные пастбища. На этой территории занято около пятисот тысяч рабочих, что составляет в среднем двадцать четыре акра в руки. При таком соотношении количество акров улучшенной земли в Соединенных Штатах составляет сто двадцать миллионов. Но Нью-Йорк - старый и более густонаселенный штат, чем в среднем по Союзу; и, вероятно, двадцать пять акров на душу населения - более справедливая оценка для всей страны. При таком раскладе общая сумма составляет сто двадцать пять миллионов. Можно с уверенностью сказать, что по меньшей мере четыре пятых этих улучшенных земель в настоящее время находятся в большей или меньшей степени в состоянии деградации.

"Плодовитость некоторых растений, особенно в период посева, быстро снижается; в других истощение происходит настолько медленно, что сами земледельцы этого почти не замечают.

Чтобы оставаться в рамках истины, можно сказать, что годовой доход от обработки почвы уменьшился на десять центов с акра на сто миллионов акров, или на четыре пятых всей площади.

Эта потеря дохода составляет десять миллионов долларов и равна потере капитала в сто шестьдесят шесть миллионов шестьсот шестьдесят шесть тысяч долларов в год с уплатой шести процентов. ежегодный процент. Что улучшенные сельскохозяйственные угодья могут справедливо рассматриваться как капитал и справедливое вложение при выплате шести процентов. проценты, причем совершенно безопасные, никто не будет отрицать. Это ухудшение не является неизбежным, поскольку тысячи умелых фермеров заняли поля с низкой естественной продуктивностью и, вместо того чтобы уменьшить их плодородие, добавили к своему годовому доходу десять центов с акра сверх всех расходов. Если бы эта мудрая и улучшающая система ротационной обработки почвы и земледелия была принята повсеместно или применялась к ста миллионам акров, которые в настоящее время истощаются, это было бы эквивалентно ежегодному созданию дополнительного капитала в размере ста шестидесяти шести миллионов шестисот шестидесяти шести тысяч долларов и размещению его в постоянной недвижимости, где за него платили бы шесть процентов. годовой процент. Для всех практических целей разница между двумя системами составляет триста тридцать три миллиона триста тридцать три тысячи долларов в год для страны.

"Восемь миллионов акров [в штате Нью-Йорк] находятся в руках трехсот тысяч человек, которые все еще придерживаются колониальной практики извлечения из целины всего, что она даст, при условии, что это окупит затраты на ее обработку, а затем оставит ее на скудном, бедном пастбище на несколько лет. Некоторые из этих обедневших ферм, которые семьдесят пять лет назад производили в среднем от двадцати до тридцати бушелей пшеницы с акра, сейчас дают урожайность всего от пяти до восьми бушелей. В чрезвычайно интересном труде, озаглавленном "Американское земледелие", опубликованном в Лондоне в 1775 году и написанном американцем, на странице 98, том i, можно найти следующие замечания: "Пшеница во многих частях провинции (Нью-Йорк) дает больший урожай, чем обычно в Англии. На хороших землях около Олбани, где климат самый холодный в стране, они сеют два бушеля и выше с акра и собирают урожай *от двадцати до сорока*; последнее количество, однако, встречается нечасто, но от двадцати до *тридцати* - обычное дело; и при таком плохом земледелии, которое не дало бы ничего подобного в Англии, а тем более в Шотландии. Это связано с *богатством и свежестью* этой земли".

"Согласно переписи населения штата 1845 года, округ Олбани в настоящее время производит всего семь с половиной бушелей пшеницы с акра, хотя его фермеры находятся на берегу прилива и недалеко от столицы штата, с хорошим внутренним рынком сбыта и обладают всеми возможностями для закупки самых ценных удобрений. Округ Датчесс, также расположенный на реке Гудзон, производит в среднем всего пять бушелей с акра; Колумбия - шесть бушелей; Ренсселер - восемь; Вестчестер - семь; что выше среднего показателя почв, которые когда-то давали большую отдачу, чем пшеничные угодья Англии, даже при "плохом земледелии".

"Полное восстановление восьми миллионов акров частично истощенных земель в штате Нью-Йорк обойдется по меньшей мере в среднем в двенадцать с половиной долларов за акр, или в совокупности в сто миллионов долларов. Нелегкая задача - восполнить всю содержащуюся в плесени костную землю, поташ, серу, магнезию и органический азот, израсходованные на

поле, которое неразумно обрабатывалось пятьдесят или семьдесят пять лет. Фосфор нигде не является распространенным минералом, и его *подпочва* является едва ли не единственным ресурсом земледельца после того, как его поверхностная почва потеряла большую часть своих фосфатов. Триста тысяч человек, которые обрабатывают эти восемь миллионов акров бедных почв, ежегодно производят на двадцать пять долларов меньше каждый, чем если бы земля не пострадала.

Совокупный ущерб государству и миру от этих действий составляет семь миллионов пятьсот тысяч долларов в год, или более семи процентов. проценты от того, во что обойдется восстановление поврежденных почв. Нет никакой возможности избежать этого подавляющего налога на рабочую силу в размере семи миллионов пятисот тысяч долларов, кроме как улучшить землю или сбежать и оставить ее". —*Отчет патентного ведомства, 1849 г.*

Не рабство приводит к истощению почвы, а истощение почвы приводит к продолжению рабства. Народ Англии поднялся от рабства к свободе по мере того, как земля была улучшена и стала продуктивной, и по мере того, как все большее число людей получило возможность добывать средства к существованию с той же поверхности; и именно по мере того, как земля таким образом приобретала ценность, они становились свободными. Так же было и с каждым народом, который получил возможность возвращать земле удобрения, производимые ее продуктами, благодаря тому, что у них был рынок сбыта у себя дома. Напротив, в мире нет страны, в которой люди были бы лишены возможности улучшать свою землю, в которой не сохранялось бы рабство, которое усиливалось бы по мере того, как земля становилась все более и более истощенной, как мы видим, это имело место в Вест-Индии. Именно этой постоянной разлукой друг с другом объясняется бедность и слабость Юга. В конце Революции в ныне рабовладельческих штатах проживало, вероятно, 1 600 000 человек, и в этих штатах было около 120 000 000 акров земли, что давало в среднем около восьмидесяти акров каждому. В 1850 году население выросло до 8 500 000 человек, разбросанных по более чем 300 000 000 акров, каждому из которых отводилось около сорока акров. Следствием такого разброса является то, что производительная мощность очень мала, как здесь видно из оценки за 1850 год, взятой из южного журнала с высокой репутацией:—[47]

Хлопок.....	105,600,000
табачными изделиями.....	15,000,000
рис.....	3,000,000
военно-морской магазинах.....	2,000,000
сахар.....	12,396,150
конопля.....	695,840 138,691,990

Если мы теперь добавим для продуктов равное количество, и это
, безусловно, намного превышает истину..... 138,691 990
И для всех других продуктов..... 22,616,020

Получаем..... \$300,000,000

как общее производство восьми с половиной миллионов человек, или около 35 долларов на душу населения. Общее производство Союза в 1850 году не могло быть меньше 2500 миллионов; и если мы вычтем из этой суммы вышеуказанное количество, то получим оставшиеся 2150 миллионов как продукт четырнадцати с половиной миллионов северян, или более чем в четыре раза больше на душу населения. Разница вызвана тем фактом, что на Севере ремесленники расположились поближе к фермеру, выросли города, и обмены осуществляются легче, и фермер не обязан в такой же степени истощать свои земли, и, следовательно, расселение происходит медленнее; и во многих Штатах существует повышенный спрос на те товары, которые в основном производит земля, такие как картофель, капуста, репа и т.д. и т.п. С каждым шагом в процессе объединения на Севере люди стремятся стать более свободными; тогда как расселение населения на севере увеличивается. Юг повсюду производит торговлю рабами, на которую жалуется мир и которая вскоре прекратила бы свое существование, если бы можно было заставить ремесленника занять его место рядом с производителем продуктов питания и хлопка. Почему он не может этого сделать, можно найти в словах из недавней речи мистера Кардуэлла, члена парламента от Ливерпуля, поздравляющего народ Англии с тем фактом, что свободная торговля нанесла такой большой ущерб хлопководству этой страны, что внутреннее потребление сокращается из года в год. В этом кроется секрет внутренней работорговли Юга и ее слабость, которая сейчас так очевидна. Ремесленник повсюду был союзником фермера, и Юг не смог сформировать этот союз, последствия которого видны в том факте, что он постоянно экспортирует людей и сырье и истощает свою почву и самого себя: и чем больше тенденция к истощению, тем сильнее настроения сторонников рабства. То, что так должно быть, вполне естественно. Человек, истощающий свою землю, придает ей мало ценности и он покидает ее, но он придает большую ценность рабу, которого может увезти с собой. Сторонники рабства впервые проявились в период между 1830 и 1840 годами. До 1832 года в Мэриленде, Вирджинии и Кентукки существовала большая тенденция к свободе, но она исчезла; и причину, по которой это произошло, можно видеть в значительно возросшей тенденции к отказу от старых штатов, выращивающих табак и хлопок, как показано здесь:

1820. 1830. 1840. 1850.

Общая численность населения:

Вирджиния..... 1,065,379 1,211,405 1,239,797 1,424,863
Южная Каролина..... 502,741 581,185 594,398 668,247

Коэффициент увеличения:

Вирджиния..... 13,6 2,3 15,2
Южная Каролина..... 15.6 2.3 12.4

С увеличением экспорта рабов на Юг коэффициент прироста негритянского населения снизился, тогда как оно росло с ростом способности раба оставаться дома, как показано здесь:—

1820. 1830. 1840. 1850.

Общее чернокожее
население: 1,779,885 2,328,642 2,873,703 3,591 000
Коэффициент
увеличения..... 30 30.8 24 25

Таким образом, мы видим, что чем больше чернокожего населения может оставаться дома, тем быстрее оно увеличивается; и причина, по которой это так, заключается в том, что дома они находятся среди своих соплеменников, которые знают их с младенчества, и, конечно, их лучше кормят и одевают, с ними более бережно обращаются и с ними легче работают, с гораздо большей тенденцией к свободе. Отсюда следует, что если мы хотим добиться свободы негра, мы должны попытаться остановить внутреннюю работорговлю и дать возможность рабу и его хозяину оставаться дома; а для этого мы должны обратиться к причинам разницы в масштабах торговли в упомянутые выше периоды. Сделав это, мы обнаружим, что с 1820 по 1830 год наблюдалась решительная тенденция к переходу ремесленника на сторону пахаря; тогда как с 1833 по 1840 год тенденция была очень сильной в противоположном направлении и так продолжалось до 1842 года, когда произошли изменения, и продолжалось почти до конца десятилетнего периода, когда наша нынешняя система доходов полностью вступила в действие. Ремесленник теперь перестал вставать на сторону плантатора. По всей стране закрыты хлопчатобумажные и шерстяные фабрики, печи и литейные цеха, а женщины и дети, которые выполняли более легкую работу по переработке хлопка в ткань, теперь продаются для более тяжелой работы на хлопковых полях, о чем свидетельствует следующее объявление, вышедшее всего несколько недель назад:-

ПРОДАЖА НЕГРОВ.—Негры, принадлежащие производственной компании "Салуда", были проданы вчера за четверть наличных, остаток за один и два года, с процентами, и составили в среднем 599 долларов. Мальчики от 16 до 25 лет приносили от 900 до 1000 долларов. — *Колумбия, (Южная Каролина), Баннер, 31 декабря 1852 г.*

Как необходимое следствие этого, внутренняя работорговля в настоящее время в значительной степени увеличивается, о чем свидетельствует следующая выдержка из недавнего журнала:—

"Эмиграция в южную часть Арканзаса, Луизианы и Техаса прошлой осенью была необычайно большой, и прилив, который ежедневно проходит по нашим улицам, указывает на то, что ее количество уменьшилось, но незначительно, если вообще уменьшилось. На противоположном берегу реки разбито лагерем около пятидесяти повозок, в которых, вероятно, находится не менее двухсот пятидесяти душ. Каждую ночь в течение двух недель там стояло лагерем в среднем не менее двадцати пяти фургонов; и, несмотря на то, что между берегами постоянно курсировали два ручных парома, ежечасное увеличение их числа делает уменьшение едва заметным". -*Литл-Рок. (Арк.) "Вестник", 3 декабря 1852г.*

Если бы член парламента от Ливерпуля знал, что ослабление тенденции к переносу хлопчатобумажных фабрик на хлопковые поля сопровождалось все большим истощением земель, все большим обнищанием и все большей неспособностью использовать богатые почвы старых Штатов, и что с каждым таким шагом возрастала *необходимость* в изгнании населения этих Штатов, сопровождавшееся увеличением числа жертв в результате внутренней работорговли, он, несомненно, поколебался бы, прежде чем поздравить парламент с событием, столь враждебным прогрессу свободы.

В том, что экспорт негров с сопутствующим ему нарушением прав родителей и детей и с его естественной тенденцией к полному забвению святости брачных уз берет свое начало в истощении земель, не может быть никаких сомнений - и что это, в свою очередь, берет свое начало в необходимости зависимости от отдаленных рынков, также не подлежит сомнению. Человек, которому приходится добираться со своими продуктами на большое расстояние, не может выращивать картофель, репу или сено. Он должен выращивать менее громоздкие продукты, пшеницу или хлопок, и он должен забрать с своей земли все элементы, из которых состоит пшеница или хлопок, а затем отказаться от нее. В дополнение к этому, он должен поставить все свои шансы на успех при выращивании в течение года одной культуры; и каковы последствия этого, показано в следующем параграфе применительно к выращиванию пшеницы в Вирджинии в прошлом сезоне:—

"Никогда не знал, что в этом штате происходит такое уничтожение урожая пшеницы; я только что вернулся из Албемарла, одного из лучших графств. Червь-косатка, новый враг, существование которого известно уже три года, повредил весь урожай и уничтожил множество растений в этом и других графствах по обе стороны и вдоль Голубого хребта. Я видел много полей, которые давали не больше семян, и немало таких, с которых нельзя было подсчитать ни одного пека с акра. Я видел не одно поле без кочана. Самые удачливые рассчитывают только на половину урожая. Кукуруза растет в низовьях реки Джеймс, на территории моей собственной фермы. Сегодня я услышал от своего управляющего, что появилась гусеница, которая должна нанести серьезный ущерб поздней пшенице".

Этому государству не разрешается ничего делать, кроме как выращивать пшеницу и табак, которые оно должно экспортировать, и чем больше экспорт, тем меньше прибыль, в соответствии с системой "неограниченной конкуренции" за продажу сырых продуктов и ограниченной конкуренции за покупку произведенных, установление которой является целью британской политики. Вирджиния ограничена не только в применении своего труда, но и в значительной степени в масштабах своего рынка сбыта из-за неравномерного распределения доходов от продажи своей продукции. Фунт табака, за который потребитель платит 6 центов (1,44 доллара), приносит ему менее шести центов, вся разница покрывается людьми, которые стоят между ним и потребителем и которые ничего не вносят в производство его товара.[48]

Теперь совершенно ясно, что если бы потребитель и он сам стояли лицом к лицу друг с другом, он получил бы все, что было уплачено, и что в то время как один покупал бы по более низким ценам, другой продавал бы по более высоким, и оба разбогатели бы. Трудность с ним заключается не только в том, что его земля истощена, но и в том, что он получает лишь очень малую часть цены, уплаченной за ее продукцию, и, таким образом, он, подобно рабочему Ямайки, истощен из-за высоких налогов, которым он подвергается для поддержки иностранных торговцев и иностранных правительств. Вследствие всего этого его земля имеет небольшую ценность, и он обнаруживает, что год от года становится беднее, и каждый год ему приходится продавать негра для уплаты налога на табак и пшеницу, которым он таким образом облагается, пока, наконец, ему не придется ехать самому. Если читатель желает изучить работу этой системы налогообложения, он не найдет ничего лучше, чем прочитать первую главу "Хижины дяди Тома", содержащую переговоры между Хейли и мистером Шелби о передаче дяди Тома, в результате которых тот погиб в дебрях Арканзаса.

Чем больше необходимость в истощении земель и продаже негров, тем дешевле, однако, будут пшеница и хлопок. Дядя Том мог бы остаться дома, если бы власть в стране сохранялась и если бы Вирджиния могла воспользоваться своими огромными ресурсами угля, железной руды, гидроэнергетики и т. Д.; Но поскольку она не могла этого сделать, ему пришлось отправиться в Арканзас выращивать хлопок: и чем масштабнее внутренняя работоторговля, тем сильнее должно было падать цены на этот важнейший продукт питания Юга. Ни в один период эта торговля не была такой крупной, как в период с 1830 по 1840 год, и последствия этого видны в следующих сравнительных ценах на хлопок:—

Урожай 1831 и 1832 годов, в среднем 10-1/2. 1841 и 1842 годов, в среднем 7.

Экспорт негров сократился между 1842 и 1850 годами, и следствием этого является то, что с тех пор цена хлопка сохранилась. С закрытием южных фабрик работоторговля теперь снова быстро растет, и последствия будут видны в значительном снижении цен на этот важный продукт труда и земли южан.

Теперь читатель заметит, что именно в период с 1830 по 1840 год исчезла тенденция к эмансипации - что именно в этот период были приняты различные законы, препятствующие образованию негров - что именно в этот период произошел наибольший рост внутренней работоторговли - и наибольшее снижение цен на хлопок. Отметив эти моменты и убедившись, что они, все без исключения, происходят из того факта, что плантатор вынужден зависеть от внешних рынков и, следовательно, истощать свои земли, он сможет судить о точности точки зрения, содержащейся в следующем предложении :

"Цена негра на Ред—Ривер меняется в зависимости от цены хлопка в Ливерпуле, и все, что ведет к снижению стоимости основного продукта питания здесь, не только дает неоценимое преимущество нашему собственному производственному населению, но и делает рабский труд менее прибыльным и, следовательно, менее постоянным в Алабаме". -*Перспективное обозрение*, № xxxii. 512.

Было бы хорошо, если бы филантропия и денежная прибыль могли таким образом работать вместе, но, к сожалению, это не так. Когда люди получают возможность сблизиться друг с другом и объединить свои усилия, и возникают города, земля приобретает большую ценность и постепенно делится, и с каждым шагом в этом направлении негр теряет свою значимость в глазах своего владельца. Однако, когда люди вынуждены покидать землю, которую они истощили, она консолидируется, и движимое имущество приобретает значимость в глазах его владельца-эмигранта. При таких обстоятельствах земля не может быть разделена после смерти, и, следовательно, негры должны; и, следовательно, такая реклама, как следующая, является необходимым следствием системы, которая ориентируется на дешевую пшеницу, дешевый сахар и дешевый хлопок.

ВЫСОКАЯ ЦЕНА НА НЕГРОВ.—Мы извлекаем следующее из Бухгалтерской книги *Ланкастера* (Южная Каролина) от 5 января прошлого года:—

Мы присутствовали на распродаже негров , принадлежащих к поместью покойного С. Бикман, 22 числа прошлого месяца, и были несколько удивлены высокой ценой, заплаченной за негров.

Негры приносили от 800 до 1000 долларов, причем большее количество по последней цене или около нее. Один (кузнец) принес 1425 долларов.

Мы узнаем из *Реестра* Уинсборо, что в понедельник, 3 января, Уполномоченный по вопросам справедливости округа Фэрфлелд провел крупную распродажу негров, которые в основном принадлежали покойному Джеймсу Гибсону. Негры были весьма вероятны и стоили в среднем около 620 долларов за штуку. Продажи осуществлялись в кредит сроком на двенадцать месяцев.—*Чарльстонский курьер (Южная Каролина)*.

Чем больше плантатор вынужден зависеть от табака, тем ниже будет его цена за границей и тем больше ему придется истощать свои земли. Чем быстрее истощение, тем больше должна быть склонность к эмиграции. Чем больше необходимость зависит исключительно от пшеницы, тем больше необходимость создавать для нее рынок сбыта путем выращивания рабов для продажи: и в нескольких старых южных штатах плантатор теперь не зарабатывает ничего, кроме того, что является результатом увеличения "поголовья".

Из всех экспортеров продовольствия Англия является крупнейшим, сказал один выдающийся английский торговец в речи, произнесенной несколько лет назад. В некоторых частях этой страны из него изготавливают железо, а в других - ткань, чтобы он мог дешево путешествовать, и это вполне соответствует совету Адама Смита. Однако с целью помешать другим нациям следовать курсом, к которому так настойчиво призывал их этот великий человек, рабочая сила была удешевлена, и мужчины и женщины, мальчики и девочки были приучены работать вместе в одной шахте, и часто в состоянии *полной наготы*; в то время как другие женщины и дети были вынуждены работать по четырнадцать или шестнадцать часов в день в течение шести дней в неделю за небольшую плату на фабрике или в мастерской — и это было сделано в соответствии с советом мистера Хаскиссона, который со своего места в парламенте сказал его соотечественники утверждали, что для того, "чтобы дать капиталу справедливое вознаграждение, *труд должен быть сокращен*", то есть рабочий должен быть лишен возможности самостоятельно определять, на кого он будет работать и какова должна быть его награда. Было необходимо, как тогда заявил другой из самых выдающихся государственных деятелей Британии, "чтобы мануфактуры всех других наций были задушены в их зачаточном состоянии", и это с того дня и по настоящее время было целью британской политики. Поэтому Англия сейчас является таким крупным экспортером продуктов питания, перерабатываемых в ткани и железо. Жители Массачусетса перерабатывают свое зерно в рыбу, ткани и различные другие товары, чтобы оно могло дешево доставляться на рынок. Жители Иллинойса, неспособные перерабатывать свою кукурузу в уголь или железо, вынуждены перерабатывать ее в свинину. Житель Вирджинии, если бы мог, перерабатывал бы свое зерно и пшеницу в ткань или в уголь и железо; но этого он не может сделать, хотя и находится недалеко от производителя хлопка и занимает землю, изобилующую всем сырьем, из которого состоят машины, и обладающую к тому же обильной рабочей силой, которая расходуется впустую. Причина, по которой он не может этого сделать, заключается в том, что Англия следует совету мистера Хаскиссона и удешевляет рабочую силу с целью помешать другим нациям последовать совету Адама Смита. Поэтому вся энергия государства направляется на выращивание табака и зерна, которые должны вывозиться за границу, а поскольку последнее в своем грубом состоянии не может приносить прибыли, его необходимо производить, и единственная отрасль

производства, разрешенная виргинцу, - это производство негров, и поэтому их экспорт так велик, а хлопок так дешев.

Ход событий был бы совершенно иным, если бы ему было разрешено использовать разумную часть своих людей для освоения огромных ресурсов государства — открытия шахт, возведения печей, выплавки чугуна, изготовления машин и строительства заводов. Тогда меньше людей выращивало бы зерно и больше было бы занято его потреблением, и цена дома тогда поднялась бы до уровня цен на отдаленном рынке, и, таким образом, земля приобрела бы ценность, в то время как затраты на выращивание негров возросли бы. Тогда выросли бы города, обмен производился бы на месте, и таким образом плантатор получил бы возможность удобрять свою землю. Труд стал бы более производительным, и в обмен на труд можно было бы давать больше товаров; и чем быстрее увеличивался бы объем производства, тем сильнее была бы тенденция к тому, чтобы дать рабочему возможность определять, на кого он будет работать и каково должно быть его вознаграждение. Тогда население быстро увеличилось бы, и земля была бы разделена, и можно было бы видеть, как маленький чернокожий культиватор капусты и картофеля занимает место бедного белого владельца больших участков истощенной земли, и таким образом негр стремился бы к свободе по мере того, как его хозяин обогащался. Однако, вероятно, ничего подобного не произойдет до тех пор, пока жители Вирджинии будут продолжать придерживаться мнения, что путь к богатству лежит в направлении забирать все у земли и ничего не возвращать ей — и, возможно, до тех пор, пока народ Англии будет продолжать придерживаться решения о том, что в мире должна быть только одна мастерская, и претворять это решение в жизнь путем "сокращения рабочей силы" в соответствии с советом мистера Хаскиссона.

Тенденция к заброшенности старых государств сейчас, вероятно, сильнее, чем когда-либо, потому что их жители перестали строить мельницы или печи, и все указывает на еще более полное истощение почвы. Чем больше они покидают землю, тем больше они стремятся получить займы в Англии для строительства дорог; и чем больше займов, тем стремительнее бегство и тем большее количество негров поступает на рынок.

Газета из Северной Каролины информирует своих читателей, что...

"Торговый дух полностью поднялся. Прошло несколько дней с тех пор, как мистер Д. У. Баллок продал компанию Messrs. У. М. Норфлит, Роберт Норфлит и Джон С. Дэнси - плантация и 18 негров за 30 000 долларов. Мистер Р. Р. Бриджес переходит к У. М. Ф. Дэнси - 6 акров земли недалеко от города за 600 долларов. Как мы также знаем, на распродаже в Уилсоне негры без дополнительной квалификации были проданы по цене 1225 долларов ". —*Южанин из Тарборо*.

Редактор из Южной Каролины сообщает своим читателям, что

"На открытом аукционе в четверг компания Thomas Ryan & Son продала пятнадцать вероятных негров за 10 365 долларов, или в среднем за 691 доллар. Трое мальчиков в возрасте около семнадцати лет принесли следующие суммы, а именно. \$1065, \$1035, \$1010, и двое по 1000 долларов - в среднем 1022 доллара. Кейперс Хейворд продал банде из 109 негров по семьям. Две или три семьи в среднем получали от 1000 до 1100 долларов за каждого человека; а вся продажа составила в среднем 550 долларов. К. Г. Уитни продала двух вероятных домашних служанок — одну за 1000 долларов, другую за 1190 долларов ". —*Чарльстонский курьер*.

По мере того, как население старых штатов все больше и больше ограничивается накоплением "акций" в качестве единственного источника прибыли, должны ли мы удивляться, видя, что настроения сторонников рабства усиливаются день ото дня, как это показано здесь?

ВЫДВОРЕНИЕ СВОБОДНЫХ ЦВЕТНЫХ ЛЮДЕЙ ИЗ ВИРДЖИНИИ.—В Палате делегатов Вирджинии был представлен законопроект, предусматривающий назначение надзирателей, которые должны будут сдавать в аренду на публичных торгах всех свободных цветных людей тому, кто предложит самую высокую цену, и вносить в государственную казну суммы, вырученные от такого найма. В будущем эти суммы должны быть направлены на отправку свободных цветных людей за пределы штата. По истечении пяти лет все свободные цветные лица, оставшиеся в штате, должны быть проданы в рабство тому, кто предложит самую высокую цену, на публичных торгах, выручка от таких продаж должна быть внесена в государственную казну при условии, что указанным свободным цветным лицам будет предоставлена привилегия стать рабами любого свободного белого человека, которого они могут выбрать, при уплате таким лицом справедливой цены.

Двадцать лет назад Вирджиния готовилась к освобождению рабов. Теперь она готовится к порабощению свободных. Если читатель захочет узнать причину этой великой перемены, он может найти ее в том факте, что человек повсюду стал менее свободным по мере того, как земля стала менее ценной.

На ком же теперь должна лежать ответственность за такое положение вещей, какое здесь представлено? На плантаторе? Он не проявляет никакой воли. Он окружен углем и железной рудой, но попытка превратить их в железо почти неизменно приводила к разорению. Он обладает огромными природными силами, готовыми повиноваться его воле, и все же он не смеет купить веретено или ткацкий станок, которые позволили бы ему использовать свою ныне расточаемую рабочую силу, поскольку подобные попытки привлечь потребителя на сторону производителя почти неизменно заканчивались обнищанием проектанта, продажей и рассеянием его работников. Он вынужден согласовывать свои операции с политикой, которая направлена на то, чтобы иметь только одну мастерскую на весь мир; и вместо того, чтобы цивилизовать своих негров, привлекая их к совместной работе, он должен варварствовать в них путем рассеивания. Будучи порождением необходимости, он не может нести ответственность; но ответственность должна и будет лежать на тех, кто создает эту необходимость.

Чем меньше сила ассоциации в Северных рабовладельческих штатах, тем стремительнее должен быть рост внутренней работорговли, тем сильнее должно быть падение цен на пшеницу, хлопок и сахар, тем больше должна быть тенденция к переходу мужчин, подобных дяде Тому, а также женщин и детей с легкого труда Севера на тяжелый труд Юга и Юго-запада — но тем больше, как нам говорят, должно быть процветание народа Англии. К сожалению для всего мира, страна, обладающая таким большим влиянием, приняла политику, столь враждебную цивилизации и свободе не только негритянской расы, но и человечества в целом. Однако вероятность изменения, по-видимому, невелика. Стремясь превратить себя в большую мастерскую, она неизбежно желает, чтобы весь остальной мир превратился в одну большую ферму, которую обрабатывали бы мужчины, женщины и дети, лишенные всех других средств занятости. Это, конечно, запрещает ассоциации, которые сокращаются по мере истощения земель. Отсутствие ассоциаций запрещает существование школ или мастерских, книг или инструкций, и люди становятся варварами, тогда как при другой системе они могли бы и стали

бы цивилизованными. Тенденция к свободе проходит, как мы видим, это имело место в последние двадцать лет, но вместо свободы и в качестве компенсации за ужасы Ямайки и внутренней работорговли великая мастерская мира снабжается дешевым зерном, дешевым табаком, дешевым сахаром и дешевым хлопком.

Будь Адам Смит жив, он мог бы и, вероятно, потрудился бы сообщить своим соотечественникам, что система, направленная на истощение земель других стран и порабощение их населения, была "явным нарушением самых священных прав человечества"; но с тех пор доктрины "Богатства народов" были отвергнуты, и ее автор обнаружил, что обращается к слушателям с большей неохотой, чем даже люди, для которых он писал восемьдесят лет назад. В то время еще не было сделано воображаемого открытия, что люди всегда начинали с богатых почв и переходили, по мере роста населения и богатства, к более бедным; и о мальтузианском законе народонаселения еще не думали. Однако теперь все, что имеет тенденцию ограничивать рост населения, как нам говорят, должно рассматриваться как великое благо; и поскольку внутренняя работорговля достигает этой цели одновременно с поставкой дешевого хлопка, вряд ли можно ожидать каких-либо изменений; и все же, если где-то не будут внесены изменения, за границей или дома, мы должны волей-неволей смириться с сохранением существующей системы, которая исключает образование, почти исключает супружество, разлучает мужей и жен, родителей и детей и отправляет женщин на полевые работы.

ГЛАВА XI.

КАК РАСТЕТ РАБСТВО В ПОРТУГАЛИИ И ТУРЦИИ.

По природным преимуществам Португалия не уступает ни одной стране Западной Европы. Ее почва способна давать практически все виды зерновых, а климат позволяет выращивать виноградную лозу и оливки. Минеральные богатства изобилуют, и ее реки дают значительной части страны все возможности для дешевого общения; и все же ее народ - один из самых поработанных, в то время как ее правительство - самое слабое и презренное в Европе.

Прошло уже полтора столетия с тех пор, как Англия предоставила ей то, что считалось чрезвычайно важными преимуществами в отношении вина, при условии, что она откажется от ремесленников, которые были привлечены на сторону ее фермеров, и позволит народу Англии снабжать свой народ определенными описаниями изделий. О каких пошлинах тогда договаривались, не указано ни в одной из имеющихся в настоящее время книг, но в соответствии с положениями договора, заключенного в 1810 году, ткани всех видов должны были облагаться исключительно налогом на прибыль в размере от десяти до пятнадцати процентов. Естественным следствием этой системы стало то, что мануфактуры, которые до заключения Метуэн-ского договора развивались в этой стране, погибли под воздействием иностранной конкуренции, и население постепенно оказалось ограничено исключительно сельскохозяйственными занятиями. Механики не находили там места для проявления своих талантов, города не могли расти, школы не могли возникать, и результат виден в следующем абзаце:—

"Удивительно, насколько невежественны или, по крайней мере, поверхностно знакомы португальцы со всеми видами ремесел; плотник неуклюж и неповоротлив, портит каждую работу, за которую берется, а способ отделки дверей и деревянных изделий даже в хороших домах подошел бы для самых грубых эпох. Их экипажи всех видов, от семейной кареты фидалго

до крестьянской рыночной телеги, их сельскохозяйственные орудия, замки и ключи и т. Д., До смешного плохи. Они, кажется, презируют усовершенствования и настолько бесконечно ниже своего уровня, настолько разительно уступают остальной Европе, что в середине девятнадцатого века представляли собой своего рода постыдное чудо".—Бейли.

Население, которое полвека назад составляло 3 683 000 человек, сейчас сократилось до немногим более 3 000 000; и нам не нужно лучшего доказательства поработавшей и изматывающей тенденции политики, которая ограничивает целый народ, мужчин, женщин и детей, полевыми работами. В конце почти полуторавекового периода существования этой системы в работе, пользующейся высокой репутацией, дается следующая картина состояния страны и силы правительства:—

"Финансы Португалии находятся в самом плачевном состоянии, казна иссякла, страдают все отрасли государственной службы. Беспечность и взаимная апатия царят не только в правительстве, но и во всей стране. В то время как улучшения ищут повсюду в Европе, Португалия остается неподвижной. Почтовая служба страны предлагает любопытный пример этого: по-прежнему требуется от девятнадцати до двадцати одного дня, чтобы отправить письмо между Лиссабоном и Брагансой, расстояние 423-1/2 километра (или чуть более 300 миль).) Все ресурсы государства исчерпаны, и вполне вероятно, что поступления не составят и трети суммы, предусмотренной в бюджете". -Ежегодный отчет о политической экономике, 1849, с. 322.

Несколько лет назад предпринимались попытки привлечь ремесленников на сторону фермеров и виноградарей, но полтора столетия исключительной преданности сельскому хозяйству настолько оттеснили людей других наций, что попытка оказалась безнадежной, поскольку страна давно превратилась просто в колонию Великобритании.

Если мы обратимся к Мадейре, то найдем там еще одно свидетельство изнурительных последствий разделения земледельца и ремесленника. С 1886 по 1842 год, единственный период, за который я имею в виду, наблюдалось неуклонное снижение объема сельскохозяйственного производства, пока это сокращение не достигло примерно тридцати процентов., следующим образом:

Вино. Пшеница. Ячмень.

1836..... 27,270 трубы 8472 qrs. 3510
1842..... 16,131 " 6863 " 2777

В данный момент государственные газеты публикуют "Обращение к Америке", начинающееся следующим образом:

"На Мадейру обрушилось бедствие, не имеющее аналогов в ее истории. Сбор урожая, доход от которого составлял главное средство к существованию для его жителей, оказался совершенно неудачным, а урожай картофеля, который раньше был еще одной важной статьей их питания, по-прежнему сильно поражен болезнями. Таким образом, страдают все классы населения, и поскольку на острове мало источников, к которым они могли бы обратиться за едой, одеждой и другими предметами первой необходимости, их бедственное положение должно возрасти в течение зимы, и о будущем они думают с болезненной тревогой и опасениями. При таких

ужасающих перспективах ревностный и превосходный гражданский губернатор, старший сержант Хосе Сильвестре Рибейру, 24 августа прошлого года обратился с циркулярным письмом к торговцам Мадейры с целью довести до сведения доброжелательных и милосердных слоев населения в зарубежных странах плачевное и критическое положение населения, находящегося под его правительством, и в надежде вызвать их сочувствие и помощь столь многим их собратьям, которым угрожает голод".

Таковы необходимые последствия системы, которая направлена на то, чтобы заставить все население страны заниматься одним делом — все обрабатывают землю и все производят один и тот же товар; и которая, таким образом, эффективно предотвращает рост той естественной ассоциации, которой так восхищался Адам Смит. Это та, которая может закончиться только истощением земли и ее владельца. Когда население увеличивается и люди объединяются, даже бедные земли становятся богатыми, и поэтому, как говорит г-н де Йоннес, "благодаря навозу бедные земли департамента Сены дают урожай в три раза больше, чем на Луаре".[49] Когда население уменьшается и люди, таким образом, вынуждены жить на больших расстояниях друг от друга, даже богатые земли беднеют; и для этого не нужно искать лучшего доказательства, чем то, которое предоставила Португалия. В первом случае каждый день приближает людей к совершенной свободе мысли, слова, действия и торговли. В другом случае они день ото дня становятся все более варварскими и порабощенными, и женщин все чаще и чаще гонят в поле, чтобы они стали рабынями отцов, мужей, братьев и даже сыновей.

Из всех стран Европы нет ни одной, обладающей природными преимуществами, позволяющими ей сравниться с теми, что составляют ТУРЕЦКУЮ ИМПЕРИЮ в Европе и Азии. Шерсть и шелк, кукуруза, масло и табак при надлежащей обработке могли бы производиться почти в неограниченном количестве, в то время как Фессалия и Македония, издавна славившиеся производством хлопка, изобилуют невозделанными землями, откуда его можно было бы получать в достаточном количестве, чтобы одеть значительную часть Европы. Железная руда имеется в изобилии и по качеству не уступает любой другой в мире, в то время как в другой части империи "холмы кажутся массой карбоната меди". [50] Природа сделала все возможное для жителей этой страны, и все же из всех европейских государств турецкий райах находится в состоянии, наиболее близком к рабскому; и из всех правительств Европы, не исключая даже правительство Португалии, правительство Турции является самым рабским не только народов, но даже банкиров и торговцев. Почему это так, мы можем теперь выяснить.

По условиям договора с Англией 1675 года турецкое правительство обязалось взимать не более трех процентов. пошлина на импорт,[51] и поскольку это могло бы незначительно увеличить доходы, это требовало поиска в другом месте. Подушный налог, подушный налог, поземельный налог и многие другие прямые налоги составляли часть его, а остаток был получен за счет косвенного налога в форме экспортных пошлин; и поскольку зерно, табак и хлопок ее населения были вынуждены конкурировать на общих рынках мира с продукцией других земель, ясно, что эти пошлины составляли дополнительный взнос земледельцев империи в дополнение к различным прямым налогам, которые были упомянуты. Насколько это было интересно иностранцам, система представляла собой идеальную свободу торговли и прямое налогообложение.

В течение многих лет Турция производила большую часть своего хлопка и экспортировала хлопчатобумажную пряжу. Так было совсем недавно, в 1798 году, о чем свидетельствует следующий очень интересный отчет об одном из мест расположения мануфактуры:

"Амбелакия по своей активности напоминает скорее голландский городок, чем турецкую деревню. Эта деревня распространяется своей промышленностью, движением и жизнью по окружающей стране и дает начало огромной торговле, которая тысячью нитей соединяет Германию с Грецией. Его население утроилось за пятнадцать лет и составляет в настоящее время (1798 год) четыре тысячи человек, которые живут на своих мануфактурах, как пчелиные рои в своих ульях. В этой деревне неизвестны как пороки, так и заботы, порожденные праздностью; сердца амбелакиотов чисты, а их лица безмятежны; рабство, которое опустошает равнины, орошаемые Пенеем и простирающиеся у их ног, никогда не поднималось по склонам Пелиона (Осса); и они управляют собой, как и их предки, с помощью своих протойеро (приматов, старейшин) и своих собственных магистратов. Дважды мусульмане Лариссы пытались взобраться на свои скалы, и дважды они были отброшены руками, которые бросали челнок, чтобы схватить мушкет.

"Все руки, даже детские, заняты на фабриках; пока мужчины красят хлопок, женщины готовят и прядут его. Насчитывается двадцать четыре фабрики, на которых ежегодно окрашивалось две тысячи пятьсот тюков хлопчатобумажной пряжи по сто хлопчатобумажных ок каждая (6138 центнеров). Эта пряжа попала в Германию и была утилизирована в Буде, Вене, Лейпциге, Дрездене, Анспахе и Баруте. У торговцев-амбелакиотов были собственные дома во всех этих местах. Эти дома принадлежали различным ассоциациям в Амбелакии. Возникшая таким образом конкуренция очень значительно сократила общие прибыли; поэтому они предложили объединиться под руководством одного центрального коммерческого управления. Двадцать лет назад был предложен этот план, а год спустя он был приведен в исполнение. Самые низкие доли в этом акционерном обществе составляли пять тысяч пиастров (от 600 до 700 фунтов стерлингов), а самые высокие были ограничены двадцатью тысячами, чтобы капиталисты не поглотили всю прибыль. Рабочие распределяли свои небольшие прибыли и, объединяясь в общества, приобретали отдельные акции; и, помимо их капитала, их труд учитывался в общей сумме; соответственно, они получали свою долю прибыли, и изобилие вскоре распространилось по всей общине. Дивиденды были сначала ограничены десятью процентами, а прибавочная прибыль направлялась на увеличение капитала, который за два года увеличился с 600 000 до 1 000 000 пиастров (120 000 фунтов стерлингов)"

"Она снабжала трудолюбивую Германию не совершенством своих машин, а промышленностью своего веретена и прялки. Он обучал Монпелье искусству крашения не на экспериментальных кафедрах, а потому, что крашение было для него домашней и кулинарной операцией, подлежащей ежедневному наблюдению на каждой кухне; и благодаря простоте и честности, а не научности своей системы, он преподает урок коммерческим ассоциациям и являет собой пример, не имеющий аналогов в коммерческой истории Европы, акционерной компании, состоящей из рабочих; умело, экономично и успешно управляемой, в которой интересы промышленности и капитала долгое время были представлены в равной степени. И все же система управления, с которой все это связано, является общей для тысяч деревень Фессалии, которые так и не вышли из своей незначительности; но Амбелакия на двадцать лет была оставлена в покое".[52]

Однако в то время Англия изобрела новое оборудование для прядения хлопка и, запретив его экспорт, предусмотрела, что весь хлопок мира должен быть доставлен в Манчестер, прежде чем его можно будет дешево переработать в ткань.

Производителям хлопка в Амбелакии пришлось столкнуться со своими трудностями, но все они могли бы быть преодолены, если бы, по словам мистера Эркварта, "их не опередил Манчестер". Они *были* опережены, и двадцать лет спустя не только это место опустело, но и другие по соседству пришли в полное запустение. Местные мануфактуры по производству хлопчатобумажных изделий действительно почти перестали работать. Из 600 ткацких станков в Сентари в 1812 году 40 остались в 1821 году; и из 2000 ткацких заведений в Турново в 1812 году, но 200 остались в 1830 году.[53] Какое-то время хлопок отправлялся за границу для возврата в виде скрутки, таким образом, совершая путешествие в тысячи миль в поисках веретена; но даже эта торговля в значительной степени прекратилась. Как следствие всего этого произошло катастрофическое падение заработной платы, затронувшее все классы рабочих. "Прибыль, — говорит мистер Эркварт, -

"Были сокращены наполовину, а иногда и на треть из-за ввоза английского хлопка, который, хотя и снизил внутреннюю цену и приостановил экспорт хлопчатобумажной пряжи из Турции, все же не вытеснил домашнее производство в какой-либо видимой степени; ибо до тех пор, пока спокойствие не позволит возродиться сельскому хозяйству, люди должны продолжать работать только за хлеб и снижать свои цены в борьбе безнадежной конкуренции. Однако трудолюбие женщин и детей весьма примечательно; в любой промежуток времени, когда они пасут скот, носят воду, веретено и прялка, как во времена Ксеркса, никогда не выходят у них из рук. Дети так же усердно работают с того момента, как их маленькие пальчики научились вращать веретено. В Амбелакии, бывшем центре торговли хлопчатобумажной пряжей, крестьянство ужасно пострадало от этого, хотя раньше женщины могли зарабатывать на дому столько же, сколько их мужья в поле; в настоящее время их ежедневная прибыль (1881 г.) не превышает двадцати парасов, если ее реализовать, поскольку часто они не могут выбросить пряжу после прядения.

Пиастры. Пункты.

Пять порций неочищенного хлопка, по семнадцати параграфам.....	2 5
Труд женщины в течение двух дней, (семь фартингов в день)).....	0 35
Чесание с помощью вибрации кошачьего кишечника.....	0 10
Прядение, неустанный труд женщины в течение недели.....	5 30
Потери хлопка, превышающие единицу неочищенного хлопка.....	0 20

Стоимость одной пачки неочищенного хлопка.... 9,00 руб.

"Здесь труд женщины составляет всего 2 доллара в день, в то время как полевые работы, в зависимости от сезона года, варьируются от 4 до 6 долларов. и при таком соотношении фунт грубой хлопчатобумажной пряжи стоил при прядении 5,5". - С. 147.

Труд женщины оценивается менее чем в четыре цента в день, а "неустанный труд в течение недели" обойдется всего в двадцать пять центов. Заработная плата мужчин, занятых сбором листьев и уходом за шелкопрядами, указана в размере одного пиастра (пять центов) в день. В Салониках, морском порту Фессалии, она составляла десять центов. (Урхарт, 268.)

Как неизбежное следствие этого, население сокращается, и повсюду видны руины некогда процветающих деревень. Сельское хозяйство приходит в упадок день ото дня. Некогда плодородные хлопковые поля Фессалии остались невозделанными, и даже вокруг самого Константинополя —

"В радиусе двадцати миль, а в некоторых направлениях и в радиусе пятидесяти миль, нет никаких возделанных земель, о которых можно было бы говорить. Самые обычные предметы первой необходимости привозятся из отдаленных мест: кукуруза для хлеба насущного - из Одессы; крупный рогатый скот и овцы - из-за Адрианополя или из Малой Азии; рис, который потребляется в таких огромных количествах, - из окрестностей Филиппополя; домашняя птица главным образом из Болгарии; фрукты и овощи - из Никомедии и Мондании. Таким образом, происходит постоянная утечка денег без какой—либо видимой отдачи, кроме как в казну или из собственности улемов". - *Путешествия Слейда по Турции*, том ii. 143.

Производимый шелк плохо обработан, потому что удаленность ремесленника не позволяет бедным людям приобрести хорошее оборудование; и как следствие этого, прежняя прямая торговля с Персией была заменена косвенной, через Англию, куда теперь приходится отправлять шелк-сырец. В каждом промышленном департаменте мы видим один и тот же результат. Бирмингем вытеснил Дамаск, клинки которого сейчас больше не производятся.

Иностранец не только волен представлять свои товары, но и может, заплатив пустяковую пошлину в размере двух процентов, провозить их по всей империи до тех пор, пока от них окончательно не избавятся. Он путешествует караванами, и его поселяют бесплатно. Он приносит свои товары для обмена на деньги или что-то еще, что ему нужно, и, произведя обмен, он исчезает так же внезапно, как и появился.

"Невозможно, - говорит м-р Эркварт, - быть свидетелем прибытия многоязыкого каравана к месту его ночлега и видеть, как разгруженные и сложенные вместе тюки из таких отдаленных мест — взглянуть на саму их обертку и странные знаки, которые на них нанесены, — не поражаясь столь красноречивому противоречию нашим предвзятым представлениям о неразборчивом деспотизме и всеобщей незащищенности Востока. Но в то время как мы наблюдаем жадность, с которой ищут наши товары, предпочтение теперь перешло от индийского муслина к бирмингемскому, от ситца из Голконды к ситцу из Глазго, от дамаса к шеффилдской стали, от кашемировых шалей к английскому сукну; и в то же время энергия их коммерческого духа предстает перед нами в значительной степени таким образом; действительно, невозможно не сожалеть о том, что пропасть разделения так долго разделяла Восток и Запад, и в равной степени невозможно не тешить себя надеждой и предвкушением значительно расширяющегося товарооборота с Востоком и с другими странами. все благословения, которые быстро следуют за коммерцией". — С. 133.

Одним из "преимуществ" системы является тот факт, что местных пунктов обмена больше не существует. Лавочник, который платит арендную плату и налоги, оказался неспособным конкурировать с разносчиком, который не платит ни того, ни другого; и следствием этого является то, что бедный земледелец считает невозможным обменять свои продукты, какими бы мелкими они ни были, на товары, в которых он нуждается, за исключением случайных прибытий караванов, а это, как правило, оказывается гораздо более вероятным поглощением небольшого количества денег, находящихся в обращении, чем любой из более громоздких и менее ценных продуктов земли.

Как обычно в чисто сельскохозяйственных странах, все земледельцы безнадежно погрязли в долгах, и ростовщик обирает всех. Если он помогает крестьянину перед сбором урожая, он должен иметь огромные проценты и получать оплату продуктами с большой скидкой от рыночной цены; деревенские общины почти повсеместно в долгах, но с них, поскольку обеспечение хорошее, банкир взымает всего двадцать процентов. *per annum*. Турция — настоящий рай для посредников — следствие отсутствия какого-либо вида занятости, кроме земледелия или торговли; моральный эффект этого можно увидеть в следующем отрывке:

"Если вы видите, — говорит Урхарт, - турка, размышляющего в углу, это говорит о какой-то спекуляции - покупке доходной фермы или уместности ссуды под шестьдесят процентов.; если вы видите ручку или бумагу в его руке, это составление или проверка счета; если на улице беспорядки, это спорный бартер; будь то на улицах или в подъездах, будь то кофейня, караван-сарай или базар, независимо от ранга, нации, языка окружающих вас людей, торговля, бартер, выгода являются преобладающими импульсами; груш, пара, флорин, лира, аспер среди Вавилонского столпотворения языков являются универсально понятными звуками". -С. 138.

Таким образом, мы имеем целый народ, разделенный на два класса — грабителей и награбленное; и причину этого можно найти в том факте, что владельцам и оккупантам земли никогда не позволялось укрепляться за счет образования того естественного союза между плугом и ткацким станком, молотком и бороной, которым так восхищался Адам Смит. Правительство так же слабо, как и народ, ибо оно настолько полностью зависит от банкиров, что их можно рассматривать как настоящих владельцев земли и народа, облагающих их налогами по своему усмотрению; и им, несомненно, достается вся прибыль от возделывания. Как следствие этого, земля практически не имеет ценности. Недавний путешественник утверждает, что хорошую землю можно купить в непосредственной близости от Смирны по шести центов за акр, а на небольшом расстоянии огромные участки можно получить даром. Во всем мире свобода человека росла пропорционально увеличению стоимости земли, а это всегда росло пропорционально тенденции к тому, чтобы ремесленник занимал свое место рядом с возделывателем земли. Следовательно, все, что препятствует этому естественному объединению, ведет к унижению и порабощению человека.

Слабость Турции по отношению к иностранным государствам велика, и она увеличивается с каждым днем.[54] Не только послы, но и консулы поддерживают ее в ее собственных городах; и теперь даже отрицается, что она имеет *какое-либо право* принять систему торговли, отличную от той, при которой она стала настолько ослабленной. Совершенная свобода торговли объявляется "одним из тех иммунитетов, от которого мы не можем отказаться ни под каким предлогом; это золотая привилегия, от которой мы никогда не сможем отказаться".[55]

Внутренняя торговля практически не существует; и, как естественное следствие, внешняя торговля незначительна, общая стоимость экспорта составляет всего около тридцати трех миллионов долларов, или менее двух долларов на душу населения. Общий экспорт из Великобритании в прошлом году составил всего 2 221 000 фунтов стерлингов (11 500 000 долларов), большая часть которых была просто *по пути* в Персию; и это составляет огромную торговлю, которая была налажена такой дорогой ценой для народа Турции, и которую следует поддерживать как "золотую привилегию", от которой нельзя отказываться! Не обескураженный результатами прошлых усилий, тот же автор с тревогой ожидает того времени, когда в Турции не будет занятости в какой-либо промышленности и когда люди будут заняты исключительно в сельском хозяйстве; и это время, по его мнению, не может быть отдаленным, поскольку "увеличение или уменьшение цены товара на несколько пенсов будет иметь значение при покупке или производстве товара дома".[56]

На протяжении всей своей книги он показывает, что грубость механизмов возделывания находится в прямой зависимости от расстояния земледельца от рынка; и все же он хотел бы, чтобы вся продукция страны отправлялась на отдаленный рынок для обмена, хотя весь импорт железа в настоящий момент для снабжения населения численностью почти в двадцать миллионов человек, обладающего железной рудой, топливом и безработной рабочей силой в неограниченном количестве, составляет всего 2500 фунтов стерлингов в год, или около пенни на каждые тридцать человек! Должны ли мы удивляться характеру машин, бедности и рабству людей, ничтожному размаху торговли или слабости правительства, вся система которого направлена на истощение земель и исключение того многочисленного среднего класса рабочих, которому земледelec повсюду был обязан своей свободой?

Приведенные до сих пор факты взяты, как, вероятно, заметил читатель, из работы м-ра Эркварта; и поскольку этот джентльмен является горячим поклонником системы, осужденной Адамом Смитом, его нельзя заподозрить в каком-либо преувеличении при изложении любого из ее неблагоприятных результатов. Более поздние путешественники показывают, что нация неуклонно движется к разорению, а люди — к состоянию рабства наиболее полного - необходимому следствию политики, исключаящей механику и препятствующей формированию городского населения. Среди последних из этих путешественников - мистер Мак Фарлейн,[57] на момент посещения которого шелковое производство полностью исчезло, и даже нити для изготовления шелка-сырца были закрыты, ткачи превратились в пахарей, а женщины и дети были полностью лишены работы. Производители шелка оказались в полной зависимости от внешних рынков, на которых не существовало спроса на продукты их земли и труда. Англия в то время переживала один из своих периодических кризисов, и было сочтено необходимым снизить цены на все сельскохозяйственные продукты с целью прекращения импорта. Однажды, во время путешествия мистера Мак Фарлейна, пришло сообщение о том, что шелк в Англии подорожал, и это вызвало мгновенный ажиотаж и оживление, которые, по его словам, "льстили его национальному тщеславию при мысли о том, что через несколько дней в таком месте, как Билджек, можно будет ощутить электрический разряд при расставании с Лондоном, могущественным сердцем торговли". Такова коммерческая централизация! Это превращает земледельцев всего мира в простых рабов, зависящих в еде и одежде от воли нескольких человек, владельцев небольшого количества машин в "могущественном сердце торговли". В какой-то момент процветает спекуляция, и шелк дорожает, а затем прилагаются все усилия, чтобы обеспечить крупные поставки сырья со всего мира. На следующем этапе, как говорят,

денег не хватает, а грузоотправители разорены, как это в значительной степени произошло с теми, кто экспортировал кукурузу из этой страны в 1847 году.

Во время первого визита путешественника в Бруссу деревни были многочисленными, а производство шелка процветало. Во втором случае шелководческие фабрики были остановлены, а их владельцы разорились, деревни постепенно исчезали, а в самом городе почти не осталось дымохода, в то время как местность вокруг не представляла ничего, кроме нищеты и убожества. Повсюду, по всей империи, дороги плохие и становятся все хуже, и положение земледельца ухудшается; ибо, если у него есть излишки для продажи, большая часть их рыночной стоимости поглощается затратами на транспортировку, а если урожая мало, цены поднимаются так высоко, что он не может ничего купить. Поэтому нередко случаи голода, а детоубийство распространено во всех классах общества. Таким образом, население сокращается, и лучшие земли заброшены, "девять десятых" из них остаются необработанными; [58] естественным следствием этого является то, что малярия преобладает во многих из тех частей страны, которые когда-то были наиболее продуктивными, и мор приходит на помощь голоду для истребления этого несчастного народа. Местных механиков нигде не найти, на них нет спроса, а плуг, винный пресс и маслобойня одинаково грубы и варварски устроены. Следовательно, продукт труда крайне мал, а заработная плата за него составляет два пенса в день с небольшим количеством пищи. Процент на деньги варьируется от 25 до 50 процентов. в год, и эта ставка часто выплачивается за ссуду плохих семян, которые мало что дают ни земле, ни рабочей силе.

С уменьшением численности населения и исчезновением всех местных пунктов обмена, давление призыва становится год от года все более суровым, и можно увидеть толпы людей, "закованных в цепи, как дикие звери, — свободных османли, которых гонят по дороге, как рабов на рынок" — свободных мужчин, разлученных с женами и детьми, которых оставляют умирать от голода среди богатейших земель, которые остаются невозделанными из-за отделения ремесленника от производителя продуктов питания, шелка и хлопка. Объем внутренней торговли невелик, и возможность оплачивать иностранные товары почти исчезла. Земля почти не имеет ценности; и в этом мы находим самое убедительное доказательство ежедневно усиливающейся тенденции к рабству, поскольку человек всегда становился поработанным по мере того, как земля теряла свою ценность. В великой долине Бююк-дере, когда-то известной как *прекрасная земля*, незадолго до его визита был куплен участок в двадцать миль в окружности менее чем за 1000 фунтов стерлингов, или 4800 долларов.[59] В другой части страны участок в двенадцать миль в окружности был куплен за значительно меньшую сумму.[60] Торговля рабами, черными и белыми, никогда не была более активной;[61] и это было необходимым следствием снижения стоимости труда и земли.

В этой стране негров хорошо кормят, одевают, у них есть жилье, и они постепенно продвигаются к свободе. Таким образом, население увеличивается, хотя и медленнее, чем это было бы, если бы у них было больше возможностей объединять свои усилия для улучшения своего положения. В Вест-Индии, Португалии и Турции, где нет ни хорошего питания, ни одежды, ни жилья, их положение ухудшается; а поскольку их нельзя ни купить, ни продать, им позволено вымирать, и население уменьшается по мере того, как тенденция к порабощению рабочего становится все болееи более полной. Какое из этих условий больше всего способствует прогрессу цивилизации, пусть решает читатель.

ГЛАВА XII.

КАК РАСТЕТ РАБСТВО В ИНДИИ.

Ни в одной части мира не существовало такой тенденции к добровольным объединениям, отличительному признаку свободы, как в Индии. Ни в одной из небольших общин не было в такой степени разрешено осуществление самоуправления. Каждая индуистская деревня имела свою особую организацию и подчинялась своим простым и "почти патриархальным порядкам", говорит г—н Грейг[62] -

"Туземцы Индии, по-видимому, жили с древнейших времен, говоря сравнительно, до позднейших времен, если и не были свободны от неприятностей, которым в большей или меньшей степени подвержены люди в любых общественных условиях, то все же в полной мере пользовались, каждый индивид, своей собственностью и очень значительной долей личной свободы. * * * Оставь ему во владение ферму, которой владели его предки, и полностью сохрани институты, к которым он привык с младенчества, и простой индус не стал бы обращать никакого внимания на интриги и заговоры, происходившие в столице. Династии могли сменять друг друга; революции могли повторяться; и личности его монархов могли меняться каждый день; но до тех пор, пока его собственное маленькое общество оставалось нетронутым, все остальные непредвиденные обстоятельства были для него едва ли предметом размышлений. Этому, действительно, больше, чем какой-либо другой причине, следует приписать легкость, с которой один завоеватель за другим захватывал различные части Индии; которая покорила не столько потому, что ее жителям не хватало храбрости, сколько потому, что для подавляющего большинства из них ничего не значило, в чьих руках находились бразды правления верховной властью. Третьим следствием деревенской системы было то, которое люди, естественно, сочтут выгодным или обратным, в зависимости от мнений, которых они придерживаются, затрагивая определенные абстрактные моменты, в которые здесь нет необходимости вдаваться. Возможно, на лице земли не найдется расы людей, чья привязанность к своей родине могла бы сравниться с привязанностью индусов. Нет таких лишений, которые индус скорее смирился бы перенести, чем добровольно покинуть место, где он родился; и если продолжающееся угнетение вынудит его уйти, он вернется туда снова после долгих лет изгнания с новой любовью".

Мусульманское завоевание не затронуло эти простые и красивые институты. "Каждая индуистская деревня", - говорит полковник. Бриггс в своей работе о земельном налоге —

"Имел свой отдельный муниципалитет, и в определенном количестве деревень или округов был наследственный глава и бухгалтер, оба обладали большим местным влиянием и властью, а также определенными территориальными владениями или поместьями. Мусульмане рано поняли, что политика не должна мешать столь совершенному институту, и они воспользовались местным влиянием этих чиновников, чтобы примирить своих подданных с их правлением. * * * Из существования этих местных индуистских вождей в конце шести столетий во всех странах, завоеванных мусульманами, справедливо заключить, что их лелеяли и поддерживали с большим вниманием как краеугольный камень их гражданского правления. В то время как управление полицией и сбор доходов были оставлены в руках этих местных вождей, каждая часть новой территории была удержана под военной оккупацией офицером высокого ранга и значительным отрядом мусульманских солдат. * * * Изучая детали мусульманской истории, которая подробно описывает возникновение и прогресс всех этих королевств, мы нигде не обнаруживаем попыток изменить первоначально принятую систему. Министры, знать и

военачальники - все носят мусульманские имена и титулы, но не сообщается о ниспровержении индуистских институтов или о том, что мусульманские офицеры были задействованы во второстепенных деталях гражданской администрации.

"Из этого следует, что мусульмане, далекие от того, чтобы навязывать своим подданным свои собственные законы, относились к обычаям последних с величайшим уважением; и что они делали это потому, что опыт научил их тому, что столь разумная политика продвигала их собственные интересы".

Местные действия и местные комбинации повсюду бросаются в глаза в истории этой страны. При многочисленных правителях, некоторые из которых в большей или меньшей степени признавали превосходство Правителя Дели, налоги, необходимые для их содержания, были высокими, но они расходовались на местном уровне, и если земледелец вносил слишком большую часть своего зерна, оно, по крайней мере, потреблялось на соседнем рынке, и с земли ничего не убиралось. Мануфактурные производства также были широко распространены, и таким образом возник спрос на рабочую силу, не требуемую в сельском хозяйстве. "На побережье Короманделя, - говорит Орм,[63] - и в провинции Бенгалия, когда они находятся на некотором расстоянии от большой дороги или главного города, трудно найти деревню, в которой каждый мужчина, женщина и ребенок не были бы заняты изготовлением куска ткани. В настоящее время, - продолжает он, - большая часть целых провинций занята в этом единственном производстве". Его прогресс, по его словам, "включает в себя не менее чем описание жизни половины жителей Индостана". В то время как занятость, таким образом, была разделена на местном уровне, что давало возможность соседу обмениваться с соседом, обмена между производителями продовольствия или соли в одной части страны и производителями хлопка и сукна в другой имели тенденцию к налаживанию торговли с более удаленными людьми, и эта тенденция значительно усилилась из-за разделения самого хлопчатобумажного производства. Бенгалия славилась лучшим муслином, потребление которого в Дели и в Северной Индии в целом было большим, в то время как Коромандельское побережье в равной степени славилось лучшим ситцем и бязью, оставляя Западной Индии производство всех видов прочных и некачественных товаров. При таких обстоятельствах неудивительно, что страна была богатой, и что ее народ, хотя и был обременен чрезмерными налогами, а иногда и разграблен вторгающимися армиями, был в высшей степени процветающим.

Прошло почти столетие с тех пор, как в результате битвы при Плесси британская власть установилась в Индии, и с того дня местные действия, как правило, прекращались, а их место занимала централизация. С момента основания и до конца столетия быстро нарастала тенденция к тому, чтобы все дела князей и народа улаживались представителями Компании, основанной в Калькутте, и, как обычно в таких случаях, страна была полна авантюристов, очень многие из которых были совершенно беспринципны, людей, единственной целью которых было накопление состояния любыми средствами, какими бы грязными они ни были, как это хорошо известно всем, кто знаком с возмущенными разоблачениями Берка.[64]

Таким образом, Англия обогащалась по мере того, как Индия беднела, и по мере того, как все больше и больше устанавливалась централизация.

Шаг за шагом власть Компании расширялась, и повсюду был принят индийский принцип, согласно которому суверен был собственником земли и единственным землевладельцем, и как

такое правительство заявляло, что имеет право на половину валового продукта земли. "Куда угодно", - говорит мистер Рикардс, долгое время являвшийся выдающимся служащим Компании,

"Британская власть вытеснила власть мусульман в Бенгалии, мы, правда, не переняли кровавую часть их вероучения; но из нечистого источника их финансовой системы мы, к нашему стыду, потребовали унаследованное право захватывать половину валового продукта земли в качестве налога; и где бы наше оружие ни одерживало победу, мы неизменно провозглашали это дикое право, соединяя его в то же время с бессмысленной доктриной о том, что право собственности на эти земли также принадлежит суверену в силу права завоевания". . " — *"Индия"* Рикардса, том i, 275.

При прежних мусульманских правителях этот земельный налог, ныне обозначаемый как арендная плата, был ограничен тринадцатой, а затем шестой частью продукта земли; но в правление Акбера (16 век) он был установлен на уровне одной трети, в то же время были отменены многочисленные другие налоги. С упадком и постепенным распадом империи местные правители не только увеличили ее, но и восстановили налоги, которые были отменены, и ввели другие, самого деспотичного рода; все они были продолжены Компанией, в то время как земельный налог был сохранен на самом высоком уровне. Таким образом, устанавливая налоги по своему усмотрению, Компания обладала также монополией на торговлю и могла диктовать цены на все, что ей приходилось продавать, а также на все, что ей нужно было покупать; и здесь был еще один и самый тяжелый налог, и все это в интересах отсутствующих землевладельцев.

С дальнейшим расширением полномочий требования к казне Компании возросли без увеличения полномочий для их удовлетворения, поскольку истощение является естественным следствием прогулов, или централизации, что так хорошо было доказано в Ирландии. Люди стали менее способными платить налоги, и поскольку правительство не могло существовать без доходов, лорд Корнуоллис заключил постоянное соглашение, посредством которого все права деревенских собственников на значительной части Бенгалии были принесены в жертву земиндарам, которые, таким образом, сразу стали крупными землевладельцами и абсолютными хозяевами множества бедных арендаторов, с правом наказывать по своему усмотрению тех, кто был настолько несчастлив, что не мог платить арендную плату, размер которой не имел предела, кроме права вымогать ее. Это была система посредников Ирландии, перенесенная в Индию; но результаты поначалу были неблагоприятными для земиндаров, поскольку арендная плата, за которую они сами несли ответственность перед правительством, была настолько огромной, что вся аренда дыб и все порки, которым подвергались бедные земледельцы, не могли позволить им платить; и прошло всего несколько лет, прежде чем сами земиндары были распроданы, чтобы освободить место для другой группы, такой же проныцательной и жестокосердной, как они сами. Поскольку эта система не соответствовала поставленной цели, затем было решено приостановить расширение постоянных поселений и вести расчеты с каждым маленьким риотом, или земледельцем, полностью исключая деревенские власти, которые при туземных правительствах равномерно и удовлетворительно распределяли налоги. Таким образом, была создана система Ryotwar, и о том, как она действовала, можно судить по следующему наброску, представленному мистером Фуллертоном, членом Совета в Мадрасе:

"Представьте себе доход, взимаемый при посредничестве ста тысяч налоговых инспекторов, собираемый или перечисляемый по их усмотрению, в зависимости от платежеспособности владельца, будь то от продукции его земли или его отдельной собственности; и чтобы побудить каждого человека шпионить за своим соседом и сообщать о своих платежеспособных средствах, чтобы он мог в конечном итоге уберечься от дополнительного спроса, представьте, что все земледельцы деревни постоянно несут ответственность за отдельный спрос, чтобы компенсировать неудачу одного или нескольких человек в приходе. Представьте себе сборщиков налогов в каждом округе, действующих по приказу правления на основе общепризнанного принципа уничтожения всякой конкуренции за рабочую силу путем всеобщего выравнивания налогообложения, ареста и отправки беглецов обратно друг другу. И, наконец, представьте коллектора единственным магистратом или мировым судьей округа, при посредничестве и содействии которого только любая уголовная жалоба на личные обиды, причиненные субъектом, может дойти до вышестоящих судов. Представьте, в то же время, что каждый подчиненный офицер, занятый сбором земельного налога, является сотрудником полиции, наделенным полномочиями штрафовать, сажать в колодки и пороть любого жителя в пределах его досягаемости по любому обвинению без присяги обвинителя или приведенных под присягой письменных доказательств по делу".[65]

Любое улучшение земледелия приводило к немедленному увеличению налогов, так что любое усилие со стороны земледельца приносило пользу Компании, а не ему самому. Можно предположить, что половина валового продукта [66] составляла среднегодовую ренту, хотя во многих случаях она значительно превышала эту долю. Налоговое управление Мадраса 17 мая 1817 года заявило, что "конверсия государственной доли продукции (земель) в некоторых округах достигает 60 или 70 процентов. из целого".[67]

Можно было бы предположить, что, получив столь большую долю валового продукта, земледельцу будет позволено существовать на оставшуюся часть, но это не так. М-р Рикардс приводит [68] список из шестидесяти других налогов, изобретенных монархами или их агентами, многие из которых, по его утверждению, существуют в настоящее время. Те, у кого есть какой—либо другой способ применения капитала или рабочей силы, помимо обработки своих участков земли, как это очень часто бывает, облагаются следующими налогами, принцип которых один из сборщиков 1 декабря 1812 года охарактеризовал как *превосходный*:

"Вис-бадди, или налог на купцов, торговцев и лавочников; Мохтурфа, или налог на ткачей, чистильщиков хлопка, пастухов, ювелиров, жаровенщиков, кузнецов по железу, плотников, камнерезов и т.д.; и Базибаб, состоящий из меньших налогов, ежегодно сдаваемых в аренду тому, кто предложит самую высокую цену. Арендатор, таким образом, становился мелким вождем, имеющим право взимать плату за браки, религиозные церемонии; расследовать и штрафовать за неподобающее поведение женщин в семьях и другие проступки; и при осуществлении своих привилегий часто обращался к Циркару (правительству) с просьбой о помолвке, чтобы оправдать вымогательство. Подробные сведения об этих налогах слишком длинны, чтобы приводить их здесь. Читатель, однако, может судить о работе и характере всех из них по следующему выбору одного, как описано в отчете коллекционера: "Способ установки Мохтурфы на ткацкие станки до сих пор был очень тщательным; учитываются все обстоятельства семьи ткача, количество дней, которые он посвящает своему ткацкому станку, количество его детей, помощь, которую он получает от них, а также количество и качество изделий, которые он может изготовить за месяц или год; так что, пусть он напрягается, как хочет, его трудолюбие

всегда будет облагаться налогом до высшая степень. "Этот способ всегда приводит к таким деталям, что государственные служащие не могут вникать в него, и, как следствие, исчисление налога возлагается на плечи деревенских курочек. Ни один ткач не может знать, сколько он должен заплатить Циркачу, до тех пор, пока не будет предъявлен спрос за то, что он приложил все усилия в течение года; и то, что он выпустил на один или два куска ткани больше, чем годом ранее, хотя его семья и ткацкие станки остались прежними, дает основание взимать с него более высокую пошлину, и, наконец, вместо профессионального налога это становится реальным подоходным налогом ".[69]

Следующее покажет, что ни один способ использования капитала не может ускользнуть от внимания налоговосборщика:-

Читатель, возможно, лучше поймет инквизиторский характер одного из этих обследований, или пимаши, как их называют на Малабаре, зная, что в отчетах о обследовании было приказано занести более семидесяти различных типов зданий — домов, лавок или складских помещений различных каст и профессий; помимо следующих "орудий труда", которые обычно относились к государственным доходам, а именно:

"Маслобойни, железоделательная мануфактура, перегонные кубы для пунша, гончарная печь, камень для мойки посуды, инструменты ювелира, пила лесопильщика, ножи для пунша, рыболовные сети, заточки цирюльника, наковальни кузнеца, вьючные волы, сейф для какао-орехов, маленькие рыбацкие лодки, лук для взбивания хлопка, плотницкие инструменты, большие рыбацкие лодки, ткацкие станки, хранилище соли".[70]

"Если землевладелец возражал против оценки деревьев как старых и потерявших плодоношение, их всех до единого приказывали срубить, не разрешая оставлять ничего, что не приносило бы дохода государству. Чтобы судить об этом порядке, следует упомянуть, что деревья в Малабаре ценные и обычно используются для строительства. Рубить всю древесину в поместье человека, когда на нее не было спроса на рынке, и только потому, что поток доходов был иссяк, - странный способ предоставления льгот и защиты собственности ".[71]

"Поскольку я сам, - говорит мистер Рикардс, - был главным сборщиком налогов в Малабаре и во время моего пребывания в провинции наводил подробные справки о продуктах и оценке земель, я имел возможность установить вне всяких сомнений и удовлетворить налоговое управление Мадраса, что при прежнем обследовании провинции, которое привело к восстанию, земли и продукция были внесены в мнимый отчет об обследовании, которого абсолютно не существовало, в то время как доходы от других земель были оценены выше, чем их фактическая продукция".[72]

-Пятьдесят процентов. допускается начисление заработной платы, - говорит г-н Кэмпбелл,[73] - в качестве награды любому осведомителю о скрытом выращивании и т. Д.; И утверждается, что "почти в каждой деревне есть уволенные бухгалтеры, желающие получить новую работу, и безработные слуги, желающие привлечь к себе внимание", на услуги которых в качестве информаторов можно положиться".

Подобная система, предполагающая самый тщательный надзор за делами каждого человека и при которой при определении подлежащего уплате налога "сборщик принимает во внимание количество детей, [74] которых необходимо содержать, превращает бедняка в простого раба сборщика, причем с тем недостатком, что последний не имеет материальной

заинтересованности в сохранении своей жизни, тогда как смерть раба, составляющего часть капитала его владельца, является серьезной потерей".

Как мы видим, тенденция до сих пор заключалась в том, чтобы лишить прав не только королей и принцев, но и всех местных властей и сосредоточить в руках иностранцев в Калькутте право определять для земледельца, ремесленника или чернорабочего, какую работу он должен выполнять и сколько из ее продуктов он может сохранить, таким образом ставя последнего в положение простого раба людей, которые не могли испытывать к нему никакого интереса, а просто как к налогоплательщику, и которые были представлены чужаками в стране, чья власть была повсюду используется местными офицерами у них на службе, чтобы дать им возможность сколотить состояния для себя.

Бедный фабрикант, облагаемый такими же высокими налогами, как и возделывающий землю, оказался вынужден получать авансы от своих работодателей, которые, в свою очередь, требовали в качестве процентов значительную долю полученной небольшой прибыли. Агенты компании, как и местные торговцы, авансировали средства, необходимые для производства товаров, необходимых для Европы, и бедные рабочие описываются как находившиеся "в состоянии зависимости, почти равном подневольному состоянию, что позволяло резиденту получать свою рабочую силу по его собственной цене".[75]

В дополнение к уже описанным налогам, еще один взимался на местных таможнях при всех обменах между различными частями страны; и к ним снова добавились другие, введенные посредством монополий на табак, опиум и соль, которые были одними из важнейших предметов первой необходимости. Производство крупной соли из земли было строго запрещено.[76] Соленые озера верхней части страны поставляют запасы столь большие, что они не представляют большой ценности на месте; [77] но поскольку эти озера все еще находятся во владении местных князей, монополия могла тогда и может поддерживаться сейчас только с помощью сильных отрядов налоговых инспекторов, присутствие которых делает то, что почти ничего не стоит по одну сторону воображаемой линии, настолько ценным по другую ее сторону, что требуется шестая часть труда в год, чтобы бедный индус мог покупать соль для своей семьи. Природа в изобилии предоставляет соль вдоль морского побережья, солнечное тепло вызывает ее постоянное отложение; но сам факт ее сбора считался преступлением, наказуемым штрафом и тюремным заключением, и количество, собираемое должностными лицами Компании, ограничивалось количеством, необходимым для удовлетворения спроса по монопольной цене, а все остальное регулярно уничтожалось, чтобы бедняге riotу не удалось получить для себя по себестоимости такой запас, который был необходим для придания вкуса рису, который составлял почти его единственную пищу. С тех пор система стала менее репрессивной, но даже сейчас пошлина в десять раз больше, чем была при просвещенных мусульманских правителях.[78]

Поскольку это способ сбора дохода, теперь мы можем перейти к его распределению. При туземных князьях они в значительной степени расходовались на местах, тогда как при новой системе все сборы правительства или частных лиц направлялись в Калькутту, чтобы там ими распоряжались. Оттуда немалая часть его перешла в Англию, и таким образом установился постоянный отток, который, конечно, не мог оцениваться менее чем в четыре миллиона фунтов стерлингов в год и не может быть оценен в прошлом столетии менее чем в четыреста миллионов фунтов стерлингов, или две тысячи миллионов долларов.

Разница между отсутствующим землевладельцем, расходуящую всю свою арендную плату на расстоянии, и постоянно проживающим, снова распределяющим ее между своими арендаторами в обмен на услуги, а также разница в стоимости продуктов земли, возникающая в результате близости к рынку, так хорошо показаны в следующем отрывке из недавней работы по Индии, что читатель не может не извлечь пользу из его прочтения:

"Большая часть пшеницы, зерном и другими экспортируемыми земельными продуктами, которые потребляет народ, насколько мы знаем, поступает из наших районов Нербудда и тех Малва, которые граничат с ними; и *как следствие*, цена быстро росла по мере того, как мы удалялись от них в нашем продвижении на север. Если бы почва в этих районах Нербудды, расположенных на таком расстоянии от любого крупного рынка сбыта их сельскохозяйственной продукции, была такой же плохой, как в тех частях Бунделькунда, которые я посетил, то при нынешнем состоянии искусства и промышленности из них невозможно было бы извлечь никакого чистого избыточного дохода. Высокие цены, которые здесь платят за земельные продукты, возникающие из-за необходимости получать большую часть того, что потребляется, из таких отдаленных земель, позволяют раджам этих Объединенных штатов получать большой доход, который они получают. Эти вожди тратят весь свой доход на содержание общественных заведений того или иного рода; и поскольку предметов первой необходимости, *пшеницы, зернохранилищ и т. Д.*, Которые производятся в их собственных округах или в тех, что непосредственно вокруг них, недостаточно для снабжения этих заведений, они вынуждены доставлять их с отдаленных территорий. Всю эту продукцию привозят на спинах быков, потому что из районов, откуда они ее получают, нет дороги, по которой можно было бы безопасно передвигаться в повозке на колесах; а поскольку этот способ транспортировки очень дорог, цена продукции, когда она достигает столиц, вокруг которых сосредоточены эти местные предприятия, становится очень высокой. Они должны платить цену, равную совокупным затратам на закупку и доставку этого вещества из самых отдаленных районов, к которым они в любое время вынуждены обращаться за поставками, иначе они не будут обеспечены; а поскольку на одном рынке не может быть двух цен на одно и то же, пшеница и зерновые, произведенные по соседству с одной из этих столиц Бунделькунда, стоят там так же дорого, как и те, что привозятся из самых отдаленных районов на берегах реки Нербудда; в то время как доставка их с бывших земель на рынки обходится сравнительно недорого. Вследствие этого такие земли приносят ренту, гораздо большую по сравнению с их естественной плодородностью, чем земли самых отдаленных округов, откуда доставляется продукция для этих рынков или столиц; и поскольку все земли являются собственностью раджей, они извлекают всю эту ренту в виде дохода.

"Если бы мы взяли этот доход, которым сейчас пользуются раджи, в качестве дани на содержание государственных учреждений, сосредоточенных в отдаленных местах, все эти местные учреждения, конечно, были бы немедленно распущены; и весь эффективный спрос, который они обеспечивают на необработанные сельскохозяйственные продукты отдаленных округов, прекратился бы. Пропорционально снизилась бы цена продукта, а вместе с ней и стоимость земель в округах вокруг таких столиц. Отсюда безрассудство завоевателей и верховных держав, начиная со времен греков и римлян и кончая временами лорда Гастингса и сэра Джона Малькольма, которые все были плохими политэкономистами, полагающими, что завоеванные и уступленные территории всегда можно заставить приносить иностранному государству ту же сумму валового дохода, которую они платили своему внутреннему правительству, независимо от их ситуации с рынками сбыта их продукции — независимо от

состояния их искусства и промышленности - и независимо от характера и масштабов местных учреждений, поддерживаемых за счет этого. Расчеты по земельному доходу на всех территориях, приобретенных в центральной Индии во время Махраттской войны, закончившейся в 1817 году, производились исходя из предположения, что земли будут продолжать платить ту же арендную плату при новом правительстве, какую они платили при старом правительстве, без влияния сокращения всех местных учреждений, гражданских и военных, до одной десятой от того, что они были; что при новом порядке вещей все пустующие земли должны быть приведены в состояние обработки; и они будут в состоянии платить такую же высокую арендную плату, как и до обработки; и, следовательно, , что совокупный доступный чистый доход должен значительно и быстро увеличиваться! Те, кто создавал поселения и управлял этими новыми территориями, не учли, что сокращение каждого учреждения было устранением *рынка*— эффективного спроса на земельные продукты; и что, когда все пустующие земли будут переведены под обработку, плодородие в целом ухудшится из-за нехватки паров при господствующей системе земледелия, которая не предоставляла землям никаких других средств восстановления после чрезмерного возделывания. Расчеты по доходам от земли, которые производились во время наших новых приобретений на основе этих ошибочных предположений, конечно же, провалились. В течение ряда пятилетних поселений оценка повсеместно постепенно снижалась примерно до двух третей от того, что было в начале нашего правления; и менее чем до половины от того, чего ожидали сэр Джон Малькольм и все другие местные власти, и даже сам достойный маркиз Гастингс, под влиянием их мнений. Земельные доходы туземных князьков центральной Индии, которые сократили свои государственные учреждения, которые новый порядок вещей, казалось, сделал бесполезными, и тем самым уменьшили свои единственные рынки сбыта для необработанных продуктов своих земель, повсеместно сокращались в одинаковой пропорции; и едва ли кто-нибудь из них получает сейчас две трети дохода, который он получал с тех же земель в 1817 году.

"В долине Нербудды есть районы, которые ежегодно дают гораздо больше продукции, чем Орча, Янси или Дутеа; и все же из-за нехватки тех же внутренних рынков они не приносят и четвертой части суммы земельного дохода. Земли, однако, оцениваются одинаково высоко в соответствии с оценкой, пропорционально их ценности для фермеров и земледельцев. Чтобы они могли приносить больший доход правительству, им необходимо иметь более крупные предприятия в качестве рынков сбыта сельскохозяйственной продукции. Эти предприятия могут быть либо общественными и оплачиваться правительством, либо они могут быть частными как мануфактуры, на которых земельные продукты этих округов потреблялись бы людьми, занятыми вложением стоимости своего труда в товары, соответствующие спросу отдаленных рынков и более ценные, чем земельные продукты, пропорционально их весу и объему. Это те учреждения, которые правительство должно приложить все усилия, чтобы внедрить и поощрять, поскольку долина Нербудды, в дополнение к чрезвычайно плодородной почве, по всей своей протяженности, от истока до устья, имеет богатые залежи угля, которыми могут пользоваться будущие поколения, под песчаником хребтов Сатпур и Виндхья; и залежи, не менее богатые очень тонким железом. Эти преимущества еще не были по достоинству оценены, но со временем они станут такими".[79]

Из заключительных строк этого отрывка читатель увидит, что Индия в изобилии снабжена топливом и железной рудой, и что если у нее нет хорошего оборудования, то этот недостаток не является платой за природу. В конце прошлого столетия хлопка было в избытке, и для его переработки в ткань был затрачен такой большой труд мужчин, женщин и детей, что даже при

их несовершенном оборудовании они не только удовлетворяли внутренний спрос на прекрасные ткани Дакки и грубые изделия Западной Индии, но и экспортировали в другие части света не менее 200 000 000 штук в год.[80] Обмены со всеми частями света были настолько благоприятны для них, что рупия, которая сейчас продавалась всего за 1 шилл. 10долларов, или 44 цента, тогда стоила 2 шилл. 8долларов, или 64 цента. Компания обладала монополией на сбор налогов в Индии, но взамен она сохранила за народом контроль над их внутренним рынком, с помощью которого они могли перерабатывать свой рис, соль и хлопок в ткани, которые можно было дешево доставлять в самые отдаленные части мира. Такая защита была необходима, потому что, в то время как Англия запрещала экспорт даже одного угольщика, который мог бы обучить народ Индии способу добычи угля — паровой машины для перекачки воды или подъема угля, или механика, который мог бы ее изготовить, — рабочего по металлу, который мог бы плавить руду, — прядильного или механического ткацкого станка, или ремесленника, который мог бы дать инструкции по использованию таких машин, - и таким образом систематически препятствовала тому, чтобы они шли в ногу с прогрессом в остальном мире, - она в то же время ввела очень высокие пошлины на продукцию индийских ткацких станков, получаемую из Индии. в Англии. Однако близился день, когда эта защита должна была исчезнуть. Было заявлено, что Компания не экспортировала в достаточной степени продукцию британской промышленности, и в 1813 году торговля с Индией была открыта — *но ограничение на экспорт машин и ремесленников сохранялось в полной силе*; и, таким образом, бедные и невежественные жители этой страны оказались подвержены "неограниченной конкуренции", когда люди обладали машинами, в десять раз более эффективными, чем их собственные, при этом не только по закону лишены права покупать машины, но и возможности конкурировать на британском рынке с продукцией британских ткацких станков. Более того, каждый ткацкий станок в Индии и каждая машина, рассчитанная на помощь рабочему, облагались налогом, который возрастал с каждым ростом промышленности его владельца и во многих случаях поглощал всю прибыль, получаемую от его использования.[81] Таковы были обстоятельства, при которых бедному индусу пришлось столкнуться без защиты с "неограниченной конкуренцией" иностранцев на его собственном рынке. С одной стороны, это была свобода торговли. Четыре года спустя экспорт хлопка из Бенгалии все еще составлял 1 659 994 фунта стерлингов[82], но десять лет спустя он сократился до 285 121 фунта стерлингов; и по прошествии двадцати лет мы обнаруживаем, что проходит целый год без экспорта ни одного куска хлопчатобумажной ткани из Калькутты, а вся огромная торговля, существовавшая всего полвека назад, прекратилась. Какие меры были использованы для завершения работы по уничтожению мануфактуры, которая давала работу и пропитание стольким миллионам бедняков страны, будет видно при прочтении следующего мемориала, который показывает, что, хотя Индии было отказано в оборудовании, а также в доступе к британскому рынку, она была вынуждена получать британский хлопок беспошлинно:—

"Петиция уроженцев Бенгалии относительно пошлин на хлопок и шелк.

"Калькутта, 1 сентября 1831 г.

Достопочтенным лордам Тайного совета Его Величества по
торговле и проч.

"Смиренное прошение нижеподписавшихся Производителей и Торговцев хлопчатобумажными и шелковыми Штучными изделиями, тканями Бенгалии;

"ПОКАЗЫВАЕТ, что в последние годы ваши просители обнаружили, что их бизнес почти вытеснен ввозом тканей из Великобритании в Бенгалию, импорт которых увеличивается с каждым годом, к большому ущербу местных производителей.

"Что ткани Великобритании потребляются в Бенгалии без взимания каких-либо пошлин для защиты местных тканей.

"Что ткани из Бенгалии облагаются следующими пошлинами при их использовании в Великобритании —

"На промышленные хлопчатобумажные ткани - 10%. На промышленные шелковые ткани - 24%.

"Ваши просители смиреннейшим образом умоляют ваши светлости принять во внимание эти обстоятельства и уверены, что в Англии нет намерения закрывать дверь перед предприимчивостью какой-либо части жителей этой великой империи.

Поэтому они молятся о том, чтобы им были предоставлены привилегии британских подданных, и смиренно умоляют ваши светлости разрешить использование хлопчатобумажных и шелковых тканей Бенгалии в Великобритании "беспошлинно" или по той же ставке, которая может взиматься с британских тканей, потребляемых в Бенгалии.

"Ваши светлости должны быть осведомлены об огромных преимуществах, которые британские промышленники извлекают из своего мастерства в конструировании и использовании машин, что позволяет им недооценивать ненаучных производителей Бенгалии в их собственной стране: и, хотя ваши просители не слишком оптимистичны, ожидая получить какую-либо большую выгоду от удовлетворения их молитвы, их умы были бы удовлетворены таким проявлением доброй воли ваших светлостей по отношению к ним; и такой пример справедливости по отношению к туземцам Индии не преминул бы расположить к ним британское правительство.

Поэтому они с уверенностью полагают, что справедливое отношение вашей светлости будет распространено на них как на британских подданных, без исключения секты, страны или цвета кожи.

"И ваши просители, как и положено по долгу службы, всегда будут молиться".

[Подписано 117 весьма уважаемыми уроженцами.]

Однако цель, к которой стремились, не была бы достигнута, если бы была удовлетворена молитва этого самого разумного и смиренного прошения. Когда экспорт хлопка, шерсти и паровых машин был запрещен, это было сделано с целью заставить всю шерсть мира поступать в Англию для прядения и ткачества, а оттуда возвращаться для ношения теми, кто ее выращивал, — таким образом, лишив людей мира всякой возможности применять свой труд

иначе, чем для сбора с земли хлопка, сахара, индиго и других товаров для снабжения великой "мастерской мира". Насколько эффективно эта цель была достигнута в Индии, будет видно из следующих фактов. Со дня открытия торговли в 1813 году внутреннее производство и экспорт сукна постепенно сокращались, пока последний окончательно не прекратился, а экспорт хлопка-сырца в Англию постепенно возрастал, пока не достиг высоты около шестидесяти миллионов фунтов, [83] в то время как импорт твиста из Англии возрос до двадцати пяти миллионов фунтов, а сукна - до двухсот шестидесяти миллионов ярдов; общим весом, вероятно, пятьдесят миллионов фунтов, что в сочетании с твистом составляет семьдесят пять миллионов, требуя для их производства несколько более восьмидесяти миллионов хлопка-сырца. Таким образом, мы видим, что каждый фунт сырья, отправленный в Англию, возвращается. Земледелец получает за нее один пенни, а когда она возвращается к нему в виде ткани, он платит за нее от одного до двух шиллингов, причем вся разница поглощается оплатой многочисленных брокеров, перевозчиков, фабрикантов и рабочих, мужчин, женщин и детей, которые таким образом становятся посредниками между производителем и потребителем. Необходимым следствием этого стало то, что повсюду исчезли мануфактуры. В Дакке, одном из главных центров хлопчатобумажной промышленности, насчитывалось 90 000 домов, но торговля в нем уже сильно сократилась даже на дату приведенного выше мемориала, а его великолепные здания, фабрики и церкви сейчас представляют собой груду руин и заросли джунглями. Хлопок этого округа был вынужден отправиться в Англию, чтобы там его можно было скрутить и отправить обратно, совершив таким образом путешествие в 20 000 миль в поисках маленького веретена, потому что частью британской политики было не позволять веретену где бы то ни было занимать свое место рядом с производителем хлопка.

Произведенные таким образом изменения, как было заявлено в недавнем официальном отчете, сопровождалось разорением и бедствиями, которым "нельзя найти аналогии в анналах торговли". Какими средствами это было осуществлено, показывает тот факт, что в тот период, по словам сэра Роберта Пиля, в Ланкашире *дети* были заняты по пятнадцать-семнадцать часов в день в течение недели, а в воскресенье утром, с шести до двенадцати, чистили оборудование. В Ковентри обычно требовалось девять-десять часов в неделю; и из тех, кто был занят, многие получали всего 2 шилл. 9долларов - 66 центов — при недельной зарплате. Цель, которую предстояло достичь, состояла в том, чтобы переутомить бедного индуса и вытеснить его с мирового рынка, после чего он должен был быть вытеснен со своего собственного. Способ достижения цели заключался в удешевлении рабочей силы и порабощении рабочего дома и за границей.

С упадком мануфактур перестал быть спрос на услуги женщин или детей по обращению в христианство, и они вынуждены либо оставаться праздными, либо искать работу в поле; и здесь мы имеем один из отличительных признаков состояния рабства. Мужчины, которые привыкли заполнять промежутки между другими занятиями, связанными с производством хлопка, также были изгнаны в поле — и весь спрос на труд, физический или интеллектуальный, прекратился, за исключением того, что было необходимо для выращивания риса, индиго, сахара или хлопка. Сам рис им не разрешалось чистить, поскольку с него взималась пошлина, вдвое превышающая ту, которая взималась с пэдди, или грубого риса, при его импорте в Англию. Бедный производитель хлопка, заплативший правительству семьдесят восемь процентов [84] продукта своего труда, оказался лишенным возможности торговать непосредственно с ткацким станком и вынужденным к "неограниченной конкуренции" с более совершенным оборудованием и почти необлагаемым налогом трудом наших Южных Штатов; и таким образом

подвергся "таинственным изменениям внешних рынков", на которых лихорадка спекуляции сменялась холодом отвращения с быстротой и частотой, сводившими на нет все расчеты. Если бы наши урожаи были невелики, его английские покупатели забрали бы его хлопок; но когда он отправил больше в следующем году, здесь, возможно, был хороший сезон, и индийские товары стали настоящим наркотиком на рынке. Некоторое время назад в Палате общин было заявлено, что один джентльмен, мистер Тернер, выбросил индийский хлопок стоимостью 7000 фунтов стерлингов на навозную кучу, потому что не мог найти для него рынка сбыта.

Теперь легко будет увидеть, что прямым следствием такого *принуждения* экспорта хлопка из Индии было увеличение количества, оказывающего давление на рынок Англии, и, таким образом, снижение цен на весь хлопок в мире, включая тот, который требуется для внутреннего потребления. Цена всего урожая в Индии, таким образом, поставлена в зависимость от того, что могло быть реализовано за небольшой излишек, который не имел бы существования, если бы не тот факт, что домашнее производство было уничтожено, то легко увидеть, насколько огромным был ущерб, нанесенный бедному земледельцу насильственным разделением плуга и ткацкого станка и уничтожением силы ассоциации. Опять же, в то время как цена хлопка в Англии фиксирована, там также фиксирована цена ткани, и так обстоит дело с сахаром и индиго, производству которых эти бедняки вынуждены посвящать себя; и, таким образом, они превращаются в простых рабов далеких людей, которые определяют, что они получают за все, что у них есть для продажи, и сколько они должны заплатить за все, что им требуется для покупки. Таким образом, централизация и рабство всегда идут рука об руку друг с другом.

Риоты, как мы видим, обязаны платить шестнадцать или восемнадцать пенсов за фунт хлопка, который принес им всего один пенни; и вся эта разница оплачивается трудом других людей, в то время как сами они бездельничают.

"Значительная часть рабочего времени населения Индии, - говорит м-р Чепмен[85], - проводится в праздности. Я говорю это ни в малейшей степени не для того, чтобы винить их. Не имея средств для экспорта тяжелых и грубых излишков сельскохозяйственной продукции и располагая скудными средствами, будь то капитал, наука или физическое мастерство, для разработки на месте предметов, способных вызвать у массы людей более высокий уровень наслаждения и трудолюбия, они на самом деле не имеют стимула прилагать усилия сверх того, что необходимо для удовлетворения их нынешних и очень ограниченных желаний; эти желания неестественно низки, поскольку они не дают необходимого стимула к упражнениям, необходимым для интеллектуального и морального совершенствования; и очевидно, что для этого нет другого средства, кроме расширенного общения. Между тем, вероятно, половина человеческого времени и энергии в Индии тратится впустую. Конечно, нам не нужно удивляться бедности страны".

Конечно, нам это не нужно. Они волей-неволей бездействуют. С равнодушным средств связи, их хлопок и еда *могут легко путешествовать в виде полотна*, и они могут потреблять и не скупился на еду и одежду; но они оказываются теперь вынуждены экспортировать каждая вещь в его грубой форме, и это они должны делать в стране, которая почти без дорог. То, каким образом эти сырьевые продукты перемещаются сейчас, можно увидеть, прочитав следующий отрывок из лондонского журнала *Economist*: —

"Хлопок привозят на волах, по 160 фунтов каждый, с максимальной скоростью, при хорошей погоде, по семь миль в день в течение длительного периода, и по цене около 5 центов. на

каждые сто миль. Если мы примем среднее расстояние до Мирзапора равным 500 милям, то только транспортировка каждого фунта хлопка обходится более чем в 2-1 / 2 дня. Оттуда его нужно доставить водным транспортом почти на 800 миль дальше, в Калькутту. Крупные хлопководческие районы расположены в северной части полуострова, охватывая Гузерат и обширную местность под названием Декан, лежащую между горной грядой Сатпура и течением реки Кишна. Генерал Бриггс говорит: "Непрерывный путь хлопка из внутренних районов страны к побережью в Бомбее занимает от одного до двух месяцев, в зависимости от сезона года; в то время как во время дождей путь совершенно непроходим, и движение по стране останавливается".

"В отсутствие определенной дороги даже перевозчики со своим вьючным скотом вынуждены передвигаться при дневном свете, чтобы предотвратить гибель своих быков в джунглях, через которые им приходится проходить, и это при палящем солнце с температурой от 100 до 140 градусов по Фаренгейту. Стада быков никогда не бывают столь малочисленны, как сто, а иногда и превышают тысячу. Каждое утро после рассвета каждое животное должно быть оседлано, и поклажу на него поднимают двое мужчин, по одному с каждой стороны; и прежде чем все они готовы тронуться в путь, солнце достигает такой высоты, что жара для европейца становится невыносимой. Все это теперь движется со скоростью около двух миль в час и редко совершает путешествие более восьми миль; но, поскольку орда отдыхает каждый четвертый день, среднее расстояние составляет всего шесть миль в день. Если орду настигает дождь, хлопок, пропитанный влагой, становится тяжелым, а черная глинистая почва, по которой пролегает вся линия дороги, проваливается под ногами человека выше лодыжек, а под ногами нагруженного вола - до колен.

"В таком затруднительном положении груз хлопка иногда неделями лежит на земле, и торговец разоряется".

"Существующие средства сообщения с внутренними районами настолько плачевны, - пишет другой автор, - что многим наиболее ценным продуктам, *из-за отсутствия транспорта и рынка сбыта, часто позволялось погибать на ферме*", в то время как стоимость того, что попадало в порт, чрезвычайно возрастала; но количество не превышало 20%. из всего продукта, остальные изделия всегда сильно портятся".

Теперь вряд ли будет трудно понять, почему выращивающий хлопок получает всего лишь пенни с фунта. Также не составит труда, учитывая, что местные производители повсеместно разорились, понять, почему производитель более объемных продуктов питания находится в еще худшем положении теперь, когда потребитель исчез с его стороны. Если урожай большой, зерно становится наркотиком, за который едва ли можно получить какую-либо цену; [86] а если его мало, люди гибнут тысячами и десятками тысяч от голода, потому что при существующем состоянии дорог обмен сырыми продуктами практически невозможен. В первом случае культиватор разоряется, потому что для уплаты налогов требуется почти весь урожай. В другом случае он умирает с голоду; и все это является необходимым следствием системы, которая исключает крупный средний класс механиков и других рабочих и превращает великую нацию в массу жалких земледельцев, рабов нескольких алчных ростовщиков. При таких обстоятельствах накопление чего-либо подобного капиталу невозможно. "Ни у кого, - говорит полковник Слимман[87], - нет запасов, равных половине их арендной платы". Они повсюду зависят от урожая текущего года, и каким бы малым ни было его количество, налоги должны быть

уплачены, и из всего, что таким образом уходит за границу, ничего не возвращается. Земля ничего не получает.[88] Его не удобряют, да и не может быть при такой системе невыхода на работу, и его плодородие повсеместно снижается, как показано в следующих выдержках:—

"Раньше правительства не доверяли своим землевладельцам и земледельцам, требуя десять рупий там, где они торговались за пять, всякий раз, когда находили урожай хорошим; но, несмотря на весь этот *золм*(притеснение), тогда было больше *буркут* (благословений свыше), чем сейчас. Эти земли приносили земледельцу больше прибыли, и он мог лучше содержать свою маленькую семью на пяти акрах, чем сейчас на десяти.[89]

"Земля требует отдыха от труда, а также от людей и волов; и если вы продолжаете сеять пшеницу и другие истощающие культуры, она будет приносить все меньшую отдачу и, в конце концов, не будет стоить возделывания".[90]

"Произошло явное снижение доходности".[91]

Почва истощается, и все неизбежно идет вспять. Деревья вырубаются, но ни одно не сажается; и бывшие участки обширных рощ превращаются в засушливые пустоши, следствием чего является то, что засухи из года в год становятся все более частыми.

"Облака, - говорит полковник Слиман,[92] - приносимые с южного океана юго-восточным пассатом, притягиваются, когда они проходят над островом, лесами во внутренних районах и заставляют сбрасывать свои запасы во время ежедневных освежающих дождей. Во многих других частях света правительства теперь осознали это таинственное дарение природы и приняли меры, чтобы воспользоваться им на благо людей; и ужасные страдания, которым в последние годы подвергались жители тех наших районов, где деревья были наиболее оголены из-за отсутствия дождей в должное время года, возможно, побудят наше индийское правительство обратить свои мысли к этому предмету".

В прежние времена были построены обширные сооружения для орошения земли, но они повсюду приходят в упадок — таким образом доказывая, что сельское хозяйство не может процветать в отсутствие механических искусств:

"В Кандейше очень много насыпей [берегов рек, образованных для целей орошения], которые ремонтировались при прежних правительствах, при нашем пришли в упадок; тем не менее, при нашем правлении население не только значительно увеличилось, но и в 1846 или 1847 году сборщик был вынужден предоставить льготу по земельному налогу, "потому что изобилие прошлых лет в провинции оставалось на прежнем уровне, а низкие цены на зерно по этой причине не позволяли riots выплачивать фиксированную оценку земли".[93]

У нас здесь заброшенная земля и разоренный земледелец из-за отсутствия рынка сбыта продуктов питания, а заработная плата падает из-за отсутствия рынка труда; и все же эти бедняки платят за английскую пищу и за английский труд, занятый переработкой хлопка, произведенного наряду с продуктами питания, в ткань, — и они разоряются, потому что им приходится платить стольким посредникам, что производитель хлопка может получить мало продуктов питания, а производителю продуктов питания едва ли удастся платить налоги, и ему нечего отдать за ткань. Следовательно, все стремится к варварству, и, как в старые времена в Англии и в Европе вообще, голод становится все более многочисленным и более жестоким, как показано здесь:

"Некоторые из лучших участков земли были заброшены и отданы диким зверям джунглей. Мотивы для развития промышленности были уничтожены. Кажется, что земля находится под проклятием. Вместо того, чтобы создавать изобилие для удовлетворения потребностей своего собственного населения и жителей других регионов, она не поддерживает существование своих собственных детей. Он становится местом захоронения миллионов людей, которые умирают на его груди, взывая о хлебе насущном. В доказательство этого обрати свой взор назад, на события прошедшего года. Отправляйтесь со мной в северо-западные провинции президентства Бенгалии, и я покажу вам белеющие скелеты пятисот тысяч человеческих существ, погибших от голода в течение нескольких коротких месяцев. Да, умер от голода в том, что справедливо называют житницей мира. Потерпите меня, если я расскажу о сценах, которые были показаны во время распространения этого голода. Воздух на многие мили вокруг был отравлен испарениями, выделяемыми разлагающимися телами умерших. Реки были забиты трупами, выброшенными в их русла. Матери бросали своих малышей под накатывающие волны, потому что не хотели видеть, как они выпускают последний вздох, и чувствовать, как они коченеют у них на руках. Англичанам в городе запретили совершать свои обычные вечерние прогулки. Приближались шакалы и стервятники и набрасывались на тела мужчин, женщин и детей, прежде чем жизнь угасала. Безумие, болезни, отчаяние распространялись повсюду, и не было никакой человеческой силы, способной остановить их распространение. *Это был карнавал смерти!* И произошло это в Британской Индии — в правление Виктории Первой! Событие не было экстраординарным или непредвиденным. Далеко не так: в 1835-36 годах был свидетелем голода в северных провинциях: в 1833 году наблюдался один на востоке: в 1822-23 годах был один на Декане. Они продолжают увеличиваться в частоте и масштабах под нашим влиянием более полувека".[94]

Голод 1838 года так описан мистером Джорджем Томпсоном, покойным М. П., по свидетельству весьма уважаемого джентльмена:

"В домах бедняков не было крыш, так как соломенные крыши были отданы на корм скоту, который, тем не менее, пал; так что скот полностью исчез с земли. Он говорит, что несколько истощенных существ, больше похожих на скелеты, чем на людей, были замечены бродящими среди могил тех, кого унес голод; что повсюду было видно дезертирство и что царил тишина смерти. В одной из деревень, по его словам, старик, у которого они купили козу во время своего предыдущего визита в 1833 году, был единственным выжившим из всей общины, за исключением сына своего брата, которого он лелеял и старался сохранить в живых, и эти двое полностью существовали за счет благотворительных щедрот путешественников. Курьер лорда Окленда сообщил этому джентльмену, что, когда генерал-губернатор проезжал через эту часть страны, дороги по обе стороны были завалены горами мертвых тел, и что нередко приходилось убирать эти массы непогребенных людей, прежде чем генерал-губернатор мог продолжить путь со своей свитой; и что каждый день от 2000 до 3000 умирающих от голода несчастных окружали экипажи и следовали за ними, которым он раздавал скудную еду; и однажды лошадь курьера испугалась, и по выясненной причине — что это было? Было обнаружено безжизненное тело человека, который умер с рукой во рту, с которой он уже съел пальцы".[95]

Чем сильнее давление на бедные слои населения, тем больше власть тех немногих, кто всегда готов извлечь выгоду из потерь своих соседей. Эти бедняки вынуждены занимать деньги под выращенный ими урожай, цены на который регулируются волей кредитора, а не рыночными

стандартами, и процентная ставка, которую земледельцы платят за эти ссуды, часто составляет не менее 40 или 50 процентов.

Недавний путешественник говорит о несчастном земледельце:

"Всегда угнетенный, вечно пребывающий в бедности, риот вынужден обращаться за помощью к махаджуну, или местному ростовщику. Часто это талукдхар, или субарендатор, который взимает с нуждающегося заемщика те проценты, которые, по его мнению, несчастный может быть в состоянии ему выплатить, часто в размере одного процента. в неделю. Счета по этим займам ведут махаджуны, которые, зная о глубоком невежестве своих клиентов, фальсифицируют свои бухгалтерские книги, не опасаясь разоблачения. Таким образом, неважно, насколько благоприятным сезоном, насколько большой урожай, схватив махаджун обязательно, чтобы казалось, что все это из-за него, ибо он принимает его в его собственное значение. Мистер Берк отнюдь не преувеличил значение притеснения риотов на процессе Уоррена Гастингса, когда он сказал, что сборщик налогов брал у них по восемнадцать шиллингов с каждого фунта, он действительно был в пределах нормы. В конце каждого периода сбора урожая производителя риса или хлопка выставляют должником перед своим начальником, который в этой связи, при условии, что риот окажется способным трудиться еще один сезон, предоставляет больше семян для посева и немного больше риса, чтобы уберечь работника и его семью от абсолютного голода. Но если возникают какие-либо сомнения относительно здоровья и силы рабочего-арендатора, его безжалостно выгоняют со своей земли и глинобитной хижины и оставляют умирать на дороге".

Это рабство, и при такой системе как могут несчастные люди быть не рабами? У мужчин нет рынка сбыта своего труда, а женщины и дети вынуждены бездельничать или работать в поле, как это делали и делают женщины Ямайки; и все потому, что они повсюду вынуждены истощать почву, выращивая урожай, который затем отправляется на большие расстояния для потребления, и, в конце концов, покидать землю, даже там, где они не умирают с голоду. Мистер Чэпмен сообщает нам, что...

"Даже в долине Ганга, где население в некоторых районах составляет от 600 до 800 человек на квадратную милю, треть пригодных для обработки земель не обрабатывается; а в Дикане, откуда мы должны главным образом ожидать увеличения запасов хлопка, население, составляющее около 100 человек на квадратную милю, поддерживается легкими культурами, выращиваемыми чуть более чем на половине пригодных для обработки земель".[96]

В другом месте он говорит нам, что из *обрабатываемой поверхности всей Индии половина представляет собой отходы*. [97] Епископ Хибер сообщает нам о "непроходимых джунглях", которые сейчас окружают некогда великий промышленный город Дакка; а "Бомбей Таймс" напоминает своим английским читателям о сотнях тысяч акров плодородной земли, которые лежат в запустении и которые можно было бы использовать для производства хлопка.

Когда население и богатство уменьшаются, первыми всегда забрасываются богатые почвы, как это показано в Римской кампании, в долине Мехико и в дельтах Ганга и Нила. Без общения они никогда не смогли бы совершенствоваться, и с исчезновением способности к общению им по необходимости позволено вернуться к своему первоначальному состоянию. Изгнанный на бедные земли и вынужденный отправлять продукт за границу, их жалкий земледelec становится беднее день ото дня, и чем меньше он получает, тем больше становится рабом

прихотей своего землевладельца и тем больше он отдается на милость ростовщика, который дает *взаимы под хорошее обеспечение* под три процента. в месяц, но с *него* надо иметь пятьдесят или сто процентов. в долг до сбора урожая. То, что при таких обстоятельствах заработная плата должна быть очень низкой, даже там, где работают несчастные люди, должно быть само собой разумеющимся. В некоторых местах рабочий получает две, а в других - три рупии, или менее полутора долларов в месяц. Офицеры, работающие в крупных земиндарских поместьях, получают от трех до четырех рупий, и то, что это высокая зарплата, подтверждается тем фактом, что полиция получает всего 48 рупий (23 доллара) в год, на которые они сами себя кормят и одевают! Таковы награды за труд в стране, обладающей всеми мыслимыми средствами накопления богатства, и с каждым годом их становится все меньше. "Это не могло быть слишком общеизвестно", - сказал мистер Брайт в Палате общин два года назад,

"Что земледельцы находились в крайне неудовлетворительном состоянии; что они, по правде говоря, находились в состоянии крайней и почти всеобщей нищеты. Все свидетельские показания совпадали с этим утверждением. Он хотел бы привлечь внимание палаты представителей к заявлению знаменитого уроженца Индии, раджи Раммохуна Роя, который около двадцати лет назад опубликовал в Лондоне брошюру, в которой указал на разрушительные последствия системы земиндари и притеснения, которым подвергаются риоты в президентствах Бомбея и Мадраса. Описав положение дел в целом, он добавил: "Таково было печальное положение сельскохозяйственных рабочих, что ему всегда было очень больно упоминать об этом". Три года спустя мистер Шор, который был судьей в Индии, опубликовал работу, которая до сих пор считалась стандартной работой, и он заявил, что "коренное население Индии не представляло британское правительство в благоприятном свете", — что применялась система налогообложения и вымогательства, "не имеющая аналогов в анналах ни одной страны". Затем они воспользовались авторитетом американского плантатора мистера Финни, который был в Индии в 1840 году и который говорил о плачевном состоянии земледельцев и заявил, что если бы с американцами обращались подобным образом, они стали бы такими же малопрогрессивными, как коренные индийцы. Далее он мог бы процитировать отчеты, данные мистером Марриотом в 1838 году, джентльменом, который в течение тридцати лет занимался сбором налогов в Индии и который утверждал, что "состояние земледельцев было очень подавленным, и что, по его мнению, оно все еще ухудшается". Было свидетельство уроженца Индии, на которое он мог бы сослаться по этому поводу. Это было письмо джентльмена, уроженца Дели, который был в Англии в 1849 году, и он мог обратиться к нужному человеку. баронет, член парламента от Тэмворта, выступает за доверие к этому джентльмену. Он никогда не встречал человека с более достойным характером или, по-видимому, более умного, и мало кто говорил на английском языке с большей чистотой и совершенством. Этот джентльмен написал брошюру, в которой утверждал, что на протяжении всего своего похода из Бомбея он находил территории Низама более возделанными, а риоты - в лучшем состоянии, чем территории Компании, и проживающих на них людей, которые были погружены в состояние величайшей нищеты; и он завершил свое краткое, но сравнительно полное сообщение о нынешнем плачевном состоянии Индии замечанием, что, как он опасается, это было лишь прелюдией ко многим другим подобным описаниям различных частей владений Компании, которые будут представлены до того, как тема будет раскрыта. привлечь внимание тех, чьим долгом было искоренять существующее зло".

Здесь мы имеем подтверждение правильности взглядов полковника Слимана о том, что условия жизни людей при местных органах власти лучше, чем при великом центральном правительстве.

Как бы ни были высоки налоги, лишь небольшая часть поступлений от налогов в этих случаях направляется в Калькутту по пути в Англию, тогда как из огромного жалования, выплачиваемого английским губернаторам и судьям, почти все должно уходить за границу, поскольку никто не соглашается прослужить несколько лет в Индии, кроме как на таких условиях, которые позволят ему накопить состояние и вернуться домой, чтобы потратить его. В качестве дальнейшего подтверждения этого у нас есть факты, столь полно приведенные в недавней работе г-на Кэмпбелла ("Современная Индия", глава xi) и доказывающие, что безопасность личности и собственности возрастает по мере того, как мы переходим от старых владений Компании к вновь приобретенным. Преступления всех видов, бандитский разбой, лжесвидетельство и подделка документов изобилуют в Бенгалии и Мадрасе, а бедность земледельцев настолько велика, что доход там наименьший и собирается с величайшими трудностями — и там же власть ассоциации была наиболее эффективно уничтожена. Переходя оттуда к недавно приобретенным Северо-западным провинциям, люди и собственность становятся более защищенными, а доходы увеличиваются; но когда мы достигаем Пенджаба, который до сих пор находился под властью Рунджита Сингха и его преемников, мы обнаруживаем, что, какими бы тиранами ни были представлены он и они, людям там предоставлялось самоуправление. Деревенские общины и прекрасная система ассоциаций, разрушенная в Бенгалии, остаются там нетронутыми. Офицеры всех мастей несут там большую ответственность за выполнение своих обязанностей, чем их собратья в старых провинциях, а собственность и личность находятся в большей безопасности, чем где-либо еще в Индии. Бандитские разбои редки, лжесвидетельство — нечасто, и мистер Кэмпбелл сообщает нам, что торжественная клятва "удивительно обязательна". "Чем дольше мы владеем провинцией, — продолжает он, — тем более распространенным становится лжесвидетельство"; и нам не нужно лучшего доказательства рабской тенденции системы, чем то, которое представлено таким образом. Горные племена, напротив, отличаются своей "строгой правдивостью", и полковник Слимман выражает убеждение, что "в деревенских общинах говорят так же мало лжи", как и в любой другой части мира с такой же площадью и населением.[98] В новых провинциях люди легко читают и пишут, и это люди физической и моральной энергии, хорошие земледельцы, которые хорошо понимают как свои права, так и свои обязанности; тогда как у более старых исчезло образование, а вместе с ним и всякая способность объединяться для достижения какой-либо благой цели. В новых провинциях торговля развита, о чем свидетельствуют следующие факты, отражающие численность населения и доходы почтовых отделений Бенгалии, Северо-западных провинций и Пенджаба, расположенные в порядке их приобретения Компанией:—

Население. Доходы почтовых отделений.

Бенгальские.....	41,000,000	480,500 рупии.
Провинции Северо-Запада.....	24,000,000	978,000 "
Пенджаб.....	8,000,000	178,000 "

Мы здесь показали замечательный факт, что в стране сикхов, которую так долго представляли как арену безжалостной тирании, восемь миллионов человек платят столько же почтовых сборов, сколько пятнадцать миллионов в Бенгалии, хотя в последней находится Калькутта, центр всех операций великого централизованного правительства. В том, что так должно быть, нет ничего экстраординарного, поскольку возможность выгодно использовать рабочую силу уменьшается по мере приближения к центру британской власти и возрастает по мере удаления

от него. Праздность и пьянство идут рука об руку друг с другом, и поэтому мистер Кэмпбелл считает себя обязанным заявить, что "невоздержанность возрастает там, где наши правила и система давно установлены".[99] Таким образом, мы видим, что наблюдения как мистера Кэмпбелла, так и полковника Слимана, авторов самых последних работ по Индии, дословно подтверждают более ранние заявления капитана Уэстмакотта, выдержка из которых приводится здесь:

"Вызывает глубокое сожаление тот факт, что в местах, наиболее долго находившихся под нашим правлением, наблюдается наибольшее количество разврата и преступности. Мои путешествия по Индии не дотянули до 8000 миль и охватили почти все важные города Северной, Западной и Центральной Индии. Я без колебаний утверждаю, что в индуистских и мусульманских городах, удаленных от европейского общения, гораздо меньше разврата, чем в Калькутте, Мадрасе или Бомбее, где собираются в основном европейцы".

Калькутта растет, город дворцов, но бедность и убожество растут по мере того, как жители Индии оказываются все более и более вынужденными прибегать к этому городу для совершения своих обменов. При туземном правлении жители каждого маленького округа могли обменивать друг с другом еду на хлопок или хлопчатобумажную ткань, никому не платя за эту привилегию. Теперь каждый человек должен отправить свой хлопок в Калькутту, чтобы оттуда отправиться в Англию с рисом и индиго своих соседей, прежде чем он и они смогут обменять еду на ткань или хлопок — и чем большее количество они отправляют, тем сильнее тенденция к снижению цен. С каждым расширением системы растет неспособность платить налоги и возрастает необходимость поиска новых рынков сбыта ткани и сбора так называемой ренты - и чем шире распространение системы, тем труднее собирать доход, достаточный для поддержания в движении правительственной машины. Именно эта трудность побудила представителей британской власти и цивилизации стать торговцами этим пагубным наркотиком - опиумом.

"Самые лучшие районы Индии", как нам сказали,[100] были выбраны для выращивания мака. Людям сказали, что они должны либо выращивать это растение, выращивать опиум, либо отказаться от своей земли. Если они отказывались, им безапелляционно говорили, что они должны уступить или уволиться. Та же Компания, которая заставляла их выращивать опиум, сказала: "Вы должны продавать опиум нам"; и им это было продано, и они назначили цену, которую им было угодно установить на произведенный таким образом опиум; а затем они продали его спекулянтам в Калькутте, которые организовали контрабанду вверх по реке Кантон на остров под названием Линтин, а взамен получили чай. В конце концов, однако, император Китая, после неоднократных угроз, приступил к осуществлению правосудия без суда и следствия; он конфисковал каждую крупицу опиума; заключил под стражу каждого европейца, занимавшегося его торговлей; и сегодняшние газеты (1839 г.) сообщают нам, что он пресек торговлю с Китаем "на корню".

Однако, к несчастью, британская нация сочла целесообразным объявить войну бедным китайцам и заставить их платить за уничтоженный опиум; и теперь прибыль индийского правительства от отравления целого народа возросла с 1 500 000 фунтов стерлингов на дату приведенной выше выдержки до огромной суммы в 3 500 000 фунтов стерлингов, или 16 800 000 долларов, и рынок, как нам сообщили, все еще расширяется.[101]

Чтобы читатель мог увидеть и понять, насколько непосредственно правительство заинтересовано в этих усилиях по деморализации и порабощению китайцев, приводится следующий отрывок:

"Для поставок и производства государственного опиума существует отдельное предприятие. В Газипуре и Патне есть два крупных опиумных агентства в провинциях Бенарес и Бахар. У каждого опиумного агента есть несколько заместителей в разных округах и собственное предприятие. Они заключают контракты с производителями на поставку опиума по ставке, установленной в соответствии с требованиями рынка. Органы земельных доходов не вмешиваются, за исключением случаев предотвращения возделывания без разрешения. Правительство просто заключает сделки с земледельцами как с земледельцами, точно так же, как это сделал бы частный торговец, *и предоставляет им авансы за выращивание*. Единственная обнаруженная трудность заключается в том, чтобы предотвратить их чрезмерное выращивание, поскольку цены благоприятные, у правительства есть надежный покупатель, и выращивание понравилось. Обрабатываемая земля измеряется, и принимаются меры предосторожности, чтобы вся продукция продавалась правительству. Полученный таким образом опиум-сырец отправляется в головное агентство, где его изготавливают, упаковывают в ящики и опечатывают печатью Компании".[102]

Автору этого абзаца казалось бы почти радостным, что китайцы обязательно останутся крупными потребителями наркотика. "Провал одной попытки исключить это показал", — как он считает, -

"Что они вряд ли достигнут этой цели; и если мы не будем поставлять их, это сделает кто-то другой; но хуже всего, по мнению некоторых людей, то, что если бы китайцы только легализовали выращивание в своей собственной стране, они могли бы производить это намного дешевле, и наш рынок был бы разрушен. И ради них, и ради нас самих мы должны надеяться, что это не так, или что они не узнают об этом".[103]

Нужно ли нам удивляться, когда джентльмены находят удовольствие в идее увеличения доходов от *навязывания этой торговли*, *несмотря на все усилия более цивилизованного китайского правительства*, что "невоздержанность возрастает" там, где британское "правление и система давно установлены"? Конечно, нет. Правительства бедных стран, как мы повсюду видим, вынуждены поощрять азартные игры, пьянство и другие безнравственные поступки как средство извлечения доходов из своих несчастных налогоплательщиков; и чем больше получаемый таким образом доход, тем беднее становятся люди и слабее правительство. Нужно ли удивляться, что Индия превратилась в производителя и контрабандиста опиума, когда люди вынуждены истощать страну, отправляя ее сырье, и когда ограничения *напросто* сбор местной соли настолько велики, что английская соль теперь находит рынок сбыта в Индии? Следующий отрывок по этому вопросу достоин прочтения теми, кто желает полностью понять, как получилось, что народ этой страны ограничен в применении своего труда, и почему труд так плохо оплачивается:

"Но те, кто кричит в Англии против монополии и несправедливого исключения их из торговли солью, вопиюще ошибаются. Что касается их, то здесь, безусловно, нет монополии, но самая абсолютная свобода торговли. И, более того, единственный результат нынешнего способа производства в Бенгалии - это предоставление им рынка, которого у них никогда бы не было в противном случае. Государственное производство соли, несомненно, дороже частного; но

результатом этого и равенства пошлин на плохую и хорошую соль является то, что английская соль высшего сорта сейчас более или менее находит рынок сбыта в Индии; тогда как, если бы завтра были отменены пошлины на соль и все вмешательство правительства, дешевая бенгальская соль продавалась бы по такой цене, что ни фунт английской или какой-либо другой иностранной соли не смог бы быть доставлен на рынок".[104]

Тем не менее, система считается идеальной для свободной торговли!

Несмотря на все эти усилия по поддержанию доходов, долг увеличился за последние двенадцать лет не менее чем на 15 000 000 фунтов стерлингов, или семьдесят два миллиона долларов; и все же правительство является абсолютным собственником всей земли Индии и пользуется такой значительной долей выгодных процентов на нее, что частная собственность на ней сократилась до суммы, абсолютно незначительной, как сейчас будет показано.

Валовой доход от земли, полученный от страны площадью 491 448 квадратных миль, или более трехсот миллионов акров, составляет 151 786 743 рупии, что равно пятнадцати миллионам фунтов стерлингов, или семидесяти двум миллионам долларов.[105] Какова стоимость прав частной собственности, подлежащих уплате этого налога, или арендной платы, можно судить по следующим фактам:- В 1848-9 годах в той части страны, где предусмотрено постоянное заселение, было продано за налоги 1169 поместий, на покупку которых ушло менее четырех лет. о налоге. Далее на юг, в правительстве Мадраса, где полностью функционирует поселение Ретвар, земля "была бы продана" за остаток арендной платы, но "как правило, этого не происходит", как нам сказали, "и по очень веской причине, а именно. что никто его не купит." Частные права на землю там не имеют никакой ценности", — говорит коллекционер из Салема, - " как сообщает нам мистер Кэмпбелл...

"Наивно упоминает "различные несанкционированные способы стимулирования опоздавшего", к которым редко прибегают главы деревень; например, "выставляя его на солнце, заставляя стоять на одной ноге или сидеть, зажав голову между колен"."[106]

В северо-западных провинциях "поселение", как утверждает наш автор, "безусловно, преуспело в придании хорошей рыночной стоимости земельной собственности", то есть она продается примерно "за четыре года покупки с учетом выручки".[107] Еще дальше на север, во вновь приобретенных провинциях, мы находим большое усердие, "все учтено", оценка, которой Компания преуспела после смещения преемников Рунджита Сингха, более легкая, а земля более ценная.[108] Следовательно, ценность земли, как и рабочей силы, возрастает по мере того, как мы переходим от старых поселений к новым, что было бы прямо противоположно тому, что имело бы место, если бы система имела тенденцию к предоставлению избирательных прав и возвышению людей, и именно этого следовало ожидать в стране, жители которой переходили от свободы к рабству.

С помощью полученных таким образом данных мы можем теперь установить, возможно, с некоторым приближением к точности, ценность всех частных прав на земле Индии. Ни в коем случае не кажется, что то, что облагается налогом, стоит больше четырех лет покупки, в то время как в очень значительной части страны это, казалось бы, абсолютно ничего не стоит. Есть, однако, несколько земель, не облагаемых налогом, которые могут быть зачтены в счет земель, находящихся в ведении ретварского поселения; и поэтому возможно, что все они стоят четырехлетней покупки, которая дала бы 288 миллионов долларов, или 60 миллионов фунтов

стерлингов, как стоимость всех прав на землю, приобретенных народом Индии всем трудом их предшественников и ими самими за многие тысячи лет ее обработки. Те немногие люди, которые заселили маленький песчаный штат Нью-Джерси площадью 6900 квадратных миль, приобрели права на землю, которые оцениваются, с учетом требований правительства, в 150 миллионов долларов; а те немногие, кто заселил маленький остров, на котором стоит город Нью-Йорк, приобрели права, которые можно было бы продать на рынке по крайней мере вдвое дороже, чем можно было бы получить за все права собственности на землю в Индии, с 300 миллионами акров и 96 миллионами жителей!

"При туземных князьях, - говорит мистер Кэмпбелл, - Индия была платежеспособной страной". При британском правлении это перестало быть таковым, потому что при этом правлении вся сила совместных действий была уничтожена, или готовится стать таковой, и будет таковой с помощью системы, которая стремится заставить весь народ, мужчин, женщин и детей, работать в поле, производя товары для экспорта в их необработанном виде. Каждый акт объединения - это акт торговли, и все, что стремится разрушить объединение, должно разрушить торговлю. Внутренняя торговля Индии неуклонно сокращается, а внешняя составляет всего около половины доллара на душу населения, и никакие усилия не могут заставить ее хоть сколько-нибудь вырасти. Доходы английской торговли за прошлый год уменьшились по сравнению с доходами предыдущего, тогда как почти во всех других странах наблюдается значительный рост. Куба экспортирует в большом количестве двадцать пять долларов на душу населения, или почти в пятьдесят раз больше, чем Индия; и она получает хлопчатобумажных изделий из Англии в четыре раза больше на душу населения; и это она делает потому, что частью политики Испании является объединение действий и предоставление возможности плантатору и ремесленнику работать вместе, тогда как политика Англии заключается в том, чтобы повсюду уничтожить силу ассоциации и, таким образом, разрушить внутреннюю торговлю, на которой должна строиться внешняя. Централизация неблагоприятна для торговли и свободы человека. Испания не стремится к установлению централизации. При условии, что она получает определенную сумму дохода, она довольствуется тем, что позволяет своим подданным заниматься выращиванием сахара или выделкой ткани, как им заблагорассудится, и таким образом продвигаться в цивилизации; и именно таким образом она получает возможность получать доход. Как централизация влияет на людей и доходы, и насколько она способствует развитию цивилизации или свободе человека, можно увидеть, внимательно прочитав следующий отрывок из недавней речи мистера Энсти в британской палате общин:

Таково было финансовое состояние Индии, которое distinguished джентльмен считал столь превосходным. Однако интеллигентные уроженцы Индии, посетившие эту страну, придерживались иного мнения. Они сказали нам, что жалобы, отправленные из Индии в эту страну, были проигнорированы здесь, и что они всегда будут игнорироваться до тех пор, пока расследование по ним будет проводиться империей, а не местными властями. Они заявили, что их положение было безнадежным, и что так было с тех пор, как они попали под наше правление. В результате холера стала обычным явлением в этой стране, и в Индии она никогда не вымерла. Из отчетов офицеров-медиков армии следовало, что он нападал на богатых и сытых не так часто, как на бедных, и что среди них он причинял самые страшные разрушения. Первостепенное у них достоверное сообщение о появлении холеры в Индии совпало с введением соляной монополии Уорреном Гастингсом; и в качестве справедливого возмездия она достигла их собственных берегов, показав им, каким бедствием они так долго поражали туземцев Индии. О других налогах можно было бы сказать, что в той или иной форме они

затрагивали каждую отрасль промышленности и все необходимое для жизни. Они влияли даже на инструменты торговли и иногда были равны сумме, за которую сам инструмент можно было купить на рынке.

"Когда в прошлом он упомянул об этих фактах перед членом совета директоров, ему сказали, что если бы он увидел документы в архивах, то понял бы, что имело место изменение; но при ознакомлении с документами он обнаружил, что результат для покупателя соли почти такой же, как и был. Было хорошо известно, что туземцы не смеют жаловаться. Когда они попросили защиты у законов, с ними поступили так же, как с Ютти Персо в прошлом году — против них были сфабрикованы дела, и они были привлечены к ответственности за свою жизнь. Учитывая приведенные им примеры Нункомара и Ютти Персо, неудивительно, что местные жители были настолько отсталыми в привлечении к ответственности лиц, чьи притеснения были столь велики".

Именно перед лицом фактов, подобных приведенным здесь, и других подобных фактов, представленных нам в истории Ямайки, в недавнем послании лорд Пальмерстон таким образом инструктировал своего министра в Мадриде:

"Я должен поручить вашей светлости сообщить господину де Мирафлоресу, что рабы Кубы составляют значительную часть населения Кубы, и ни в коем случае не второстепенную; и что, следовательно, любые шаги, предпринятые для обеспечения их эмансипации, что касается чернокожего населения, будут полностью соответствовать рекомендации правительства ее Величества о том, что должны быть приняты меры для обеспечения удовлетворенности народа Кубы с целью обеспечения связи между этим островом и испанской короной; и должно быть очевидно, что если негритянское население Кубы увеличит свою численность, то это приведет к увеличению числа рабов. если бы Кубу освободили, этот факт создал бы самый мощный элемент сопротивления любой схеме присоединения Кубы к Соединенным Штатам, где все еще существует рабство.

"Что касается влияния, которое эмансипация негров оказала бы на интересы белых собственников, то можно с уверенностью утверждать, что свободный труд стоит дешевле рабского, и бесспорно, что свободные и довольные крестьяне являются более безопасными соседями для стоящих над ними богатых классов, чем обиженные рабы; и что рабы должны, по природе вещей, подвергаться более или менее жестокому обращению, - это истина, которая относится к неотъемлемым принципам человеческой природы и столь же неизбежна, как и негодование, каким бы подавленным оно ни было, которое является причиной плохого обращения". последствие жестокого обращения".

Неграм Ямайки никогда не разрешалось применять свой свободный труд даже для рафинирования собственного сахара, *и по сей день они не делают этого*. Они должны экспортировать его в сыром виде, и чем больше они отправляют, тем ниже цена и тем большую долю берет на себя правительство — но бедный негр разорен. Испания, напротив, разрешает кубинцам заниматься любыми видами деятельности, которые, по их мнению, наиболее вероятно обеспечат им возврат к труду и капиталу; и, как необходимое следствие этого, растут города, капитал привлекается к земле, которая день ото дня становится все более ценной, рабочая сила пользуется спросом, и наблюдается постепенное, хотя и медленное, улучшение условий жизни. Право прибегать к другим способам занятости уменьшает необходимость экспорта сахара, и при экспорте в Испанию производитель получает возможность забрать себе

почти всю цену, уплаченную потребителем, при этом правительство взимает только пошлину в размере пятнадцати процентов.

Индус, как и негр, не допущен в мастерскую. Если он попытается переработать свой хлопок в пряжу, его веретено облагается налогом почти на всю прибыль, которую оно может ему принести. Если он пытается ткать ткань, его ткацкий станок облагается тяжелым налогом, от которого освобожден ткацкий станок его богатого английского конкурента. Его железная руда и уголь должны оставаться в земле, и если он осмелится применить свой труд даже для сбора соли, которая кристаллизуется перед его дверью, он будет наказан штрафом и тюремным заключением. Он должен выращивать сахар, который будет перевезен в Англию и там, возможно, обменен на английскую соль. За сахар, доставленный в эту страну, рабочий платит, возможно, сорок шиллингов за сотню, из которых правительство требует одну треть, судовладелец, торговец и другие - еще треть, а за оставшуюся треть приходится бороться агентам Компании, озабоченным доходами, и бедняку riots, стремящемуся получить немного соли, чтобы есть ее с рисом, и столько хлопка своего соседа в виде английского сукна, сколько хватит, чтобы прикрыть его чресла.

При испанской системе капитал увеличивается, а рабочая сила настолько ценна, что рабов все еще продолжают импортировать. При английском труд не имеет ценности, и люди продают себя в рабство на долгие годы на сахарных заводах Маврикия, Ямайки и Гвианы. Во всех странах, *которые* привлекают людей, цивилизация стремится вверх; но во всех тех, *из* которых люди убегают, она стремится вниз.

В тот момент, когда лорд Пальмерстон писал это послание, мистер Кэмпбелл писал свою книгу, в которой повсюду показано, что тенденция Индии к централизации и абсентеизму, а следовательно, к истощению и рабству, быстро усиливается. "Связь с Индией", как он говорит, —

"С каждым днем это настолько усиливается и облегчается, что мы становимся все более и более свободными от местного влияния, а склонность к индуизации, которая поначалу определенно проявлялась, полностью исчезла. Англичане в Индии теперь стали такими же англичанами, как и в Англии.

"Хотя такое положение вещей имеет большие преимущества, у него есть и некоторые недостатки, связанные с отсутствием знаний местных условий и, как следствие, с постоянством сроков пребывания на должностях. Поскольку на каждом назначении постоянно присутствовали совершенно незнакомые люди, из этого следует, что управление должно осуществляться исключительно на общих принципах, без особой помощи местных знаний и опыта". — С. 202.

Тенденция к перемещению английского капитала в Индию, как он сообщает нам, отступает, вместо того чтобы продвигаться вперед, и это именно то, что мы могли бы ожидать обнаружить в данном случае. *Капитал никогда не ищет страну, из которой люди летят так, как они сейчас летят из Индии.* Английские дома ничего не приносят, но, будучи в целом простыми спекулянтами, они в значительной степени занимают и вступают в крупные операции, и когда пузырь лопается, бедные индусы страдают от застоя в торговле и снижения цен на хлопок и сахар. "Следствие таково", как говорит мистер Кэмпбелл,

"Эти европейские спекуляции пошли на спад. Далеко в глубинке страны, где агенты старых домов прежде были многочисленны и хорошо снабжались деньгами, плантаторов теперь мало, они бедствуют и обычно зарабатывают лишь ненадежное существование, фактически являясь слугами местных капиталистов". — С. 204.

Железо, с помощью которого люди могли бы улучшить свои процессы возделывания и производства, имеет мало общего с Индией. Средний экспорт его в эту страну в 1845 и 46 годах составлял всего 13 000 тонн на сумму 160 000 фунтов стерлингов, или около двух пенсов на каждые пять человек населения. В настоящее время предпринимаются усилия по строительству железных дорог, но их целью является внедрение системы централизации и, таким образом, дальнейшее разрушение силы ассоциации, потому что они направлены на уничтожение того, что еще осталось от отечественного производства, и, таким образом, *удешевление хлопка*. При всех усовершенствованиях в транспортировке этого товара бедный земледелец получает за него меньше, чем тридцать лет назад, и результатом дальнейшего улучшения может быть не что иное, как дальнейшее сокращение производства и еще большее ухудшение положения людей, выращивающих продовольствие и хлопок. В Пенджабе все еще сохраняется власть ассоциации, но теперь предлагается проводить там большие ярмарки для продажи английских мануфактур, и недалек тот день, когда положение населения новых провинций будет таким же, как в старых, поскольку не будут жалеть усилий для внедрения системы, которая направлена на то, чтобы привлечь весь народ к сельскому хозяйству и, таким образом, заставить его истощать свои земли. Необходимо, говорит г-н Чепмен, большой сторонник железных дорог в Индии, чтобы связь между *"индийским земледельцем и английским прядильщиком"* стала более тесной, и *"чем больше английский язык будет перевешивать потребности туземцев на родине, тем сильнее туземный земледелец будет чувствовать, что его личный успех зависит от обеспечения и улучшения его связей с Британией"*[109]6750 — то есть, чем больше удастся помешать туземцам объединять свой труд, тем больше, как думает г-н Чепмен, будет процветание Индии. Централизация привела к обнищанию и в значительной степени обезлюдилу этой страны, но ее работа еще не завершена. Еще предстоит низвести население Пенджаба, Афганистана и Бирмы до положения бенгальцев.

Бирманская война, как нам сообщают, *"связана, по крайней мере, с определенными надеждами проникнуть в Китай через бирманские территории"*[110] и, конечно, с расширением торговли опиумом по всему внутреннему Китаю; и доходы от этого источника окупят стоимость аннексии. Вероятно, именно с помощью этого мощного наркотика *"цивилизация"* собирается, как нам говорят, *"водрузить свое знамя на руинах королевств, которые тысячи лет тлели, превращаясь в пыль"*. [111]

Нам часто говорят о *"смутных моральных представлениях"* народа Индии, и поскольку многие из тех, кто прочтет эту книгу, могут быть склонны думать, что причина бедности кроется в некоторых недостатках характера индусов, возможно, будет уместно, с целью исправления этого мнения, привести несколько отрывков из очень интересной работы полковника Слимана, который предоставляет больше информации по этому вопросу, чем любой другой недавний путешественник или местный житель; и его замечания тем ценнее, что являются плодом многолетних наблюдений:

Сэр Томас Манро справедливо заметил: *"Я точно не знаю, что подразумевается под цивилизованностью народа Индии. В теории и практике хорошего управления они могут быть*

недостаточны; но если хорошая система земледелия — если непревзойденные мануфактуры — если способность производить то, чего требуют удобства или роскошь — если учреждение школ чтения и письма — если общая практика доброты и гостеприимства — и, прежде всего, если скрупулезное уважение и деликатность по отношению к женскому полу входят в число признаков цивилизованного народа, то индусы не уступают в цивилизованности народам Европы. — *Бродячие походы*, том I. 4.

"Наши палатки были разбиты на зеленой лужайке на одном берегу небольшого ручья, впадающего в Нербудду неподалеку, в то время как толпа людей заняла другой берег. Ночью все палатки и киоски освещены, и ночью сцена едва ли менее оживленная, чем днем; но что больше всего поражает европейца, так это полное отсутствие всякого шума и беспорядка в таких местах. Он не только не замечает никаких беспорядков, но и уверен, что их не будет; и оставляет свою жену и детей посреди толпы из ста тысяч незнакомых им людей, говорящих на другом языке и исповедующих религию, отличную от их, в то время как сам уходит на целый день на охоту в далекие джунгли, не испытывая ни малейшего чувства опасения за их безопасность или комфорт". — *Там же*. 2.

"Я очень привязан к сельскохозяйственным классам Индии в целом, и я нашел среди них нескольких лучших людей, которых я когда-либо знал. Крестьяне в Индии, как правило, обладают очень хорошими манерами и чрезвычайно умны из-за того, что у них гораздо больше досуга, а также свободного общения с теми, кто выше их". — *Там же*. 76.

"Я должен сказать, что я никогда не видел и не читал о более благородном духе, который, кажется, одушевляет все классы этих сообществ в Индии в столь печальных случаях". — *Там же*. 197.

"Я полагаю, что нет ни одной части мира, где родители пользовались бы таким большим уважением со стороны своих сыновей, как в Индии, во всех классах общества". — *Там же*. 330.

"Случаи преднамеренного мошенничества или лжи среди местных торговцев, занимающих respectable положение в обществе, чрезвычайно редки. Среди многих сотенных счетов, которые мне приходилось брать у них для частных переводов, я ни разу не видел, чтобы один был опозорен или платеж по нему задерживался сверх указанного дня; и я не припомню, чтобы когда-либо слышал о ком-то, кто это делал. Они настолько осторожны, чтобы не спекулировать не по средствам, что случаи неудачи среди них крайне редки. Никто никогда в Индии не слышал о семьях, доведенных до разорения из-за банкротства купцов и банкиров; хотя здесь, как и во всех других странах, развитых в области искусства, огромное количество семей существует на проценты с используемых ими денег.

"Нет класса людей, более заинтересованных в стабильности нашего правления в Индии, чем respectable торговцы; и нет никого, от кого больше зависело бы благополучие нашего правительства и народа. Бережливые, во-первых, из принципа, чтобы в своих расходах не посягать на свои капиталы, они становятся такими по привычке; и когда они преуспевают в жизни, они вкладывают накопленное богатство в создание тех произведений, которые обеспечат им, из поколения в поколение, благословения жителей городов, в которых они проживали, и жителей окрестной страны. Не будет преувеличением сказать, что половина великих произведений, украшающих и обогащающих облик Индии, в виде резервуаров, роц, колодцев, храмов и т. Д., Были созданы этим классом людей исключительно с целью получения

благословений человечества, способствуя его счастью солидными и постоянными работами". - Там же. том ii. 142.

"В 1829 году, когда я занимал гражданскую должность в округе Джаббалпурэ, в этой долине Нербудды, я распорядился составить оценку общественных работ, связанных с украшением и полезностью, которые там находились. Население округа в то время составляло пятьсот тысяч душ, распределенных по четырем тысячам пятидесяти трем оккупированным городам, деревням и хуторам. Существовала еще тысяча деревень, которые раньше были заселены, но затем опустели. Здесь было две тысячи двести восемьдесят восемь резервуаров, двести девять чаш, или больших колодцев, со ступенчатыми пролетами, спускающимися сверху вниз к воде, когда она находится на самом нижнем уровне; полторы тысячи шестьдесят колодцев, облицованных кирпичом и камнем, зацементированных известью, но без лестниц; триста шестьдесят индуистских храмов и двадцать две мусульманские мечети. Расчетная стоимость этих работ в зерне по нынешней цене, то есть количество, которое было бы потреблено, если бы труд оплачивался натурой по нынешней обычной ставке, составила восемьдесят шесть лаксов шестьдесят шесть тысяч сорок три рупии (86 66 043), 866 604 фунта стерлингов.

"По оценкам, рабочему платили примерно в две трети от количества зерна, которое он получил бы в Англии, если бы ему платили натурой, а кукуруза продается здесь примерно в одну треть от цены, которую она дает в Англии в среднем за сезон. Следовательно, в Европе эти работы, при условии равной эффективности труда, стоили бы по меньшей мере в четыре раза больше суммы, оцененной здесь; и такие работы, созданные частными лицами для общественного блага без какой-либо цели получения прибыли, указывают на очень высокую степень общественного духа.

"Вся годовая арендная плата за земли этого округа составляет около шестисот пятидесяти тысяч рупий в год (65 000 фунтов стерлингов), то есть пятьсот тысяч, требуемых правительством, и сто пятьдесят тысяч теми, кто арендует земли непосредственно у правительства, сверх того, что можно рассматривать как прибыль от их поголовья как фермеров. Следовательно, эти работы должны были стоить примерно в тринадцать раз больше годовой арендной платы за все земли округов — или всей годовой арендной платы за период свыше тринадцати лет!" — Там же, том ii. 194.

Здесь мы имеем частные права на землю стоимостью 150 000 рупий в стране, изобилующей углем и железной рудой, [112] и с населением в полмиллиона человек. Оценивая частные интересы в десять лет на покупку, мы получаем, что земельный налог оплачивается ровно за три года; и из этого, конечно, следует, что *правительство забирает каждый год четверть всей стоимости собственности*, — по этой ставке маленький штат Нью-Джерси с его полумиллионным населением ежегодно выплачивал бы свыше тридцати миллионов долларов на содержание тех, кому поручено управлять его делами! Нужно ли нам удивляться бедности Индии, обложенной такими налогами и лишенной всякой возможности даже удобрять свою землю?

"Три четверти новобранцев нашей бенгальской местной пехоты набираются из раджпутских крестьян королевства Ауд, расположенного на левом берегу Ганга, где их привязанность к земле была связана с долгим рядом поколений. Добрые чувства семей, из которых они вышли, продолжают на протяжении всего периода их службы оказывать благотворное влияние на их поведение как мужчин и как солдат. Хотя они никогда не берут с собой свои семьи, они

навещают их в отпуске каждые два-три года и всегда возвращаются к ним, когда хирург считает, что смена обстановки необходима для их выздоровления от болезни. Их семейные круги всегда присутствуют в их воображении; и воспоминания об их последнем визите, надежды на следующий и уверенность в том, что об их поведении как мужчин и солдат в промежутке времени будут сообщены этим кругам их многочисленными товарищами, которые ежегодно возвращаются в отпуск в одни и те же части страны, имеют тенденцию порождать общую и единообразную пристойность поведения, которую вряд ли можно найти среди солдат какой—либо другой армии в мире, и которая кажется непостижимой тем, кто не знаком с ее источником, — почитанием родителей, которых лелеяли всю жизнь, и никогда не ослабевающая любовь к дому и ко всем дорогим предметам, из которых он состоит". - Там же, том ii. 415.

Таковы люди, которых мы видим сейчас вынужденными покинуть землю, пригодную для обработки не более половины, — землю, изобилующую всеми видами полезных ископаемых, — и продать себя за долгие годы службы, отдельно от жен, детей и друзей, чтобы заняться самым нездоровым из всех занятий - выращиванием сахара на Маврикии, Сандвичевых островах, среди болот Британской Гвианы и Ямайки, и за вознаграждение в четыре или пять рупий (от 2 до 2,50 доллара) в месяц. Каково было их положение на Маврикии, таким образом, показано умным и честным посетителем острова в 1838 году:

"После принятия закона об отмене рабства колониальным правительством было одобрено соглашение о притоке в колонию большого количества индийских рабочих. Они получали пять рупий, что равнялось десяти шиллингам, в месяц в течение пяти лет, а также один фунт риса, четверть фунта дхалла, или зерна, разновидности бобовых, и одну унцию масла, гхи, ежедневно. Но за каждый день отсутствия на работе они должны были на два дня возвращаться к своим хозяевам, которые оставляли себе одну рупию в месяц, чтобы выплатить аванс из шестимесячного жалованья и покрыть расходы на проезд. Если эти люди приходили в Порт-Луи жаловаться на своих хозяев, их помещали в тюрьму Банье до тех пор, пока не вызывали их хозяев. Хозяева имели большое преимущество перед магистратами перед своими слугами: последние были иностранцами, но мало кто из них говорил по-французски, и у них не было никого, кто мог бы помочь им отстаивать свое дело. Они повсеместно представляли себя обманутыми относительно того, какого рода труд от них требовался. Но, возможно, самым большим злом, сопутствовавшим их появлению на Маврикии, была небольшая доля женщин, привезенных с ними: всего около двухсот было привезено вместе с более чем десятью тысячами мужчин. Было очевидно, что если за системой их найма не будут пристально следить, возникнет опасность, что в конечном итоге она может перерасти в другой вид рабства".[113]

Таким образом, мы видим, что в то время как женщины Индии лишены всякой возможности заниматься более легким трудом на производстве, мужчины вынуждены эмигрировать, оставив своих жен и дочерей, чтобы обеспечивать себя как можно лучше. Тот же автор приводит следующий отчет об индийских каторжниках, доставленных на остров:

"Среди индийских заключенных, работающих на дороге, мы заметили одного в цепях; у нескольких было небольшое одиночное кольцо вокруг лодыжки. Они живут в хижинах с плоскими крышами или в других жилищах более низкого качества недалеко от дороги. На острове их около семисот. Что делает их особыми объектами сочувствия, так это то, что они были отправлены сюда пожизненно, и никакой надежды на смягчение приговора им за

хорошее поведение не предоставляется. Их работа - безнадежное рабство; и хотя некоторые говорят, что они не слишком усердно работают, все же они обычно, возможно, постоянно, разбивают камни и чинят дороги под тропическим солнцем. Среди них есть люди, которые были настолько молоды при транспортировке, что в своих преступлениях на них можно было смотреть только как на одуроченных тех, кто был старше; и многие из них обладают хорошим характером ".[114]

В то время, к которому относятся эти отрывки, в Индии был ужасный голод; но "во время распространения этого голода", как нам сказано, —

"Рис вывозился из страны каждый час. 230 371 мешок по 164 фунта каждый, что составляет 37 780 844 фунта, был экспортирован из Калькутты. Куда? На Маврикий, кормить похищенных кули. Да: чтобы прокормить людей, которых украли с берегов Ганга и прилегающих холмов и увезли с их родного берега под предлогом поездки в одну из деревень Компании, чтобы они выращивали на острове Маврикий то, что они могли бы в изобилии вырастить на своей собственной плодородной, но перегруженной налогами земле. Общее количество риса, экспортированного из Калькутты во время голода 1838 года, составило 151 923 696 фунтов, помимо 13 722 408 фунтов. из других съедобных злаков, которые могли бы прокормить и сохранить жизнь всем тем, кто погиб в том году. Жены могли бы быть спасены для своих мужей, младенцы - для своих матерей, друзья - для своих друзей; деревни все еще могли бы быть населены; бесплодная земля могла бы вновь покрыться зеленью. Свежесть, радость и радостные голоса могли бы быть там. Теперь все - тишина, и запустение, и смерть. И все же нам говорят, что мы не имеем ничего общего с Индией".[115]

Страна, экспортирующая сырые продукты, *должна* истощить свои земли, а затем она *должна* экспортировать своих мужчин, которые бегут от голода, оставляя женщин и детей погибать позади них.

Благодаря продолжающейся иммиграции кули экспорт сахара с Маврикия за последние шестнадцать лет удвоился, увеличившись с 70 до 140 миллионов фунтов стерлингов. Таким образом, сахар очень дешев, и таким образом иностранная конкуренция вытесняется с британского рынка. "Такие завоевания", однако, очень верно говорит лондонский "*Спектейтор*" —

"Не всегда приносят прибыль завоевателю; да и само производство не свидетельствует о процветании. Конкуренция за владение полем может пойти так далеко, что цены будут снижаться ниже себестоимости; и из печально известных фактов Вест—Индии — из смены собственности, из полной непроизводительности большей части собственности, которая все еще существует, - ясно, что производство сахара в Вест-Индии продолжалось не только без замещения капитала, но и с постоянным истощением капитала ".

"Свободные" кули и "свободные негры" Ямайки были вынуждены конкурировать за продажу сахара, и, по—видимому, они погибли вместе; но компенсация за это содержится в том факте, что...

"Свободная торговля, снизив цены на товары для домашнего потребления, позволила рабочему тратить большую долю своего дохода на покупку одежды и предметов роскоши и в огромной степени расширила внутреннюю торговлю".[116]

О том, какое воздействие оказало это снижение "цен на товары для домашнего потребления" на бедных кули, можно судить по следующему отрывку:

"Здесь я впервые увидел класс существ, о которых мы много слышали и к которым я испытывал значительный интерес. Я имею в виду кули, ввезенных британским правительством, чтобы заменить *слабоумных* негров, когда была отменена система ученичества. Те, кого я видел, бродили по улицам, одетые довольно со вкусом, но всегда бедно, и обычно несли через плечо что-то вроде *шифоньерского* мешка, в который они бросали всякий мусор, который находили на улицах или получали в качестве милостыни. Фигуры у них, как правило, великолепные, а восточный костюм, которого они придерживаются, насколько позволяет их бедность какой-либо одеждой, выгодно подчеркивает их гибкие и грациозные формы. Их лица почти одинаково безупречны в классическом стиле и освещены парами тех темных плавающих и умиротворяющих глаз, которые с первого взгляда исчерпывают язык нежности и страсти.

- Но они самые закоренелые нищенствующие на острове. Говорят, что те, кого привозят из внутренних районов Индии, являются преданными и умелыми работниками, в то время как те, кто из Калькутты и ее окрестностей, ни на что не годны. Те, что бродили по улицам Спэништауна и Кингстона, я полагаю, принадлежали ко второму классу, поскольку, как говорят, на острове нет плантатора, у которого было бы труднее получить какую-либо работу, чем у одного из них. Они вообще живут попрошайничеством: они не порочны, не невосдержанны и не доставляют особых хлопот, разве что как попрошайки. В этом призвании они обладают упорством, перед которым поблелел бы нищий северянин. Им не откажут. Они будут стоять совершенно неподвижно и смотреть в окно с улицы в течение четверти часа, если их не прогонят, устремив на вас свои умоляющие глаза, как раненый олень, не говоря ни слова и не шевеля ни единым мускулом. Они ведут себя так, как будто для них не стыдно просить милостыню, как будто наименьшая компенсация, на которую они вправе рассчитывать за надругательство, совершенное над ними при переезде из их далеких домов на этот чужой остров, - это ежедневный запас их немногочисленных и дешевых предметов первой необходимости, в которых они нуждаются.

Признаюсь, что их попрошайничество не произвело на меня впечатления, производимого обычным попрошайничеством. Они не выглядят так, как будто должны работать. Я никогда не видел ни одной улыбки, и хотя они не выказывали явного страдания, я никогда не видел ни одного счастливого взгляда. Каждое лицо, казалось, постоянно рассказывало печальную историю своих бед, и, подобно осколкам разбитого зеркала, каждое отражало во всех своих отвратительных пропорциях национальное возмущение, жертвами которого они являются".[117]

Работоторговля приняла новую форму, кроткий и обходительный индус занял место варварского и свирепого африканца; и эта торговля, вероятно, будет продолжаться до тех пор, пока главной целью правительства христианского народа будет обеспечение своего народа дешевым хлопком и сахаром, не обращая внимания на разрушение жизни, причиной которого является эта дешевизна. Народ Англии посылает в Индию священников-миссионеров и епископов, но они получают мало обращенных; и никогда не может быть иначе при системе, которая стремится уничтожить силу ассоциации и, таким образом, препятствует тому разнообразию занятий, которое необходимо для улучшения физического, морального, интеллектуального или политического состояния. Можем ли мы не надеяться, что в недалеком будущем они придут к выводу, что такое общение так же необходимо индуистам, как, по их мнению, это необходимо

для них самих, и что если они желают успеха в своих попытках привести последователей Мухаммеда или Брахмы к пониманию доктрин Христа, они должны показать, что их практика и их учения в некоторой степени гармонируют друг с другом? Когда этот день настанет, все увидят, что они пытаются исправить причиненное ими зло и позволяют бедным индусам обзавестись предприятиями, в которых можно объединять труд для производства железа и машин, с помощью которых местный хлопок может быть скручен в районе, в котором он производится, что позволяет ныне несчастному земледельцу напрямую обмениваться со своим соседом, производящим продукты питания, избавленным от необходимости отправлять свои продукты на расстояние, чтобы их возвращали обратно в виде пряжи или ткани по цене, в пятнадцать или двадцать раз превышающей цену, по которой он продавал их в виде хлопка. Настало время, и они по достоинству оценят здравый смысл, содержащийся в следующих замечаниях полковника Слимана: —

"Если бы у нас было какое-нибудь крупное учреждение такого рода, в котором христиане могли бы найти работу и средства религиозного и светского обучения, тысячи новообращенных вскоре устремились бы к ним; и они стали бы огромными источниками будущих улучшений в промышленности, социальном комфорте, муниципальных учреждениях и религии. Что главным образом препятствует распространению христианства в Индии, так это страх исключения из касты со всеми ее привилегиями; и полная безнадежность того, что они когда-либо найдут какой-либо респектабельный круг общества принятой религии, который сейчас повсеместно ощущают обращенные или будут обращены в христианство. Сформируйте для них такие кружки — сделайте членов этих кружков счастливыми в честном и независимом трудолюбии — пусть те, кто достигнет в них возвышения, почувствуют, что их считают такими же респектабельными и важными в социальной системе, как слуги правительства, и новообращенные будут стекаться к вам со всех концов и из всех классов индуистского сообщества. * * * Я убежден, что дюжина таких заведений, как заведение мистера Томаса Эштона из Хайда, описанное врачом из Манчестера и отмеченное в замечательной работе мистера Бейнса "О хлопчатобумажных мануфактурах Великобритании" (стр. 447), сделало бы больше на пути обращения среди народа Индии, чем когда-либо было сделано всеми религиозными учреждениями или когда-либо будет сделано ими без какой-либо подобной помощи". - Т. ii. 164.

В том, что тенденция к личному рабству в Индии неуклонно возрастает, не может сомневаться ни один человек, который будет внимательно изучать книги об этой стране; и, возможно, не лишним будет поинтересоваться, на ком лежит ответственность за такое положение вещей. Некоторые из процитированных лиц, господ. Томпсон, Брайт и другие, обвиняют Компанию в этом; но никто из тех, кто читал работы господ. Кэмпбелл и Слиман могут сомневаться в том, что режиссура сейчас движима серьезным желанием улучшить положение своих бедных подданных. К сожалению, однако, Компания находится почти в таком же положении, в каком находятся землевладельцы Ямайки, и сама находится на грани разорения, потому что ее подданные ограничены сельским хозяйством и потому что они получают столь малую часть стоимости своего очень небольшого количества продукции. Сейчас, как и во времена *Джошуа Джи*, большая часть этой ценности остается в Англии, население которой ест дешевый сахар, в то время как его производитель голодает в Индии. Дешевый сахар и дешевый хлопок добываются за счет принесения в жертву интересов великой нации; и в то время как политика Англии будет по-прежнему направлена на привлечение женщин и детей Индии к полевым работам, а мужчин - к выращиванию сахара на Маврикии, почва должна продолжать беднеть, народ должен становиться все более и более поработанным, а правительство должно

оказаться во все большей зависимости в плане доходов от власти отравлять народ Китая; и поэтому будет видно, что какими бы благими ни были намерения джентльменов, на которых возложены обязанности правительства, они должны оказаться в большей зависимости от и все больше вынужден перемалывать бедняков в надежде получить доход.

ГЛАВА XIII.

КАК РАСТЕТ РАБСТВО В ИРЛАНДИИ И ШОТЛАНДИИ.

Правительство, последовавшее за завершением революции 1688 года, обязалось не поддерживать шерстяную промышленность Ирландии с целью принудить экспорт необработанной шерсти в Англию, откуда ее вывоз в зарубежные страны был запрещен; результатом этого, конечно, было предоставление английскому фабриканту возможности покупать ее по его собственной цене. Начиная с этого периода, мы находим многочисленные постановления относительно портов, из которых только шерстяная пряжа или ткань могла поступать в Англию, и портов последней, через которые она могла поступать; в то время как не жалели усилий, чтобы побудить народ Ирландии отказаться от шерсти и перейти на лен. Были приняты законы, запрещающие экспорт ирландских тканей и стекла в колонии. В соответствии с другими законами ирландские суда были лишены льгот, предусмотренных законами о судоходстве. Для них были закрыты рыбные промыслы. Сахар нельзя было импортировать ни из какого другого места, кроме Великобритании, и не допускалось никаких ограничений при его экспорте в Ирландию; и, таким образом, последняя была вынуждена платить налог для поддержки британского правительства, сохраняя при этом свое собственное. Все остальные колониальные товары должны были сначала доставляться в Англию, после чего они могли быть отправлены в Ирландию; и поскольку ирландское судоходство было исключено из преимуществ навигационных законов, из этого следовало, что импортные рейсы должны были совершаться на британских судах, укомплектованных британскими моряками и принадлежащих британским торговцам, которые, таким образом, были уполномочены взимать налоги с народа Ирландии за выполнение их работы, в то время как большая часть ирландцев сама была безработной.

Таким образом, запрещая им заниматься мануфактурой или торговлей, им предлагались все возможные стимулы ограничиться производством товаров, необходимых английским промышленникам, и шерсть, пенька и лен ввозились в Англию беспошлинно. Таким образом, мы видим, что система того времени в отношении Ирландии была направлена на ограничение населения этой страны, как она ограничивала рабов Ямайки, а теперь ограничивает население Индостана только сельским хозяйством, и, таким образом, лишала мужчин, женщин и детей всякой работы, кроме труда в поле, и всякой возможности для интеллектуального совершенствования, такого, какое в других местах является результатом объединения, которое обязательно сопровождает совершенствование в механическом искусстве.

Во время нашей Революционной войны Ирландии требовалась свобода торговли; и поскольку требование было выдвинуто в то время, когда значительная часть ее народа была вооружена в качестве добровольцев, торговцы и промышленники Англии, которые так долго действовали как посредники для народа братского королевства, оказались вынужденными согласиться на снятие некоторых ограничений, под которыми последнее так долго оставалось. Шаг за шагом вносились изменения, пока, наконец, в 1783 году Ирландия не была провозглашена независимой, вскоре после чего были введены пошлины на различные изделия иностранного

производства, явно с намерением дать возможность ее народу использовать часть своего избыточного труда для переработки ее собственных продуктов питания и шерсти, а также хлопка из других стран, в ткань. С тех пор промышленность и торговля достигли значительного прогресса, и, безусловно, наметилась очень значительная тенденция к улучшению. Некоторое представление о состоянии страны в то время и об огромных и прискорбных переменах, произошедших с тех пор, можно получить из рассмотрения нескольких фактов, связанных с производством книг в последние годы прошлого столетия. Поскольку законы об авторском праве не распространяются на Ирландию, все книги, изданные в Англии, могут там переиздаваться, и соответственно мы обнаруживаем, что все основные английские юридические отчеты того времени, очень многие из более ранних, и многие из лучших трактатов, а также основные романы, путешествия и разные произведения были переизданы в Дублине, в чем можно убедиться, заглянув в любую из наших старых библиотек. Публикация таких книг подразумевает, конечно, значительный спрос на них и на саму Ирландию, поскольку продажи книг в этой стране были действительно очень малы, и тогда не было другой части света, куда они могли бы попасть. В те дни в Ирландии одним издательством, вероятно, было издано больше книг, чем сейчас требуется для снабжения всего королевства. Однако с 1801 годом произошли перемены. Актом о союзе законы Англии об авторском праве были распространены на Ирландию, и сразу же крупное и растущее производство книг оказалось в упадке. Патентные законы были также распространены на Ирландию; и поскольку Англия так долго монополизировала промышленное оборудование, бывшее в употреблении в то время, было ясно, что именно там будут внесены улучшения, и что с этого момента ирландская промышленность должна пойти на попятный. Для Манчестера были открыты внутренний рынок, внешний рынок и, в немалой степени, рынок Ирландии; в то время как производители последней были вынуждены бороться за существование, причем при самых невыгодных обстоятельствах, на своей собственной земле. Один мог позволить себе приобрести дорогостоящее оборудование и внедрять любые возможные усовершенствования, в то время как другой не мог. Естественным следствием этого стало то, что ирландские мануфактуры постепенно исчезли по мере вступления в силу Акта о союзе. В силу его положений пошлины, установленные ирландским парламентом с целью защиты ирландских фермеров в их усилиях приблизить ткацкий станок и наковальню к плугу и бороне, должны были постепенно уменьшаться, и должна была быть полностью установлена свободная торговля; или, другими словами, Манчестер и Бирмингем должны были обладать монополией на снабжение Ирландии тканями и железом. Пошлина на английскую шерсть должна была сохраняться двадцать лет. Почти запретительные пошлины на английский ситец и муслин должны были сохраняться до 1808 года; после чего они должны были постепенно снижаться, пока в 1821 году не прекратятся. Производство хлопчатобумажной пряжи должно было прекратиться в 1810 году. Влияние этого на снижение спроса на ирландскую рабочую силу видно из приведенного ниже сравнительного обзора мануфактур на дату Объединения и в различные периоды последующих сорока лет:

Дублин, 1800 год, Мастера-производители шерстяных изделий. 91... 1840, 12

"Рабочие руки"..... 4918... ", 602

"Мастера-гребенщики шерсти"..... 30... 1834, 5

"Рабочие руки"..... 230... ", 63

" Производители ковров..... 13... 1841, 1

" Занятые руки"..... 720... " нет

Килкенни, 1800 год, Производители одеял..... 56... 1822, 42
"Занятые руки"..... 3000... 1822, 925

Дублин, 1800 год, Ткачихи за работой. 2500... 1840, 250
Балбригган, 1799, Ситцевые ткацкие станки за работой..... 2500... 1841, 226
Уиклоу, 1800 год, Ручные ткацкие станки за работой..... 1000... 1841, нет

Пробка, 1800 г., Плетельщики кос..... 1000... 1834, 40
"Камвольные ткачихи"..... 2000... " 90
"Гусары"..... 300... " 28
"Гребенщики шерсти"..... 700... " 110
"Хлопчатобумажные ткачихи"..... 2000... " 220
"Льняные щекотуны..... 600... " нет
" Хлопкопрядильных машин, отбеливателей,
ситцевых принтеров тысячи... - никаких

"Почти полвека Ирландия вела совершенно свободную торговлю с самой богатой страной в мире; и что же, — говорит автор недавно вышедшей очень талантливой работы, -

"Помогла ли ей эта свободная торговля? Даже сейчас, - продолжает он, - у нее нет работы для своего многочисленного населения, кроме как на земле. У нее должны были быть и легко могли быть другие, разнообразные занятия, и их было предостаточно. Должны ли мы верить, - говорит он, - клевете о том, что ирландцы ленивы и не хотят работать? Отличается ли природа ирландца от природы других людей? Разве ирландцы не самые трудолюбивые из всех работников Лондона и Нью-Йорка? Уступают ли ирландцы в понимании? Мы, англичане, которые лично знали ирландцев в армии, в баре и в церкви, знаем, что нет лучшей головы, чем дисциплинированная ирландская. Но во всех этих случаях этот мастер индустрии, желудок, был вполне удовлетворен. Пусть англичанин обменяет свой хлеб, пиво, говядину и баранину на отсутствие завтрака, на тепловатый кусок мяса за обедом и без ужина. При такой диете, насколько он лучше ирландца — кельта, как он его называет? Нет, правда в том, что несчастье Ирландии происходит не от человеческой природы, которая там произрастает, а от порочного законодательства Англии, прошлого и настоящего".[118]

Лишенная всякого занятия, кроме земледелия, земля, конечно, стала главным объектом погони. "Земля - это жизнь", - совершенно верно и решительно сказал главный судья Блэкберн; и теперь перед людьми стоял выбор между оккупацией земли, *за любую арендную плату, или голодной смертью*. Таким образом, хозяин земли получил возможность диктовать свои собственные условия, и поэтому мы слышали о выплате пяти, шести, восьми и даже целых десяти фунтов за акр. "Огромная арендная плата, низкая заработная плата, фермы огромной площади, сданные алчными и ленивыми собственниками в монополизацию землевладельцам, которые были переданы промежуточным угнетателям за пятикратную их стоимость среди несчастных, голодающих на картошке и воде", привели к постоянной череде бесчинств, за которыми последовали акты восстания, акты оружия и акты принуждения, когда реальное средство можно было найти в принятии системы, которая освободила бы страну от тирании веретена и ткацкого станка и позволила бы рабочим из Ирландии, чтобы найти работу на родине.

Найти работу было невозможно. С подавлением ирландских мануфактур спрос на рабочую силу исчез. Английский путешественник, описывая состояние Ирландии в 1834 году, через тринадцать лет после того, как положения Акта о профсоюзе о свободной торговле полностью вступили в силу, приводит многочисленные факты, некоторые из которых будут приведены сейчас, показывающие, что люди были вынуждены оставаться праздными, хотя и были готовы работать за самую низкую заработную плату — такую заработную плату, которая ни при каких обстоятельствах не могла позволить им делать больше, чем просто поддерживать жизнь, а возможно, даже и не это.

КЭШЕЛ. — "Жалованье здесь всего *восемь пенсов в день*, а некоторые вообще не имеют работы".

КАИР. — "В воскресенье, возвращаясь из церкви, я заметил, что улицы запружены рабочими с лопатами и другими орудиями труда в руках, ожидающими найма; и я установил, что любое количество этих людей могло быть нанято на постоянную работу за *шесть пенсов в день* без диеты".

УИКЛОУ. — Муж этой женщины был чернорабочим за *шесть пенсов в день*, *восемьдесят* из которых шесть пенсов — то есть восемьдесят дней труда - уходили на аренду хижины. В другой хижине жила прилично одетая женщина с пятью детьми, а ее муж тоже был чернорабочим за *шесть пенсов в день*. Свинью взяли напрокат за несколько дней до этого. "Я обнаружил, что некоторые рабочие получают всего *четыре пенса в день*".

КИЛКЕННИ. — "Более 2000 человек полностью остались без работы". "Я посетил заводы, которые раньше обеспечивали работой 200 человек со своими семьями, и сколько мужчин я застал за работой? ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА! Вместо того чтобы находить людей занятыми, я видел, как они десятками, как призраки, разгуливают и валяются вокруг мельницы. Я видел огромные груды готовых товаров, но для которых не было продажи. Я видел груды одеял и видел, что каждый ткацкий станок простаивает. Что же касается ковров, вызвавших зависть и страхи Киддерминстера, то за семь месяцев не было изготовлено ни одного. Чтобы передать представление о нищете этих людей, я упоминаю, что, когда недавно поступил заказ на изготовление такого количества одеял для полиции, которого хватило бы людям на несколько дней работы, по всей стране были зажжены костры — не для того, чтобы объявить о восстании, а чтобы выразить радость от того, что несколько голодающих мужчин вот-вот заработают на хлеб, чтобы прокормить свои семьи. Тем не менее, нам говорят, что ирландцы не будут работать дома".

КАЛЛЕН. — "В этом городе, насчитывающем от четырех до пяти тысяч жителей, по меньшей мере тысяча не имеет постоянной работы, шестьсот или семьсот совершенно обездолены, и в городе насчитывается свыше двухсот нищенствующих — людей, нетрудоспособных". — "Ирландия" Инглиса, 1834.

Такова была картина, повсюду представавшая взору этого интеллигентного путешественника. Куда бы он ни поехал, он находил сотни людей, жаждущих найти работу, но никакой работы найти было невозможно, если только они не могли поехать в Англию, чтобы провести там *недели* в разъездах по стране в поисках *дней* работы, заработная плата за которые могла бы позволить им оплачивать аренду дома. "Кельт, - пишет *Times*, - для сакса рубщик дров и разносчик воды; великие дела этой страны, - продолжает она, - зависят от *дешевой рабочей силы*". Труд раба

всегда имеет низкую цену. Народу Ирландии была запрещена любая работа, кроме обработки земли, и мужчины, женщины и дети были вынуждены тратить впустую больше труда, чем в двадцать раз превысило бы стоимость всех британских изделий, которые они могли приобрести. Они быстро скатывались к варварству, и по той единственной причине, что им было отказано во всякой возможности объединяться для какой-либо полезной цели. Какое впечатление производила их внешность на умы иностранцев, можно увидеть из следующего отрывка из работы хорошо известного и высокоинтеллектуального немецкого путешественника:

"Русский крестьянин, без сомнения, является рабом более сурового хозяина, но все же его кормят и размещают по своему усмотрению, и в нем не видно ни следа нищенства. Венгры, безусловно, не относятся к числу наиболее употребляемых народов в мире; тем не менее, какой прекрасный пшеничный хлеб и какое вино есть в ежедневном рационе даже у самого скромного из них! Венгр вряд ли поверил бы, если бы ему сказали, что есть страна, жители которой вынуждены довольствоваться картофелем каждый день в году.

"Сербия и Босния считаются одними из самых убогих стран Европы, и, конечно, внешний вид одной из их деревень не имеет ничего привлекательного; но, по крайней мере, люди, даже если они плохо размещены, хорошо одеты. Мы не ищем особой роскоши или комфорта среди крымских татар; мы называем их бедными и варварскими, но, боже правый! они, по крайней мере, похожи на людей. У них есть национальный костюм, их дома пригодны для жилья, за их садами тщательно ухаживают, а их нарядно запряженные пони в основном в хорошем состоянии. В ирландце нет ничего национального, кроме его лохмотьев, — его жилище лишено плана, его домашняя экономика лишена правил и законов. Среди нас есть нищие, но они составляют, по крайней мере, исключение; в то время как в Ирландии нищенство или крайняя нищета являются преобладающим правилом. Нация состоит из нищих, и те, кто выше нищенства, похоже, составляют исключение.

"Африканские негры ходят голыми, но зато их согревает тропическое солнце. Ирландцы мало избавлены от состояния наготы; и климат их, хотя и не холодный, прохладный и чрезвычайно влажный. * * *

"Есть нации рабов, но они, по давнему обычаю, не осознают ярма рабства. Это не относится к ирландцам, у которых внутри сильно развито чувство свободы, и они в полной мере осознают тяжесть ярма, которое им приходится нести. Они достаточно умны, чтобы понимать несправедливость, причиняемую им искаженными законами их страны; и хотя сами они терпят крайнюю нищету, образ жизни их английских землевладельцев часто являет им зрелище самой изысканной роскоши, которую когда—либо изобрела человеческая изобретательность". - *"Путешествия Коля по Ирландии"*.

Однако можно было бы подумать, что Ирландии не хватало капитала, необходимого для приобретения производственного оборудования, позволяющего ее народу поддерживать конкуренцию со своим могущественным соседом. Мы знаем, однако, что до Союза у нее было это оборудование; и со дня этого соглашения, заключенного таким обманным путем, которым было окончательно решено уничтожение ирландских мануфактур, ежегодные потери рабочей силы были больше, чем вся сумма капитала, применявшегося тогда в хлопчатобумажной и шерстяной промышленности Англии. С этой даты народ Ирландии из года в год все больше отдавался в руки посредников, которые накапливали состояния, которые они не стали бы вкладывать в улучшение земли и не могли при системе, разрушавшей мануфактуры, вкладывать

в машины любого типа, рассчитанные на то, чтобы сделать труд производительным; и поэтому все их накопления отправлялись в Англию для инвестирования. Официальный документ, опубликованный британским правительством, показывает, что переводы британских ценных бумаг из Англии в Ирландию, то есть инвестиции ирландского капитала в Англию, за тринадцать лет, последовавших за окончательным введением свободной торговли в 1821 году, составили столько же миллионов фунтов стерлингов; и таким образом Ирландия была вынуждена вносить дешевую рабочую силу и дешевый капитал в создание "великих произведений Британии". Кроме того, законом было предусмотрено, что всякий раз, когда бедняки по соседству вносят взносы в сберегательный фонд, сумма не должна использоваться каким-либо образом, рассчитанным на обеспечение местных рабочих мест, а должна быть переведена для инвестирования в британские фонды. Землевладельцы бежали в Англию, и их арендная плата последовала за ними. Посредники отправили свой капитал в Англию. Торговец или рабочий, который мог накопить небольшой капитал, видел, как его отправляли в Англию; и тогда он был вынужден следовать за ним. Такова история происхождения нынешнего оставления Ирландии ее жителями.

Форма, в которой рента, прибыль и сбережения, а также налоги поступали в Англию, заключалась в виде необработанных продуктов почвы, которые потреблялись за границей и ничего не приносили для возврата стране, которая, конечно, была обнищавшей. Средний экспорт зерна в первые три года после принятия Акта о союзе составлял около 300 000 четвертей, но по мере постепенного исчезновения внутреннего рынка экспорт сырых продуктов увеличивался, пока по истечении двадцати лет он не превысил миллион четвертей; и на дату визита мистера Инглиса он достиг в среднем двух с половиной миллионов, или 22 500 000 наших бушелей. Бедняки фактически продавали свою землю, чтобы заплатить за хлопок и шерстяные изделия, которые они должны были производить сами, за уголь, которого у них было в избытке, за железо, все материалы для производства которого имелись дома в большом изобилии, и за небольшое количество чая, сахара и других иностранных товаров, в то время как сумма, необходимая для выплаты арендной платы отсутствующим и процентов залогодержателям, оценивалась более чем в тридцать миллионов долларов. Это была утечка, которую не могла вынести ни одна нация, сколь бы велика ни была ее производительная мощь; и в целом она была вызвана системой, которая запрещала применение труда, таланта или капитала к чему-либо, кроме сельского хозяйства, и, таким образом, препятствовала прогрессу цивилизации. Стимулы оставаться дома неуклонно уменьшались. Те, кто мог жить без труда, обнаружили, что общество изменилось; иони бежали в Англию, Францию или Италию. Те, кто желал работать и чувствовал, что способен на что-то большее, чем просто ручной труд, бежали в Англию или Америку; и таким образом постепенно несчастная страна лишилась всего, что могло бы сделать ее домом, в котором можно было бы остаться, в то время как те, кто не умел летать, оставались, как это так хорошо описывает *Times*, простыми "дровосеками и саксонцами с водой", счастливыми, когда взрослый человек мог найти работу за *шесть пенсов в день*, и это к тому же без еды.

"По всему западу и югу Ирландии, — писал английский путешественник в 1842 году, за четыре года до того, как истощение почвы привело к заболеванию картофеля, -...

"Путешественника преследует лицо *массового голода*. Это не исключение — это *состояние* людей. В этой самой справедливой и богатой из стран люди миллионами страдают и *голодают*. В эту минуту тысячи из них растянулись на солнышке у дверей своих хижин без *работы*, почти

без еды и, по-видимому, без надежды. Сильные соотечественники лежат в постели "от голода" - потому что человеку, лежащему на спине, нужно не так много еды, как человеку, идущему пешком. Многие из них собрали незрелый картофель со своих маленьких огородов и, чтобы существовать сейчас, должны дожидаться зимы, когда им тоже придется страдать от голода и холода". —Теккерей.

"Повсюду, - сообщало *Ежеквартальное обозрение*, - повсюду, даже в лучших городах и в самом Дублине, вы встретите мужчин и мальчиков — не одетых, не прикрытых, но обвешанных коллекцией тряпья непревзойденного разнообразия, убогости и походящих на навозные кучи. *
* * Никто никогда не видел английского пугала в таких лохмотьях".

Разница в положении этих бедняков и раба — даже раба Ямайки в те дни — заключалась в том, что раб-негр стоил того, чтобы его купить, тогда как другие - нет; и мы хорошо знаем, что человек, который платит хорошую цену за товар, придает ему ценность, которая побуждает его уделять некоторое внимание его сохранению; тогда как он не заботится о другом, которое вынужден принять. "Умиравшие от голода миллионами", как их здесь описывают, смерть постоянно разлучала мужей и жен, родителей и детей, в то время как у выживших не оставалось никакой надежды, кроме надежды на то, что им когда-нибудь дадут возможность улететь в другую страну, где им, возможно, разрешат продавать свой труд за пищу, достаточную для поддержания жизни.

Такое положение вещей, по словам сторонников системы, которая стремится превратить весь мир за пределами Англии в одну большую ферму, объясняется тем фактом, что население было слишком многочисленным для земли, и все же треть поверхности, включая самые богатые земли в королевстве, оставалась незанятой.

"Из отдельных округов, - сказал английский писатель, - Мейо с населением 389 000 человек и арендной платой всего в 300 000 фунтов стерлингов занимает площадь в 1 364 000 акров, из которых 800 000 - пустыри! Не менее 470 000 акров, что почти равно всей площади обрабатываемой в настоящее время площади, объявлены подлежащими рекультивации. Голуэй, с населением в 423 000 человек и стоимостью арендной платы в 433 000 фунтов стерлингов, имеет более 700 000 акров отходов, 410 000 из которых подлежат утилизации! Керри с населением 293 000 человек занимает площадь в 1 186 000 акров, из которых 727 000 являются отходами, и 400 000 из них подлежат утилизации! Даже Союз Глентис, *новый плюс ультра* избыточного населения лорда Монтигла, имеет площадь в 245 000 акров, из которых 200 000 являются отходами и по большей части подлежат утилизации при населении в 43 000 человек. В то время как баронство Эннис, это воплощение запустения, имеет 230 000 акров земли на 5000 бедняков — пропорция, которая, как отмечает мистер Картер, один из основных собственников, в своем циркулярном объявлении для арендаторов, "составляет всего одну семью на 230 акров; так что, если бы на каждые 230 акров был нанят хотя бы один глава семьи, во всем округе не нашлось бы ни одного бедняка; доказательство, - добавляет он, - ЧТО ТОЛЬКО ЗАНЯТОСТЬ СПОСОБНА ПРИВЕСТИ ЭТУ СТРАНУ В ПОРЯДОК!", И мы полностью разделяем это мнение. совпадают".

Ничего, кроме работы, *не* требовалось, но ее нельзя было найти при системе, которая привела к уничтожению хлопчатобумажной промышленности Индии, несмотря на преимущество наличия хлопка на месте, без каких-либо затрат на перевозку. Как на Ямайке, так и в Индии, земля постепенно истощалась из-за вывоза ее продуктов в самом грубом виде, и страна, таким

образом, была лишена капитала, необходимым следствием чего было то, что труд даже мужчин не находил спроса, в то время как женщины и дети голодали, чтобы женщины и дети Англии могли прясть хлопок и ткать ткани, которые Ирландия была слишком бедна, чтобы покупать. Однако, как бы плохо все это ни было, положение вещей было еще хуже. Бедность и убожество вынудили несчастных людей тысячами и десятками тысяч бежать через Ла-Манш, следуя таким образом за столицей и землей, которые были перенесены в Бирмингем и Манчестер; и улицы и подвалы этих городов, а также Лондона, Ливерпуля и Глазго были заполнены мужчинами, женщинами и детьми, находящимися на грани голодной смерти; в то время как по всей стране мужчины предлагали выполнять сельскохозяйственные работы только за еду, и среди народа Англии поднялся крик, что рабочие, вероятно, будут затоплены этими голодающими ирландцами: обеспечить их от голода. для чего было необходимо, чтобы землевладельцы Ирландии были вынуждены содержать своих собственных бедняков, и немедленно с этой целью был принят парламентский акт. Отсюда, конечно, возникло возросшее желание избавить страну от мужчин, женщин и детей, чей труд нельзя было продать и которые, следовательно, не могли платить арендную плату. Поэтому "Бригада ломовиков" была призвана на более активную службу, как будет видно из следующего отчета об их трудах в одном из "Союзов", созданных в рамках новой системы законов о бедных, которая во многих случаях забирала всю арендную плату за землю для содержания тех, кто был доведен до пауперизма решимостью жителей Манчестера и Бирмингема продолжать колониальную систему, при которой Ирландия была разорена.

"В Голуэй Юнион, согласно недавним отчетам, число выселенных бедняков, а их дома сровняли с землей за последние два года, сравнялось с числом в Килраше — говорят, что 4000 семей и 20 000 человек были выброшены здесь на дорогу бездомными. Я охотно верю этому утверждению, поскольку мне некоторые районы страны казались огромными кладбищами — многочисленные фронтоны домов без крыш казались гигантскими надгробиями. Они действительно были свидетельствами разложения и смерти, гораздо более меланхоличными, чем может показать могила. Глядя на них, в моем сознании возникло сомнение: нахожусь ли я в цивилизованной стране? Действительно ли у нас свободная конституция? Можно ли сравнить подобные сцены в Сибири или Кафрарии?"

Один случай, описанный в статье, недавно опубликованной мистером Диккенсом в его "*Домашних словах*", даст читателю некоторое представление о выселении, которое может быть взято за образец, и, возможно, справедливый, из *пятидесяти тысяч* выселений, имевших место только в 1849 году, и из сотен тысяч, имевших место за последние шесть лет.

На пустынной земле стояли черные кучи торфа, готовые к вырубке и сушке за лето. Вскоре показались возделанные участки; участки земли, возведенные на грядках, каждый шириной в несколько футов, с промежуточными траншеями для отвода заболоченной воды, где рос картофель, и небольшие поляны, где росло больше амброзии, чем травы, окруженные насыпными насыпями, кое-где утыканными шиповником или камнем. Это было земледелие нищеты. Земля уже была свежевспахана морскими сорняками, но деревня, где она была? Видны были только пятна выжженной земли, опаленные кучи мусора и фрагменты почерневших стен. Садовые участки были вытоптаны, а немногочисленные кусты на них вырваны или увешаны клочьями тряпья. Двое всадников, с мрачными лицами промчавшихся мимо, произнесли не более одного слова — "ИЗГНАНИЕ!"

Сцены, разыгравшиеся при разрушении этой деревни, так описаны автором этого печального произведения бедным слугой:

- О, благослови вас бог! Если бы вы видели ту бедную обезумевшую женщину, когда задняя стенка хижины обрушилась и похоронила ее младенца, где, как она думала, она на мгновение спрятала его в безопасности, пока она летела разнимать своего мужа и солдата, который ударил других детей плашмя своего меча и приказал им убираться восвояси. О, но, ваша честь, это было убийственное зрелище! * * * Я не мог не думать о бедных людях в Ратбеге, когда солдаты и полиция кричали: "Долой их! долой их даже до земли!" — и тогда бедные маленькие хижины рухнули, все в огне и дыму, под вой и вопли бедных созданий. О, это было ужасное зрелище, ваша честь, — действительно, это было ужасное зрелище — видеть бедных женщин, обнимающих своих младенцев, и дома, где они родились, горящие на ветру. Ужасно было видеть, как старый, прикованный к постели человек лежит на земле среди немногочисленных предметов мебели и стенает, вознося мольбы своему милостивому Богу наверху! О, ваша честь, вы никогда не видели такого зрелища, иначе ... вы... уверены, что ... этого никогда бы не было сделано.

Это, безусловно, ужасная картина рабства, возникающего в результате принуждения целой нации посвятить себя сельскому хозяйству и, таким образом, уничтожения силы ассоциации — в результате принуждения целого народа отказаться от всех преимуществ, вытекающих из близости к рынку сбыта их продукции или покупки навоза, - и в результате принуждения мужчин, женщин и детей бездействовать, когда они хотели бы получить работу. Читая это, мы невольно вспоминаем *ораззиях* маленьких африканских королей, которые, озабоченные пополнением запасов рабов, собирают свои войска и вторгаются на соседние территории, где разыгрывают сцены, в точности соответствующие описанной здесь. Однако в Африке раба кормят те, кто сжег и разрушил его дом и ферму; но в Ирландии, поскольку труд не имеет ценности, его отправляют на дороги или на кладбища умирать от голода или чумы. И все же, даже сейчас, *Times* задает вопрос —

"Как прокормить и нанять людей? Это вопрос, который все еще ставит в тупик эпоху, способную за мгновение передать сообщение по всему миру и указать местоположение планеты, которую еще никто не видел. Вот вопрос, который ставит в основу как смелых, так и мудрых".

До этого времени неоднократно имели место случаи частичного голода, но теперь нация была потрясена известием о почти полном неурожае картофеля - единственного вида пищи, от которого был вынужден зависеть народ Ирландии. Постоянное возделывание почвы, отказ от внесения в нее навоза из-за необходимости вывозить почти всю ее продукцию, вызвало болезни в растительном мире — точно так же, как недостаток надлежащего питания вызывает их в животном мире, — и теперь крик о голоде раздавался по всей стране. Богадельни были повсюду заполнены, в то время как дороги, переулки и кладбища были заняты голодающими и нагими, умирающими и мертвецами; а газеты Англии были заполнены доносами на английских и ирландских землевладельцев, которые хотели сделать еду дороже, в то время как мужчины, женщины и дети сотнями тысяч погибали от нехватки пищи. До сих пор Ирландия была защищена на рынке Англии в качестве некоторой небольшой компенсации за жертву, принесенную ею своими промышленными интересами; но теперь, каким бы незначительным ни было это благо, оно должно было быть изъято, точно так же, как, как мы видим, произошло с

бедным населением Ямайки. Подобно им, ирландцы обеднели, и их торговля перестала приносить пользу, хотя всего семьдесят лет назад они были *лучшими* клиентами Англии. Система исчерпала все зарубежные страны, с которыми Англии было разрешено поддерживать то, что называется свободной торговлей, — Индию, Португалию, Турцию, Вест-Индию и саму Ирландию, — и стало необходимым приложить усилия для завоевания рынков в единственных процветающих странах мира, тех, которые в большей или меньшей степени ставили потребителя на сторону производителя, а именно — в этой стране, Франции, Бельгии, Германии и России, — и способом достижения этого было предложить им ту же свободу торговли продуктами питания, из-за которой была разорена Ирландия. Фермерам повсюду предлагалось истощать свою землю, отправляя ее продукты для потребления в Англию; и законы о хлебе были отменены с целью дать им возможность обнищать самим себе, вступая в конкуренцию с голодающим ирландцем, который, таким образом, был сразу же лишен рынка Англии, как Актом о Союзе он был лишен своего собственного. Чаша несчастий и раньше была почти полна, но теперь она была наполнена. Цены на продукты питания упали, и рабочий разорился, так как всего продукта его земли едва хватило бы, чтобы оплатить арендную плату. Землевладелец разорился, так как не мог собирать арендную плату, и в то же время он был обязан платить огромные налоги на содержание своих бедных соседей. Его земля была обременена ипотекой и расчетами, созданными, когда продовольствия было много, и он не мог платить проценты; и теперь был принят закон, с помощью которого собственностью можно было без промедления распоряжаться на публичных торгах, а вырученные средства распределять между теми, кто имел на нее законные права. У землевладельца Ямайки, измученного этой системой, отобрали его собственность по цене, установленной парламентом, а вырученные средства направили на погашение долгов, возникших у его английских агентов, и теперь тот же парламент предусмотрел передачу ирландской собственности с целью выплаты того же класса долгов. Обедневшего землевладельца теперь постигла та же участь, что постигла его бедного арендатора, и с того дня и по сей день голод и мор, выравнивания и выселения были обычным делом. Их результатом повсюду было вытеснение бедняков с земли, и его последствия видны в том факте, что в 1850 году население составляло *на один миллион шестьсот пятьдесят девять тысяч человек меньше, чем в 1840 году*; в то время как голодающее население городов значительно увеличилось. Население графства Корк сократилось на 222 000 человек, в то время как численность Дублина выросла на 22 000 человек. Голуэй потерял 125 000 человек, в то время как город приобрел 7422. Коннот потерял 414 000 человек, в то время как Лимерик и Белфаст приобрели 30 000. Количество жилых домов сократилось с 1 328 000 до 1 047 000, или более чем на двадцать процентов. Сообщая об этих поразительных фактах, лондонская *Times* заявила, что *"на протяжении целого поколения человек в Ирландии был наркотиком, а население - помехой"*. "Неисчерпаемые ирландские запасы", как говорилось далее, "сдерживали снижение цен на английскую рабочую силу", но эта дешевизна рабочей силы "в значительной степени способствовала развитию и могуществу" Англии и в значительной степени "удовольствию тех, у кого были деньги, чтобы тратить". Однако теперь, казалось, назревали перемены, и следовало опасаться, что процветанию Англии, основанному на дешевой ирландской рабочей силе, может быть нанесен ущерб, поскольку голод и эпидемии, выселения и эмиграция истощали кельтов, которые так долго, как говорится, были "дровосеками и носильщиками воды для саксов". Другой защитник системы, которая истощала и разорила Ирландию и теперь передает ее землю людям, которые обогатились, выступая посредниками между производителями и потребителями всего мира, радуясь большому

количеству тех, кто бежал со своей родной земли, спасаясь от ужасов голода и эпидемии, заявляет, что это следует рассматривать как радостную сторону дела. "Что", - спрашивает он,

"Последует ли за мной? Это великое благо, среди прочего, заключается в том, что *застойная масса безработного населения* в этих изолированных областях, вероятно, никогда больше не достигнет того опасного уровня, к которому иногда были основания опасаться из-за непредвиденных потрясений в промышленности или внешней торговле. Естественное вентиляционное отверстие теперь настолько тщательно открыто и с такой уверенностью с каждым днем становится все шире и чище, что переполнение прекратится всякий раз, когда повторится умеренный уровень давления. Население, навыки и капитал также больше не будут в оцепенении ждать, пока они наполовину не истощатся наблюдением и страхом. Путь готов. Они молча сменяют жилье, когда конкуренция или депрессия здесь станут некомфортными. У каждой семьи уже есть друзья или знакомые, которые ушли за море раньше них. Перепись населения 1851 года доказала, что нашей социальной изоляции как народа пришел конец". — *Daily News*.

The *Times* тоже радуется перспективе того, что ресурсы Ирландии теперь, вероятно, будут освоены, поскольку саксонец займет место кельта, который так долго рубил дерево и добывал воду для своих саксонских хозяев. "Процветание и счастье могут", как он думает,

"Когда-нибудь ты будешь править этим прекрасным островом. Ее плодородная почва, ее реки и озера, ее водная энергия, ее минералы и другие материалы для нужд и предметов роскоши человека, возможно, когда-нибудь будут освоены; но все это противоречит вере в то, что это когда-либо произойдет во времена кельтов. Это племя вскоре исполнит великий закон Провидения, который, по-видимому, предписывает и вознаграждает союз рас. Оно смешается с англо-американцами и больше не будет известно как ревнивый и обособленный народ. Его нынешнее место будет занято более смешанной, более послушной и более пригодной к службе расой, которая долгое время несла ярмо крепкой промышленности на этом острове, которая может подчиняться хозяину и повиноваться закону. Это больше не мечта, ибо сейчас это действующий факт, и с каждым днем все более очевидный".

Комментируя изложенную таким образом точку зрения, американский журналист совершенно справедливо говорит:

В духе этих замечаний сквозит хладнокровная жестокость, примеры которой напрасно будут искать разве что среди докторов школы свободной торговли. Натуралисты научились смотреть с философским безразличием на агонию кролика или мыши, умирающих в измученном приемнике, но экономистам требуется долгое обучение, прежде чем сердца людей станут настолько закаленными, что, выкачав все жизненные силы из одного из прекраснейших островов под солнцем, они смогут спокойно обсуждать его сокращение как доказательство успеха эксперимента, смогут с горькой иронией говорить о "том *странном* регионе земли, где такой народ, любящий и полный надежд, добродушный и остроумный, трудолюбивый и энергичный". независимый, был создан и *не мог остаться*", и может злорадствовать в ожидании, что процветание и счастье когда-нибудь воцарятся на этом прекрасном острове, а его безграничные ресурсы для удовлетворения потребностей и роскоши человека будут

развиты не для кельтов, а "для более смешанной, более послушной и более полезной расы, которая может подчиняться хозяину и подчиняться закону". *Albany Journal*.

The *Times* радуется, что место кельтов в будущем займет крупный рогатый скот, поскольку овцы уже заняли место горцев, изгнанных с земли, на которой до того, как Британия взяла на себя обязательство перерабатывать все другие народы и таким образом обеспечить монополию на "мастерскую мира", его отцы были так же уверены в своих правах, как и сам землевладелец. Ирландские журналы по-другому смотрят на перспективу. Они осуждают идею полного изгнания местной расы, и все же они опасаются, что

"Нет сомнения, что еще через несколько лет, если не будет положен некоторый конец нынешнему притоку людей в Америку, а затем и в Австралию, в пределах четырех провинций не останется и миллиона представителей нынешней расы жителей".

"Похоже, им в голову не приходит никаких мыслей о стране, на которой они родились, — продолжает автор, — хотя привязанность ирландского народа к своей стране вошла в поговорку". - *Звезда вестерна Коннахта*.

Недавний журнал сообщает нам, что

"Газеты Голуэя полны самых прискорбных сообщений о массовых выселениях, или, скорее, истреблениях, в этой несчастной стране. Жильцов выгоняют из коттеджей десятками за раз. Целых 203 мужчины, женщины и ребенка были загнаны на дороги и в канавы в результате однодневной работы, и теперь у них нет иного выхода, кроме как просить милостыню в безлюдных местах или похоронить свое горе, во многих случаях навсегда, в стенах рабочего дома Союза. Операцией руководят земельные агенты. Работу выполняют большие силы полиции и солдат. Под защитой последних "Бригада ломовиков" продвигается к преданному поселку, овладевает домами, такими, какие они есть, и несколькими поворотами лома и несколькими потягиваниями за веревку обрушивает крышу, не оставляя ничего, кроме шатающейся трубы, если даже и так. Солнце, взошедшее над деревней, садится в пустыне; полиция возвращается в свои казармы, а людей нигде нет, или они тщетно наблюдают из какого-нибудь дружественного укрытия за шансом снова спрятаться под своими разрушенными домами.

"Что для ирландского сердца больнее, чем даже большое количество и суровый метод уничтожения, так это то, что авторами на этот раз являются чужеземцы-саксы. Это богатая лондонская компания, которая вторгается в тихие уголки Коннемары и отнимает у примитивных крестьян их последнее пристанище на земле; Юридическая страховая компания, внесшая, как мы полагаем, 240 000 фунтов стерлингов за поместья Мартина, теперь стала покупателем в соответствии с Законами об обремененном имуществе и принимает эти краткие, но обычные меры для обеспечения утраченного залога. То, что джентльмены, многие из которых никогда не бывали в Ирландии и которые достаточно богаты, чтобы одолжить четверть миллиона денег, должны требовать последнего пенни у несчастных крестьян, которые не имели ни руки, ни голоса в сделке, которая дала им новых хозяев, кажется совершенно невыносимым для исконно ирландского разума".

С ростом стоимости земли человек всегда становился свободным. С падением ее стоимости человек всегда становился поработанным. Если мы хотим найти причину огромного разрушения жизни в Ирландии даже в наши дни хваленой цивилизации — если мы хотим

найти причину выселения арендаторов и домовладельцев и снижения стоимости земли, нам вряд ли нужно заглядывать дальше следующего параграфа:—

"Хлопчатобумажная мануфактура Дублина, на которой работало 14 000 человек, была уничтожена; 3400 шелковых ткацких станков "Либерти" были уничтожены; мануфактура материи и саржи, на которой работал 1491 человек, были уничтожены; ситцевые ткацкие станки в Балбриггане были уничтожены; фланелевая мануфактура в Ратдраме была уничтожена; производство одеял в Килкенни было уничтожено; торговля камлетом в Бандоне, производившая 100 000 фунтов стерлингов в год, была уничтожена; камвольные и набивные мануфактуры в Уотерфорде были уничтожены; текстильные фабрики в Уотерфорде были уничтожены". заводы rateen и frieze в Каррике-на-Суире были разрушены. Выживает только один бизнес! Только один бизнес процветает и не боится банкротства! Тот удачный бизнес, который Закон о профсоюзе не уничтожил, но который Закон о профсоюзе поддержал, который утечка заочно не ослабила, а стимулировала, который Законы о дренаже и законы о судоходстве Имперского сената не заглушили, а оживили, — этот любимый, привилегированный и покровительствуемый бизнес принадлежит ирландскому гробовщику".[119]

Отделению потребителя от производителя, возникшему в результате принятия системы, целью которой является установление монополии на производственные машины для всего мира, обязаны истощение Ирландии, разорение ее землевладельцев, голодная смерть ее народа и деградация в глазах всего мира страны, которая поставила континенту своих лучших солдат, а империи - не только своих самых трудолюбивых и интеллигентных работников, но также ее Берка, ее Граттана, ее Шеридана и ее Веллингтона. И все же мы находим *Времена, когда* радуются постепенному исчезновению коренного населения и находят в

"Вымирание кельтской расы со скоростью четверти миллиона человек в год, более надежное средство от *застарелой ирландской болезни*, чем мог себе представить любой человеческий ум".

"Застарелая ирландская болезнь", о которой здесь говорится, - это полное отсутствие спроса на рабочую силу, являющееся результатом безрадостной решимости народа Англии сохранить монополию на производство для всего мира. Верное средство от этого - голод, эпидемии и экспатриация, необходимые результаты истощения земли, которое следует за вывозом ее сырых продуктов. Едва ли можно себе представить более сильное подтверждение деструктивного характера такого политического курса, чем содержится в следующем абзаце:—

"Когда кельт пересекает Атлантику, он впервые в жизни начинает потреблять товары, произведенные в этой стране, и косвенно вносит свой вклад в развитие ее обычаев. Возможно, мы доживем до того дня, когда главным продуктом Ирландии станет крупный рогатый скот, а англичане и шотландцы составят большинство ее населения. Девять или десять миллионов ирландцев, которые к тому времени осядут в Соединенных Штатах, не могут быть менее дружелюбны к Англии и, безусловно, будут для нее гораздо лучшими клиентами, чем сейчас". — Лондонская *Times*.

Когда кельт покидает Ирландию, он покидает почти исключительно земледельческую страну, а в таких странах человек обычно приближается почти к положению раба. Когда он приезжает

сюда, он приезжает в страну, в которой в какой-то степени плуг и ткацкий станок были объединены; и здесь он становится свободным человеком и покупателем Англии.

Нация, которая начинает с экспорта сырых продуктов, должна закончить экспортом людей; и если мы хотим получить доказательства этого, нам нужно только обратиться к следующим цифрам, полученным в результате последних четырех переписей населения Ирландии:

1821..... 6,801,827 1831..... 7,767,401-- Увеличение, 965,574 1841..... 8,175,124--Увеличение, 407,723 1851..... 6,515,794--Уменьшение, 1,659,330

Каким причинам можно приписать такой экстраординарный ход событий? Конечно, не из-за нехватки земли, поскольку почти треть всей поверхности, включая миллионы акров богатейших почв королевства, остается в естественном состоянии. Дело не в изначальной неполноценности почвы для возделывания, ибо она, по общему признанию, была одной из самых богатых в империи. Не из-за недостатка минеральных руд или топлива, ибо уголь имеется в изобилии, а железные руды самого богатого вида, так же как и руды других металлов, существуют в огромном изобилии. Не из-за какого-либо недостатка физических качеств ирландца, поскольку это установленный факт, что он способен выполнять гораздо больше работы, чем англичанин, француз или бельгиец. Не из-за недостатка интеллектуальных способностей, ибо Ирландия дала Англии своих самых выдающихся солдат и государственных деятелей; и у нас в этой стране повсюду есть свидетельства того, что ирландец способен на высочайшую степень интеллектуального совершенствования. Тем не менее, обладая всеми преимуществами, которые могла дать ему природа, мы находим ирландца у себя дома рабом самых суровых надсмотрщиков и доведенным до состояния бедности и нищеты, какого нет ни в какой другой части цивилизованного мира. Теперь у него не осталось выбора, кроме как между изгнанием и голодной смертью, и поэтому мы повсюду видим, как он покидает дом своих отцов в поисках средств к существованию, которые Ирландия, как бы богата она ни была почвой и полезными ископаемыми, ее судоходными реками и средствами сообщения с миром, больше не может ему предоставить.

О том, что процесс выселения все еще продолжается в широких масштабах, свидетельствуют следующие выдержки из работы сэра Фрэнсиса Хеда об Ирландии, только что опубликованные в прессе:—

"Здесь почти сразу же я впервые столкнулся с тем прискорбным зрелищем, или, скорее, призраком, который почти без перерыва преследовал меня на протяжении всей оставшейся части моей экскурсии, а именно с прочными каменными хижинами, снятыми с крыш с целью выселения оттуда их неплатежеспособных жильцов". -С. 110

"Поговорив с хозяином, я узнал от него, что выселения лорда Лукана прекратились, но что лорд Эрн был выселен в прошлую субботу".[120]—С. 115

"Хороша или плоха эта система выселения?" - спросил я водителя, указывая на небольшое скопление домиков без крыш, мимо которых мы в этот момент проезжали. ты Арн'р! - ответил он. - Есть одно хорошее и одно плохое. Хорошо для тех, кто владеет большими землями, плохо для маленьких. Там ему ничего не светит, кроме работного дома". — С. 121.

Тенденция системы, ориентированной на вывоз сырых продуктов и истощение почвы, всегда направлена на консолидацию земель, потому что вывоз населения, будь то из Ирландии, Индии или Вирджинии, всегда следует вслед за вывозом продовольствия и других сырьевых товаров.

"Среди мужчин было только четверо, которых с полным основанием можно было назвать "трудоспособными"; каждый из них сказал мне, что был изгнан лордом Луканом. Я спросил мастера, что стало с остальными. Его ответ был очень поучительным. "Большинство из них, - сказал он, - если им удастся наскрести полкроны, отправляются в Англию, откуда через некоторое время они отправляют от 2,6 до 10 шиллингов в день, и как только их семьи получают *эту*, они уезжают к ним".

"Отец идет первым?" - неосмотрительно спросил я.

"О нет! мы держим *его* до последнего. Одна дочь недавно уехала отсюда в Англию и отправила 7 долларов 6 центов. *Это* лишило жизни мать и еще одну сестру. Через несколько недель мать и сестра прислали достаточно, чтобы справиться с оставшимися двумя сыновьями и отцом. Всего в семье 6 человек". — С. 127.

В приведенном выше отрывке мы имеем дело с эквивалентом вывоза негров из Северных рабовладельческих штатов. Мужья и жены, родители и дети вынуждены бежать друг от друга, чтобы никогда больше не встретиться, если только те, кто эмигрирует, не смогут накопить средств, чтобы послать за теми, кто остался позади.

Теперь к нам присоединился старший стюард — степенный, высокоинтеллектуальный, респектабельного вида шотландец, пробывший в Ирландии тринадцать лет. Он сказал мне, что число изгнанных составило около 10 000 человек, из которых одна десятая была нанята лордом Луканом, который предоставил большинству из них коттеджи".

Мы прошли мимо домика, и, закрыв зонтик и оставив его в машине, я вошел внутрь.

- Не хотите ли немного подкрепиться? - спросила женщина лет тридцати восьми с красивым открытым лицом, ее глаза были безразлично устремлены на дневной свет.

Я сел. На коленях у нее был младенец. Трое босоногих детей, словно высидившие яйца, неподвижно сидели на краю торфяного костра, который, казалось, почти касался их голых пальцев ног; над тлеющими углями скромно висел черный горшок. Напротив сидела, похожая на обломок сучковатого дуба, иссохшая бабушка. Мебель состояла из деревянного шкафа тусклого цвета с несколькими тарелками на крышке и одной кровати рядом с камином. Дымохода не было, только дверь, на пороге которой стояли с крайне несчастным видом четыре мокрые курицы; в дальнем конце комнаты была настоящая навозная куча, на которой стоял осел.

- Где твой муж, добрая женщина? - Спросила я самую молодую из женщин.

"В Англии, йере Арн, — ответила она, - уваливает от работы". - С. 132.

"Ищу работу!" и все же Ирландия изобилует богатейшими неводеланными землями и нетронутыми полезными ископаемыми, потому что система запрещает мужчинам объединять свои усилия для улучшения общего положения.

Проехав рысью около мили и покинув владения лорда Лукана, я, как обычно, подъехал к маленькой деревушке, состоящей из хижин без крыш, от голых стен которой, к моему удивлению, то тут, то там поднимались струйки дыма; и, приблизившись к ней, я увидел картину, которую мне нелегко будет забыть. Все жильцы были выселены, и все же, страшно сказать, они все еще были там! дети, устроившиеся поудобнее, и бедные женщины, жавшиеся друг к другу под временным навесом из соломы, который они ухитрились просунуть в щели между стенами своих древних домов.

"Это отличное место, йере Арн'р!" - сказала приятная, честного вида женщина, любезно улыбнулась мне и добавила: "Садитесь, йере Арн'р!"

Один из ее четверых детей встал и предложил мне свой табурет.

Под другим временным навесом я обнаружил высокую женщину, отягощенную ребенком, дочь лет шестнадцати и четверых детей помладше —ее муж тоже был в Англии, "занимался работой". Я зашел еще в два или три таких убогих жилища, вокруг которых тянулись бесчисленные крошечные поля, окруженные теми низкими шаткими каменными стенами, которые я уже описывал. * * * — С. 136.

"Они были действительно хорошими людьми, и, судя по тому, что я прочел на их лицах, я уверен, что если бы я вместо того, чтобы раздавать им несколько шиллингов, попросил их накормить *меня* самым добрым гостеприимством, они бы с готовностью сделали это, и что с моим золотом в кармане я мог бы спать среди них в полной безопасности.

"Благочестивые выражения лиц низшего класса ирландцев, а также кротость и смирение, с которыми они переносят несчастья, поразили меня очень сильно. "Я ни капельки не похудела в этот благословенный день, слава Богу!" - сказала одна женщина. "Трот, я долгое время страдала от бедности и болезней, слава Богу!" - сказала другая. При входе в незнакомую хижину принято приветствовать: "Боже, храни всех здесь!" Проходя мимо группы товарищей по труду, мужчина часто говорит: "Благослови Господь работу, ребята!" — С. 137.

Истребление людей неизбежно приводит к упадку городов, как показано здесь:—

Когда мне принесли счет, — ибо счет в гостинице, как смерть, неизбежно приходит, — я спросил официанта, какое влияние оказали на город выселения по соседству.

"Они все испортили, - ответил он. - раньше бедные поддерживали богатых; теперь, когда бедняков больше нет, все богатые лавочники разоряются. В нашем городе полно пустых магазинов, и, в конце концов, сам хозяин сейчас разорится!" — С. 147.

Дешевая рабочая сила и дешевая земля всегда являются спутниками. На Ямайке и в Индии земля, как мы видели, почти не имеет ценности. Как обстоят дела в Ирландии, можно увидеть из следующего отрывка:—

"К нему примыкает аналогичная собственность площадью около 10 000 акров, купленная, как мне сообщили, капитаном Хьюстоном некоторое время назад по цене 2-1 / 2d за акр".—С. 153.

В документе, недавно прочитанном в статистической секции Британской ассоциации, показано, что поместья, недавно приобретенные в Ирландии английским капиталом, занимали 403 065 акров и что сумма покупки составила 1 095 000 фунтов стерлингов, или около 2 15 шиллингов (13,20 долларов) за акр, что немногим больше, чем платят за фермы с очень умеренными улучшениями в новых штатах долины Миссисипи.

Почему земля дешева, а труд плохо вознаграждается, легко понять, прочитав следующие отрывки:—

"Цыплята примерно 5d. пара штук по 10d. Пара молодых лошадей 10 фунтов стерлингов; в возрасте не менее 1 или 14 фунтов стерлингов".

"А индейки?" - Спросил я.

-Не могу сказать; у нас в стране таких немного, и я не хочу вам лгать. Рыба, немного или вообще ничего. Крупная тюрбо весом 30 фунтов. для 3 шт. Омары, дюжина для 4 шт. Камбала, 2d. или 3d. штука. На днях я купил тюрбо весом 15 фунтов для джентльмена и заплатил 18 фунтов за все". — С. 178.

"Сколько вы здесь платите за чай и сахар?" - Спросил я.

"Очень смелый, сэръ", - ответил он. "Мы платим 5 пенсов за чай, 5 пенсов за коричневый сахар и 8 пенсов за белый; то есть, если мы покупаем один фунт". — С.187.

Сахар ямайского рабочего обменивается в Манчестере на три шиллинга, из которых он получает, возможно, один, и он погибает из-за трудностей с приобретением машин или одежды. Индус продает свой хлопок по пенни за фунт и покупает его обратно в виде ткани по восемнадцать-двадцать пенсов. Негр из Вирджинии выращивает табак, который обменивается на товары стоимостью в шесть шиллингов, из которых он и его владелец получают по три пенса. Бедный ирландец выращивает цыплят, которых продают в Лондоне за шиллинги, из которых он получает пенс, и, таким образом, фунт сахара, который приносил свободному негру Ямайки два пенса, обменивается на Западе Ирландии на пару цыплят или дюжину омаров. Читатель, который может ознакомиться с этими фактами, легко поймет разрушительные последствия отсутствия рынков для стоимости земли и рабочей силы, которые естественным образом возникают там, где плугу и ткацкому станку позволено, в соответствии с доктринами Адама Смита, занимать свои места рядом друг с другом. Более семидесяти лет прошло с тех пор, как он осудил систему, направленную на принуждение экспорта сырых продуктов, как порождающую бесконечную несправедливость, и, конечно, история Ямайки и Вирджинии, Ирландии и Индии, начиная с его времени, дала бы ему, будь он сейчас здесь, мало оснований для изменения мнения.

Положение вещей, существующее сейчас в Ирландии, принято приписывать быстрому росту населения; а это, в свою очередь, приписывается картофелю, чрезмерное употребление которого, как сообщает своим читателям мистер Мак-Каллох, снизило уровень жизни и привело к умножению числа мужчин, женщин и детей. "Ирландские крестьяне живут, - как он говорит, - в жалких глинобитных хижинах, без окон и дымохода, без чего-либо, что можно назвать мебелью", и отличаются от своих братьев по ту сторону Ла-Манша своей "грязью и нищетой", и поэтому, по его мнению, они работают за низкую заработную плату. Здесь следствие

заменено причиной. Отсутствие спроса на рабочую силу приводит к низкой заработной плате, и на эту заработную плату можно купить только глинобитные хижины и картофель. Повсеместно на Европейском континенте признается, что внедрение картофеля в значительной степени способствовало улучшению положения людей; но, с другой стороны, нет ни одной части континента, где он использовался бы, где это составляло бы существенную часть государственной политики, направленной на лишение миллионов людей всех видов занятости, кроме сельского хозяйства, и, таким образом, размещение этих миллионов на таком расстоянии от рынка, что основная часть их труда и его продуктов теряется в попытках добраться до этого рынка, а их земля истощается из-за невозможности вернуть в почву какую-либо часть урожая, получаемого с него. Коммерческая централизация приводит ко всем этим последствиям. Она ведет к уничтожению ценности труда и земли и к порабощению человека. Она ведет к разделению всего населения на два класса, разделенных непроходимой пропастью, — простых рабочих и землевладельцев. Это ведет к уничтожению силы ассоциации для любых целей благоустройства, будь то прокладка дорог или основание школ, и, конечно, к предотвращению роста городов, как, как мы видим, было в случае с Ямайкой, столь варварской в этом отношении по сравнению с Мартиникой или Кубой, островами, правительства которых не позаботились о вечном разводе молота и бороны. Упадок городов в Ирландии после Объединения привел к абсентеизму и, таким образом, усугубил истощение земель, потому что ирландская пшеница теперь требовалась не только для оплаты английских тканей, но и для оплаты английских услуг; и чем больше централизация в результате абсентеизма, тем труднее было поддерживать производительную силу почвы. М-р Маккалох, однако, уверяет своих читателей, что "нелегко представить какие-либо основания для объявления расхода арендной платы внутри страны "более выгодным" для страны, чем если бы она расходовалась за границей. (*Принципы*, 157.) Другой выдающийся политический экономист говорит:

"Многие люди также озадачены соображением, что все товары, экспортируемые в качестве денежных переводов доходов отсутствующего лица, являются экспортом, за который не получают возврата; что они в такой же степени потеряны для этой страны, как если бы они были данью, выплачиваемой иностранному государству, или даже как если бы их периодически выбрасывали в море. Это бесспорно верно; но следует помнить, что все, что потребляется непродуктивно, по самим условиям предложения уничтожается, не принося никакой отдачи" — *Политическая экономия Сеньора*, 160.

Эта точка зрения, как увидит читатель, основана на идее полного уничтожения потребляемых товаров. Если бы это даже было верно, из этого все равно следовало бы, что из Ирландии в Англию переместился спрос на услуги тысячи видов, имеющий тенденцию вызывать повышение цен на рабочую силу в одной и падение в другой; — но если бы это было совершенно неверно, то из этого неизбежно следовало бы, что потери для страны *были бы* такими большими, как если бы денежные переводы были "данью, выплачиваемой иностранному государству, или даже как если бы они периодически выбрасывались в море". В том, что это совершенно неверно, читатель может легко убедиться сам. Человек потребляет много, но ничего не уничтожает. Употребляя пищу, он просто действует как машина для подготовки элементов, из которых она состоит, к будущему производству; и чем больше он сможет взять из земли, тем больше он сможет вернуть ей, и тем быстрее будет возрастать производительная сила почвы. Если рынок под рукой, он может собрать сотни бушелей репы, моркови или картофеля или тонны сена с акра земли, и он может менять характер своей культуры из года в год, и чем больше он занимает в крупном банке, тем больше он может

вернуть ему, тем больше он может улучшить свой ум и свое земледелие, и тем охотнее он может обменять на улучшенную технику, с помощью которой можно получать еще большую прибыль. Если, однако, рынок находится далеко, он должен выращивать только то, что пригодно для перевозки и что из-за своей малой урожайности требует высокой цены, и, таким образом, он ограничен в своем возделывании, и чем больше он ограничен, тем быстрее он истощает свою землю, тем меньше у него сил для строительства дорог, общения с ближними, приобретения книг, улучшения своего образа мыслей, строительства дорог или покупки машин. Так обстоит дело даже тогда, когда он вынужден продавать и покупать на отдаленных рынках, но еще хуже обстоит дело, когда, как в случае с арендной платой отсутствующего, земле ничего не возвращается, ибо тогда производство сокращается без соответствующего уменьшения арендной платы, и бедный земледелец все больше и больше отдается на милость землевладельца или его агента и становится, как мы видим, на Ямайке и в Индии, практически рабом. За таким положением вещей во всех странах последовало сокращение населения в результате голода или вывоза; и поэтому мы видим разрушение жизни в Ирландии, Индии и Вест-Индии, в то время как из двух первых ежегодно вывозится огромное количество людей, многие из которых погибают в новых странах, куда их загоняют. Из 99 000 человек, которые покинули Ирландию и направились в Канаду за один год, не менее 13 000 погибли на борту корабля, а тысячи умерли впоследствии от болезней, голода и пренебрежения; и таким образом, ужасы "среднего пути" повторяются в наши дни. Это работорговля прошлого века, воспроизведенная в более широком масштабе и на новом театре действий.

Нам говорят о принципе народонаселения, согласно которому люди увеличиваются быстрее, чем пища, и в качестве доказательства того, что так должно быть всегда, указывают на тот факт, что когда людей мало, они всегда обрабатывают богатые почвы, и тогда пищи в избытке, но по мере увеличения населения они вынуждены обращаться к бедным почвам, и тогда пищи становится не хватать. То, что все это противоречит действительности, показано историей Англии, Франции, Италии, Греции, Индии и любой другой нации мира, и доказывается в наши дни всем, что в данный момент делается в этой стране. Это подтверждается тем фактом, что Ирландия обладает миллионами акров самой плодородной почвы, сохранившейся в естественном состоянии, и, вероятно, таковой останется до тех пор, пока у нее не появятся рынки для производимой ими продукции, которые позволят их владельцам легко обменивать репу, картофель, капусту и сено на ткани, машины и НАВОЗ.

Удивительно, что все политические экономисты Англии совершенно упустили из виду тот факт, что человек - всего лишь заемщик у земли, и что, когда он не платит свои долги, она поступает так же, как и все другие кредиторы, то есть изгоняет его из его владения. Англия превращает свою почву в грандиозный резервуар для отходов, образующихся при производстве сахара, кофе, шерсти, индиго, хлопка и других сырьевых товаров почти половины мира, и таким образом она выращивает урожай, который оценивается в пятьсот миллионов долларов, или в пять раз больше средней стоимости урожая хлопка, выращиваемого столькими миллионами людей в этой стране; и все же навоз настолько важен, что она импортирует за один год более двухсот тысяч тонн гуано стоимостью почти в два миллиона фунтов стерлингов, и таким образом она делает труд производительным, а землю ценной. Тем не менее, ее авторы учат другие народы, что истинный способ разбогатеть - это истощить землю, отправляя с нее все ее продукты в самом грубом виде, а затем, когда народ Ирландии пытается последовать примеру земли, которую они отправили в Англию, мистер Маккалох говорит народу последней, что

"Беспрецедентные страдания ирландского народа напрямую связаны с чрезмерным увеличением их численности; и нет ничего более бесполезного, чем ожидать какого-либо реального или долговременного улучшения их положения до тех пор, пока не будет дан эффективный контроль росту численности населения. Очевидно также, — продолжает он, — что низкое и деградирующее состояние, в котором сейчас находится народ Ирландии, — это состояние, до которого должен быть доведен каждый народ, численность которого продолжает в течение какого-либо значительного периода увеличиваться быстрее, чем средства обеспечения его комфортного и достойного существования". -Принципы, 383.

Население Ирландии действительно увеличивалось с некоторой скоростью, и причину этого следовало искать в том факте, что бедность еще не привела к той деморализации, которая ограничивает рост численности. Необычайная нравственность ирландских женщин признается повсюду. В Англии это отмечают уполномоченные по делам бедных, а здесь это факт, который не может не привлечь внимания самого поверхностного наблюдателя. О том, как обстоят дела дома, нам рассказывает сэр Фрэнсис Хед, чьи высказывания на эту тему невозможно читать без интереса: —

Что касается ирландских женщин, то их врожденная скромность не может не привлечь внимания любого незнакомца. Их одежда была неизменно приличной, в целом приятной и часто поразительно живописной. Почти на всех были шерстяные нижние юбки, выкрашенные ими самими, насыщенного маренового цвета, между малиновым и алым. На их плечах, а иногда и на головах, множеством красивых складок висели иногда красно-зеленые пледы, иногда плащи, обычно темно-синие или тускло-белые. Однако их одежду, как и одежду мужчин, иногда можно было увидеть в лохмотьях". — С. 119.

Желая получить полную информацию по этому вопросу, путешественник воспользовался случаем, чтобы расспросить различных полицейских и джентльменов, и результат его расспросов будет виден при прочтении следующих вопросов и ответов:-

Вопрос: "Как долго вы работаете в Голуэе?"

А. "Более девяти лет".

Вопрос: "У вас здесь много преступлений?"

О. "Очень мало; в основном это мелкие кражи".

Вопрос: "Много ли здесь было незаконнорожденных детей?"

А. "Почти никаких. За все восемь лет, что я здесь работаю, я не слышал, чтобы в какой-либо семье в городе воспитывался незаконнорожденный ребенок".

В.: "Что вы подразумеваете под воспитанием?"

А. "Я имею в виду, что, будучи знакомым со всеми семьями в Голуэе, я никогда не слышал о рождении ребенка с таким описанием". — С. 208.

Вопрос: "Как долго вы здесь дежурите?"

Ответ: "Всего шесть месяцев".

Вопрос: "Знали ли вы за это время о каком-либо случае рождения незаконнорожденного ребенка в деревне Кладдах?"

О. "Я не только никогда не знал о подобном случае, но и никогда не слышал, чтобы кто-нибудь приписывал подобный случай рыбакам из Кладдаха. Я был на службе на трех островах Арран, населенных почти исключительно рыбаками, которые также выращивают картофель, и я никогда не слышал, чтобы у одной из их женщин, замечательных своей красотой, был незаконнорожденный ребенок, и я никогда не слышал, чтобы это приписывали им; более того, мистер ..., мировой судья, который прожил в Голуэе восемь лет и временно исполнял обязанности на острове Арран, сообщил мне, что он также никогда не слышал там о случае подобного рода". —С. 209.

О. "Я здесь уже больше двух лет, и за это время я ни разу не слышал, чтобы у какой—нибудь женщины в Кладдаге был незаконнорожденный ребенок - более того, я даже никогда не слышал об этом".

Вопрос: "Вам когда-нибудь было известно о подобном случае в Голуэе?"

О. "О, я думаю, в *городе* было несколько случаев. Насколько мне известно, я не могу этого утверждать, но *я слышал* об этом". — *Там же*.

Вопрос: "Как долго вы руководите деревней Кладдах?"

О. "Я здесь девять лет, пять лет из которых в марте прошлого года я руководил Кладдахом".

Вопрос: "За это время там не родился ли незаконнорожденный ребенок?"

А. "Нет, я никогда не слышал об этом, а если бы это случилось, я был бы уверен, что узнал об этом, поскольку они не позволили бы ей остановиться в деревне". — С. 210.

Читателю теперь будет приятно вспомнить, что производство продуктов питания, льна, хлопка и других сырьевых товаров требует тяжелого труда и незащищенности, и именно к такому труду приспособлены мужчины — что переработка продуктов питания, льна и хлопка в ткань требует небольших усилий и не требует незащищенности и, следовательно, особенно подходит для слабого пола — и что, когда работа по переработке монополизирована людьми, живущими вдали от места производства, женщину и ребенка приходится принуждать к полевым работам; и поэтому мы видим женщин и детей тех, кто работает в поле. Ямайка и Каролина, Португалия и Турция, Индия и Ирландия, вынужденные бездействовать или обрабатывать землю из-за существования системы, которая лишает все места в мире, кроме одного, возможности привлечь потребителя на сторону производителя. Пришло время женщине встать на защиту своего пола, и можно надеяться, что она продолжит расследование причин деморализации и деградации женщин в столь значительной части мира, пока ей не удастся искоренить систему, которую величайший из всех экономистов так давно осудил как "явное нарушение самых священных прав мужчины [и женщины]".

* * * * *

ШОТЛАНДИЯ.

Повсеместная централизация ведет к истощению земель и их сосредоточению в меньшем количестве рук, и с каждым шагом в этом направлении человек становится все менее и менее свободным в определении того, на кого он будет работать и какова будет его награда. Было показано, что такова тенденция на Ямайке, в Индии и Ирландии, и теперь предлагается показать, что та же тенденция существует в Шотландии, Северная часть которой стала исключительно сельскохозяйственной, поскольку даже ее домашние мануфактуры исчезли, и должна искать рынок сбыта для всей своей продукции на расстоянии, что, конечно, предполагает необходимость истощения земель.

Житель хайленда, первоначально совладелец земли клана, стал сначала вассалом, затем наследственным арендатором, затем арендатором по желанию, и, таким образом, собственность на землю перешла от многих в руки немногих, которые без колебаний воспользовались полученной таким образом властью. Восемьдесят лет назад они потребовали выплаты денежной ренты, но сумма была очень мала, как показывает следующий отрывок из произведения того времени:

"Арендная плата за эти земли очень ничтожна по сравнению с их площадью, но по сравнению с количеством ртов, которые содержит ферма, возможно, окажется, что участок земли в горной Шотландии прокармливает в десять раз больше людей, чем ферма той же площади в самых богатых провинциях". — *Политическая экономия Стюарта*, том I, глава XVI.

О некоторых событиях нынешнего столетия следующий очерк сделан недавним английским писателем:

"Даже в начале 19 века арендная плата была очень небольшой, как показывает работа мистера Локка (1820), управляющего графини Сазерленд, который руководил благоустройством ее поместий. Он приводит, например, арендную плату поместья Кинтрадауэлл за 1811 год, из которой явствует, что до того времени каждая семья была обязана ежегодно вносить плату в размере нескольких шиллингов деньгами, нескольких домашних птиц и максимум нескольких дней работы.

"Только после 1811 года была осуществлена окончательная и реальная узурпация, насильственное преобразование *клановой собственности* в *частную собственность*, в современном смысле, *вождя*. Человеком, стоявшим во главе этой экономической революции, были графиня Сазерленд и маркиза Стаффорд.

Давайте сначала заявим, что предки маркизы были "великими людьми" самой северной части Шотландии, почти трех четвертей Сазерлендшира. Это графство более обширно, чем многие французские департаменты или небольшие немецкие княжества. Когда графиня Сазерленд унаследовала эти поместья, которые она впоследствии передала своему мужу, маркизу Стаффорду, впоследствии герцогу Сазерленду, их население уже сократилось до 15 000 человек. Графиня решилась на радикальную экономическую реформу и решила превратить весь участок страны в пастбища для овец. С 1814 по 1820 год эти 15 000 жителей, около 3000 семей, систематически изгонялись и истреблялись. Все их деревни были разрушены и сожжены дотла, а все их поля превращены в пастбища. Британские солдаты получили приказ об этой казни и вступили в драку с местными жителями. Пожилая женщина, отказавшаяся покинуть свою хижину, сгорела в ее пламени. Таким образом, графиня присвоила себе *семьсот*

девятьюстами четыре тысячи акров земли, которые с незапамятных времен принадлежали клану. Она выделила изгнанным туземцам около шести тысяч акров — по два акра на семью. До тех пор эти шесть тысяч акров лежали в запустении и не приносили владельцам никакого дохода. Графиня была достаточно щедра, чтобы продать акр в среднем за 2,6 шиллинга за доллар мужчинам из клана, которые на протяжении веков проливали свою кровь за ее семью. Всю несправедливо присвоенную клановую землю она разделила на двадцать девять крупных овцеводческих ферм, на каждой из которых жила одна семья, в основном английские батраки; и в 1821 году 15 000 гаэлов уже были вытеснены 131 000 овец.

"Часть аборигенов была выброшена на берег моря и пыталась жить рыбной ловлей. Они стали земноводными и, как говорит один английский автор, жили наполовину на суше, наполовину в воде, и, в конце концов, не питались и тем, и другим".

По всему Северу Шотландии арендаторы небольших пастбищных хозяйств, на которые были разделены графства Хайленд, были вытеснены с целью создания пастбищ для овец, и это было доведено до такой степени, что там, где когда-то, и в недалеком прошлом, были многочисленные фермы по разведению черного скота, сейчас на многие мили не видно ни одного жителя.[121] Работа тоже все еще продолжается. "Примеру Сазерленда, - говорит мистер Торнтон,[122] - подражают в соседних графствах".

Несчастье этих бедных людей описывается следующим образом:—

"Оленям, нанятым на год, редко платят больше двух третей того, что они получали бы на Юге, и лишь немногим из них посчастливилось получить постоянную работу. Сельскохозяйственные слуги, однако, составляют лишь небольшую часть крестьянства, гораздо большее число из них являются земледельцами или арендаторами небольших участков земли, с которых они получают почти все свои средства к существованию. Большинство из них живут очень бедно. Почва здесь настолько бедна, а арендная плата в некоторых случаях настолько непомерна, что владельцы четырех или пяти акров могут лишь обеспечивать себя, и все же только их помощь спасает их еще более бедных собратьев от голодной смерти. Это верно даже для Сазерленда, который обычно представляют как высокоразвитое графство, и в котором, как говорят, произошли заметные изменения к лучшему в характере и привычках людей.[123] Недавнее расследование показало, что даже там, в округах, некогда славившихся прекрасными людьми и доблестными солдатами, жители выродились в жалкую и низкорослую расу. В самых здоровых условиях, на склонах холмов, обращенных к морю, лица их умирающих от голода детей настолько худы и бледны, насколько это возможно в зловонной атмосфере лондонского переулочка.[124] Еще более прискорбны сцены, демонстрируемые в Западном Нагорье, особенно на побережьях и на прилегающих островах. Там собралось большое население, настолько плохо обеспеченное какими-либо средствами к существованию, что в течение части почти каждого года от 45 000 до 80 000 [125] из них находятся в состоянии нищеты и полностью зависят от благотворительности. Многие главы семейств владеют земельными участками площадью от четырех до семи акров, но на них, несмотря на их небольшие размеры и крайнюю бесплодность почвы, часто проживают две, три, а иногда даже четыре семьи. Одно поместье на Гебридских островах, номинальная арендная плата за которое составляет всего 5200 фунтов стерлингов в год, разделено на 1108 участков, и предполагается, что на нем проживает более 8300 человек. В другом случае арендную плату в размере 1814 фунтов стерлингов (ибо на самом деле платят мало) выплачивают 365 фермеров, а все население поместья оценивается более

чем в 2300 человек. В Кромарти 1500 человек поселены в поместье, сданном номинально за 750 фунтов стерлингов, но "выплачивающем не более половины этой суммы". —*Торнтон*, 74.

- Конечно, они живут в высшей степени убого. Картофель - обычная еда, поскольку овсянка считается роскошью, которую приберегают для торжественных дней и праздников, но даже картофель не выращивают в достаточном количестве. Годовой запас обычно истощается до того, как созревает следующий урожай, и бедняки тогда часто оказываются в самом отчаянном положении, поскольку закон о бедных на Севере Шотландии утратил силу, а отсутствие правового обеспечения для нуждающихся плохо восполняется стихийными пожертвованиями землевладельцев". -*Там же*. 76.

На момент написания этих строк "Дневники дня" сообщают информацию о том, что на Гебридских островах царит голод и что "только на острове Скай в настоящее время 10 000 трудоспособных людей остались без работы, без еды и без кредита".

Положение этих бедных людей, несомненно, значительно улучшилось бы, если бы они нашли какого-нибудь снисходительного хозяина, который купил бы их по таким ценам, которые отвечали бы его интересам кормить, одевать и обеспечивать их хорошим жильем в обмен на их труд.

Во времена Адама Смита предполагалось, что около пятой части поверхности Шотландии находится под землей, и он видел недостатки этой системы настолько большими, что осудил систему как "основанную на самом абсурдном из всех предположений - предположении, что каждое последующее поколение людей не имеет равных прав на землю и все, чем она обладает; но что собственность нынешнего поколения должна сохраняться и регулироваться в соответствии с фантазией тех, кто умер, возможно, пятьсот лет назад". Вместо того, чтобы изменить систему и предпринять то, что могло бы привести к установлению большей свободы торговли землей, движение шло в противоположном направлении, и до такой степени, что теперь предполагается, что половина Шотландии присоединена; и все же, что достаточно странно, именно эту систему отстаивает мистер Мак-Каллох, последователь Адама Смита, как ту, которая рассчитана "на то, чтобы сделать все классы более трудолюбивыми и в то же время увеличить массу богатства и масштабы наслаждений".

Последствия этой системы проявляются в огромной арендной плате, взимаемой по контракту за использование небольших участков земли вдали от рынка, неуплата которой превращает бедного земледельца в простого раба собственника. Как последние используют свою власть, можно увидеть из следующей выдержки из канадского журнала за 1851 год:

"Полковник, владелец поместий в Саут-Уисте и Барре, в высокогорье Шотландии, отправил более 1100 обездоленных арендаторов и дачников, подвергаясь самым жестоким и обманчивым искушениям; заверив их, что агент по эмиграции позаботится о них сразу же по прибытии в Квебек, они получают бесплатный проезд в Верхнюю Канаду, где правительственные агенты предоставят им работу, и получают земельные наделы на определенных воображаемых условиях. Семьдесят один человек из последнего груза в количестве четырехсот пятидесяти подписали заявление о том, что некоторые из них бежали в горы, когда была предпринята попытка заставить их эмигрировать. "После чего, - добавляют они, - мистер Флеминг отдал приказ полицейскому, которого сопровождал наземный офицер поместья в Барре, и нескольким констеблям преследовать людей, убежавших в горы, что они и сделали, и им

удалось захватить около двадцати человек в горах и с других островов по соседству; но они пришли с полицейскими только после попытки надеть на них наручники, и некоторые из тех, кто убежал, не были возвращены; вследствие чего по меньшей мере четыре семьи разделились: некоторые прибыли на кораблях в Квебек, в то время как другие члены тех же семей остались в высокогорье".

"На борту "Конрада" и "Бирмана" находилось 518 человек из Малла и Тайри, отправленных его светлостью герцогом ..., который обеспечил им бесплатный проезд до Монреаля, где по прибытии они представляли такой же вид нищеты, как и те, что были из Южного Уиста, отправленные полковником ..., то есть "совершенно без денег и провизии".

Многие из этих людей погибли, как нам сказали, от болезней и нехватки продовольствия зимой, последовавшей за их прибытием в Канаду; и то, что так оно и было, естественно, могли предвидеть те, кто их вывозил.

Несчастливые крестьяне, которых повсеместно изгоняют из страны, вынуждены искать убежища в городах и поселках, точно так же, как мы видим сейчас в Ирландии. "В Глазго, — говорит мистер Торнтон, -

"Существует почти 30 000 бедных горцев, большинство из которых живут в нищете, что показывает, насколько ужасными, должно быть, были лишения, которым предпочли такую нищету. Те из них, кто трудоспособен, находят работу без особых трудностей и, возможно, не имеют особых оснований жаловаться на недостаток первых жизненных условий; но квартал, в котором они живут, описывается как окруженный большим количеством грязи, преступности, нищеты и болезней, чем можно было бы предположить в одном месте в любой цивилизованной стране. Он состоит из длинных переулков, называемых "виндами", настолько узких, что по ним едва могла проехать телега, выходящих на "клоуны", или дворы, площадью около 15-20 квадратных футов, вокруг которых построены дома, в основном трехэтажные, а в центре которых находится навозная куча. Дома без разбора заселены рабочими самого низкого пошиба, ворами и проститутками, и каждая квартира заполнена беспорядочной толпой мужчин и женщин, все в самой отвратительной грязи. Среди таких сцен и таких товарищей, как эти, тысячи самых умных горцев довольствуются тем, что находят убежище, ибо именно те, кто наиболее образован и информирован, больше всего терпят нужду, которую им приходится терпеть дома.

"Обитателей виндз-энд-клоуз в Глазго можно сравнить с обитателями ливерпульских подвалов или с обитателями худших районов Лидса, Сент-Джайлса и Бетнал-Грин в Лондоне; и любой другой класс городского рабочего населения Шотландии также можно очертить теми же штрихами (однако более затемненными), которые использовались при описании соответствующего класса в английских городах. Производственные компании находятся практически в одинаковом положении в обеих странах. Жители Шотландии даже в большей степени, чем их южные собратья, переживали бедствие 1840-1920 годов, когда Пейсли, в частности, продемонстрировал сцены горя, намного превосходящие все, что было рассказано о Болтоне или Стокпорте". —С. 77.

О степени, в которой эти бедняки были изгнаны с земли, можно судить по следующему показанию о численности населения и размещении в домах:-

Человек к
Населению. Жилые дома. жилой дом.

1841..... 2,628,957..... 503,357..... 5.22
1851..... 2,870,784..... 366,650..... 7.83

Невоздержанность и безнравственность идут в ногу со снижением власти людей над своими собственными действиями, как показано в следующем отчете о потреблении британских спиртных напитков при обстоятельствах, почти точно аналогичных с точки зрения размера пошлины:—

Долг. Галлоны. --- ---- 1802..... 3.10-1/2..... 1,158,558 1831..... 3.4 5,700,689
1841..... 3.8 5,989,905 1851..... 3.8 6,830,710

В 1801 году население составляло 1 599 068 человек, и с тех пор оно увеличилось на восемьдесят процентов, тогда как потребление спиртных напитков выросло почти на шестьсот процентов!

Бедняки, изгнанные с земли, не могут быть проданы. Нельзя допустить, чтобы молоток аукциониста разлучал родителей с детьми или мужей с женами, но бедность, пьянство и проституция производят аналогичный эффект, причем в еще более плачевной форме. За пять лет, предшествовавших 1840 году, каждый пятый житель Глазго заболел лихорадкой, и число смертей от нее составило почти пять тысяч.

Невозможно изучать состояние этой части Соединенного Королевства, не придя к выводу, что общество быстро разделяется на очень богатых и очень бедных, и что способность последних к самоуправлению неуклонно снижается, и они становятся все большими рабами первых. Централизация ведет здесь, как и везде, к абсентеизму, а "абсентеизм", — говорит доктор Форбс из Глазго [126] -

"По своим результатам везде одинакова. Все сделки и связи между богатым и бедным классами, таким образом, заменили им суровость официальных учреждений тем добрым и щедрым отношением, которое, если бы они встречались без ограничений, более преуспевающие дети одного и того же родителя почти в каждом случае оказывали бы своим менее удачливым братьям. * * * Там, где власть сочувствия была полностью или почти упразднена среди различных слоев общества, одним из первых последствий становится зияющая и постоянно расширяющаяся пропасть бедности, которая собирается вокруг его основ. Подобно тому, как высокий берег указывает на глубину окружающего океана, гордые вершины богатства в обществе являются показателями соответствующего упадка среди более скромных слоев населения. Величайшее несчастье человека всегда сопутствует его величайшему великолепию".

Таковы повсюду результаты той системы, которая стремится превратить Англию в огромную мастерскую и приковать людей всех других наций к полевым работам. На Ямайке он уничтожил три пятых всех импортированных негров, и сейчас он быстро ввергает оставшихся в варварство и, в конечном счете, в полное уничтожение. В Южных Штатах это приводит к вывозу мужчин, женщин и детей, а также к распаду семей. В Индии это вызвало голод и эпидемии, а теперь устанавливает работоторговлю в новой форме. В Ирландии она за полвека вернула людей к

состоянию, достойному только самой мрачной части Средневековья, и теперь искореняет их с земли их отцов. В Шотландии население быстро делится на две части — хозяев, с одной стороны, и рабов, с другой. Как это действовало и действует сейчас в самой Англии, мы еще можем изучить.

ГЛАВА XIV.

КАК РАСТЕТ РАБСТВО В АНГЛИИ.

Римский народ стремился централизовать в своих стенах власть по управлению всеми народами земли и взиманию налогов, и в значительной степени ему это удалось; но в стремлении обрести власть над другими он потерял всякую власть над собой. По мере того как город увеличивался в размерах и по мере того, как его великие люди становились больше, пропорции людей повсюду становились меньше. Свободные люди Кампании почти исчезли еще во времена Сципиона старшего, и их скромные жилища уступили место дворцам, центрам огромных поместий, возделываемых рабами. Шаг за шагом с усилением власти за границей происходило усиление консолидации земель внутри страны, и по мере того, как людей все больше и больше вытесняли с земли, город увеличивался в численности и великолепии, а также в бедности и жадности его жителей. Население нуждалось в пропитании, и для этого была создана обширная система законов о бедных, приведенная в действие с помощью налогообложения отдаленных провинций, за счет которых они кормились и развлекались. Им требовалась дешевая пища, и они добывались своего за счет земледельцев за границей и дома, которые становились все более и более поработченными по мере того, как сам Рим снабжался все более дешевыми продуктами. Желания росли вместе с их потворством, и чем больше становилось возможностей для жизни без труда, тем больше становилась необходимость в поиске "новых рынков сбыта", на которых можно было бы реализовать свои способности к присвоению, и тем более обширной становилась сфера рабства. Банкиры и посредники набирали все больше и больше власти, и в то время как богатство Красса позволило ему получить контроль над Востоком, огромные займы дали Цезарю власть над Западом, оставив Помпею и его богатым друзьям возможность облагать налогами центр и Юг. Затем Август находит город из кирпича и оставляет его из мрамора; ирод Аттик появляется на сцене единственным улучшателем и почти единственным владельцем в Аттике, когда-то такой свободной, в то время как банкиры и знать накапливают огромные состояния в Африке, Галлии и Британии, и чем больше масштабы заочного владения, тем больше становится убожество и преступность толпы нищих Рима. Город продолжает расти, поглощая богатства мира, а вместе с ним растут бедность, рабство и алчность людей, истощение провинций, алчность и тирания правителей и должностных лиц, пока, наконец, прогнившая в сердце империя не становится добычей варваров, и все становятся рабами одинаково, — таким образом, убедительно доказывается, что сообщество, которое желает требовать уважения к своим собственным правам, должно проявлять уважение к правам других; или, другими словами, должно принять в качестве своего девиза великий урок, лежащий в основе всего христианства. — "Поступайте с другими так, как вы хотели бы, чтобы они поступали с вами".

Обзор Британской империи в настоящий момент представляет вниманию некоторые черты, настолько сильно напоминающие те, что наблюдались в Древнем Риме, что заслуживают привлечения внимания читателя к их тщательному наблюдению. Подобно Риму, Англия желала установить политическую централизацию с помощью флотов и армий, но к этому она добавила

коммерческую централизацию, гораздо более разрушительную по своим последствиям и гораздо более быструю в своем действии. Рим был доволен тем, что его подданные могли заниматься тем, чем им заблагорассудится, либо на полях, либо на фабриках, при условии только, что они платили налоги. Англия, напротив, стремилась ограничить своих подданных и людей всего мира в способах их занятости; и это она сделала с целью заставить их производить все свои обмены на ее едином рынке, предоставив ей устанавливать цены на все, что она покупала и продавала, таким образом облагая их налогом по своему усмотрению как во времени, так и в деньгах. Она стремилась заставить все другие нации работать за плугом, предоставив ей ткацкий станок и наковальню, и таким образом сделать необходимым, чтобы они привозили ей всю свою продукцию в самом грубом виде, с большими затратами на транспортировку и полной потерей производимого ими навоза, истощая таким образом свою почву и самих себя; и последствия этого видны в разорении, обезлюдении и рабстве Вест-Индии, Ирландии, Индии, Португалии, Турции и других стран, которые были частично или полностью подчинены ее владычеству. Отсюда и то, что считается, что она повсюду ищет "новые рынки сбыта". Поскольку Бенгалия была в значительной степени истощена, возникла необходимость аннексировать Северо-западные провинции, и отсюда мы видим, как она в один момент протягивает руку, чтобы захватить Афганистан, в другой - заставить китайцев разрешить ей контрабанду опиума, а в третий - изгнать сикхов и оккупировать Пенджаб, что является предварительным шагом к этому вторжению и подчинению Бирманской империи. Ей нужны и должны быть новые рынки сбыта, как Риму нужны были новые провинции, и по той же причине - истощение старых. Она с великой радостью отмечает создание нового рынка в Австралии и с тоской смотрит на Японскую империю, чей процветающий народ при мирном правительстве предпочитает избегать того же курса действий, который привел богатый и могущественный Индостан к его нынешнему бедственному состоянию.

Именно против этой системы предостерегал своих соотечественников Адам Смит, поскольку она не только нарушает "самые священные права" человека, но и неизбежно ведет к последствиям, в высшей степени пагубным для них самих, к обесцениванию стоимости как труда, так и капитала. Однако до его времени это осуществлялось в очень малой степени. Колоний тогда было немного, но они облагались высокими налогами, как было показано в откровенном признании *Джошуа Джи*, что колонисты увозили домой лишь четвертую часть стоимости товаров, которые они привозили на большой рынок.[127] Система тогда находилась только в зачаточном состоянии. В Индии Компания только тогда впервые получила уступку права действовать в качестве сборщика налогов в Бенгалии. На этом континенте право таким образом облагать колонистов налогами серьезно оспаривалось, и *Богатству наций* незадолго до того, как миру было открыто и успешно отказано. Тенденция системы была, однако, настолько очевидна для ее автора, что он захотел предостеречь своих соотечественников от попыток создать "колонии покупателей", как недостойных великого народа и достойных только "нации лавочников", — и они были бы счастливы, если бы его совету последовали. Это было не так. С того дня и по настоящее время каждый шаг был сделан в направлении, против которого он их предостерегал, как было показано в предыдущей главе, и из года в год народ Англии все больше и больше становился простыми торговцами продуктами труда других людей и все больше и больше был вынужден искать "новые рынки сбыта", как это делал римский народ, — с той лишь разницей, что в каждом случае истощение достигалось со скоростью, не имеющей аналогов в анналах Рима или мира. Столетие назад Индия была богатой, и теперь ее правительство, ежегодно собирающее пятую часть всей стоимости земли, поддерживается

только за счет монопольного права отравлять и порабощать китайцев с помощью отвратительного наркотика, а бедные индусы вынуждены искать пропитание в болотах Ямайки и Гвианы. Полвека назад в Ирландии было высокоразвитое общество, с прессой, которая выпускала большими тиражами самые ценные и дорогостоящие книги, произведенные в Англии, а теперь ее народ уничтожен голодом и мором. Двадцать лет назад существовала некоторая слабая надежда на то, что бедные негры Ямайки и Гвианы когда-нибудь в будущем станут цивилизованными, но эта надежда исчезла, как и ценность земли, на которой они работали. Какое влияние оказал этот политический курс на положение народа Англии, мы можем теперь выяснить.

Во времена Адама Смита было подсчитано, что в этой стране насчитывалось 220 000 землевладельцев, и, как необходимое следствие такого обширного владения собственностью, существовала весьма решительная тенденция к расширению свободы человека, о чем свидетельствуют усилия, предпринятые всего несколько лет спустя для проведения реформы в различных вопросах управления. Однако грянула Французская революция, и теперь доктрина "кораблей, колоний и торговли" во многом способствовала введению военного положения, в течение всего которого Англия пользовалась почти монополией на мировую торговлю. Имея все шерстяное и хлопчатобумажное оборудование и почти все машины для производства железа, она имела возможность покупать продукцию и продавать мануфактуры по своим собственным ценам; и таким образом и без того богатые люди значительно обогатились. Богателни, однако, повсюду были заполнены голодающими рабочими, и их число увеличивалось так быстро, что в конце концов возникла необходимость придать статуту Елизаветы новую и расширенную конструкцию; и здесь мы находим еще одно совпадение в действии римской и британской централизации. Еще одна причина обнаруживается в том факте, что именно тогда, когда рабочий терял всякую возможность самоуправления, мелкие землевладельцы исчезли, и их заменили поденщики.

Однако наступил мир, а вместе с ним и желание других народов обеспечить себя тканями, железом и другими промышленными товарами; и чтобы дать им возможность осуществить свои пожелания, многие из них ввели пошлины, целью которых было изготовление плуга и ткацкого станка, молота и бороны. Это, конечно, вызвало необходимость в новых усилиях по переутомлению этих наций, ведущих к постоянному совершенствованию техники, каждое из которых, как правило, позволяет капиталисту все больше и больше накапливать состояние и покупать землю, консолидация которой продолжалась до тех пор, пока, наконец, это не привело к тому, что вместо 220 000 английских землевладельцев времен Адама Смита теперь осталось всего 30 000, в то время как вся земля Шотландии, как утверждается, сосредоточена в руках 6000 человек.

По мере того как 190 000 собственников постепенно стали представлены поденщиками, пауперизм рос, и рабочий год от года становился все более порабощенным и все более зависимым в плане существования от милостей фермеров, приходских бидлов и констеблей, пока, наконец, реформа системы не стала абсолютно необходимой, и она не была предпринята. Однако вместо того, чтобы исследовать причины этой возросшей зависимости с целью их отмены, было решено отменить льготы, которые они сделали необходимыми, и, следовательно, само существование нового закона о бедных. В силу его положений невозможность добыть пищу стала преступлением, наказуемым разлучением мужей с женами и родителей с детьми; и таким образом, мы видим, что за последние двадцать лет английское законодательство в

значительной степени развивалось в том же направлении, что и внутренняя работоторговля в этой стране.

Консолидация земли оттесняла рабочих от обработки почвы, в то время как усовершенствованная техника постоянно имела тенденцию вытеснять их с фабрики, и таким образом бедные становились беднее и слабее, по мере того как богатые становились богаче и сильнее. Ирландия тоже внесла свой вклад в достижение того же результата. По мере того как Закон о профсоюзе постепенно закрывал ее фабрики и вынуждал ее народ заниматься земледелием как единственным средством поддержания жизни, они оказались, подобно итальянцам древности, вынужденными эмигрировать туда, где распределялись налоги, в надежде получить заработную плату, и их конкуренция еще больше отдала английского рабочего в руки капиталиста. Из года в год мелкий собственник превращался в поденщика, а мелкий механик-наемщик или торговец - в получателя заработной платы, и таким образом весь народ все больше и больше разделялся на два больших класса, отделенных друг от друга непроходимой пропастью, на очень богатых и очень бедных, на господина и раба.

По мере того как Англию все больше и больше наводняли несчастные жители соседнего острова, изгнанные из дома в поисках работы, богатым становилось все легче выполнять "великие работы", которыми, как сообщает нам лондонская *Times*, страна обязана "дешевой рабочей силой Ирландии", и чем больше был приток этой рабочей силы, тем быстрее ослабевала способность как Ирландии, так и Великобритании обеспечивать рынок сбыта продукции обрабатывающей промышленности, рабочей силы Англии. Отсюда, конечно, возникла необходимость искать за границей новые рынки, которые заняли бы место тех, которые ранее были получены внутри страны, и, таким образом, дешевая рабочая сила, *следствие* системы, стала, в свою очередь, *причиной* новых усилий по отказу от рабочей силы и дальнейшему ее удешевлению. Поскольку ирландец больше не мог покупать, стало необходимо изгнать индуса с его собственного рынка. По мере того как горец был изгнан, становилось все более и более необходимым недорабатывать прядильщиков и ткачей Китая. Поскольку бенгальцы сейчас беднеют, возникает необходимость наполнить Пенджаб, Афганистан, Бирму и Борнео британскими товарами. В основе такой системы неизбежно лежит пауперизм. "Это так", — сказал спикер на последних выборах представителя в парламенте Брэдфорда -

"Ее корни. Эта система основана на иностранной конкуренции. Теперь я утверждаю, что в соответствии с принципом *"покупай дешево и продавай дорого"*, применяемым к иностранной конкуренции, разорение рабочего и мелкого торгового класса должно продолжаться. Почему? Труд - создатель всего богатства. Человек должен работать, прежде чем вырастить зерно или соткать ярд. Но в этой стране нет самозанятости для рабочего человека. Рабочая сила — это наемный товар, рабочая сила - это вещь на рынке, которая покупается и продается; следовательно, поскольку труд создает все богатство, рабочая сила - это первое, что покупается. "Покупайте дешево! покупайте дешево!" Рабочая сила покупается на самом дешевом рынке. Но сейчас идет следующий. "Продавайте дорого! продавайте дорого!" Что продавать? *Труд производит*. Кому? Иностранцу — да! и к самому рабочему — поскольку труд не является самозанятым, рабочий *не* пользуется первыми плодами своего труда. "Покупай дешево, продавай дорого". Как тебе это нравится? "Покупай дешево, продавай дорого". Покупай труд рабочего дешево и продавай обратно этому самому рабочему продукт его собственного труда дорого! В сделке заложен принцип неизбежных потерь. Работодатель покупает рабочую силу дешево — он продает, и от продажи он должен получать прибыль: он

продает самому рабочему — и, таким образом, каждая сделка между работодателем и наемным работником является преднамеренным обманом со стороны работодателя. Таким образом, труд должен тонуть в вечных потерях, а капитал может расти в результате длительного мошенничества. Но система на этом не останавливается. ЭТО СКАЗЫВАЕТСЯ НА ИНОСТРАННОЙ КОНКУРЕНЦИИ, А ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО МЫ ДОЛЖНЫ РАЗРУШИТЬ ТОРГОВЛЮ ДРУГИХ СТРАН, КАК МЫ РАЗРУШИЛИ РАБОЧУЮ СИЛУ НАШИХ СОБСТВЕННЫХ. Как это работает? Страна с высокими налогами вынуждена недооценивать продажи в странах с низкими налогами. *Конкуренция за рубежом постоянно растет, следовательно, должна увеличиваться и дешевизна.* Следовательно, заработная плата в Англии должна постоянно падать. И как они влияют на падение? За счет *избыточного труда*. Монополией на землю, которая привлекает на фабрику больше рабочих рук, чем требуется. Монополией на машины, которая выталкивает эти руки на улицу; женским трудом, который вытесняет мужчину из челнока; детским трудом, который оттесняет женщину от ткацкого станка. Затем, наступив ногой на эту живую основу избытка, они прижимают его ноющее сердце своей пяткой и кричат: "Голодная смерть! Кто будет работать? Половина буханки лучше, чем вообще без хлеба"; и корчащаяся масса жадно хватается за их условия. Такова система для рабочего человека. Но, избиратели, как это действует на вас? как это влияет на внутреннюю торговлю, лавочника, уровень бедности и налогообложение? *При каждом усилении конкуренции за рубежом должно наблюдаться повышение дешевизны внутри страны.* Любое повышение удешевления рабочей силы основано на увеличении избытка рабочей силы, и этот избыток достигается за счет увеличения количества оборудования. Я повторяю, как это действует на вас? Манчестерский либерал слева от меня выдает новый патент и выбрасывает на улицы триста лишних человек. Владельцы магазинов! На триста покупателей меньше. Плательщики налогов! На триста нищих больше. Но, заметьте! Зло на этом не заканчивается. *Эти триста человек действуют первыми, чтобы снизить заработную плату тех, кто продолжает работать в своем собственном ремесле.* Работодатель говорит: "Теперь я снижаю вам заработную плату". Мужчины возражают. Затем он добавляет: "Вы видите те триста человек, которые только что ушли? *вы можете поменяться местами, если хотите,* они жаждут вступить в бой на любых условиях, потому что умирают с голоду. Мужчины чувствуют это и раздавлены. Ах ты, манчестерский либерал! Фарисей от политики! эти люди слушают — теперь я тебя понял? Но зло еще не остановилось. *Эти люди, изгнанные из своего собственного ремесла, ищут работу у других, когда те увеличивают излишки и снижают заработную плату.*"

Как ни убедительно все это, тем не менее верно, что Англия ведет истребительную войну против рабочей силы всех других стран, занятой чем-либо, кроме выращивания сырых продуктов для отправки на ее собственный рынок, где их можно обменять на ткани и железо, произведенные на фабриках и печах ее *миллионеров*, которые накопили свои огромные состояния за счет Ирландии, Индии, Португалии, Турции и других стран, которые были разорены системой, которая стремится к истощению почвы во всех других странах, к обнищанию и деградации населения. порабощение своего народа, которое с таким негодованием осудил Адам Смит. Стремясь сокрушить их, она сокрушала свой собственный народ, и чем быстрее распространялся пауперизм внутри страны, тем больше ее усилий прилагалось для производства избыточной рабочей силы, которая вызывает падение заработной платы внутри страны и за рубежом.

По мере сосредоточения земли в руках нескольких собственников наблюдается неуклонное сокращение числа людей, занятых на ней, и столь же неуклонное уменьшение надежды на подъем в мире, которая в других местах рассматривается как лучший стимул к труду.

"Крестьянин знает, - говорит недавно написанный английский писатель, - что он должен умереть в том же положении, в каком родился". Опять же, он говорит: "отсутствие мелких хозяйств лишает крестьянина всякой надежды улучшить свои жизненные условия".

Лондонская *Times* уверяет своих читателей, что "однажды став крестьянином в Англии, человек должен оставаться крестьянином навсегда"; а м-р Кей, после тщательного изучения положения населения континентальной Европы, уверяет своих читателей, что в качестве одного из последствий такого положения вещей крестьяне Англии "более невежественны, более деморализованы, менее способны помочь себе сами и более обнищали, чем в любой другой стране Европы, если не считать России, Турции, Южной Италии и некоторых частей Австрийской империи".[129]

При таких обстоятельствах средний класс имеет тенденцию к постепенному исчезновению, и его состояние хорошо выражает термин, который сейчас так часто используется, - "беспокойный класс". Мелкий капиталист, который в другом месте купил бы участок земли, лошадь с телегой или какую-нибудь машину, рассчитанную на то, чтобы позволить ему удвоить производительность своего труда и увеличить вознаграждение за него, в Англии вынужден делать свои вложения в сберегательные кассы или конторы страхования жизни и, таким образом, передавать свой небольшой капитал в руки других под три процента, тогда как он мог бы иметь пятьдесят или сто процентов, если бы ему разрешили использовать его самому. Таким образом, существует постоянная борьба за жизнь, и каждый человек, как уже было сказано, "пытается вырвать кусок хлеба изо рта своего ближнего". Атмосфера Англии пропитана глубоким мраком. Каждый беспокоится о будущем, о себе или своих детях. Существует всеобщее чувство сомнения относительно того, как распорядиться трудом или талантами самих себя или своих сыновей, и самые большие гонорары выплачиваются уже богатым мужчинам в надежде получить помощь для обеспечения постоянной работы. "Этот мрак Англии", — сказал покойный английский писатель, -

"Это, по правде говоря, одно из самых грозных зол современности. При всем прогрессе морали и порядочности нынешнего столетия мы скорее отступили, чем продвинулись вперед в достижении той истинно христианской жизнерадостности, которая, вопреки популярной пословице, я считаю благословением, следующим по ценности после благочестия.

"Я искренне верю, - продолжает он, - что одно из главных препятствий на пути распространения чистого живого христианства в этой стране кроется в той мирской осторожности, которая вызывает нашу чрезмерную серьезность и делает нас самой молчаливой нацией в Европе. Респектабельность Англии - это ее проклятие; мы поклоняемся респектабельности и таким образом умудряемся лишиться как земных, так и небесных радостей. Если бы Великобритания могла когда-нибудь научиться смеяться как ребенок, она бы снова мешала молиться как святая.

Но это еще не все: чувственность и грубый порок, ненавистная угрюмость и резкость характера, которые являются результатом нашего нежелания веселиться и получать удовольствия, буквально ужасны при мысли. Гордыня и распушенность торжествуют в нашей стране, потому что мы слишком измучены заботами или слишком глупы, чтобы от души предаваться невинным развлечениям. Этим двум демонам, один из которых первым изгнал человека из Рая, в то время

как другой низвел его до уровня животных, служат мириады беспомощных рабов, которые отданы в рабство страсти из-за мрачности, нависшей над нашим национальным характером. Молодые и старые, бедные и богатые буквально доведены до изнеможения, потому что в нашем обществе нет ничего, что могло бы освежить их после тяжелого труда или превратить жизнь в сезон удовольствий, насколько позволяет неизбежная участь смертности.

"Мужчины впадают в порок из-за недостатка чистых и невинных удовольствий. Закусочные принимают тех, кто мог бы развлечься, рассматривая произведения искусства в публичной галерее. Вся животная часть нашего существа взращивается за счет духовного. Мы становимся жестокими, потому что болезненно боимся быть легкомысленными и тратить свое время впустую. Дьявол завладевает сердцем англичанина с помощью его плотских страстей, потому что он слишком горд и слишком глуп, чтобы смеяться и получать удовольствие.

"Тайный грех уничтожает свои мириады, приносимых в жертву на алтаре внешней респектабельности и уважения к мнению жадного до денег мира".

Существование такого положения вещей действительно является "ужасным злом", но как оно могло не существовать в стране, в которой теряется всякая индивидуальность, поскольку мелкий землевладелец постепенно исчезает, заменяясь поденщиком, а мелкий лавочник постепенно превращается в клерка? Как может быть иначе в стране, где слабые женщины и дети самого нежного возраста проводят ночи в подвалах, а двенадцатичасовой или пятнадцатичасовой рабочий день на фабриках, владельцы которых знают о них только, как в тюрьме, их количество, — в стране, где мужчины и женщины работают голыми в угольных шахтах - и оказываются вынужденными делать все это из-за необходимости помешать бедному индусу призвать себе на помощь мощный пар и заставить его, его жену и его детей ограничиться трудом в поле? Как могло быть иначе в стране, в которой "рабочие, независимо от того, богаты они или нет, никогда не пытаются стать лучше"[130]. Как иначе в стране, выделяющейся среди всех остальных огромным богатством немногих, интенсивностью тяжелого труда всех, кто ниже их по положению, и тревогой, с которой смотрят на будущее все, кроме тех, кто, лишенный надежды, знает, что все, что они могут ожидать по эту сторону могилы, - это незначительный запас пищи и одежды? "Ни в одной стране мира", — говорит мистер Кей-

"Здесь так много времени тратится на простое приобретение богатства и так мало на наслаждение жизнью и всеми средствами счастья, которые Бог дал человеку, как в Англии.

"Ни в одной стране мира средний класс не трудится так интенсивно, как здесь. Глядя на нынешнее состояние английского общества, можно было бы подумать, что человек был создан только для того, чтобы накапливать богатство, и что ему было запрещено удовлетворять прекрасные вкусы, которыми он был одарен, ради его собственного счастья. Быть богатым для нас - великая добродетель, пропуск во все общество, оправдание многих слабостей и маска для многочисленных уродств".

Восточная пословица гласит, что "проклятия, как молодые цыплята, всегда возвращаются домой на насест". Можно было бы представить несколько примеров более совершенного осуществления этого, чем в нынешних условиях Англии. Прошло полвека с тех пор, как было постановлено, что бедняки Ирландии должны ограничиваться обработкой и истощением своей почвы, воздерживаясь от добычи угля, плавки руды или выделки ткани; и почти все это время они настолько наводняли Англию "дешевой рабочей силой", что с *Времен* уже упоминавшееся

заявление о том, что "для целого поколения человек был наркотиком, а население - помехой" — именно то положение вещей, при котором люди больше всего склонны к порабощению. Дешевое зерно, дешевый хлопок, дешевый табак и дешевый сахар означают дешевый сельскохозяйственный труд; а низкооплачиваемый рабочий всегда является рабом и способствует производству в другом месте рабства своих товарищей по работе, будь то в поле или в мастерской. Это, однако, находится в полном соответствии с доктринами некоторых из наиболее выдающихся государственных деятелей Англии, как читатель уже видел из заявления мистера Хаскиссона о том, что "чтобы обеспечить капиталу справедливое вознаграждение, необходимо снизить цену труда", — чем он доказал совершенную точность предсказаний автора книги *"Богатство народов"*.

Гармония истинных интересов между нациями совершенна, и осознанный личный интерес привел бы каждую нацию к полному осуществлению золотого правила христианства; и все же даже сейчас самые выдающиеся люди Англии считают контрабанду почти добродетельным деянием, а контрабандиста - великим реформатором, потому что его труды, как правило, позволяют их соотечественникам повсюду делать то, что было сделано в Вест-Индии, Ирландии, Португалии, Турции и Индии — отделять потребителя от производителя. Они считают предназначенной для Англии работой превратить всю землю в одну огромную ферму, зависящую от одной огромной мастерской, и эта мастерская находится на острове Великобритания. При таких взглядах пэров королевства, лорд-канцлеров, государственных министров, политэкономов и статистиков, можем ли мы удивляться упадку морали среди среднего класса под совместным влиянием борьбы за жизнь и уверенности в том, что "цель освящает средства" и что фальшивые счета - всего лишь средство для проведения великой реформы в торговой системе мира? Благие цели редко требуют таких средств для их достижения, и сам факт того, что Гибралтар был необходим как средство контрабанды в Испанию, Канада как средство контрабанды в эту страну [131] и Гонконг с целью отравления китайцев контрабандным опиумом, должны были привести к тщательному рассмотрению вопроса о том, была ли система, направленная на истощение почвы Вирджинии и вытеснение бедных негров на сахарные плантации в Техас, одним из способов "служения Богу".

Нездоровое моральное чувство является необходимым следствием исключительной преданности торговле, которая, как сейчас видно, существует в Англии. Дело торговца - покупать дешево и продавать дорого, каковы бы ни были последствия для тех, у кого он покупает или кому он продает; и, к несчастью, процветание Англии сейчас настолько полностью зависит от дешевой покупки и дорогой продажи, что она вынуждена не обращать внимания на последствия для тех, кому она продает или у кого она покупает, и поэтому она радуется, когда другие разоряются, и горюет, когда они обогащаются. Ее интересы всегда и неизбежно противоположны интересам остального мира. Она *должна* смотреть на все глазами простого торговца, который хочет купить дешево и продать дорого, живя за счет производителя и потребителя. Первый желает получить хорошие цены на свой сахар, и все же она так стремилась получить дешевый сахар, что забыла о своих обязательствах перед бедными эмансипированными неграми Ямайки. Бывшая желала хороших цен на свою кукурузу, но ей так хотелось иметь дешевую кукурузу, что она забыла о том, что лишила народ Ирландии всякой работы, кроме сельского хозяйства, и сразу же приняла меры, действие которых в настоящее время изгоняет всю нацию из мест ее юности и разлучает мужей и жен, матерей и детей. Она поставила себя в ложное положение и теперь не может *позволить* себе размышлять о влиянии дешевого сахара и дешевой кукурузы, дешевого хлопка и дешевого табака на людей, которые

их производят; и поэтому положение Ирландии и Индии, а также бедняков Ямайки так сильно отстранено от обсуждения. В таком случае с теми, кто должен задавать тон общественному мнению, как мы можем искать здравые или правильные чувства среди бедных обитателей "притона свитера" [132] или среди 20 000 лондонских портных, ищущих работу и не способных ее найти? Или, каково это бедным лавочникам, вынужденным в целях самозащиты фальсифицировать почти все, что они продают, когда они видят, что крупный производитель хлопка ежегодно расходует сотни бочек муки, чтобы иметь возможность навязывать бедным индусам негодную ткань и таким образом уничтожать своего иностранного конкурента? Или как ожидать найти это среди бедных рабочих Ланкашира, в один момент работающих полный рабочий день, в другой - всего три дня в неделю, а в третий - полностью лишенных работы, потому что товары больше нельзя контрабандой ввозить в зарубежные страны, чтобы получать прибыль? Для них вопрос о еде или ее отсутствии полностью зависит от размера урожая хлопка. Если работорговля процветает, производится много хлопка, и у них есть заработная плата, на которую они могут прокормить своих жен и детей. Если урожай большой, плантаторы могут погибнуть, но сами они будут сыты. "Еженедельная почта из Америки", — говорят нам, -

"Для великого хлопкового лорда Манчестера это имеет не большее значение, чем для ткача Джона Шаттла. * * * Если бы он когда-нибудь подумал, насколько полностью его собственное существование и существование его маленькой семьи зависят от урожая в Америке, он бы задрожал при малейшем слухе о войне с янки. Война с Америкой— ураган в Джорджии, наводнение в Алабаме — все это предсмертные крики для прядильщицы и ткачихи на ткацком станке. * * * Когда хлопковые поля южных штатов дают меньше обычного количества хлопка, манчестерский оперативник съедает меньше обычного количества пищи. Когда его кровь закипает от унижений и жестокости, которым подвергается цветная раса в "Стране свободных", он не всегда помнит, что *рабовладельческим штатам Америки он обязан всем — что для его же блага, негр должен спокойно носить свои цепи.*" — *Бытовые слова.*

Если его "кровь закипает" при виде страданий негра в Бразилии или индуса на Маврикии, он должен помнить, что именно ценой этих страданий он получает дешевый сахар. Если он шокирован продолжающейся африканской работорговлей, он должен помнить, что если негры перестанут ввозить на Кубу, ему, возможно, придется платить за свой кофе более высокую цену. Если его возбуждает мысль о внутренней работорговле в этой стране, он должен успокоить себя, подумав, что это продолжается "для его выгоды" и что без этого он не смог бы иметь дешевый хлопок. Рабочих различных частей света, таким образом, учат, что между ними существует всеобщий антагонизм интересов, и это, конечно, ведет к возникновению плохого состояния моральных чувств и всеобщей тенденции к снижению чувства самостоятельности. Мужчины, женщины и дети становятся день ото дня все более зависимыми от воли других, и поскольку именно эта зависимость составляет рабство, мы могли бы с полным основанием ожидать обнаружения некоторых пороков рабов — и если бы мы их обнаружили, то не сильно ошиблись бы, приписывая их существование системе, описанной Адамом Смитом следующим образом:—

"Промышленность Великобритании, вместо того чтобы быть приспособленной к большому количеству небольших рынков, была в основном приспособлена к одному большому рынку. Ее коммерцию, вместо того чтобы вести по множеству мелких каналов, научили вести преимущественно по одному большому каналу. Но вся система ее промышленности и торговли, таким образом, стала менее безопасной, а все состояние ее политического организма - менее

здоровым, чем это было бы в противном случае. В своем нынешнем состоянии Великобритания напоминает одно из тех нездоровых тел, у которых некоторые жизненно важные части чрезмерно развиты и которые по этой причине подвержены многим опасным расстройствам, редко встречающимся у тех, у которых все части имеют более правильные пропорции. Небольшая остановка в этом огромном кровеносном сосуде, который был искусственно раздут сверх своих естественных размеров и по которому вынуждена циркулировать неестественная доля промышленности и торговли страны, весьма вероятно, вызовет самые опасные расстройства во всем политическом организме".

Это точная картина этой страны при системе, которая стремится направить всю энергию своего народа в одно русло — "покупать на самом дешевом рынке и продавать на самом дорогом", - занятие, которое из всех других наименее благоприятно для развития моральных и интеллектуальных способностей человека. О том, как это работает, можно судить по следующему описанию уже цитировавшегося английского писателя:—

"Из детей бедняков, которые ежегодно рождаются в Англии, огромное количество вообще не получают никакого образования, в то время как многие другие никогда не поступают ни во что лучшее, чем в дамскую или воскресную школу. В городах их оставляют толпиться примерно до восьми-девяти лет, чтобы они развлекались в грязи улиц, в то время как их родители занимаются своим повседневным трудом. На этих общественных улицах, в течение той части своей жизни, которая наиболее восприимчива к впечатлениям и наиболее запоминается ими, они приобретают грязные, аморальные и беспорядочные привычки; они привыкают носить грязную и рваную одежду; они учатся воровать; они общаются с мальчиками, побывавшими в тюрьме и там закаленными в преступлениях злыми товарищами; они учатся проклинать друг друга, как драться, как играть в азартные игры и как заполнять свободные часы порочными развлечениями; они не приобретают никаких знаний, кроме знания порока; они никогда не вступают в преступную жизнь. контактируют с теми, кто лучше их; и их не учат ни истинам религии, ни тому, как улучшить свои жизненные условия. Их развлечения так же низки, как и их привычки. Удовольствия их жизни заключаются в низменном разврате, слишком ужасном, чтобы его можно было назвать, в спиртных напитках, которые они начинают пить, как только им удастся собрать пенс, чтобы их купить, в совершении и сокрытии краж, в грубых и отвратительных видах спорта. Идея посещать музыкальные собрания, подобные собраниям немецкой бедноты, вызвала бы насмешки, даже если бы для них существовали какие-либо подобные собрания. Невинные танцы им неизвестны. Сельские виды спорта, которыми они не могут заниматься. Читать они не могут. Поэтому они спешат за развлечениями и азартом, к удовлетворению чувственных желаний и appetites. Таким образом, грязные, похотливые, чувственные, шумные и искусные в совершении преступлений, большая часть населения наших городов взрослеет. В правдивости или лживости этого описания может убедиться каждый, кто изучит наши криминальные досье или посетит закоулки любого английского городка, когда школы будут переполнены, и пересчитает детей на крыльцах и тротуарах, и обратит внимание на их состояние, манеры и внешность, а также на их деградировавшие и отвратительные поступки". - Кей, том i. 33.[133]

Это, однако, мало отличается от того, что можно было бы ожидать, поскольку в стране, где обеспечение образования ее населения описывается следующим образом:—

"Около половины наших бедняков не умеют ни читать, ни писать. Тест на подписание имени при вступлении в брак - это очень несовершенный абсолютный тест на образование, но очень хороший относительный тест: пройдя этот тест, как выглядит сам Лидс в отчетах Генерального секретаря? В Лидсе, который является центром движения за то, чтобы оставить образование таким, какое оно есть, полностью предоставив случайности и благотворительности восполнять его недостатки, как мы находим этот факт? Это означает, что в 1846 году, последнем году, к которому сводятся эти данные, из 1850 браков, заключенных в Лидсе и Ханслете, 508 мужчин и 1020 женщин, или значительно больше половины последних, подписали свои имена печатями. "Мне также лично известен этот факт — из 47 человек, занятых на железной дороге в этом ближайшем районе, только 14 человек могут расписаться в получении заработной платы; и это не из-за какой-либо застенчивости с их стороны, а определенно потому, что они не умеют писать". И совсем недавно сама *"Лидс Меркьюри"* привела наиболее поразительный пример невежества среди жителей Беотийского Падси: из 12 свидетелей, "все респектабельной внешности", допрошенных мэром Брэдфорда в здании суда, только один человек мог подписать свое имя, и то безразлично. " Мистер Нельсон ясно показал в статистике преступности в Англии и Уэльсе с 1834 по 1844 год, что преступность неизменно наиболее распространена в тех округах, где наименьшее количество людей по отношению к населению умеет читать и писать. Не с того ли конца на самом деле начинают пытаться исправлять людей после того, как они стали преступниками? И все же вы не можете начать с детей из-за отсутствия школ. Бедность - это результат невежества, а затем невежество снова становится печальным результатом бедности. "Невежество делает людей недальновидными и легкомысленными — как женщин, так и мужчин; оно делает их слепыми к будущему — как к будущему этой жизни, так и к жизни за ее пределами. Это делает их мертвыми для более высоких удовольствий, чем удовольствия простых чувств, и низводит их до уровня простого животного. Отсюда огромный размах пьянства по всей стране и ужасающая трата средств, с которой это связано. "В Билстоне, где проживает 20 000 человек, есть только две борющиеся школы — одна недавно прекратила свое существование; в Милленхолле, Дарластоне и Пелсалле, среди перенаселенного населения, вообще нет школ. В Олдхэме на 100 000 человек есть только одна государственная дневная школа для рабочих классов; остальные - это школа для младенцев, а также несколько женских и фабричных училищ. В Бирмингеме 21 824 ребенка посещают школу, а 23 176 - нет; в Ливерпуле 50 000 из 90 000 детей не посещают школу; в Лестере 8200 из 12 500; а в самом Лидсе в 1841 году (дата последних отчетов) около 9600 из 16 400 детей вообще не посещали школу. То же самое происходит и в округах. "Я видел заявление о том, что женщине в течение некоторого времени приходилось выполнять обязанности причетника в церкви в Норфолке, поскольку в приходе не было ни одного взрослого мужчины, умеющего читать и писать. При населении в 17 000 000 человек у нас всего двенадцать обычных школ; в то время как в Массачусетсе есть три такие школы всего на 800 000 населения".

Поскольку образование молодежи таково, теперь мы можем посмотреть, как г—н Кей описывает то, что предоставлялось людям более продвинутого периода жизни:-

"Скопление низкопробных пивнушек в наших производственных районах представляет собой печальное и необычное зрелище. Их можно найти на каждой улице и переулке в городах и почти на каждом переулке и повороте более сельских деревень этих округов, если какую-либо из этих деревень можно назвать сельской.

"Привычка к пьянству проникает в массы оперативных работников в такой степени, какой никогда ранее не было в нашей стране.

"Во множестве таких таверн и кабаков промышленных районов проституток содержат специально для того, чтобы побудить рабочих посещать их, что делает их вдвойне аморальными и пагубными. В Ланкашире меня заверили из лучших источников, что в одном из промышленных городов, тоже примерно третьем по величине и населению, есть *шестьдесят* таверн, где владельцы таверн содержат проституток, чтобы заманивать в них клиентов. Их деморализующее влияние на население *невозможно преувеличить*; и все же это почти единственное средство, которым располагают оперативники, когда ищут развлечений или релаксации.

"В тех тавернах, где проститутки на самом деле содержатся не для того, чтобы завлекать клиентов, их всегда можно встретить по вечерам, когда рабочие ходят туда выпить. В Лондоне и Ланкашире джин-паласы являются регулярным местом свиданий для отверженных обоих полов и местами, куда женщины из низших слоев общества прибегают, чтобы найти клиентов. Совершенно ясно, что молодые люди, которые однажды начинают встречаться со своими друзьями в этих местах, не могут долго избегать моральной деградации в этих рассадниках порока.

"Исключительная и примечательная разница между соответствующим положением крестьян и рабочих Германии и Швейцарии и Англии и Ирландии в этом отношении сама по себе достаточна, чтобы доказать исключительную разницу между их соответствующими социальными условиями.

"Виллидж инн в Германии - это место, совершенно не похожее на виллидж инн в Англии. Он предназначен и используется не столько для простой выпивки, сколько как место для встреч и бесед; это, так сказать, сельский клуб". — Том i. 232.

При таких обстоятельствах мы не должны удивляться, когда мистер Элисон сообщает, что по всему королевству преступность растет в четыре раза быстрее, чем население, и что "в Ланкашире население удваивается за тридцать лет, преступность - за пять с половиной". Как, в самом деле, могло быть иначе при системе, основанной на идее "подавления рабочей силы" — системе, которая ведет к консолидации земли и отстранению мужчин от возделывания, а затем исключает их с фабрики, одновременно вынуждая сотни тысяч неимущих и почти умирающих с голоду ирландцев перебираться в Англию в поисках работы? Процесс "выселения" в Ирландии уже был описан. О том, как та же самая работа выполнялась и выполняется в Англии, *Times* сообщает следующим образом:—

"Наши деревенские крестьяне перебираются из коттеджа в коттедж или вообще из коттеджа в отсутствие коттеджа, так же свободно и с таким же пренебрежением к их личным вкусам и удобствам, как если бы мы перегоняли наших свиней, коров и лошадей из одного хлева в другой. Если они не могут получить дом над головой, они обращаются в Профсоюз, и их распределяют — мужчину в одну часть, жену в другую, а детей снова куда-то еще. Это улаженный вопрос. Наши крестьяне терпят это, или, если они не могут этого вынести, они умирают, и конец всему по эту сторону могилы; хотя как это будет выглядеть во время великой ревизии, мы оставляем "английским католикам" самим представлять. Мы только хотим сказать, что в Англии работа сделана; дачники истреблены; мелкие владения упразднены; процесс

выселения признан излишним; слово домовладельца стало законом; убежище недовольных превратилось в работный дом, и все это без единого выстрела, дубинки или метательного снаряда".

Изгнанные таким образом с земли, они вынуждены искать убежища в Лондоне и Ливерпуле, Манчестере, Бирмингеме и Лидсе, и, соответственно, именно там мы обнаруживаем почти весь прирост населения за последние десять лет. Из менее чем двух миллионов к числу жителей одного только Лондона добавилось более 400 000 человек, и тем, кто знаком с работой мистера Мэйхью *"Лондонские рабочие и лондонская беднота"*, не нужно рассказывать ни о чрезвычайной бедности, ни о безнравственности, которой там изобилует. Расследования, проведенные пешком лордом Эшли, показали, что "в центре этого города есть", — говорит мистер Кей -

"Люди, образующие отдельный класс, имеющие занятия, интересы, манеры; и обычаи собственные, и что грязных, покинутых, бродячих и беззаконных детей, которых можно назвать источником 19-20 % преступлений, опустошающих столицу, насчитывается не менее ТРИДЦАТИ ТЫСЯЧ!

"Эти 30 000 человек совершенно независимы от числа простых детей-пауперов, которые толпятся на улицах Лондона и никогда не ходят в школу; но об этих последних здесь ничего не будет сказано.

- Итак, каковы занятия, жилища и привычки этих несчастных? Из 1600 человек, которые были допрошены, 162 признались, что они были в тюрьме не один и даже не два раза, а некоторые из них несколько раз; 116 убегали из своих домов; 170 ночевали в "ночлежных домах"; 253 жили нищенством; у 216 не было ни обуви, ни чулок; у 280 не было шляпы или чепца, или покрывала для головы; у 101 не было белья; 249 никогда не спали в постели; многие не помнили, чтобы когда-либо были в постели; 68 были детьми осужденных", — Т. i. 394.

В городах с промышленными районами, по словам того же автора, есть...

"Огромное количество подвалов под домами мелких лавочников и служащих, в которых обитают толпы бедняков. Каждый из этих подвалов содержит не более двух, а часто, а в некоторых городах вообще, только одну комнату. Площадь этих комнат в Ливерпуле составляет от 10 до 12 квадратных футов. В некоторых других городах они гораздо больше. Как правило, на них установлены флажки. Флажки лежат "прямо" на земле и, как правило, ужасно влажные. Во влажную погоду они очень часто не высыхают неделями подряд. В нескольких футах от окон этих подвалов возвышается стена, которая не дает улице проникать в них, затемняя мрачные комнаты и препятствуя проникновению в них солнечных лучей.

"Доктор Дункан, описывая подвалы промышленных районов, говорит[134]— "Подвалы имеют площадь десять или двенадцать футов; обычно они выложены плитняком, но часто имеют только голую землю в качестве пола и иногда менее шести футов в высоту. Часто здесь нет окон, так что свет и воздух могут попасть в подвал только через дверь, верхняя часть которой часто находится не выше уровня улицы. В таких подвалах о вентиляции не может быть и речи. Они, конечно, темные; и из-за плохого дренажа они также, как правило, очень влажные. Иногда задний подвал используется как спальное помещение, не имеющее прямого сообщения с внешней атмосферой и получающее скудный запас света и воздуха исключительно из передней квартиры". — Том i. 447.

"Один из городских миссионеров, описывая состояние Монетного двора в лондонском сити, говорит: "Совершенно невозможно описать сцены, свидетелями которых здесь можно стать, или представить в его обнаженном уродстве ужасные черты, которые здесь принимает грех. * *

**Только на Минт-стрит насчитывается девятнадцать меблированных комнат.*

Большинство этих последних являются ужасными притонами беззакония и используются как жилые дома. В некоторых из них оба пола спят вместе без разбора, и такие действия практикуются и засвидетельствованы, что женатые люди, которые в других отношениях ужасно развращены, были настолько шокированы, что были вынуждены встать ночью и уйти из дома. Многих полуголых самозванцев, которые разгуливают по улицам Лондона днем и добывают средства к существованию своим обманом, предварительно сбросив бинты, костыли и т. Д., Можно встретить здесь в их истинном обличье; некоторые развлекаются самым экстравагантным образом; другие играют в азартные игры или в карты, в то время как с их уст слетают наихудшие выражения. Ссоры и потасовки здесь очень распространены, и часто раздаются крики об убийстве. Трактиры на этой улице переполнены до отказа, особенно в субботний вечер.[135]

"В полицейских отчетах, опубликованных в газете "Сан" от 11 октября 1849 года, приводится следующий отчет о "дешевом ночлежном доме" в Блу-Энкор-Ярд, Розмари-лейн. Один из обследованных полицейских так описывает комнату в этом ночлежном доме: "Она была очень маленькой, чрезвычайно грязной, и в ней не было никакой подходящей мебели. *Шестнадцать мужчин, женщин и детей лежали на полу без покрывал. Некоторые из них были полуголыми.* За это жалкое убежище каждый жилец платил по пенни. Вонь стояла невыносимая, и помещение некоторое время не убирали.

"Если добавить ночных обитателей этих притонов к бродягам, которые ищут приюта в отделениях для бродяг работных домов, мы обнаружим, что по меньшей мере от 40 000 до 50 000 бродяг ежедневно наводняют наши дороги и переулки!" - Том i. 431.

В сельскохозяйственных районах целые семьи, мужья и жены, сыновья и дочери, невестки и шурины, спят вместе, и здесь мы находим источник необычайной безнравственности. "Счета, которые мы получаем", — говорит мистер Кей-

"Сообщения со всех концов страны показывают, что эти жалкие коттеджи переполнены до крайности и что скученность постепенно увеличивается. Люди обоего пола и всех возрастов, как состоящие в браке, так и неженатые — родители, братья, сестры и незнакомые люди — спят в одних и тех же комнатах и часто в одних и тех же кроватях. Один джентльмен рассказывает нам о шести людях разного пола и возраста, двое из которых были мужем и женой, спавших в одной постели: трое - головами вверх, а трое - головами в изножье кровати. Другой рассказывает нам о взрослых дядях и племянниках, спящих в одной комнате рядом друг с другом; другой о дядях и племянниках, спящих вместе в одной постели; другой о взрослых братьях и сестрах, спящих в одной комнате с братом и его женой, только что поженившимися; многие рассказывают нам о взрослых братьях и сестрах, спящих в одних кроватях; другой рассказывает нам о комнатах, настолько заставленных кроватями, что между ними нет свободного пространства, но что братья, сестры и родители полуголые переползают друг через друга, чтобы добраться до своих соответствующих мест отдыха; другой о том, что это обычное дело для мужчин и женщин, не являющихся родственниками, но раздеваться вместе в одной комнате, не чувствуя при этом никакой неделикатности; еще один из случаев, когда женщины принимали роды в спальнях,

переполненных мужчинами, молодыми женщинами и детьми; и другие упоминают факты об этих переполненных спальнях, слишком ужасные, чтобы на них ссылаться. Это не единичные случаи, но аналогичные сообщения приводят джентльмены, пишущие во ВСЕХ частях страны.

"Убогий характер домов нашего крестьянства сам по себе и независимо от причин, которые сделали дома такими убогими, ужасающим образом унижает и деморализует бедноту наших сельских округов. Это стимулирует нездоровый и неестественный рост населения. Молодые крестьяне с самых ранних лет привыкли спать в одних спальнях с людьми обоего пола, причем как с женатыми, так и с неженатыми. Поэтому они теряют всякое представление о неделикатности такой жизни. Они также знают, что они ничего не выиграют, откладывая свои браки и откладывая деньги; что для них невозможно получить лучшие дома, поступая таким образом; и что во многих случаях им приходится ждать много лет, прежде чем они смогут приобрести какой-либо отдельный дом. Они чувствуют, что если отложат свой брак на десять или пятнадцать лет, то по истечении этого периода окажутся точно в том же положении, что и раньше, и от ожидания им будет ничуть не лучше. Потеряв после этого всякую надежду на какое-либо улучшение своего социального положения и всякое чувство неделикатности приводить жену домой, в спальню, уже занятую родителями, братьями и сестрами, они рано женятся — часто, если не вообще, до двадцати лет, - и очень часто в течение первой части своей супружеской жизни занимают еще одну кровать в уже переполненной спальне своих родителей! Таким образом, разрушается нравственность крестьян; численность этого деградировавшего населения неестественно увеличивается, а их средства к существованию уменьшаются из—за растущей конкуренции со стороны их растущего числа". - Т. I. 472.

Необходимым следствием этой деморализации является то, что детоубийство распространено в такой степени, какой не существует ни в одной другой части цивилизованного мира. Лондонский лидер информирует своих читателей, что по недавнему случаю...

Коронер Лидса заявил, и хирург признал это вероятным, что, насколько можно было подсчитать, ежегодно в одном только Лидсе умирает около трехсот детей, которые не были зарегистрированы законом. Другими словами, триста младенцев были убиты, чтобы избежать последствий своей жизни, и эти убийства, как сказал коронер, так и не были обнаружены".

Теперь читатель может с пользой обратиться к уже приведенному отчету о состоянии образования в Лидсе[136] с целью установить интеллектуальное состояние женщин, виновных в таком грязном и противоестественном преступлении, как детоубийство. Сделав это, он обнаружит, что из тысячи восьмисот пятидесяти человек, вступивших в брак, были *тысяча двадцать, которые не могли подписать свои имена*— и это в центре цивилизации в середине девятнадцатого века!

Но вскоре после этого "Морнинг Кроникл" предоставила своим читателям список из двадцати двух судебных процессов только по делу об убийстве детей, о которых сообщалось в ее колонках, и это была лишь половина из тех, что состоялись за короткий период в двадцать семь дней! В том же случае в нем говорилось, что, хотя английский хулиган "не брался за нож", он

"Продвинулись в дьявольском умении откусывать носы и выколачивать глаза. Забить мужчину до смерти, когда он лежит, — продолжалось в нем, — или подобным образом обращаться с женой, растоптать врага или любовницу подбитыми ботинками, разбить женщине голову ручным утюгом - эти зверства, которые почти ежедневно происходят в наших городах, являются

не столько вменяемыми преступлениями, сколько экстравагантным преувеличением грубого, безжалостного, угрюмого нрава англичанина, обезображенного невежеством и одурманенного пьянством".

По тому же поводу в *Хронике* говорилось, что в деревнях в наши дни мало кто из молодых людей вступает в брак до тех пор, пока, как говорится, это "не стало необходимо". Это, по его словам, сельская практика - "поддерживать компанию в очень широком смысле до тех пор, пока колыбель не станет такой же необходимой, как кольцо". В другом, и совсем недавнем, случае тот же журнал представил своим читателям следующую поразительную иллюстрацию состояния нравов:

"В одном из недавних дел в Дорсетшире [об убийстве детей] общее дело было возбуждено девочками графства. Они присутствовали на суде в большом количестве; и нам сообщили, что при оправдании подсудимого в суде было заметно всеобщее выражение восторга; и они покинули город присяжных, хвастаясь, "что теперь они могут поступать, как им заблагорассудится". Тогда, похоже, мы, со всей нашей хваленой цивилизацией, возвращаемся к варварскому и дикому состоянию общества".

Чтобы не возникло предположения, что такое положение вещей было унаследовано, редактор заявил, что...

"Это плачевное состояние морали возникло сравнительно недавно. Пожилые люди, - продолжал он, - часто могут сказать, в каком году в их семьях произошел первый такой случай; и какое чувство стыда это тогда вызвало; в то же время они также скажут нам, что сейчас трудно найти скромную пару в деревенской жизни, для которой правила приличия и христианство не являются исключением. Это позорный факт, который должно учитывать образование, и особенно религиозное, — что сложилось такое моральное состояние, при котором больше нельзя говорить, что наших девушек выдают замуж".

Детоубийство, однако, совершается не только неженатыми. Похоронных клубов предостаточно. "В наших больших провинциальных городах, — говорит г-н Кей-

"У бедных есть привычка записывать своих детей в так называемые "похоронные клубы". Каждый год родитель выплачивает небольшую сумму, и это дает ему право на получение от 3 до 5 фунтов стерлингов. из клуба, после смерти ребенка. Многие родители записывают своих детей в несколько клубов. Известно, что один мужчина в Манчестере записывал своего ребенка *в девятнадцать* разных клубов. В случае смерти такого ребенка родитель получает право на получение крупной суммы денег; и поскольку похороны ребенка не обязательно стоят больше 1 фунта стерлингов или, самое большее, 1 10 фунтов стерлингов, родитель получает значительную сумму после того, как все расходы оплачены!

"Было четко установлено, что это обычная практика среди наиболее деградировавших слоев бедноты во многих наших городах - приводить своих младенцев в эти клубы, а затем вызывать их смерть либо от голода, жестокого обращения, либо от яда! Какой более ужасный симптом моральной деградации можно представить? Разум человека восстает против него, и он был бы рад отвергнуть его как чудовищную выдумку. Но, увы! кажется, что это слишком верно.

Мистер Чедвик говорит: "должностные лица этих похоронных обществ, сменяющие друг друга офицеры и другие лица, чьи административные обязанности позволяют им поддерживать связь

с низшими классами в этих округах" (производственных округах), "выражают свое моральное убеждение в том, что действие таких благотворительных фондов приводит к появлению примеров явного пренебрежения к детям, свидетелями которого они являются. Они часто говорят: "Вы неправильно обращаетесь с этим ребенком; он не выживет: *он в клубе?*" И ответ соответствует впечатлению, производимому зрелищем". — Том i. 433.

Комментируя эти и многочисленные другие факты подобного рода, тот же автор говорит:

"Эти рассказы действительно слишком ужасны, чтобы в них вообще можно было поверить; и если бы они не были предоставлены нам на основании такого большого опыта и доброжелательности, мы бы полностью дискредитировали их.

- Но, увы, это чистая правда! Не может быть никаких сомнений в том, что значительная часть беднейших классов нашей страны погрузилась в такую ужасающую пучину безнадежности, нищеты и крайней моральной деградации, что даже матери забывают о своей любви к своим беспомощным маленьким отпрыскам и убивают их, как мясник убивает своих ягнят, чтобы заработать деньги на убийстве и тем самым уменьшить их пауперизм и нищету?" — С. 446.

Насколько быстрым является прогресс деморализации, видно из того факта, что за тридцать лет, с 1821 по 1851 год, потребление британских спиртных напитков увеличилось с 4 125 616 до 9 595 368 галлонов, или в соотношении более чем вдвое превышающем потребление населением. Потребление опиума такжестремительно растет.[137] Невоздержанность и расточительность идут рука об руку друг с другом, и отсюда возникает необходимость в похоронных клубах для избавления от детей и содержания родителей.

Недавний английский журнал утверждает, что...

"Подсчитано, что в Манчестере насчитывается 1500 "несчастливых женщин"; что ежегодные расходы на них составляют 470 000 фунтов стерлингов; и что около 250 из них ежегодно умирают в ужасе и отчаянии. Подсчитано, что в Англии насчитывается 40 000 домов с дурной славой и 280 000 проституток; и, кроме того, ежегодно в этих местах тратится не менее 8 000 000 фунтов стерлингов".

Это может быть преувеличением, а может и нет, но состояние, до которого доведены столь многие представительницы слабого пола, дает нам основание ожидать глубокого упадка нравственности. Когда тяжелый труд не позволяет обеспечить себя достаточным количеством пищи, можем ли мы удивляться, что женщины оказываются вынужденными прибегать к проституции в качестве средства к существованию?

Комитет джентльменов, исследовавший положение лондонских швейниц, составил отчет, в котором говорилось, что не менее 33 000 из них "постоянно находились на грани голодной смерти" и были вынуждены прибегать к проституции как средству добывания средств к существованию. Но несколько недель назад *Times* сообщила своим читателям, что рубашки шьются по *пенни за штуку* женщинами, у которых нашлись иголки и нитки, а *Daily News* представила доказательства того, что у сотен молодых женщин не было выбора, кроме как заниматься проституцией или изготавливать искусственные цветы за *два пенса в день!* Ожидается, что молодые леди, стремящиеся стать гувернантками и способные давать разнообразные инструкции, будут удовлетворены зарплатой и обращением с поварятами, и им

будет трудно получить работу даже на таких условиях. Именно в таких фактах, подобных этим, мы должны искать причины тех, что приведены в предыдущем параграфе.

Если мы хотим узнать характер молодых, мы должны обратиться к характеру пожилых, и особенно к характеру матерей. Мы видим здесь кое-что о сотнях тысяч молодых женщин, которые должны пополнить будущее население Англии; и если характер последних соответствует характеру первых, с какой надеждой мы можем смотреть в будущее?

Ничто так полно не указывает на ухудшение состояния в результате этой непрекращающейся борьбы за жизнь, как жестокое обращение, которому подвергаются люди, нуждающиеся в помощи в своем бедственном положении. Случай такого рода, представленный *Times*, произошедший в Ламбетском работном доме, настолько убедительно указывает на упадок добрых и великодушных чувств, что, как бы долго это ни продолжалось, он приводится здесь:

"Бедное создание, молодая англичанка — конечно, она не негритянка, — с кучей промокших тряпок, облепивших ее дрожащее тело, со всеми признаками агонии и отчаяния на лице, поднимает руку к звонку. Она звонит еще и еще раз, и, наконец, появляется швейцар в сопровождении человека, находящегося под опекой, — его зовут Брук, — и он полицейский. Она умирает с голоду, она беременна и почти в родовых муках, но суровые чиновники не принимают ее. Почему? Потому что она пробыла в работном доме до утра прошлого вторника, а затем была выписана по "приказу стражей". И это еще не все. История о приходской щедрости еще и наполовину не рассказана. В течение того долгого дождливого вторника она бродила по округе. В этом огромном городе у нее не было ни одного друга, к которому она могла бы обратиться за малейшей помощью, и во вторник вечером она вернулась, чтобы еще раз попросить доброго приюта в приходском работном доме. Ибо все же в ту ночь она была принята, но на следующее утро снова выброшена в мир с куском сухого хлеба в руке. В среду повторилась та же сцена — те же бесплодные поиски пищи и крова, то же разочарование и то же отчаяние. Но Местечковая щедрость может зайти только так далеко, и не дальше. Сама Чарити была измучена назойливостью этой настойчивой нищенки, и в четверг вечером двери приходского работного дома наконец-то сурово захлопнулись у нее перед носом.

Но она была не одинока в своих страданиях. Вы могли бы предположить, что нищета Лондона — какой бы огромной, несомненно, ни была величина лондонской нищеты — не могла сравниться с ужасающим положением этого несчастного создания — без дома, без друга, без репутации, без крова, без куска пищи, — преданного своим соблазнителем, и отметины за последние двенадцать часов перед небесными шлюзами. * * * Может ли быть, что их двое? Да! Другая молодая женщина, оказавшаяся точно в такой же ситуации, стучится в дверь того же работного дома, и те же суровые стражи карманов налогоплательщиков отказывают ей во входе. Двое несчастных объединяют свои муки и отчаяние и отправляются на поиски какой-нибудь арки или укрытия, под которым они могли бы прятаться до тех пор, пока не погаснут газовые фонари и над их страданиями снова не забрезжит день. Что ж, они продолжали скитаться, пока одну из них, Сару Шерфорд, действительно не охватили родовые муки, и тогда они решили, пошатываясь, вернуться в работный дом; но дверь снова захлопнулась у них перед носом. Что же было делать? Их отогнали от дома, и они медленно продвигались вперед, без сомнения, со многими мучительными паузами, пока не встретились с полицейским, неким Дэниелом Донованом, который направил их к кофейне, где они могли надеяться получить убежище. Кофейня открывалась только в два часа, когда у них было убежище на два часа. Но в этот час их снова

выгнали, поскольку сторожу пришлось выйти на улицу со своим ларьком и заняться им. "В это время (мы здесь скопируем формулировку нашего отчета) Родовые схватки Шерфорд значительно усилились, и они снова поговорили с тем же полицейским, Донованом, и сказали ему, что, если ее не отправят в рабочий дом или какое-либо другое место, она должна родить своего младенца на улице. "Соответственно, Дэниел Донован снова доставил двух несчастных в рабочий дом в 4 часа утра. "Дежуривший там полицейский, - сказал этот свидетель, - сказал ему, что они были там раньше, и, казалось, у него были некоторые колебания, стоит ли их впускать, но когда ему сказали, что один из них при родах, он впустил их".

Какое рабство может быть хуже этого? Вот молодые женщины, женщины в бедственном положении, умирающие от голода и почти изнемогающие от родовых мук, которых гоняют от столба к столбу и от столба к столбу, днем и ночью, совершенно неспособные получить хоть малейшую помощь. Несомненно, было бы трудно найти что-либо равное этому в любой другой стране, претендующей на место среди цивилизованных наций мира.

На момент написания этой страницы английский журнал сообщает о случае смерти от голода и завершает свой отчет следующим абзацем, поразительно иллюстрирующим естественное положение вещей, когда каждый человек "пытается выжить, вырывая хлеб изо рта своего соседа".

"Вряд ли возможно представить себе более ужасный случай. Рослый, крепко сложенный мужчина в расцвете сил - его долгое мученическое паломничество из Лондона в Стоуни—Стратфорд - его жалкие призывы о помощи к "*цивилизации*" вокруг него — его семидневный пост — его жестокое оставление ближними — его поиски убежища и изгнание из места упокоения в место упокоения - венец бесчеловечности человека по имени Слэйд и терпеливая, жалкая смерть измученного человека — картина, совершенно удивительная для созерцания.

"Без сомнения, он посягнул на права собственности, когда искал убежища в сарае и в одиноком амбаре!!!"

Таким образом, описываются последние события, связанные с Бетлемской больницей:—

"Некоторые случаи жестокости, выявленные экспертами, слишком отвратительны, чтобы их можно было описать. Похоже, что неизлечимые содержатся в камерах, частично расположенных под землей, где их единственными раковинами являются корыта, наполненные соломой и накрытые одеялом. На этих жалких постелях, худших, чем многие, которые человек дает своей лошади или собаке, жертвы лежат в самую холодную погоду без ночной одежды, часто зарываясь в солому, чтобы согреться. Этих бедных несчастных также часто кормят способом столь же отвратительным, сколь и жестоким: одна из медсестер укладывает их на спину и удерживает, в то время как другая насильно запихивает им в рот хлеб и молоко, которые являются их обычной пищей. Эта отвратительная практика принята для экономии времени, поскольку под присягой было доказано, что пациенты, получавшие такое лечение, принимали пищу самостоятельно, если им предоставлялся достаточный досуг. Слабоумных пациентов, вместо того чтобы помыть с соблюдением приличий, как того требуют гуманность и здоровье, бросают на каменный пол в обнаженном виде, и медсестры вытирают их там. Подобные вещи казались бы невероятными, если бы они не были доказаны под присягой. Некоторые из тех, кто не был неизлечим, подвергшись такому лечению, разоблачили эти зверства после их

выздоровления; и результатом стало расследование, которое привело к открытию отвратительного способа, которым осуществлялась эта обширная благотворительность".

Все это является необходимым следствием универсального торгового духа. Впервые в истории мира в Англии было провозглашено, что первостепенный объект вожделения людей великой христианской нации - покупать дешево и продавать дорого; и когда люди оказываются в целях самозащиты вынужденными вымогать у бедной швейницы пенни за то, что она сшила рубашку, или у бедной цветочницы зарплату настолько низкую, что она вынуждена прибегать к проституции с целью поддержания жизни, от них нельзя ожидать ни милосердия самих, ни того, что они потерпят много милосердия от государственных служащих, которым поручено расходовать их взносы. Следовательно, повсюду можно увидеть некоторую суровость в обращении с теми, кто имеет несчастье быть бедным, и некоторую степень презрения в речевых оборотах, принятых по отношению к ним, что совершенно несовместимо с идеей прогресса *вреальной* цивилизации.

* * * * *

Приведенные до сих пор факты, как мог убедиться читатель, основаны на высочайшем английском авторитете. Едва ли возможно изучать их, не придя к выводу, что трудящиеся Англии постепенно теряют всякий контроль над распределением своего собственного труда — или, другими словами, что они становятся поработченными — и что с упадком свободы происходит упадок морали, подобный тому, который наблюдался во всех других странах с аналогичными обстоятельствами. Чтобы выяснить причину этого, мы должны снова обратиться к Адаму Смиту, который говорит нам, что...

"Никакое равное количество производительного труда или капитала, применяемого в мануфактуре, никогда не может обеспечить такого большого воспроизводства, как если бы оно применялось в сельском хозяйстве. В них природа ничего не делает, человек делает все, и размножение всегда должно быть пропорционально силе факторов, которые его вызывают. Следовательно, капитал, применяемый в сельском хозяйстве, не только приводит в движение большее количество производительного труда, чем любой равный капитал, применяемый в мануфактуре; но и пропорционально количеству производительного труда, которое он применяет, он придает гораздо большую стоимость годовой стоимости земли и труда страны, реальному богатству и доходу ее жителей. Из всех способов использования капитала это, безусловно, самый выгодный для общества".

Это отправная точка всей его системы, прямо противоположная той, с которой начинается современная английская политико-экономическая школа, заявляющая, что следует по его стопам, как сейчас будет показано. Приведенный здесь отрывок, который действительно составляет основу, на которой покоится вся структура работы доктора Смита, рассматривается мистером Маккалохом как "наиболее предосудительный" в ней, и он выражает большое удивление тем, что "столь пронизательный логик должен был поддерживать доктрину, столь явно ошибочную". "Действительно, пока", — говорит этот джентльмен -

"Неужели из-за того, что природа много делает для человека в сельском хозяйстве и ничего для мануфактур, факт скорее обратный? Нет пределов щедрости природы в промышленности; но есть пределы, и не очень отдаленные, ее щедрости в сельском хозяйстве. Максимально возможное количество капитала могло бы быть затрачено на постройку паровых машин или

любого другого вида механизмов, и после того, как они были бы неограниченно умножены, последние стали бы такими же быстрыми и эффективными в производстве товаров и экономии труда, как и первые. Однако в случае с почвой дело обстоит иначе. Земли высшего качества быстро истощаются; и невозможно бесконечно применять капитал даже к лучшим почвам, не получая от этого постоянно уменьшающейся нормы прибыли". —*Принципы политической экономии*.

Ошибка здесь проистекает из общей ошибки системы мистера Рикардо, которая помещает бедного земледельца на богатые почвы болот и речных низин, а его богатых преемников отправляет на бедные почвы холмов, что прямо противоположно тому, что происходило в каждой стране мира, в каждом графстве Англии и на каждой ферме в каждом из этих графств.[138] Если бы м-р Мак-Каллох не был введен в заблуждение идеей "постоянно возрастающей стерильности почвы", он не мог бы не видеть, что единственное преимущество, получаемое от использования паровой машины, или ткацкого станка, или любой другой машины, используемой для переработки продуктов земли, заключалось в том, что это уменьшало количество труда, необходимого для такого приложения, и увеличивало количество, которое могло быть отдано производственной работе.

Совершенно верно, что количество тачек и телег, фургонов и кораблей может увеличиваться бесконечно; но какая от них может быть польза, если сначала не будут произведены предметы, которые нужно перевозить, и откуда эти предметы можно получить, кроме как из земли? Мельница полезна при условии, что есть зерно для помола, но не иначе. Хлопчатобумажная фабрика была бы бесполезна, если бы хлопок не производился первым. Сельское хозяйство должно предшествовать мануфактурному производству, и последней, по словам доктора Смита, идет внешняя торговля.[139]

Перед читателем находится отрывок из м-ра Дж.С. Милля, в котором этот джентльмен говорит, что "если бы закон [о захвате земли] был другим, почти все явления производства и распределения богатства отличались бы от того, что они представляют собой сейчас". Во времена Адама Смита еще не предполагалось, что люди начинали с обработки богатых почв, а затем переходили к бедным, имея постоянно убывающую способность добывать пищу. Таким образом, население не стало рассматриваться как "неприятность", которую следует устранять любыми мерами, какими бы отвратительными они ни были, и которые навязывают христианам необходимость ожесточать свои сердца, и позволять своим ближним страдать от всех форм нищеты и невзгод, "за исключением абсолютной смерти", с целью вызвать необходимость воздерживаться от удовлетворения той естественной склонности, которая побуждает мужчин и женщин общаться таким образом, чтобы способствовать росту численности и развитию лучших чувств человеческого сердца. Тогда считалось правильным, что мужчины и женщины должны вступать в брак, а увеличение численности населения рассматривалось как свидетельство увеличения богатства и силы. Таким образом, доктор Смит взглянул на мир таким, каков он есть, и увидел, что производство товаров не только предшествовало их обращению и обмену, но и что в процессе производства земля помогала человеку, увеличивая количество потребляемых вещей; тогда как труд, применяемый другими способами, мог изменять их только в их *форме* или в их *месте*, не увеличивая их количества. Поэтому он ясно видел, что чем ближе прядильщик и ткач будут подходить к производителю продуктов питания и шерсти, тем большее количество продуктов питания и ткани придется делить между ними; и это привело его к пониманию того, насколько великим актом несправедливости было со стороны его соотечественников пытаться

заставить людей всего мира отправлять им свое сырье для переработки при таких огромных транспортных потерях. Он не верил в производительную силу кораблей или повозок. Он знал, что бочка с мукой или тюк хлопка, погруженный на корабль, выходит бочонком с мукой или тюком хлопка, вес которых не увеличился из-за труда, затраченного на транспортировку их с места производства к месту потребления. Он ясно видел, что поставить потребителя рядом с производителем означало бы сэкономить рабочую силу и помочь производству, а следовательно, увеличить возможности торговли. Поэтому он был сторонником местного применения труда и капитала, с помощью которого города должны расти среди производителей продуктов питания; и он полагал, что если бы "человеческие институты" не находились в противоречии с наилучшими интересами человека, эти города "нигде не выросли бы сверх того, что могло обеспечить улучшение и возделывание территории, на которой они расположены". Все это сильно отличается от системы, которая превращает Лондон, Ливерпуль, Манчестер и Бирмингем в производственные центры мира и призывает все страны к принятию системы, направленной непосредственно на их поддержание и приумножение!

Прямо противоположный в этом отношении доктору Смиту, мистер Маккалох безгранично верит в производительную силу судов и фургонов. Для него —

"Очевидно, что капитал и труд, затрачиваемые на транспортировку товаров оттуда, где они должны быть произведены, туда, где они должны быть потреблены, и на разделение их на мельчайшие порции, чтобы удовлетворить потребности потребителей, в действительности столь же производительны, как если бы они использовались в сельском хозяйстве или в мануфактурах".—*Принципы*, 166.

Человек, который несет еду, добавляет, как он, по-видимому, думает, столько же к потребляемому количеству, сколько и тот, кто вспахал землю и посеял семена; а тот, кто стоит у прилавка и отмеряет ткань, добавляет столько же к количеству ткани, сколько и тот, кто ее произвел. По его мнению, никакая выгода не вытекает из какой-либо экономии труда при транспортировке или обмене. Следовательно, он не верит в преимущества, которые можно извлечь из местного применения труда или капитала. Он считает, что для ирландского фермера не имеет значения, потребляется ли его пища на ферме или на расстоянии от нее, скормливается ли его трава на земле или везется на рынок, возвращается ли навоз на землю или выбрасывается на дорогу, — обедняется ли, конечно, земля или обогащается. Он даже склонен полагать, что жителям этой страны часто выгоднее, чтобы произведенная там пища делилась между рабочими Франции или Италии, а не между ними самими.[140]

Он верит в преимущество больших промышленных городов, расположенных вдали от тех, кто производит продовольствие и сырье для мануфактуры; и что совершенная свобода торговли заключается в спокойном подчинении фермеров и плантаторов всего мира работе системы, которая, по мнению доктора Смита, настолько сильно ведет к "упадку сельского хозяйства", что главной целью его работы было научить народ Британии, что это не более несправедливо по отношению к другим, чем вредно для них самих.

В работе, только что вышедшей из печати, мистер Маккалох сообщает своим читателям, что...

"По изложенным сейчас причинам деревня, построенная в непосредственной близости от резиденции джентльмена, обычно приходит в упадок, когда он становится отсутствующим. Однако в большинстве случаев это что угодно, только не вред. Жители таких деревень, как

правило, бедны, находятся на иждивении, лишены какой-либо изобретательности и не желают выделяться. Но когда собственники находятся в другом месте, они вынуждены полагаться на свои собственные ресурсы и либо основывать какое-либо производство, либо прибегать к тем промышленным и коммерческим городам, где *всегда* существует постоянный спрос на рабочих и где наверняка проявится каждая скрытая искра гения. Таким образом, хотя, безусловно, верно, что прогулы имеют тенденцию уменьшать количество деревень, расположенных по соседству с резиденциями крупных собственников, это не наносит ущерба стране в целом, а наоборот ".[141]

Здесь видно, что люди, владеющие большими поместьями, должны быть окружены "бедными и нуждающимися иждивенцами", которых давление нужды должно побуждать к действию, и что это давление должно быть вызвано отсутствием владельца. Здесь мы имеем хозяина, избивающего плетью своего бедного раба, и единственная разница между английским хозяином и ямайским, по-видимому, заключается в том, что прогулы в одном случае вынуждают бедного работника бродить по переулкам большого города, а в другом - заставляют его работать до смерти. Рабство в Ирландии, Ямайке и Индии является естественным следствием абсентеизма крупных землевладельцев; и чем крупнее владения, тем сильнее должна быть тенденция к абсентеизму, централизации и рабству; и все же м-р Маккалох уверяет своих читателей, что

"Преимущество сохранения крупных поместий от растраты по схеме равного раздела не ограничивается их воздействием на младших детей их владельцев. Это повсеместно повышает уровень компетентности и придает новую силу пружинам, приводящим индустрию в движение. Образ жизни крупных землевладельцев таков, что каждый стремится иметь возможность себе потворствовать; и их привычка к расходам, хотя и несколько вредная для них самих, действует как мощный стимул для изобретательности и предприимчивости других классов, которые никогда не считают свое состояние достаточно достаточным, если оно не позволит им сравняться с великолепием богатейших землевладельцев; так что обычай первородства, по—видимому, делает все классы более трудолюбивыми и в то же время увеличивает массу богатства и масштабы наслаждений ". -*Принципы*.

Современная система неизбежно стремится к консолидации земель, и чем полнее может быть достигнута эта цель, тем больше должно быть "великолепия богатейших землевладельцев", тем больше склонности к расходованию у немногих, тем больше их способности самоустраняться, тем больше могущества алчного посредника или агента, тем больше бедности и убожества у "бедных и нуждающихся иждивенцев" и тем больше необходимость искать убежища в подвалах Манчестера, виндзорах Глазго или публичных домах Лондона и Ливерпуля; но чем больше должно быть предложение товара, называемого "дешевой рабочей силой". Другими словами, рабов станет больше, а хозяева будут иметь больше возможностей решать, чем будет заниматься работник и каково будет его вознаграждение.

Адам Смит ничего не знал обо всем этом. Он видел, что капиталом всегда лучше всего управляет его владелец, и поэтому не верил во всеобщую систему агентов. Он видел, что мелкий собственник был, безусловно, величайшим улучшателем, и он не верил в преимущества крупных фермеров, окруженных поденщиками. Он верил в преимущество совершения двенадцати обменов в год вместо одного и ясно видел, что чем ближе потребитель сможет подойти к производителю, тем масштабнее и прибыльнее будет торговля. Поэтому он учил, что

рабочий должен идти туда, где при изобилии пищи умеренный труд потребовал бы много пищи. Его преемники учат, что продовольствие должно поступать туда, где при изобилии людей и недостатке пищи большой труд потребует мало продовольствия, и что, когда население, таким образом, станет избыточным, излишки должны уйти за границу, чтобы добыть больше продовольствия для тех, кого они оставили позади. Первый учит концентрации человека *иместному* разделению труда. Другой - рассредоточение людей и *территориальное* разделение труда. Таким образом, они различаются во всем, за исключением того, что оба используют слово свободная торговля - но применительно к совершенно разным идеям. Для первого КОММЕРЦИЯ имеет то расширенное значение, которое охватывает каждое описание общения, возникающее в результате проявления "естественной склонности человека" к общению, в то время как для другого ТОРГОВЛЯ не имеет отношения ни к какой идее, кроме идеи простого корабейника, который покупает на самом дешевом рынке и продает на самом дорогом. Система единого совершенно гармонична и стремится к миру между людьми. Другой - это масса разногласий, ведущих к войне между людьми и нациями земли.

В обычном употреблении слово "Коммерция" едва ли имеет какое-либо значение, кроме торговли с отдаленными людьми, и все же это наименее прибыльная торговля, которую можно поддерживать, — в чем читатель может убедиться, если подумает, что, когда мельник и фермер являются близкими соседями, они делят между собой всю произведенную муку, тогда как, когда они далеко друг от друга, третий человек, перевозчик, встает между ними и забирает большую ее часть, оставляя меньше для дележа между теми, кто выращивает пшеницу, и теми, кто перерабатывает ее в муку. Чем совершеннее сила ассоциации, тем большей должна быть сила для поддержания коммерции, ибо *каждый акт ассоциации является актом коммерции*, как сейчас предлагается показать, начиная с самого начала, с семьи, которая задолго до нации. Поступая таким образом, мы обнаруживаем, что муж обменивает свои услуги по выращиванию продуктов питания и материалов для одежды на услуги своей жены, занятой приготовлением пищи к столу и переработкой сырья в одежду, — и вот оно, величайшее из всех ремесел. Из всего труда, занятого на фермах и в фермерских домах Союза, мы бы, если бы могли получить точную информацию, обнаружили, что доля его продуктов, обмениваемых за пределами их собственных пределов, едва превышала одну треть и, безусловно, была намного меньше половины, остальная часть направлялась на выращивание продуктов питания и сырья для их собственного потребления и преобразование этих продуктов питания и этих материалов в формы, подходящие для их собственного использования.

На следующем этапе мы оказываемся в небольшом сообществе, частью которого является владелец этой фермы; и здесь мы обнаруживаем, что фермер обменивает свою пшеницу с одним соседом на дневной труд — использование его повозки и лошади в другие дни работы — свою картошку с третьим на подковку своей лошади, а с четвертым на подковывание себя и своих детей или на пошив своего пальто. В один прекрасный день у него или его семьи появляется лишний труд, и они передают его соседу, чтобы тот оплатил им трудом в другой день. Одному требуется помощь весной, другому осенью; один отдает дневную работу по перевозке леса в обмен на работу другого, занятого добычей угля или железной руды. Другой обменивает труд, затраченный на покупку плуга, на труд своего соседа, затраченный на покупку люльки. Обмены, таким образом, осуществляются на месте, из часа в час и изо дня в день, при незначительном вмешательстве лиц, чьим бизнесом является торговля, или вообще без него, их объем велик и, в сочетании с семейными, составляет, вероятно, четыре пятых всего продукта общественного труда, оставляя не более одной пятой для обмена с отдаленными людьми; и эта

пропорция часто значительно уменьшается, поскольку с увеличением населения и богатства на земле создается рынок для продуктов земли.

Это маленькое сообщество является частью более крупного сообщества, именуемого нацией, члены которого удалены друг от друга на сотни или тысячи миль, и здесь мы сталкиваемся с трудностями, которые в значительной степени ограничивают возможности торговли. У человека на 40 ° широты может быть рабочая сила на продажу, на которую он не может найти покупателя, в то время как тот, кто живет на 50 ° широты, в данный момент скорбит, видя, как его урожай гибнет на земле из-за отсутствия помощи при уборке урожая. У первого может гнить картофель, а его фургон и лошади простаивать, в то время как второму может понадобиться картофель, а у него могут быть заготовки леса из-за отсутствия транспортных средств — однако расстояние запрещает обмен между ними.

Опять же, эта нация является частью мира, жители которого удалены друг от друга на десятки тысяч миль и совершенно неспособны осуществлять обмен рабочей силой или даже товарами, за исключением определенных видов, которые можно транспортировать на отдаленные рынки. Следовательно, торговля имеет тенденцию уменьшаться в своих размерах с каждым обстоятельством, имеющим тенденцию увеличивать необходимость преодолевать расстояние, и увеличиваться в размерах с каждым обстоятельством, имеющим тенденцию уменьшать расстояние, в пределах которого она должна поддерживаться. В нынешнем виде, учитывая большие фермерские интересы Союза, пропорции, вероятно, следующие:—

Обмены в семье.....	55 в процентах.
"по соседству".....	25 "
" в стране".....	15 "
" с другими нациями".....	5 "
-	
Всего.....	100

Теперь будет очевидно, что любой закон, внутренний или иностранный, имеющий тенденцию вмешиваться в обмены между семьей или соседями, имел бы более серьезное значение, чем тот, который должен в той же степени затрагивать обмены с остальной частью нации, а тот, который должен затрагивать торговлю одной части нации с другой, был бы более вредным, чем тот, который должен иметь тенденцию ограничивать торговлю с отдаленными странами. Япония отказывается иметь сношения ни с Европой, ни с Америкой, однако этот полный запрет торговли с великой империей менее важен для фермеров Союза, чем введение пошлины в размере одного фартинга за бушель на растительные продукты, выращиваемые на их фермах для потребления их семьями.

Самая крупная торговля - это внутренняя торговля, и чем больше тенденция к ведению торговли внутри страны, тем быстрее будет возрастать благосостояние и тем больше возможностей для осуществления обменов за границей. Причину этого следует искать в том факте, что производительная сила возрастает с увеличением силы комбинированного усилия, а всякая комбинация представляет собой обмен труда на труд, причем обмен производится дома. Чем больше обменов совершается таким образом, тем меньше число людей, повозок, кораблей или матросов, занятых в их производстве, и тем больше число лиц, занятых в производственном труде, с увеличением количества производимых товаров, и *способность* к обмену растет

вместе с способностью производить, в то время как способность производить уменьшается с каждым увеличением *необходимости* в обмене. Опять же, когда работа обмена выполняется дома, способность комбинирования облегчает распоряжение огромным количеством труда, который в противном случае был бы потрачен впустую, и бесконечным количеством вещей, которые в противном случае не имели бы никакой ценности, но которых в сочетании с сэкономленным трудом вполне достаточно, чтобы сделать одно сообщество богатым по сравнению с другим, в котором такая экономия невозможна. Вирджиния тратит впустую больше рабочей силы и товаров, которые имели бы ценность в Новой Англии, чем можно было бы заплатить в пять раз больше за все ткани и железо, которые она потребляет.

Опять же, количество капитала, необходимого для осуществления обмена, имеет тенденцию уменьшаться по мере приближения торговли к дому. Корабль, идущий в Китай, совершает за год не больше обменов, чем пароход по каналу, курсирующий из города в город, совершает за месяц; а маленький и недорогой железнодорожный вагон, курсирующий из деревни в деревню, может совершить почти вдвое больше обменов, чем хороший пакетбот, который стоит девяносто или сто тысяч долларов. С расширением внутренней торговли труд и капитал становятся, следовательно, более производительными в производстве товаров, необходимых для поддержания и комфорта человека, и заработная плата рабочего и прибыль капиталиста имеют тенденцию к увеличению, а торговля имеет тенденцию к еще большему увеличению. С другой стороны, с уменьшением способности производить обмен внутри страны труд и капитал становятся менее производительными в производстве товаров; заработная плата рабочего и прибыль капиталиста имеют тенденцию к снижению, а торговля имеет тенденцию к еще большему сокращению. Все это будет полностью продемонстрировано нами при сравнении 1835-36 годов с 1841-42 годами, в то время как противоположная и восходящая тенденция проиллюстрирована 1845-6 и 7 годами по сравнению с 1841-2 годами.

Однако модная доктрина наших дней заключается в том, что процветание нации должно измеряться объемом ее торговли с отдаленными народами, о чем свидетельствуют таможенные декларации, а не количеством обменов между людьми, которые живут рядом друг с другом и которые торгуют без вмешательства судов и практически не нуждаются в пароходах или повозках. Если торговля по соседству прекращается из—за выхода из строя печи или мельницы, и рабочий, таким образом, лишается возможности продавать труд самого себя или своих детей, или фермер лишается возможности продавать свои продукты питания, утешение можно найти в возросшем количестве экспортных товаров, что *само по себе, возможно, прямое следствие снижения способности потреблять дома*. Если суда по каналу перестанут строиться, считается, что нация обогатилась за счет замены их океанскими пароходами, требующими в пятьдесят раз большего капитала для осуществления того же количества обменов. Если выход из строя мельниц и печей приводит к увольнению людей с работы, средство должно быть найдено не в пересмотре мер, которые привели к этим последствиям, а в вывозе самих людей в отдаленные страны, что приводит к необходимости постоянного использования кораблей вместо судов, курсирующих по каналам, с уменьшением возможностей для поддержания торговли, и каждое увеличение этой *необходимости* рассматривается как свидетельство роста богатства и власти.

Вся тенденция современной коммерческой политики заключается в замене отдаленного рынка ближним. Англия экспортирует своих людей в Австралию, чтобы они могли выращивать там шерсть, которую можно было бы выращивать дома дешевле; и мы экспортируем в Калифорнию сотнями тысяч людей, которые получают удовольствие от охоты за золотом, оставляя позади себя нетронутыми настоящие золотые прииски — угольные и железные, — на которых их труд был бы в три раза производительнее. Отчеты покойного министра финансов изобилуют предположениями относительно ценности дальней торговли. По его мнению, пароходы были необходимы для того, чтобы мы могли получить контроль над торговлей Китая и Японии. "Имея наш фронт на обоих океанах и в Персидском заливе, - считалось, - мы могли бы обеспечить эту торговлю, а вместе с ней, со временем, контролировать торговлю во всем мире". Англия, не желающая отставать в этой гонке за "мировой торговлей", постоянно пополняет свой флот океанских пароходов, и правительство вносит свою лепту в их содержание, выплачивая огромные суммы, отнимаемые у населения дома, и уменьшая внутренний рынок втрое в той степени, в какой это увеличивает внешний. Последние отчеты сообщают нам о новых договоренностях, которые вот-вот будут приняты с целью конкуренции с этой страной за пассажирские перевозки в тропики и внутри них, в то время как величайшей из всех профессий, которые сейчас остались у британских судов, является перевозка британских мужчин, женщин и детей, облагаемых дома такими высокими налогами на поддержание этой самой системы, что они вынуждены искать убежища за границей. Во всем этом нет ничего похожего на свободу торговли или свободу человека; поскольку единственное реальное различие между свободным человеком и рабом состоит в том, что первый обменивает себя, свой труд и свои продукты, в то время как второй должен позволять другому делать это за него.

Мистер Маккалох считает себя учеником Адама Смита, как и лорд Джон Рассел. Мы тоже являемся его учениками, но в *"Богатстве народов"* не можем найти оправдания системе, которую отстаивает ни тот, ни другой. Система доктора Смита имела тенденцию к созданию той естественной свободы торговли, каждый шаг к которой сопровождался бы улучшением положения людей и увеличением *возможностей для торговли*, что являлось бы убедительным доказательством обоснованности доктрины; тогда как каждый шаг в направлении, известном сейчас как свободная торговля, сопровождается ухудшением условий и *возросшей потребностью* в торговле при *уменьшении возможностей для торговли*. Те, кто называет себя его последователями и полагает, что они следуют его принципам, находят результаты, прямо противоположные их ожиданиям; и причину этого легко можно найти в том факте, что английская школа политэкономов давно отвергла всю систему доктора Смита, сохранив от нее немногим больше, чем *простые слова* "свободная торговля".

Основу любой торговли следует искать в производстве, и поэтому доктор Смит рассматривал сельское хозяйство, науку о производстве, как первое занятие человека, а мануфактуру и торговлю как полезные только в той мере, в какой они способствуют сельскому хозяйству и увеличивают количество товаров, подлежащих переработке или обмену, перед их потреблением. Следовательно, он считал, что отдача от труда была бы большей в торговле, в которой обмены могли производиться раз в месяц, чем в другой, в которой они могли производиться только раз в год, и он был против существовавшей тогда системы, потому что она "во всех случаях" превращала торговлю в

"Из внешней торговли потреблением с соседней страной в торговлю с более отдаленной страной; во многих случаях из прямой внешней торговли потреблением в обходную; а в

некоторых случаях из всей внешней торговли потреблением в транзитную. Следовательно, во всех случаях, - продолжает он, - оно повернуло экономику от направления, в котором она могла бы поддерживать большее количество производительного труда, к направлению, в котором она может поддерживать гораздо меньшее количество".

Все это прямо противоположно тому, чему учат современные британские экономисты; и, таким образом, мы имеем две различные школы: школу Адама Смита и школу его преемников. Первый учил, что труд, непосредственно применяемый к производству, является наиболее выгодным, и что, если заставить потребителя занять его место рядом с производителем, производство и, как следствие, возможность торговли будут увеличены. Другой учит, что всякое увеличение капитала или труда, применяемого к производству, должно сопровождаться уменьшением отдачи, тогда как количество судов и паровых машин может увеличиваться *до бесконечности* без такого уменьшения: необходимый вывод из этого состоит в том, что чем шире разделены потребитель и производитель при возрастающей необходимости использования судов и двигателей, тем выгоднее будет применяться труд и тем больше будет возможностей для торговли. Эти две системы исходят из разных оснований и развиваются в противоположных направлениях, и все же современная школа называет доктора Смита основателем. Излагая совершенно иную теорию производства, м-р Маккалох сообщает нам, что "фундаментальные принципы, от которых зависит *производство* богатства", были установлены доктором Смитом, "не поддающиеся придирам или спорам".

Разницу между двумя школами можно проиллюстрировать следующим образом: доктор Смит рассматривал коммерцию как формирующую настоящую пирамиду, таким образом...

Обмены за границей.
Обмены дома.
Переработка в ткань и железо.
Производство продуктов питания и другого сырья.

Это в точном соответствии с тем, что мы считаем правдой; но, согласно современной школе, коммерция образует перевернутую пирамиду, таким образом...

Обмены с удаленными мужчинами.
Обмены дома.
Конверсия.
Производство.

Разница между этими цифрами велика, но не больше, чем разница между двумя системами, одна из которых рассматривает землю как огромную и постоянно совершенствующуюся машину, к которой может быть с пользой применен труд человека, в то время как другая отдает предпочтение тем очень малым и постоянно ухудшающимся ее частям, которые идут на строительство кораблей, повозок и паровых двигателей. Изучение этих цифр, возможно, позволит читателю понять причину нестабильности, наблюдаемой везде, где применяется современная система.

* * * * *

Теперь будет легко понять, почему торговая политика Англии всегда была столь диаметрально противоположна той, которую отстаивал автор книги *"Богатство наций"*. Он ясно видел, что человек и легко транспортируемое веретено должны идти в пищу и на хлопок, и что, оказавшись там, "они были там навсегда; в то время как крупногабаритные продукты питания и хлопок могли доставляться человеку и на веретено в течение тысячи лет, и что потребность в транспортировке в тысяча первом была бы такой же большой, как и в первом; и что чем больше требовалось транспортировки, тем меньше еды и ткани выпадало бы на долю как производителя, так и потребителя. Его соотечественники отрицали истинность этого, и с того дня по настоящее время они пытались помешать другим нациям мира обзавестись машинами любого рода, которые позволили бы им заручиться помощью тех природных агентов, которые они сами считают более полезными, чем сама земля. "Сила воды", — говорит мистер Маккалох,

-
"А ветер, который приводит в движение наши механизмы, поддерживает наши корабли и гонит их по безднам, давление атмосферы и эластичность пара, которые позволяют нам приводить в действие самые мощные двигатели, разве они не спонтанные дары природы? Машинное оборудование выгодно только потому, что оно дает нам средства привлечь к нашей службе некоторые силы природы и заставить их выполнять основную часть того, что в противном случае мы должны были бы полностью выполнять сами. Можно ли сомневаться в том, что в навигации силы природы — плавучесть воды, порыв ветра и полярность магнита — вносят такой же вклад, как и труды моряка, в перемещение наших кораблей из одного полушария в другое? При отбеливании и ферментации все процессы осуществляются с помощью натуральных веществ. И именно воздействию тепла при размягчении и плавлении металлов, приготовлении пищи и обогреве наших домов мы обязаны многими из наших самых мощных и удобных инструментов, а также тому, что северный климат был создан для создания комфортного жилья".—*Принципы*, 165.

Все это в высшей степени верно, но что это доказывает в отношении британской политики? Разве его целью не было помешать людям мира воспользоваться обширными месторождениями железной руды и топлива по всей земле и, таким образом, лишить их возможности призвать себе на помощь давление атмосферы и эластичность пара? Разве это не означало лишения их всякой возможности пользоваться природными средствами, необходимыми в процессах отбеливания и ферментации, размягчения древесины и плавки металлов, и разве не эту цель имел в виду выдающийся государственный деятель, начиная с канцлера Англии, когда он сказал, что "страна вполне могла бы позволить себе убытки, возникающие в результате экспорта промышленных товаров, поскольку это привело бы к удушению в колыбели промышленности других наций"? Разве это не было целью каждого движения Великобритании со времен Адама Смита, и разве следующая диаграмма не отражает точно, каким было бы положение дел, если бы она могла полностью реализовать свое желание стать "мастерской мира"?

\Британские корабли/

Производители сырья \ / Потребители тканей и железа

Европа, Азия, Африка > < в Европе, Азии, Африке

Америка / \ Северная и Южная Америка

/ И рельсы

Мистер Маккалох настаивает на том, что сельское хозяйство менее прибыльно, чем мануфактуры и торговля, а его соотечественники настаивают на том, что весь мир за пределами Англии должен стать одной большой фермой, оставляя самой Англии использование всех различных природных агентов, необходимых в мануфактурах и торговле, чтобы они оставались бедными, пока она становится богатой. Во всем этом есть несравнимая степень эгоизма, особенно если учесть, что он предполагает необходимость со стороны всех других наций воздерживаться от научных занятий, необходимых для развития интеллекта, и которые так естественно сопровождают привычку к объединению в городах с целью превращения пищи, шерсти, шкур и древесины фермера в одежду и мебель для его использования. Это политика варварства, прямо противоположная любому прогрессу цивилизации, в чем мы полностью убедимся, когда рассмотрим ее действие применительно к любой конкретной отрасли или стране.

Среднегодовое производство хлопка составляет, вероятно, тысячу семьсот миллионов фунтов, или менее двух фунтов на душу населения мира; и, конечно, они не могли бы найти средств для оплаты того, что потреблялось бы; и не одну десятую того, что было бы полезно для них; и все же это наркотик, который продается в Индии по два-три цента за фунт и стоит здесь в данный момент, несмотря на обилие золота, всего восемь или девять центов, с уверенностью, что, если мы снова будем облагодетельствованы, как это было несколько лет назад, чередой новых центов. при больших урожаях она упадет до более низкой точки, чем когда-либо прежде: такое положение вещей не могло бы существовать, если бы люди в мире потребляли хотя бы на треть больше, чем было бы полезно для них. Почему они этого не делают? Почему Индия с ее стомиллионным населением и с ее домашней промышленностью, находящейся в состоянии разорения, потребляет британский хлопок всего на шестнадцать центов на душу населения - или, вероятно, немногим больше пары ярдов ткани? На эти вопросы, возможно, можно найти ответ при изучении обстоятельств, управляющих потреблением других товаров; ибо мы можем быть совершенно уверены, что хлопок подчиняется точно таким же законам, как сахар и кофе, вино и пшеница. Результатом такого исследования было бы показать, что, когда товар сразу производится в месте произрастания или поблизости от него в форме, подходящей для его использования, потребление неизменно велико; и что, когда ему приходится проходить через множество и отдаленных рук, прежде чем быть потребленным, оно столь же неизменно мало. Потребление сахара на плантации велико; но если бы потребовалось, чтобы перед употреблением его отправляли в Голландию для очистки, а затем возвращали обратно, мы могли бы быть вполне уверены, что ни на одной данной плантации, где сейчас их двадцать, а возможно, и пятьдесят, не было бы израсходовано и одного фунта. Потребление хлопка на плантации действительно очень невелико, потому что, прежде чем быть израсходованным, "его приходится тащить по длинным и грязным дорогам до пристани, оттуда перевозить в Новый Орлеан, оттуда в Ливерпуль, а оттуда в Манчестер, после чего ткань должна быть возвращена, при этом плантатор получает один тук за каждые пять, которые он отправил, и отдает труд по обработке акра в обмен на пятьдесят, шестьдесят или восемьдесят фунтов своего продукта. Если бы теперь люди, выращивающие хлопок, были вольны призывать к себе на помощь различных природных агентов, службы которым британская система стремится их лишить, и если бы, следовательно, работа по переработке хлопка в ткань производилась на земле, где он был выращен, или по соседству с ней, разве не ясно, что потребление было бы в значительной степени увеличено? Люди, производившие ткань, были бы потребителями множества выращенных на плантации вещей, которые сейчас выбрасываются, в то время как легкость

переработки таких вещей в ткань была бы вознаграждением за их выращивание; и, таким образом, хотя потреблялось бы в пять раз больше хлопка, реальная стоимость, то есть затраты на рабочую силу, были бы меньше, чем для меньшего количества, используемого сейчас. То же самое и в Индии. Можно считать сомнительным, что количество хлопка, потребляемого сегодня в этой стране, составляет половину того, что было полвека назад, — и по той причине, что число людей, стоящих сейчас между потребителем и производителем, так велико. Потребление вина во Франции огромно, тогда как здесь его почти не потребляют; и все же кажущееся превышение цены не настолько велико, чтобы мы могли ожидать обнаружить столь значительную разницу. Истинную причину следует искать не столько в завышении цены, хотя оно и значительно, сколько в способе оплаты. Крестьянин во Франции получает вино в обмен на многое, что было бы потрачено впустую, если бы не близость винного чана и тот спрос, который он предъявляет к труду его самого и других. Он выращивает молоко, яйца и цыплят, а также выращивает фрукты, капусту, картофель или репу — товары, которые из-за своей громоздкости или скоропортящегося характера нельзя отправить на расстояние, но можно обменять дома. Фермер из Огайо не может обменять свой свободный труд или труд своих лошадей на вино и не может заплатить за него персиками или клубникой, урожайность которых с акра может принести ему сотни долларов, ни картофелем или репой, которых он может получить сотни бушелей; но он должен платить пшеницей, которой с акра он получает дюжину бушелей, половина из которых съедается в процессе обмена между ним и виноградарем. Всякий раз, когда культура винограда будет укоренена в этом Штате и вино будет производиться дома, обнаружится, что *галлонов* потребляемого *будет почти столько же, сколько сейчас* капель в этом штате. Куда бы мы ни посмотрели, мы обнаружим тот же результат. Везде, где потребитель и производитель находятся в тесной связи друг с другом, увеличение потребления является удивительным, даже если не происходит снижения номинальной цены; и везде, где они разделены, уменьшение потребления столь же удивительно, даже если происходит снижение номинальной цены — и это происходит потому, что легкость обмена уменьшается по мере увеличения расстояния. Человек, у которого есть в запасе хотя бы один час труда, может обменять его у своего соседа на столько хлопчатобумажной ткани, сколько хватило бы на рубашку; но если рынок труда находится далеко, он может тратить и будет тратить ежедневно столько времени, сколько хватило бы на целый кусок хлопчатобумажной ткани, и, возможно, ему придется ходить без рубашки, пока хлопок является наркотиком. Когда рынок труда близко, земля приобретает ценность, и люди становятся богатыми и свободными. Когда он далеко, земля не имеет большой ценности, и люди остаются бедными и порабощенными.

Прежде чем продолжить, читателю было бы неплохо оглядеться по сторонам и увидеть, сколько обменов даже сейчас совершается по соседству и сколько их невозможно совершить людям, находящимся на расстоянии даже десяти или двадцати миль друг от друга, и сколькими удобствами пользуются в обмен как на рабочую силу, так и на товары, которые были бы потрачены впустую, если бы не прямые контакты между сторонами, — и затем убедиться, не окажется ли тот же закон, который может быть выведен из мелких фактов деревенского соседства, в равной степени применимым к крупным сообществам.

Поразмыслив над этими вещами, давайте затем посмотрим на нынешнее состояние торговли хлопком и отметим тот факт, что едва ли какая-либо часть произведенной шерсти потребляется без предварительного прохождения тысяч миль и прохождения почти через сотни рук. Местами производства являются Индия, Египет, Бразилия, Вест-Индия и наши Южные Штаты. В первом случае производство находится в упадке. Во втором, третьем и четвертом случаях ему никогда

не разрешалось существовать; и в последнем случае он лишь недавно предпринял попытку пробиться к жизни, но из месяца в месяц мы слышим об остановке или разрушении южных фабрик, и, по-видимому, уже недалек тот день, когда нам снова придется сказать, что никакая часть урожая хлопка не может быть потреблена в хлопководческом регионе до тех пор, пока он не преодолеет тысячи миль в поисках рабочих рук, способных переработать его в ткань.

Почему это? Почему легкое и легко транспортируемое веретено и ткацкий станок не размещены на хлопковых полях и около них? У плантаторов есть рабочая сила, *которая сейчас тратится впустую*, которой было бы в избытке для переработки половины их урожая, если бы они только могли доставить машины наземлю, вместо того чтобы отвозить продукты с земли машинам. Однажды принесенный туда, он останется там навсегда; в то время как пусть они несут хлопок к веретену столько, сколько смогут, работа все равно должна повторяться. Опять же, почему так получилось, что народ Индии, которому мир так долго был обязан всеми своими хлопчатобумажными товарами, не только перестал поставлять их в отдаленные страны, но и фактически перестал прясть пряжу или производить ткань для себя? Зачем им перевозить хлопок-сырец на спинах быков сотни миль, а затем отправлять его морем на тысячи миль, оплачивая фрахт, комиссионные и всякого рода сборы в сумме, значительно превышающей первоначальную цену, расставаться с шестьюдесятью миллионами фунтов сырья, чтобы получить взамен восемь или десять миллионов фунтов ткани и пряжи? Разве не ясно, что труд по переработке хлопка в пряжу и на четверть не так велик, как труд по выращиванию самого хлопка? Тем не менее, здесь мы видим, что они отдают шесть или восемь фунтов хлопка, вероятно, за один пучок пряжи, в то время как безработных по всей Индии предостаточно. Кроме того, Бразилия выращивает хлопок, и у нее есть свободная рабочая сила, и все же она отправляет свой хлопок на поиски веретена, вместо того чтобы принести веретено на поиски хлопка, как она могла бы с легкостью сделать. Почему она так поступает? Ответ на эти вопросы следует искать в британском законодательстве, основанном на идее, что способ обеспечения наивысшего благосостояния народа Англии состоит в том, чтобы лишить все человечество, за пределами его собственных пределов, возможности добывать уголь, производить железо, конструировать машины или использовать пар в своих усилиях по получению пищи, одежды или любых других предметов первой необходимости. Эта система прямо противоположна той, которую отстаивал Адам Смит. "Это вредно не только для других стран, - сказал он, - но и, должно быть, вредно для вас самих, поскольку это снизит производительность труда и капитала и в то же время сделает вас с каждым днем все более зависимыми от операций других стран, в то время как вы должны были бы становиться все более независимыми от них". Его предупреждения были тогда, как и сейчас, оставлены без внимания; и с его времен по настоящее время Англия была вовлечена в непрерывные усилия, направленные на полное уничтожение мануфактур Индии и *наподавление любых попыток где-либо еще создать с ней конкуренцию за покупку хлопка*. Читатель сам определит, соответствует ли это действительности за последние семьдесят лет. Если это так, пусть он затем определит, не заключается ли тенденция системы в порабощении производителей хлопка, белого, коричневого и черного, и принуждении их везти всю свою шерсть на единый рынок, на котором одна группа хозяев диктует цену, по которой они *должны* продавать сырье и *должны* покупать произведенную. Может ли быть большая тирания, чем эта?

Чтобы полностью понять действие системы в уменьшении способности к потреблению, давайте применим тот же принцип в другом месте, поместив в Рочестере, на водопаде Джenezи, группу мукомолов, которые ухитрились так эффективно пресечь все попытки построить мельницы в

других частях Средних Штатов, что ни один человек не мог есть хлеб, который не добрался до этого места в самом объемном виде, не вернулся обратно в самом компактном, оставив на мельнице все отходы, которые могли бы пойти на откорм свиней и крупного рогатого скота, - и давайте предположим, что хлеб, который не был доставлен в это место в самом плотном виде, не возвращался обратно в самом компактном, оставляя на мельнице все отходы, которые могли бы быть использованы для откорма свиней и крупного рогатого скота, — это не так. что диаграмма на следующей странице представляет торговлю зерном в этой части Союза.

\ Вагоны и /

Производители продуктов питания / Потребители продуктов питания

в этих штатах > < в этих штатах

/\

/Rochester mills

Теперь предположим, что все зерно полудюжины Штатов должно было пройти через такой узкий проход, как указано выше, разве не ясно, что владельцы дорог, фургонов и мельниц были бы хозяевами владельцев земли? Разве не ясно, что чем крупнее урожай, тем выше будут грузы, и чем больше плата за использование мельниц, тем меньше будет цена бушеля пшеницы по сравнению с ценой мешка муки? Не окажутся ли фермеры простыми рабами владельцев небольшого количества мельничного оборудования? В том, что это было бы так, никто не может сомневаться ни на мгновение — и вообще не подлежит сомнению, что установление такой системы наполовину сократило бы потребление продуктов питания во всех этих Штатах, а также мощности по их производству, поскольку все отходы скармливались бы в Рочестере и его окрестностях, а навоз, получаемый при этом, был бы полностью потерян для фермера, который выращивал продукты питания. Таким образом, ценность как труда, так и земли значительно снизилась бы. Допустим на мгновение, что такая система существует, каким было бы решение проблемы? Разве это не было бы сделано в попытке разрушить монополию и таким образом утвердить среди людей право торговать между собой, не платя пошлины мельникам Рочестера? Несомненно, так и было бы; и с этой целью они были бы замечены объединяющимися между собой, чтобы побудить мельников приехать и поселиться среди них, точно так же, как мы видим, как люди повсюду объединяются, чтобы открыть школы и колледжи по соседству, вполне уверенные в том, что небольшие текущие расходы скоро будут восполнены, даже с финансовой точки зрения, поскольку им будет предоставлена возможность держать своих детей дома во время обучения, вместо того чтобы отправлять их за границу, где их будут содержать, в то время как дома тратится еда, чтобы они могли есть, и пустуют комнаты, которые они могли бы занять. Полученное таким образом образование практически ничего не стоит родителям, в то время как то, ради чего ребенок должен ехать издалека, настолько дорого, что мало кто может его получить. Точно так же обстоит дело с едой и одеждой. Простой труд по превращению зерна в муку - ничто по сравнению с затратами, необходимыми для его транспортировки за сотни миль; и простой труд, необходимый для превращения хлопка в ткань, - ничто по сравнению с расходами, связанными с его транспортировкой с плантации в Манчестер и обратно. Коммерческая централизация, однако, направлена на то, чтобы заставить плантатора платить втрое больше затрат на переработку в виде заработной платы и прибыли людей, занятых транспортировкой и обменом хлопка.

Допуская, что торговля зерном и мукой была таким образом централизована, каков был бы эффект от череды крупных урожаев или даже от одного-единственного? Разве дороги не были бы забиты повозками всякий раз, когда по ним можно было проехать, и даже временами, когда они были почти непроходимы? Разве каждый не стремился бы предвосхитить предполагаемое падение цен, выйдя на рынок на ранней стадии? Разве грузы не были бы высокими? Разве фермер по прибытии в Рочестер не обнаружил бы, что все склады заполнены до отказа? Разве не было бы много места для хранения? Разве он не подошел бы к мельнику с шапкой в руке, и разве тот не встретил бы его со шляпой на голове? Несомненно, так оно и было бы, и он повсюду слышал бы об удивительных масштабах "излишков" — о том, как быстро производство превышает потребление — о том, сколько времени его зерно должно оставаться в наличии, прежде чем его можно будет смолоть — о низких ценах на муку и т. Д. и т. Д.; — и результатом было бы то, что чем больше зерна доставят на рынок, тем меньше будет возвращено обратно, *и тем меньше он сможет потребить*; и, наконец, он пришел бы к выводу, что единственным результатом больших урожаев, дарованных ему щедростью Небес, было обогащение населения. миллера за его счет, вынудив его увеличить плату за привилегию пролезть через отверстие, предоставленное ему мельником. Он молился о засухах и паводках, о штормах и заморозках — как о единственном средстве спасения от разорения.

Читатель может сам решить, не отражает ли это правдивую картину торговли хлопком? Получают ли плантаторы прибыль от хороших урожаев? Безусловно, нет. Чем больше они отправляют на рынок, тем меньше они получают за это. Получают ли они прибыль от улучшений в транспортировке своих товаров? Конечно, нет. С развитием железных дорог хлопок подешевел и в наши дни не будет стоить на плантациях и близко не столько за фунт, сколько до изобретения железной дороги. В Индии стоимость транспортировки от места производства до Англии упала за последние сорок лет на семь пенсов[142], и все же производитель хлопка получает за это на треть меньше, чем раньше, — теперь он получает немногим более двух центов, тогда как раньше у него было от трех до четырех. Кому выгодно снижение затрат на транспортировку и конвертацию? *Человек, который охраняет платные ворота, через которые она проходит в мир*, и который открывает их только постепенно, чтобы позволить увеличивающемуся количеству проходить медленно, в значительной степени платя за эту привилегию. То, что все это прекрасно согласуется с фактами легкости, должно быть очевидно каждому читателю. Плантатор становится богатым, когда урожай невелик, но тогда владелец мельницы получает лишь небольшую прибыль. Он почти разоряется, когда урожай большой, но тогда владелец фабрики обогащается - и, таким образом, система порождает всеобщий разлад, тогда как при естественной системе была бы столь же совершенная гармония национальных, сколь и индивидуальных интересов.

Теперь мы можем поинтересоваться, как это повлияет на фермеров в окрестностях Рочестера. Потребление Средних Штатов в значительной степени сократилось бы из-за больших расходов на транспортировку пшеницы на мельницу и муки обратно, и это привело бы к значительному увеличению излишков, для которых необходимо было бы найти рынок сбыта в другом месте. Это, конечно, снизило бы цены и предотвратило бы их рост, если бы не привело к значительному снижению стоимости земли. Миллеры стали бы *миллионерами* — великими людьми среди своих более бедных соседей - и они приобрели бы большие фермы, которыми управляли бы великие фермеры, и прекрасные дома, окруженные большими площадками для развлечений. Земля повсюду становилась бы все более и более консолидированной, потому что люди, которые могли бы это сделать, бежали бы из страны, в которой существовала такая

тирания. Спрос на рабочую силу уменьшался бы по мере поглощения более мелких владений. Сам Рочестер будет расти, потому что он будет заполнен дешевой рабочей силой из деревни, ищущей работу, и потому что там будет большое количество возчиков и их лошадей, о которых нужно заботиться, в то время как бесчисленные носильщики будут заняты перевозкой пшеницы в одном направлении и муки в другом. Отели стали бы большими, воров и проституток стало бы предостаточно, а мораль пришла бы в упадок. Из года в год мельники становились бы более крупными людьми, а фермеры и чернорабочие - более мелкими, и шаг за шагом все они оказались бы рабами капризов владельцев небольших машин, общая стоимость которых едва ли превышала бы *ежедневные потери*, возникающие в результате существования системы. Постепенно пороки раба становились все более и более очевидными. Невоздержанность росла, а уровень образования сокращался по мере того, как население окружающей страны становилось все более зависимым от мельников в плане еды и одежды в обмен на дешевое зерно и более дешевую рабочую силу. Небольшие города повсюду приходили бы в упадок, и день ото дня мельникам было бы все легче управлять делами общины таким образом, чтобы обеспечить сохранение своей монополии. Местные газеты исчезнут, и вместо них люди по всей стране получают "Рочестер *Таймс*", которая будет уверять фермеров, что дешевая пища, как правило, приводит к удешевлению рабочей силы, а землевладельцев, что если они не получают высокой арендной платы, то это их собственная вина, поскольку недостаток заключается в их собственном плохом земледелии - и чем быстрее увеличится состояние мельников и масштабы их увеселительных заведений, тем больше, как они будут уверены, должно быть процветание всего народа; даже если та же газета может оказаться обязанной платить более высокую арендную плату. сообщите своим читателям, что разросшийся капитал представил его как

"Странный результат ужасающей статистики общества, заключающийся в том, что в среднем один человек из двадцати жителей роскошного мегаполиса каждый день оставался без еды и работы, а каждую ночь — без крова или отдыха?" - Лондонская *Times*.

Мы имеем здесь рабство у себя дома как следствие решимости подвергать рабству людей за границей. С каждым шагом роста состояния мельников и великолепия их резиденций земля консолидировалась бы, производство сокращалось, и все население все больше и больше превращалось бы в массу простых торговцев, ничего не производящих сами, но покупающих дешево и продающих дорого и, таким образом, получающих поддержку за счет использования власти облагать налогами несчастных людей, вынужденных торговать с ними; положение вещей в высшей степени неблагоприятное для морального, интеллектуального или политического совершенствования.

Теперь читатель может обратиться к уже приведенным выдержкам из работ г-на Маккалоха (страница 240 *ранее*) и сравнить с ними этот взгляд на последствия предполагаемой коммерческой централизации по эту сторону Атлантики. Сделав это, он обнаружит, что там указано, что именно к консолидации земель и роскошному стилю жизни крупных землевладельцев, окруженных, как это "в большинстве случаев" и есть, "бедными и нуждающимися иждивенцами", чьи нужды в конце концов вынуждают их искать в больших городах рынок сбыта для собственного труда, а также для труда своих жен и детей, мы должны стремиться к увеличению "массы богатства и масштабов наслаждений"! Современная британская политическая экономия не придерживается ни одной идеи, которая соответствовала бы реальным доктринам Адама Смита, и все же она называет его своим главой!

Теперь читателя просят заметить —

I. Что система коммерческой централизации, которую стремилась установить Великобритания, в точности подобна той, которую здесь приписывают мельникам из Рочестера, с той лишь разницей, что ее цель - заставить все виды сырых продуктов проходить через Англию на пути от потребителя к производителю, даже если последние являются ближайшими соседями друг друга, а Англия находится на расстоянии многих тысяч миль от обоих.

II. Что для внедрения этой системы требовалось, чтобы все другие нации были лишены возможности получать знания или оборудование, необходимые для того, чтобы они могли дешево добывать уголь, выплавлять железную руду или производить машины, с помощью которых они могли бы пользоваться услугами великих природных агентов, ценность которых для человека так хорошо описана г-ном Маккалохом. (См. стр. 249*ante*.)

III. Что сначала это достигалось с помощью запретов, а теперь поддерживается самыми напряженными усилиями по удешевлению рабочей силы и, таким образом, лишению домашнего рабочего возможности определять, на кого он будет работать и какова будет его заработная плата.

IV. Что чем совершеннее может быть реализована эта система, тем полнее все остальные нации должны ограничивать себя, мужчин, женщин и детей, трудом в поле, и тем ниже должен быть уровень интеллекта.

V. Что, хотя число земледельцев в других странах, таким образом, должно быть увеличено, способность потреблять их собственные продукты должна быть уменьшена из-за значительного увеличения издержек между производителем и потребителем.

VI. Что это, в свою очередь, должно сопровождаться увеличением количества продовольствия и другого сырья, выбрасываемого на рынок Великобритании, со значительным усилением конкуренции между иностранными и отечественными производителями за обладание этим рынком и значительным снижением цен.

VII. Что это неизбежно ведет к "сдерживанию сельского хозяйства" в Великобритании и препятствует применению труда для улучшения земли.

VIII. Что это также ведет к ухудшению положения иностранного земледельца, который, таким образом, лишен возможности улучшать свою землю или увеличивать количество своей продукции.

IX. Что чем меньше количество производимых товаров, тем меньше должна быть способность оплачивать труд и тем меньше конкуренция за покупку услуг рабочего.

X. Что с уменьшением спроса на рабочую силу, чем меньше должна быть потребительная способность со стороны рабочего, тем больше должна быть тенденция к избытку иностранной и отечественной продукции на общем мировом рынке и тем больше тенденция к дальнейшему уменьшению вознаграждения рабочего.

XI. Что чем большее количество сырых продуктов стремится пройти через рынок Англии, тем сильнее должна быть тенденция к снижению стоимости английской земли и тем выше издержки владельцев фабрик, судов и лавок, через которые должны проходить продукты, и тем больше их способность к накоплению за счет как труда, так и земли.

XII. Что чем меньше труда затрачивается на улучшение почвы, тем больше население страны должно быть вытеснено с земли, тем большей должна быть тенденция последнего к консолидации и тем большей должна быть тенденция к прогулам и замене крупных фермеров и поденщиков мелкими собственниками с дальнейшим снижением производства и спроса на рабочую силу.

XIII. Что с сокращением населения страны местные места обмена должны исчезнуть; и что рабочая сила и земля должны терять свою силу по мере того, как корабли, фабрики и их владельцы становятся более сплоченными и могущественными.

XIV. Следовательно, тенденция всей системы заключается в уменьшении ценности и могущества земли и в превращении рабочего в простого раба торгового сообщества, которое день ото дня получает все больше и больше власти вводить налоги по своему усмотрению и централизовать в своих руках управление делами нации; к разрушению местного самоуправления и к ухудшению физического, морального, интеллектуального и политического состояния людей.

В соответствии с этими взглядами изучение производительной силы Соединенного Королевства должно привести к демонстрации того, что производство отстает от численности населения; и что именно такую легкость мы были бы склонны выводить из растущего спроса на дешевую рабочую силу и из снижения, которое, несомненно, имело место в контроле рабочего над его собственными операциями. С тем, что факты согласуются с этим выводом, читатель, возможно, будет склонен согласиться после тщательного изучения следующих цифр.

В 1815 году, тридцать восемь лет назад, объявленная стоимость экспорта Соединенного Королевства, британских товаров и мануфактур, была следующей:-

Шерстяных изделий.....	£9,381,426
" хлопок" "	20,620,000
" шелк" "	622,118
"лен" "	1,777,563
И других товаров.....	19,231,684

Всего.....	51,632,791

В том же году было импортировано

Шерсть.....	13,634,000 фунтов.
Хлопок.....	99,306,000 "
Шелк.....	1,807,000 "
Лен.....	41,000,000 "
Зерно.....	267,000 qrs.
Мука.....	202,000 сухари.

Сливочное масло.....	125,000 "
Сыр.....	106,000 "

Если к хлопку-сырцу, шерсти, шелку и льну, которые были реэкспортированы в промышленном состоянии, а также к красильным материалам и другим изделиям, необходимым для их производства, мы теперь добавим все иностранное продовольствие, то, как показано выше, мы едва ли можем произвести из реэкспортированных иностранных товаров сумму, превышающую двенадцать или самое большее тринадцать миллионов, оставляя тридцать восемь миллионов как стоимость британской продукции, экспортированной в том году; и это, разделенное между населением Соединенного Королевства, дало бы почти 2 фунта стерлингов на душу населения.

В 1851 году экспорт был следующим:—

Производство шерсти.....	£10,314,000
" хлопок.....	30,078,000
" шелк.....	1,329,000
" лен.....	5,048,000
Все прочие товары.....	21,723,569

Всего.....	£68,492,569

Таким образом, мы видим, что почти весь прирост, имевший место за длительный период в тридцать шесть лет, пришелся на четыре отрасли промышленности, материалы для которых полностью поступали из-за границы, как показано в следующем отчете об импорте за этот год:

Шерсть.....	83,000,000 фунтов.
Хлопок.....	700,000,000 "
Шелк.....	5,020,000 "
Лен.....	135,000,000 "
Яйца.....	115,000,000 "
Быки, коровы, телята, овцы, свиньи и т. Д.	300 000 "
Кукуруза.....	8,147,675 qrs.
Мука.....	5,384,552 сухари.
Картофель.....	635,000 "
Провизия.....	450,000 "
Сливочное масло.....	354,000 "
Сыр.....	338,000 "
Ветчина и сало.....	130,000 "

Импортированной шерсти было больше, чем требовалось для производства экспортируемой ткани, и из этого следует, что весь экспорт представлял собой иностранную шерсть. Экспортируемые хлопок, шелк, лен, красильные материалы и т. Д. Были все иностранными, а импортируемых продуктов питания было достаточно, или почти достаточно, чтобы прокормить людей, производивших экспортируемые товары. Из этого следует, что общий экспорт британской и ирландской продукции едва ли мог составить даже 15 000 000 фунтов стерлингов,

и уж точно не мог превысить эту сумму — а это дало бы около 10 шиллингов на душу населения, или на четверть больше, чем в 1815 году.

Разница между этими двумя периодами точно такая же, как между фермером и сапожником. Человек, который своим трудом и сыновьями получает возможность отправить на рынок сумму, эквивалентную тысяче бушелей пшеницы, сначала *накормил себя и их*, и поэтому у него есть *вся выручка* от продаж, которую он может направить на покупку одежды, мебели или книг или увеличить свой капитал. Его сосед покупает еду и кожу, а также продает обувь. Он *накормлен*, и первое, что нужно сделать из выручки от его продаж, - это купить еще еды и кожи; и все, что ему нужно использовать на другие цели, - это *разница* между ценой, по которой он покупает, и той, по которой он продает. Если допустить, что эта разница составляет одну шестую, то отсюда следовало бы, что объем его продаж должен быть в шесть раз больше, чтобы позволить ему иметь ту же стоимость, которую можно было бы использовать для покупки других товаров, помимо продовольствия, или для увеличения его капитала. Другой сосед покупает и продает пшеницу или обувь с комиссией в пять процентов, на которые ему приходится *кормиться*. Чтобы позволить ему иметь сумму валовых комиссионных, равную объему продаж фермера, он должен вести в двадцать раз больший бизнес; и если мы пустим половину этого на покупку продуктов питания, он должен делать в сорок раз больше, чтобы иметь ту же сумму, на которую можно приобрести другие товары или увеличить свой капитал. Точно так же обстоит дело с нацией. Когда она продает свои собственные продукты питания и кожу, *она сама себя накормила* и может распоряжаться всей суммой продаж по своему усмотрению. Когда оно покупает продукты питания, кожу и продает обувь, *оно сыто* и должно сначала заплатить производителям этих товаров; и все, что оно может направить на покупку одежды или мебели или на увеличение своего капитала, - это *разница*; и, чтобы оно могло иметь такую же сумму для использования таким образом, оно должно продать в шесть раз больше по стоимости. Когда он действует как простой покупатель и продавец сахара, хлопка, ткани или обуви, ему приходится *подпитываться* за счет различий, и тогда ему может потребоваться в сорок раз больший объем продаж, чтобы получить тот же результат.

Поняв все это, мы можем теперь сравнить два упомянутых выше года. В первом, 1815 году, продажи отечественной продукции составили..... £38,600,000

И если к этому мы добавим разницу на
£13,000,000..... 2,166,667

Мы получаем сумму, применимую к покупке
других товаров, помимо продуктов питания..... £40,766,667

Во втором, 1851 году, продажи домашней продукции составили
£15,000,000 К этому прибавьте разницу, скажем, на 53 492 000 фунтов стерлингов.... 9,000,000 ---
-- Мы имеем, применительно к другим целям, помимо покупки продуктов
питания..... £24,000,000

Разделенный на население тех лет, он дает 2 фунта стерлингов на душу населения в первом случае и 16 фунтов стерлингов на душу населения в другом; но даже это, как бы велико оно ни было, не отражает в полной мере имевшее место сокращение. Чем меньшее изменение формы произведено в импортируемом товаре перед его экспортом, тем больше бизнес напоминает

бизнес простого торговца, и тем большим должно быть количество проходящего товара, чтобы получить тот же результат. В 1815 году экспорт пряжи любого вида был тривиальным, потому что другие страны тогда не были обеспечены ткацкими станками. В 1851 году экспорт простой пряжи, на которую британский труд затрачивался только на ее скручивание, был следующим:

Хлопок.....	144,000,000 фунтов.
Белье.....	19,000,000 "
Шелк.....	390,000 "
Шерстяной.....	14,800,000 "

Читатель легко поймет, что во всех этих случаях иностранное сырье составляет гораздо большую долю в стоимости, чем это имело бы место, если бы экспорт осуществлялся в виде ткани. Изучение этих фактов едва ли может не убедить его в том, насколько обманчивы любые расчеты, основанные на заявлениях о размерах экспорта и импорта; и все же именно к ним нас всегда отсылают в поисках доказательств растущего процветания Англии. С каждым годом должна наблюдаться возрастающая тенденция в том же направлении, поскольку индийские фабриканты все больше и больше вынуждены зависеть от Англии в отношении пряжи, а европейские нации получают все больше и больше возможностей отказываться от сукна и ограничивать свой импорт пряжей. Из производителя Англия превратилась или быстро превращается в простого торговца, и торговля не выросла до такой степени, которая требовалась для того, чтобы компенсировать произошедшие перемены. Таким образом, она находится в положении человека, который заменил *работу* в тысячу долларов в год на *производство* в пятьсот долларов. В 1815 году народу Соединенного Королевства, насчитывавшему тогда двадцать миллионов, почти сорок миллионов человек, пришлось разделить между собой стоимость своих излишков продукции, экспортируемых во все концы земли. В 1851 году, имея численность почти в тридцать миллионов человек, они должны были разделить только пятнадцать миллионов, тогда как при сохранении производства оно должно было достичь шестидесяти миллионов, или почти общей суммы экспорта. Вместо этого огромного количества *продукции*, выставленной на продажу, у них была только *разница* от избыточной торговли в размере 40 000 000 фунтов стерлингов, и это едва ли можно оценить более чем в восемь или десять, что составляет дефицит в сорок пять миллионов. Учитывая все эти факты, читателю теперь не составит труда понять, почему происходит ухудшение материального и морального состояния людей.

О том, как сложилось такое положение вещей, свидетельствует неуклонное уменьшение доли населения, занятого производственным трудом. Адам Смит предупреждал своих соотечественников, что "если весь излишек продукции Америки в виде зерна всех видов, соленых продуктов и рыбы" будет "вытеснен на рынок Великобритании", это "слишком сильно повлияет на процветание нашего собственного народа". Он считал, что это было бы "большим препятствием для сельского хозяйства". И все же с того часа и по настоящее время не жалели усилий, чтобы увеличить во всех странах мира избыток сырых продуктов, которые должны были поступать на британский рынок, и таким образом вызвать конкуренцию между производителями за границей и производителями внутри страны, к явному ущербу для обоих. Чем больше удавалось препятствовать производству льна или шерсти, пеньки или железа за границей, тем большее количество сырых продуктов приходилось отправлять в Лондон и Ливерпуль и тем меньше становился стимул для приложения труда к улучшению английской

земли. Какое-то время эта операция в том, что касалось продуктов питания, ограничивалась хлебными законами; но теперь вся система - это именно то, что было отвергнуто самым глубоким политическим экономистом, которого когда-либо создавала Британия. Его последствия видны в следующих цифрах: — В 1811 году доля населения Англии, занятого в сельском хозяйстве, составляла 35 процентов. В 1841 году он упал до 25%, а сейчас едва ли может превышать 22%, и даже в 1841 году фактическое число было меньше, чем тридцать лет назад.[143]

Таким образом, изгнанные с земли, англичане были вынуждены искать другую работу, в то время как та же система ежегодно изгоняла в Англию десятки тысяч бедняков Шотландии и Ирландии; и, таким образом, принудительная конкуренция за продажу в Англии сырых продуктов земли вызвала там конкуренцию за продажу рабочей силы; результат этого виден в том факте, что заработная плата в сельском хозяйстве выросла с 6 до 9 шиллингов. неделя - и рабочий год от года к году все больше становится рабом прихотей своего работодателя, будь то крупный фермер или богатый владелец мельниц или печей. Общее население *Соединенного Королевства*, зависящее от сельского хозяйства, не может быть принято более чем в десять миллионов человек; и поскольку заработная плата в сельском хозяйстве не может быть оценена в среднем выше, чем в 5 млн. фунтов стерлингов в неделю, не может быть, включая заработок женщин, более 6 млн. долларов на семью; и если разделить это между четырьмя, получится 1 шилл. 6долларов на душу населения, или 3 18 шилл. фунтов стерлингов в год, и общая сумма, подлежащая распределению между десятью миллионами человек, составит 40 миллионов фунтов стерлингов, или 192 миллиона долларов. Размышляя над этим, читателя просят иметь в виду, что он выплачивает заработную плату за каждую неделю в году, в то время как на значительной части территории *Соединенного Королевства* очень большая часть времени остается незанятой.

Дешевая рабочая сила в каждой стране шла рука об руку с дешевой землей. В таком случае, возможно, теперь нетрудно объяснить малую стоимость земли по сравнению с огромными преимуществами, которыми она обладает, поскольку повсюду находится рядом с рынком, на котором можно обменять ее сырые продукты на произведенные, а также на удобрения. Читатель ознакомился с оценкой *М. Тунен*, один из лучших земледельцев Германии, говорит об огромной разнице в стоимости земли в Мекленбурге, близком к рынку, по сравнению с землей, удаленной от него; но он везде может сам убедиться, что та, что находится недалеко от города, будет получать в три раза большую ренту, чем та, что находится на расстоянии двадцати миль, и в десять раз больше, чем та, что находится на расстоянии пятисот миль. Сейчас почти вся территория *Соединенного Королевства* находится в лучшем состоянии из того, что здесь описано. Расстояния везде небольшие, а дороги хорошие или должны быть хорошими; и все же общая арендная плата за землю, рудники и полезные ископаемые составляет всего 55 000 000 фунтов стерлингов, и это для площади в 70 миллионов акров, что дает в среднем всего около 3,60 доллара за акр, или 9 долларов — менее 2 фунтов стерлингов - на душу населения. Это действительно очень мало, и это, как правило, показывает, в какой степени система, должно быть, препятствовала развитию сельского хозяйства. В 1815 году при населении всего в двадцать миллионов человек арендная плата составляла, без учета домов, шахт, полезных ископаемых, рыболовства и т. Д., Пятьдесят два с половиной миллиона, а экспорт продукции британских и ирландских земель был тогда почти в три раза больше, чем сейчас, при населении, почти вдвое превышающем тогдашнее.

Очень малая ценность земли Соединенного Королевства по сравнению с ее преимуществами может быть должным образом оценена читателем только после ознакомления с ходом вещей в других местах. Повышение цен на продукты питания в этой стране почти полностью зависит от того, что можно получить за очень небольшое количество, отправляемое в Англию. "Марк Лейн", как говорится, "управляет мировыми ценами". Он управляет ими в Нью-Йорке и Филадельфии, где цены должны быть настолько же ниже лондонских или Ливерпульских, насколько и стоимость транспортировки, страховки и комиссионных, иначе экспорта может и не быть. Их цены, в свою очередь, определяют цены в Огайо и Пенсильвании, Индиане и Иллинойсе, которые всегда должны быть настолько же ниже цен в Нью-Йорке, насколько и стоимость доставки туда продукции. Если теперь мы рассмотрим простые затраты на транспортировку среднего продукта с края земли с фермы на рынок Англии, мы обнаружим, что они были бы намного больше, чем средняя арендная плата за английскую землю; и все же эта арендная плата включает угольные, медные, железные и оловянные рудники, которые снабжают значительную часть мира.

При таких обстоятельствах земля в этой стране должна иметь очень малую ценность, если вообще имеет какую-либо; и все же следующие факты, как правило, показывают, что жители Массачусетса с населением всего 994 000 человек, разбросанные по площади в пять миллионов акров, с почвой настолько бедной, что только 2 133 000 были улучшены, и не владеющие шахтами угля, железа, олова, свинца или меди, за короткий период своего проживания приобрели права на землю, равные в расчете на акр тем, которые приобрел народ Англии на их плодородных почвах, с их богатыми рудниками в две тысячи лет. Денежная стоимость ферм этого штата в 1850 году составляла 109 000 000 долларов, что, *разделенное на всю территорию*, дало бы 22 доллара за акр, а это при шести процентах даст 1,32 доллара. Прибавьте к этому разницу между заработной платой в четыре, шесть и восемь шиллингов в неделю в Соединенном Королевстве и двадцатью или двадцатью пятью долларами в месяц в Массачусетсе, и окажется, что доходность в последнем вполне равна доходности в первом; и все же цена сельскохозяйственных продуктов в целом настолько же ниже английской, насколько стоимость фрахта и комиссионных, которые сами по себе превышают всю ренту с английской земли.

В Нью-Йорке тридцать миллионов акров, из которых только двенадцать миллионов были каким-либо образом улучшены; и эти земли она неуклонно истощала из-за отсутствия рынка на этой земле или поблизости от нее, такого, каким обладает Англия. У нее нет ни угольных, ни других сколько-нибудь важных шахт, а ее фабрики немногочисленны; и все же денежная стоимость ферм, возвращенная маршалом, составляла 554 миллиона долларов, и это, безусловно, было меньше реальной стоимости. Если мы возьмем последнюю сумму в 620 миллионов, это даст 50 долларов за акр улучшенной земли, или в среднем 20 долларов за все. Беря арендную плату в размере шести процентов. при 50 долларах мы получаем 3 доллара за акр, или почти средний показатель по Соединенному Королевству; и было бы вполне разумно зачесть рудники и полезные ископаемые последнего в зачет земель, которые не обрабатываются.

Если читатель желает понять причину малой ценности английской земли по сравнению с ее огромными преимуществами, он может найти ее в следующем отрывке:

"Землевладельцы владеют обширными территориями, которые практически ничем не обязаны улучшителям; где неразвитые источники производства лежат впустую и бесполезны посреди

самых надежных и заманчивых рынков для огромного потребляющего населения этой страны". - *Economist*, Лондон.

Однако, к сожалению, эти рынки невелики, в то время как тенденция всей британской системы заключается в том, чтобы превратить всю землю в одну огромную ферму для их снабжения и, таким образом, предотвратить применение труда для улучшения земель у себя дома. Тенденция цен, будь то на землю, рабочую силу или их продукты, стремится к определенному уровню, и все, что стремится снизить цену любого из этих товаров в Ирландии, Индии, Виргинии или Каролине, имеет тенденцию производить тот же эффект в Англии; и мы видели, что такова прямая тенденция английской политики в отношении земель всех этих стран. При снижении стоимости всегда должна быть тенденция к консолидации, и, таким образом, политика, отстаиваемая *Экономистом*, порождает зло, на которое он так много и так часто жалуется.

Прибыль фермеров обычно оценивается в половину арендной платы, что дало бы в общей сложности около 85 миллионов рент и прибылей; а если к этому прибавить заработную плату за сельскохозяйственный труд, мы получим всего около 125 миллионов, из которых рабочему достается менее трети.[144]

Здесь мы имеем необходимый результат консолидации земель — сам по себе результат попытки заставить все народы мира конкурировать друг с другом на едином и ограниченном рынке сбыта сырых продуктов. С каждым усилением этой конкуренции мелкий собственник оказывался все менее и менее способным платить налоги, которыми он был облагаем, и в конце концов был вынужден перейти в положение поденщика, чтобы конкурировать с почти умирающим с голоду ирландцем или бедным уроженцем Шотландии, изгнанным в Англию в поисках работы; и отсюда вытекли удивительные факты, что во многих частях этой страны, пользующихся всеми преимуществами, за исключением надежной системы торговли, мужчины охотно трудятся за шесть шиллингов (1,44 доллара) в неделю; что женщины трудятся в полях; что женщины работают в сельской местности. и что тысячи последних, лишенных смены нижнего белья, вынуждены ложиться спать, пока их сорочки стираются.[145]

Изгнанный с земли дешевой пищей и дешевой рабочей силой Ирландии, английский рабочий вынужден искать убежища в городе, и там он оказывается во власти крупного фабриканта; и таким образом, между фермером-арендатором, с одной стороны, и крупным капиталистом, с другой, он перемалывается, как между верхним и нижним жерновами. Результат виден из приведенных выше фактов. Он постепенно теряет всякое самоуважение, и он, его жена и его дети становятся бродягами и обращаются к общественности за поддержкой. О бродячей жизни огромного числа этих бедных людей некоторое представление может составить следующее высказывание мистера Мэйхью[146] :

"Некоторое время назад мне довелось побывать в деревне, и я был поражен, обнаружив, что в городе с населением 20 800 человек за тринадцать недель через город прошло не менее 11 000 бродяг. У нас есть большие классы, известные в мегаполисе как "люди улицы".

Однако скажут, что если дешевое зерно имеет тенденцию вытеснять его с работы, он получает компенсацию в виде более дешевых сахара, хлопка, кофе, рома и других иностранных товаров — и это, несомненно, так; но он наслаждается этими благами за счет своих товарищей по работе, черных, белых и коричневых, в этой стране, Вест-Индии, Индии и в других местах. Разрушение мануфактур в этой стране в 1815 и 1816 годах вынудило все население

квыращиванию продуктов питания, табака и хлопка; и аналогичная операция в Индии вынудила население этой страны выращивать рис, индиго, сахар и хлопок, которые *должны* поступать на рынок Англии из-за сокращения внутренних рынков рабочей силы или ее продуктов.

Сокращение внутреннего потребления Индии вытесняет ее хлопок на один большой рынок, где она может конкурировать с другими странами и снижать на них цены. Это вынуждает индусов отправляться на Маврикий, помогать уничтожать бедных негров Ямайки, Кубы и Бразилии; но чем больше сахара и хлопка, которые *должны* отправляться на отдаленный рынок, тем выше будут грузы, тем ниже будут цены, тем больше будут доходы Великобритании, тем больше будет потребление и тем больше будет "процветание" Англии, но тем более поработенными будут производители этих товаров. Конкуренция за их продажу приводит к снижению цен, и чем больше людей в мире, мужчин, женщин и детей, могут быть ограничены сельским хозяйством, тем больше должна быть зависимость от Англии в отношении тканей и железа, тем выше будут их цены и тем более несчастными будут бедные рабочие повсюду.

Возможно, читатель поймет принцип работы системы после изучения следующих сравнительных цен на сырьевые товары:—

1815. 1852.

Англия продает—

Прутковое железо, за тонну 13 5,0 фунтов стерлингов..... 9 0,0 фунтов стерлингов.

Олово, за тонну..... 7 0 0 5 2 0

Медь " 6 5 0 5 10 0

Ведущий " 1 6 6 1 4 0

Англия покупает—

Хлопок, за фунт..... 0 1 6 0 0 6

Сахар, за килограмм..... 3 0 0 1 0 0

В то время как цены на эти основные сырьевые товары упали до трети цен 1815 года, железо, медь, олово и свинец, товары, которые она поставляет миру, упали не более чем на двадцать пять процентов. Труднее показать изменения в тканых изделиях, но то, что плантаторы постоянно дают больше хлопка за меньшее количество ткани, будет видно при рассмотрении следующих фактов относительно недавнего года большого урожая по сравнению с ходом вещей всего лишь дюжиной лет назад. С 1830 по 1835 год цена хлопка здесь составляла около одиннадцати центов, что, как мы можем предположить, примерно равно тому, что он давал бы в Англии без учета фрахта и сборов. В те годы наш средний экспорт составлял около 320 000 000 долларов, что составляло около 35 000 000 долларов, а средняя цена хлопчатобумажной ткани составляла 24 ярда за штуку весом 5 фунтов. 12 унций стоили 7 шилл. 10долларов (1,88 доллара), а железа - 6 шилл. 10долларов (31,20 доллара). Таким образом, при нашем экспорте было бы произведено и доставлено в Ливерпуль 18 500 000 кусков ткани или около 1 100 000 тонн железа. В 1845 и 1846 годах *внутреннее потребление* хлопка жителями Англии составляло почти такое же количество, скажем, 311 000 000 фунтов стерлингов, а средняя цена здесь составляла 6-1 / 2 цента, что составляло 20 000 000 долларов за продукт. Цена ткани тогда составляла 6,6-3,4 д. (1,57 1/2 доллара), а железа - около 10 фунтов стерлингов (48 долларов), и в

результате плантаторы могли получить почти за такое же количество хлопка около 12 500 000 кусков ткани, или около 420 000 тонн железа, также доставленных в Ливерпуль. Разделив доходность между двумя товарами, можно получить следующее:—

Среднее значение с 1830 по 1835 год. 1845-6. Проигрыш.

Ткань, штук.... 9 250 000 ... 6 250 000 ... 3 000 000
И железо, тонн... 550 000 ... 210 000 ... 340 000

Труд, необходимый для превращения хлопка в ткань, значительно уменьшился, и все же доля, сохраняемая фабрикантами, значительно возросла, как сейчас будет показано:—

Вес сохраненного хлопка
Вес, полученный от
Использованный хлопок. плантаторы. Производители.

С 1830 по 1835 год... 320 000 000... 110 000 000... 210 000 000
1845 и 1846.. 311,000,000... 74,000,000.... 237,000,000

В первый период плантатор получил бы 34 процента. его хлопок вернулся к нему в виде ткани, но во второй - только 24 процента. Крупорез из года в год дает фермеру все большую долю продукта, произведенного из его зерна, и, таким образом, последний получает всю прибыль от каждого усовершенствования. Фабрикант хлопка из года в год отдает плантатору все меньшую долю произведенной ткани. Один фабрикант с каждым днем становится все ближе к производителю. Другой с каждым днем удаляется от него все дальше, потому что с увеличением количества продукта увеличивается поверхность, над которой он поднимается.

Как это работает в больших масштабах, теперь будет видно при рассмотрении следующих фактов:—

Заявленная или фактическая *стоимость* экспорта британской продукции обрабатывающей промышленности в 1815 году составила .. 51 632 971 фунт стерлингов, а *количество* иностранных товаров, оставленных для потребления в том году, составило..... £17,238,841 [147]

Это, конечно, показывает, что цены на земное сырье были тогда высокими по сравнению с ценами на товары, которые приходилось продавать Великобритании.

В 1849 году *стоимость* британского экспорта составляла..... 63 596 025 фунтов стерлингов , а *количество* иностранных товаров, оставленных для потребления, составляло не менее 80 312 717 фунтов стерлингов

Таким образом, мы видим, что, хотя стоимость экспорта увеличилась только *на четверть*, продуктов, получаемых взамен, было *почти в пять раз больше*; и здесь мы обнаруживаем эффект той *неограниченной* конкуренции за продажу в Англии мировых сырых продуктов и *ограниченной* конкуренции за покупку произведенных, установление которой является целью системы. Нация быстро переходит от сильного и независимого положения страны,

производящей товары на продажу, к слабому и зависимому положению простого торговца, который зарабатывает на жизнь разницей между ценами, по которым он продает, и теми, по которым он покупает, то есть от своей власти облагать налогом производителей и потребителей земли. Это самая экстраординарная и универсальная система налогообложения, когда-либо изобретенная, и осуществляется она ценой ослабления населения всех чисто сельскохозяйственных стран. Чем полнее весь мир, за пределами Англии, может быть превращен в одну большую ферму, на которой мужчины, женщины и дети, сильные и слабые, молодые и престарелые, могут быть сведены к полевому труду как единственному средству существования, тем больше будет сумма *техразличий*, на которых сейчас в такой значительной степени держится английский народ, но тем стремительнее будет повсеместная тенденция к варварству и рабству. С другой стороны, чем больше удастся привлечь ремесленника на сторону фермера, тем меньше должна быть сумма этих *различий*, или налогов, и тем больше повсюду будет стремление к цивилизации и свободе; но тем сильнее будет то бедствие Англии, которое всегда наблюдается, когда производители всего мира получают много ткани и железа в обмен на свой сахар и свой хлопок. Таким образом, английская система - это война за сохранение и распространение рабства.

Недавно канцлер казначейства поздравил Палату общин с процветающим состоянием доходов, несмотря на то, что они были

"За десять лет были отменены или снижены пошлины на кофе, древесину, смородину, шерсть, сахар, патоку, вату, масло, сыр, шелковые изделия, сало, спиртные напитки, медную руду, масло и сперму, а также поразительное количество других товаров, которые приносили небольшой доход, в отношении которого это несущественно, и было бы почти абсурдно, если бы я беспокоил Палату в деталях. Мне достаточно отметить этот замечательный факт, что снижение ваших таможенных пошлин с 1842 года было систематически непрерывным; что в 1842 году вы вычли почти 1 500 000 фунтов стерлингов дохода, исчисляемого с таможенных пошлин; что в 1843 году вы вычли 126 000 фунтов стерлингов; в 1844 году 279 000 фунтов стерлингов; в 1845 году свыше 3 500 000 фунтов стерлингов; в 1846 году свыше 1 150 000 фунтов стерлингов; в 1847 году свыше 343 000 фунтов стерлингов; в 1848 году свыше 578 000 фунтов стерлингов; в 1849 году свыше 384 000 фунтов стерлингов; в 1850 году свыше 331 000 фунтов стерлингов; а в 1851 году свыше 801 000 фунтов стерлингов, что в совокупности за эти десять лет составило почти 9 000 000 фунтов стерлингов".

Причина всего этого в том, что земледельцы за границей неуклонно дают больше сырой продукции за меньшее количество ткани и железа. Чем более эксклюзивно народ Индии можно будет заставить посвятить себя выращиванию хлопка и сахара, тем дешевле они будут обходиться и тем больше будут доходы Великобритании. Чем больше удастся снизить цену на зерно, тем больше будет бегства в Техас и тем дешевле будет хлопок, но тем масштабнее будет работоторговля в Америке, Индии и Ирландии; и таким образом, процветание владельцев мельниц и печей в Англии всегда больше, когда народы мира становятся наиболее поработченными.

Однако можно спросить, не является ли это снижение цен на иностранные продукты выгодным для народа Англии. Это не так, потому что это ведет к снижению общей цены на рабочую силу, товар, который они вынуждены продавать. Дешевая ирландская рабочая сила значительно снижает ценность рабочей силы Англии, а дешевое ирландское зерно значительно снижает

спрос на рабочую силу в Англии, одновременно увеличивая предложение, вынуждая ирландцев пересекать Ла-Манш. Земля и труд всего мира имеют один общий интерес, и он заключается в том, чтобы давать как можно меньше тем, кто осуществляет обмен, и тем, кто ими руководит — торговцам и правительству. Последние повсюду преследуют один общий интерес, а именно: брать как можно больше у производителей и давать как можно меньше потребителям, покупая дешево и продавая дорого. Подобно огню и воде, они отличные слуги, но очень плохие хозяева. Чем ближе ремесленник к производителю продуктов питания и шерсти, тем меньше у посредника возможностей взимать налоги и тем больше у фермера возможностей защитить себя. Тенденция британской системы, где бы она ни обнаруживалась, заключается в обнищании землевладельца и рабочего и в том, что оба из года в год становятся все более зависимыми от владельцев такого небольшого количества машин, что вся их стоимость оплачивалась бы еженедельными — если даже не ежедневными — потерями, наносимыми системой работающему населению мира.[148] Чем больше обогащаются владельцы этого оборудования, тем больше рабочий повсюду должен становиться порабощенным.

То, что так должно быть обязательно, будет очевидно любому читателю, который задумается о том, насколько неблагоприятна эта система для развития интеллекта. Там, где все являются фермерами, может быть мало ассоциаций с целью содержания школ или для обмена идеями любого рода. Поскольку занятость женщин ограничивается полевыми работами, они не могут заботиться о своих детях, которые неизбежно вырастают грубыми и варварскими; и это мы видим сейчас в Вест-Индии, где школы быстро исчезают. В Португалии и Турции практически нет условий для обучения, а в Индии наблюдается спад в этом отношении, масштабы которого почти точно измеряются давностью иностранной оккупации.[149] В Пенджабе, стране, приобретенной последней, мужчины читают и пишут, но в Бенгалии и Мадрасе они совершенно необразованны. Семьдесят лет назад в Ирландии существовало очень эффективное государственное издательство, но оно почти полностью исчезло, как и спрос на книги, который до Объединения был настолько велик, что требовал переиздания значительной части тех, что появлялись в Англии. Шотландия тоже семьдесят лет назад дала Империи многих своих лучших писателей, но она, как и Ирландия, сильно пришла в упадок. Насколько плохо обстоят дела с образованием по всей Англии и насколько низок уровень интеллекта среди значительной части ее промышленного населения, читатель видел, и он может сам оценить, как много может быть прочитано книг или газет среди сельского населения, нанятого *по денно* за шесть, восемь или даже девять шиллингов в неделю, — и поэтому его не удивит, если он узнает, что за пределами Лондона не издается ни одной ежедневной газеты. *is*, однако, несколько необычно, что в этом городе, как недавно было заявлено, есть только одно издание, которое не "публикуется в убыток". Этот тираж составляет 40 000 экземпляров, что более чем в два раза превышает количество всех остальных ежедневных газет вместе взятых. Это самый неблагоприятный знак, поскольку централизация и прогресс никогда не шли рука об руку друг с другом.

Эта система тоже отталкивающая по своему характеру. Это ведет к возникновению разногласий между отдельными людьми и нациями, и поэтому мы видим многочисленные забастовки и объединения рабочих, о которых в других местах так мало известно. За границей это приводит к войне, как это сейчас наблюдается в Индии и как совсем недавно было в Китае. В Ирландии это приводит к изгнанию всего населения, а в Шотландии это привело к обезлюдению провинций. Продолжающаяся сейчас массовая эмиграция, которая достигла огромных масштабов - 360 000 человек за один год, свидетельствует о том, что отталкивающая сила полностью победила привлекательную, и что любовь к дому, родным и друзьям быстро угасает. В самом деле, как

могло быть иначе в стране, где рабочая сила настолько подешевела, что ведущий журнал уверяет своих читателей, что на протяжении целого поколения "человек был наркотиком, а население - помехой"?

Тот факт, что такое заявление должно быть сделано и что этот и другие влиятельные журналы должны радоваться изгнанию целой нации, свидетельствует о том, как далеко может зайти нездоровая система в стремлении закалить сердца против страданий наших собратьев. Эти бедные люди не эмигрируют добровольно. Они вынуждены покидать свои дома, точно так же, как в случае с негром-рабом из Виргинии; но у них, как и у раба, нет никакой уверенности в том, что их накормят и оденут в конце путешествия. Тем не менее, по всей Англии почти повсеместно выражается удовлетворение мыслью о том, что страна избавляется от того, что считается ее избыточным населением; и один весьма респектабельный журнал, [150] показав, что с той же скоростью Ирландия была бы полностью опустошена за двадцать четыре года, фактически заверяет своих читателей, что он смотрит на процесс "без тревоги или сожаления" и что он не боится, что процесс "зайдет слишком далеко или будет продолжаться слишком долго".

Таким образом, мы видим, что, с одной стороны, народ Англии занимается тем, что *запирает* бедных людей Африки, чтобы их не вынудили переселиться на Кубу; а с другой - радуется выселениям, как лучшему средству *изгнания* бедных людей Ирландии. Во всем этом наблюдается полное отсутствие последовательности; но что касается ирландского народа, то это всего лишь естественное следствие той "нездоровой социальной философии", основанной на доктрине Рикардо-мальтузианства, которая, уничтожив мелкого землевладельца и мелкого торговца, отрицает, что Творец хотел, чтобы каждый человек нашел место за своим столом, и видит не больше причин, по которым бедный рабочий должен иметь больше прав на пропитание, если он готов работать, чем манчестерская прядильщица хлопка должна искать покупателя на свою ткань. "Труд", — говорят нам, — это "товар", и если люди *будут* вступать в брак и растить детей "для затоваривающейся и истекающей торговли", то именно они должны отвечать за последствия - и "*если мы стоим между ошибкой и ее последствиями, мы стоим между злом и его лечением*" - если мы избегаем наказания (если оно не равно реальной смерти), мы увековечиваем грех".[151]

При таком состоянии общественного мнения в отношении требований труда нам едва ли нужно удивляться, обнаружив аналогичное положение вещей в отношении прав собственности. Акт эмансипации был серьезным вмешательством в эти права. Каким бы правильным ни считалось освобождение негров, было неправильно возлагать большую часть потерь на немногих и слабых плантаторов. Если бы справедливость требовала такого поступка, все должны были бы нести свою равную долю бремени. То же самое можно сказать и об Ирландии, где были приняты специальные законы, позволяющие залогодержателям продавать значительную часть земли, обесценившуюся из-за системы, которая в течение долгих лет не позволяла ирландцу заниматься ничем, кроме возделывания. Индия, похоже, теперь получит свою долю аналогичного законодательства. Как нам сказали, централизация там зашла недостаточно далеко. Частные права на землю, даже в том виде, в каком они существуют сейчас, [152] должны быть уничтожены. Нам говорят, что никому не может быть позволено "стоять между земледельцем и правительством", даже если сбор налогов "сделает необходимой такую большую армию *наемных работников*, что это поставит под угрозу поглощение львиной доли"

из них.[153] Что касается прав на землю в самой Англии, то один из ее самых выдающихся писателей говорит, что

"Когда говорят о "святости собственности", всегда следует помнить, что эта святость не относится в той же степени к земельной собственности. Землю создал не человек. * * *

Притязания землевладельцев на землю полностью подчинены общей политике государства. * *

* При условии соблюдения этого условия (о компенсации) государство вольно обращаться с земельной собственностью так, как этого могут потребовать общие интересы общества, даже в той степени, в какой, если это произойдет, с целым делается то же, что делается с частью всякий раз, когда принимается закон о железной дороге или улице ". —Дж. С. Милль, *Принципы*, книга ii. глава ii.

Что касается распоряжения имуществом после смерти его владельца, тот же автор придерживается мнения, что "определенное умеренное обеспечение, такое, которое признается разумным в случае внебрачных детей и детей младшего возраста" - это все, "что родители должны своим детям, и, следовательно, все, что государство должно детям тех, кто умер без завещания". Излишек, если таковой имеется, который он удерживает, "может быть по праву использован для общих целей сообщества". —Там же.

Крайности обычно сходятся. Со времен Адама Смита и до настоящего времени политика Англии была направлена в направлении, которое неизбежно вело к обнищанию мелких землевладельцев и к консолидации земель, и в течение всего этого периода нам говорили о превосходящих преимуществах крупных ферм и крупных фермеров-арендаторов; но теперь, когда вредные последствия системы становятся день ото дня все более очевидными, обсуждается вопрос о существовании *какого-либо права* на землю, и нам говорят, что существовали "общественные причины" "для ее присвоения", и если эти причины "утратили силу", то почему? с их силой это было бы несправедливо". От этого до конфискации был бы не очень большой шаг. Никакая подобная идея, конечно, не могла существовать в уме такого просвещенного человека, как мистер Милль, который настаивает на компенсации; но когда целому народу, производительная сила которого неуклонно уменьшается по мере того, как индивидуальные состояния становятся все более и более колоссальными, говорят, что владельцы земли, большие и малые, получают компенсацию за ее использование только по той причине, что они получили возможность обладать монополией на ее использование, и что ренту следует рассматривать как "вознаграждение без каких-либо жертв", но как "получаемую теми, кто не трудится и не вкладывает, но просто протягивают руки, чтобы принять подношения остальной части общества"[154] можем ли мы сомневаться в том, что приближается день, когда право собственности на землю будет подвергнуто испытанию в Англии, как это было в других местах? Конечно, нет. Рикардо-мальтузианство непосредственно стремится к тому, что обычно называют коммунизмом, и к этому моменту придет Англия при системе, которая нацелена на консолидацию земель, возвышение немногих и уничтожение физических, моральных, интеллектуальных и политических сил всего коллектива рабочих, за границей и дома,

Там, где население и богатство растут вместе, всегда наблюдается растущее уважение к правам личности и собственности. Там, где они приходят в упадок, это уважение уменьшается; и тенденция всей британской политико-экономической системы, направленная на уничтожение населения и богатства внутри страны и за рубежом, неизбежно ведет к аграризму в его

наихудшей форме. В том, что такова тенденция развития событий в Англии, мы располагаем подтверждением лондонской *Times*, в которой, как недавно было показано, мистер Кей говорит:

"Что за последние полвека было сделано все, чтобы лишить крестьянина какого-либо интереса к сохранению общественного порядка; какого-либо желания поддерживать существующую структуру общества; всякой надежды возвыситься в мире или улучшить свои жизненные условия; всякой привязанности к своей стране; всякого чувства того, что между ним и высшими слоями общества действительно существует какая-либо общность интересов; и всякого сознания того, что ему есть что терять в результате политических перемен; и что все было сделано для того, чтобы сделать его неудовлетворенным своим положением, завистливым к более богатым классам и недоволен существующим порядком вещей.

"Рабочий, - продолжает он, - больше не имеет никакой связи с землей, которую он возделывает; у него нет доли в стране; ему нечего терять, нечего защищать и не на что надеяться. Слово "коттедж" перестало означать то, что оно означало когда-то, - маленький дом, окруженный небольшим участком земли, который заключенный мог обрабатывать по своему усмотрению для поддержки и ублажения своей семьи и самого себя. Мелкие фригольды уже давно были скуплены и объединены в крупные поместья. Копифольды практически исчезли или были приобретены крупными землевладельцами. Земли общего пользования, на которых сельские жители когда-то имели право пасти скот для собственного пользования и на которых также проводились деревенские игры, пошли тем же путем: они огорожены и теперь составляют часть владений крупных землевладельцев. Подобным же образом почти полностью исчезли мелкие владения любого рода. Фермы постепенно становились все крупнее и в настоящее время в большинстве районов страны находятся далеко за пределами досягаемости крестьян из-за их размеров и величины капитала, необходимого для их возделывания. Пропасть между крестьянином и следующей ступенью социальной лестницы — фермером - расширяется и увеличивается день ото дня. Таким образом, рабочий лишен каких-либо шансов улучшить свое положение. Его положение - это безнадежная и непоправимая зависимость. Работный дом стоит рядом с ним, указывая на его печальную участь, если он опустится еще на одну ступеньку ниже, и, как мрачное пугало, предупреждая его перебраться в какой-нибудь более гостеприимный край, где он не найдет учреждений среднего возраста, препятствующих его трудолюбивым усилиям". — Том i. 361.

Это рабство, и оно свидетельствует о бедности, и все же мы часто слышим о богатстве Англии. Однако где оно? Общая арендная плата за землю, дома, мельницы, печи и рудники Соединенного Королевства немногим превышает сто миллионов фунтов стерлингов, из которых около половины приходится на здания, а если мы возьмем всю сумму, скоропортящуюся и нетленную, приобретенную через двадцать лет, то это всего лишь две тысячи миллионов.[155] Если затем мы добавим к этому расходы на машины всех видов, корабли, сельскохозяйственный инвентарь, 600 миллионов, [156] мы получим в общей сложности только 2600 миллионов, или 12 500 миллионов долларов, как все накопление за более чем две тысячи лет, потраченное на улучшение земли, строительство домов, поселков и поселянок — и это дает лишь немногим более 400 долларов на душу населения. Шестьдесят лет назад население Нью-Йорка составляло всего 340 000 человек, и это был бедный штат, и по сей день в нем нет ни одной сколько-нибудь важной разрабатываемой шахты. На протяжении всего периода ее народ истощал ее почву, и урожайность пшеницы на землях, которые раньше давали от двадцати пяти до тридцати бушелей с акра, упала до шести или восьми,[157] и все же ее дома и земли

оцениваются почти в тысячу двести миллионов долларов, а общая стоимость недвижимости и движимого имущества составляет не менее полутора тысяч миллионов, или около 500 долларов на душу населения - и это накопления почти нынешнего столетия.

The *Очевидное* богатство Англии, однако, велико, и это по той же причине, по которой Рим казался таким богатым во времена Красса и Лукулла, окруженный людьми, у которых ничего не было, по сравнению с днями, когда Цинцинната окружало множество мелких собственников. Консолидация земли и огромные производственные предприятия почти уничтожили возможность прибыльного использования небольших капиталов, и следствием этого является то, что их владельцы вынуждены размещать их в сберегательных фондах, компаниях по страхованию жизни и в банках под небольшие проценты, и все это ссужает их крупным землевладельцам и операторам мельниц, печей, железных дорог и т. Д. По мере того как земля консолидировалась, она была покрыта ипотекой, и результатом этого стало удвоение видимого количества собственности. Пока им владели мелкие собственники, доход от него исчислялся только как от земли. Теперь она оценивается, во-первых, как земля, за которую ее владелец платит налог, а затем как ипотека, за которую залогодержатель платит подоходный налог. Таким образом, землевладелец удерживает свою собственность за счет средств других людей, и степень, в которой это происходит по всей Англии, удивительно велика. Банки мало торгуют за счет своего собственного капитала, но почти полностью за счет других.[158] Капитал Банка Англии, несмотря на то, что он расходовался правительством, всегда торговался исключительно за счет своих депозитов и обращения. У Ост-Индской компании нет капитала, но очень большой долг, и нет ничего, что могло бы его компенсировать; и пример этих великих учреждений подражают более мелкие. Компаний по страхованию жизни предостаточно, и говорят, что их капиталы велики, но "девять десятых" из них объявлены "находящимися в состоянии разорительной неплатежеспособности";[159] и теперь обнаруживается, что истинный способ ведения этого бизнеса заключается в полном отсутствии капитала. Торговля Англии в значительной степени основана на собственности иностранцев в виде шерсти, шелка, хлопка, табака, сахара и других товаров, отправляемых туда для продажи, и они составляют значительную часть капитала ее купцов. Удерживая это огромное количество иностранного капитала, они поставляют железо и ткани, за которые они берут облигации народов других наций; и всякий раз, когда количество этих облигаций становится слишком большим, на денежном рынке возникает давление, и цены на все иностранные товары падают, к разорению их далеких владельцев. Отсутствием реального капитала [160] объясняется то, что восстания так часты и так разрушительны для всех стран, тесно связанных с ней; и это необходимое следствие огромных масштабов торговли заемным капиталом, что потери от банкротства так поразительно велики. С 1839 по 1843 год, в период глубокого мира, восемьдесят два частных банкира обанкротились; из них сорок шесть не выплачивали *никаких дивидендов*, двенадцать выплачивали менее двадцати пяти процентов, двенадцать - менее пятидесяти процентов, трое - менее семидесяти пяти процентов и двое - менее ста процентов; на дату составления отчета, из которого взято это заявление, осталось семь неопознанных. Последнее отвращение выявило тот факт, что многие из старейших и наиболее респектабельных домов Лондона в течение многих лет вели торговлю исключительно в кредит, не имея даже шиллинга капитала; а в Ливерпуле разрушения были настолько повсеместными, что было трудно найти более полудюжины домов, которым можно было доверить груз. Восстания являются необходимым следствием такого положения вещей, и при каждом из них мелкий производитель, мелкий торговец или землевладелец все больше и больше уничтожаются, в то время как централизация

неуклонно возрастает — а централизация неблагоприятна для роста богатства и цивилизации. Вся ткань неуклонно стремится все больше и больше принимать форму перевернутой пирамиды, которую можно представить таким образом:—

Корабли и мельницы,
Л и н д,
Рабочая сила.

В подтверждение этой точки зрения у нас есть следующие факты, приведенные в речи мистера Джорджа Уилсона на *реюньоне* в Манчестере несколько недель назад:

"В пяти округах Букингем, Дорсет, Уилтс, Нортгемптон и Салоп 63 члена были возвращены 52 921 избирателем, в то время как только такое же количество было возвращено Ланкашир и Йоркшир, с 89 669 избирателями округа и 84 612 округов, что составляет в общей сложности 174 281. Таким образом, если они вернут членов пропорционально числу только избирателей, эти пять округов смогут претендовать только на 19; в то время как, если Ланкашир примет их долю, он будет иметь право на 207. В двенадцати крупных городах или округах (считая Лондон как двойной район) было 24 члена, 192 000 избирателей, население 3 268 218 человек и 388 000 жилых домов. С другой стороны, 24 члена были возвращены Андовером, Букингемом, Чиппенхемом, Кокермутом, Тотнесом, Харвичем, Бедфордом, Лимингтоном, Мальборо, Грейт-Мальборо и Ричмондом; но у них было всего 3569 избирателей, 67 434 жителя и 1373 жилых дома. * * Самый робкий реформатор и самый умеренный человек вряд ли стал бы возражать против лишения избирательных прав тех районов, население которых составляло менее 5000 человек, и передачи 20 депутатов этим большим избирательным округам".

По мере того, как народ Ирландии переселяется с суши в Лондон, Ливерпуль или Америку, притязания этой страны на представительство неизбежно уменьшаются; то же самое происходит и с Шотландией, поскольку Высокогорье и Острова подвергаются процессу массовой очистки. Та же система, которая ведет к их депопуляции, имеет тенденцию к депопуляции сельскохозяйственных графств Англии и вынуждает их население искать работу в крупных городах и промышленных поселках; и это, по словам г-на Маккаллоха, [161] является одним из основных преимуществ, вытекающих из невыхода на работу. Немногие богачи собираются в Лондоне, а огромная масса бедняков — в переулках, на улицах и в подвалах Лондона и Ливерпуля, Бирмингема и Шеффилда, Манчестера и Лидса; и, таким образом, с каждым днем усиливается тенденция к тому, что вся власть над Англией и миром переходит в руки владельцев небольшого количества машин — тех самых людей, которые всего несколько лет назад, по описанию сэра Роберта Пила, заставляли детей работать по шестнадцать часов в день в течение недели и отводить часть воскресенья уборке машин, - и тех самых, которые недавно сопротивлялись каждому шагу. попытка регулировать продолжительность рабочего дня на том основании, что вся прибыль получена благодаря возможности требовать "последний час". Многие из этих джентльменов либералы и руководствуются наилучшими намерениями; но они позволили увлечь себя ложной и пагубной теорией, которая прямо направлена на порабощение человеческой расы, и, таким образом, ослеплены последствиями системы, которую они защищают; но даже если бы они были правы, было бы опасно централизовать почти всю законодательную власть в небольшой части Соединенного Королевства, занятой

людьми, существование которых почти полностью зависит от вопроса, дешев хлопкок или дорог, и которые могут оказаться полностью под контролем своих работодателей.

С каждым шагом в этом направлении консолидация земель имеет тенденцию увеличиваться, и возрастает потребность в "дешевой рабочей силе". "Весь вопрос" производственного превосходства Англии, как нам говорят, "превратился в вопрос дешевого и обильного предложения рабочей силы".[162] То есть, если рабочую силу можно ограничить и лишить рабочего возможности выбирать работодателей, тогда система может быть сохранена, но не иначе. Однако там, где рабочий не имеет права определять, на кого он будет работать, он является рабом; и до этого состояния система стремится довести английский народ, как это уже произошло с некогда свободными людьми Индии. Встревоженная мыслью о том, что нынешнее бегство из Англии может дать рабочему право выбирать своего работодателя и иметь некоторый контроль над размером его вознаграждения, лондонская *Times* предлагает целесообразность ввоза дешевых рабочих из Германии и других частей континента, чтобы помочь своим коллегам по работе в Америке и Индии работать хуже.

Хорошо сказано, что, по мнению некоторых политэкономистов, "человек был создан для земли, а не земля для человека". В Англии казалось бы, что он почти создан для хлопчатобумажных фабрик. Таковы, по-видимому, взгляды *Times*, поскольку четверть века назад они, несомненно, относились к мистеру Хаскиссону. Целью всякой здоровой политической экономии является воспитание рабочего и повышение достоинства труда. Суть английской системы состоит в том, чтобы "подавлять труд" и низводить рабочего до положения простого раба; и таков ее эффект повсюду — и нигде ее тенденция в этом направлении не проявляется так явно, как в самой Англии.[163]

Консолидация земель, с одной стороны, и решимость недоработать мир - с другой, приводят к быстрому ухудшению материального и морального состояния, и, как естественное следствие, происходит неуклонное ослабление власти местного самоуправления. Сокращение сельскохозяйственного населения и централизация обменов сопровождалась упадком сельскохозяйственных городов, а оставшиеся в них люди становились все менее и менее способными самостоятельно выполнять те обязанности, к которым привыкли их предшественники, — и именно поэтому политическая централизация растет так быстро. В настоящее время едва ли проходит сессия парламента, на которой не было бы отмечено создание новой комиссии по делам бедных, осушению городов, регулированию работы ночлежек или других вопросов, которыми местные власти могли бы заниматься лучше, если бы население так быстро не разделялось на два класса, далеко отстоящих друг от друга, - бедного рабочего и богатого отсутствующего землевладельца или другого капиталиста.

С ослаблением власти народа над своими собственными действиями нация постепенно теряет свое независимое положение среди наций земли. Очевидно, что все "процветание" страны зависит от возможности покупать дешевый хлопкок, дешевый сахар и другие дешевые продукты питания, и есть опасения, что что-то может помешать продолжению системы, которая поддерживает внутреннюю работоторговлю в этой стране. Поэтому все английские журналы говорят нам, что "Англия слишком зависит от Америки в плане поставок хлопка". "Полагаться на какую-либо одну страну, - пишет *Daily News*, - слишком рискованно, если учитывать только климат и времена года; но риск серьезно усугубляется, когда страна не принадлежит нам, а населена нацией, которой бы дружественной в целом и какой бы близкой ни была с нами

по крови и языку, не раз находилась с нами в состоянии войны и, возможно, когда-нибудь будет такой снова".

Из месяца в месяц и из года в год мы слышим одну и ту же ноту, всегда усиливающуюся по своей интенсивности, - и все же зависимость увеличивается, а не уменьшается. В один день о великом процветании страны свидетельствует публикация длинного списка новых хлопчатобумажных фабрик, а на следующий нам говорят о...

"Ужасное затруднительное положение множества людей, которым стихийное бедствие (низкий урожай хлопка) лишает возможности трудиться — которые должны работать или голодать, но которые не могут работать, потому что главный материал для их труда не добыть ни в каком другом мире". — *Журнал Lawson's Merchants*, декабрь 1852г.

Что может быть у нас хуже рабства, чем это? Опасаются, что эта страна не будет продолжать поставлять дешевый хлопок, и известно, что Индия не может увеличить свой экспорт, и, следовательно, все мысли Англии направлены на то, чтобы найти какой-нибудь новый источник, из которого он мог бы быть получен, который мог бы способствовать усилению конкуренции за его продажу и снизить ее ниже, чем она даже есть сейчас. Одно время надеялись, что его можно будет выращивать в Австралии, но там невозможно найти дешевую рабочую силу. С другой стороны, рекомендуется как целесообразное поощрять его выращивание в Натале (Южная Африка), поскольку там, как нас уверяют, его можно выращивать с помощью дешевого или рабского труда из Индии.[164]

Именно этому чувству растущей зависимости и растущей слабости следует приписать публикацию отрывков, подобных следующим, из лондонской *Times*:—

Раньше говорили, что если бы Афины и Лакедемоняне только могли решиться стать хорошими друзьями и сделать общее дело, они были бы хозяевами мира. Богатство, наука, морская предприимчивость и дерзкие амбиции одного, подкрепленные населением, территорией, воинственным духом и суровыми институтами другого, не могли не увлечь за собой весь мир. Это был проект, враждебный миру и процветанию человечества и служащий лишь национальному тщеславию. Гораздо более грандиозная цель, более легкое и почетное приобретение лежит перед Англией и Соединенными Штатами, а также всеми другими странами, имеющими наше происхождение и говорящими на нашем языке. Пусть они договорятся не о союзе наступательном и оборонительном, а просто никогда не воевать друг с другом. Пусть они позволят друг другу развиваться так, как, по-видимому, подсказывает Провидение, и британская раса постепенно и спокойно достигнет превосходства, недоступного простой политике и вооружению. Обширный и постоянно растущий товарообмен между несколькими членами этой великой семьи, почти ежедневные сообщения, открытые теперь не через один, а через несколько океанов, постоянное открытие новых средств передвижения, в которых сам пар теперь претендует на то, чтобы быть вытесненным столь же мощным, но более дешевым и удобным средством, — все это обещает объединить всю британскую расу по всему миру в единое социальное и коммерческое единство, более взаимовыгодное, чем любые политические ухищрения. Итак, что выигрывает Австрия от Венгрии, Франция от Алжира, Россия от Сибири или любая абсолютная монархия от своего жалкого населения, или какой город от своих сельских пригородов, чего Англия не извлекает в гораздо большей степени из Соединенных Штатов, а Соединенные Штаты - из Англии? Какое коммерческое партнерство, какая трудолюбивая семья демонстрирует столь прямой обмен услугами? Все, что требуется, -

это чтобы мы признали этот факт и оказали ему всю возможную помощь. Мы не можем быть независимыми друг от друга. Попытка более чем антиобщественная; она самоубийственна. Если бы компания могла отказаться от труда другого, она немедленно потеряла бы вознаграждение за свой труд. Будь то национальная ревность, или жажда воинственных предприятий, или более грубый аппетит коммерческой монополии, попытка разделения, результат и преступление одинаковы. Мы созданы для того, чтобы встречаться друг для друга. Небеса соединили всех, кто говорит на британском языке, и то, что соединили Небеса, пусть никому не приходит в голову разделять".

Союзниками Англии были Португалия и Ирландия, Индия и Вест-Индия, и было показано, в каком они состоянии. С Турцией у нее были самые тесные отношения, и эта великая империя сейчас повержена. Какой стимул она может тогда предложить в качестве заключения союза с ней? Чем теснее наша связь, тем меньше должен быть внутренний рынок продовольствия и хлопка, тем ниже должны быть цены на них и тем крупнее должна быть внутренняя работоторговля, которая сейчас так быстро растет. Ее система стремится к порабощению рабочего по всей земле и к повсеместному уничтожению ценности земли; и поэтому она нуждается в союзниках. Следовательно, *Times*, журнал, который всего десять лет назад не мог найти достаточно сильного термина для брани, применимого к народу этой страны, теперь сообщает своим читателям, что...

"Именно перспектива расширения и укрепления этих дружеских отношений придает такой большой интерес взаимному гостеприимству, проявляемому британскими и американскими гражданами к дипломатическим представителям братских государств".

"Чтобы обеспечить капиталу справедливое вознаграждение", было необходимо, чтобы "*цена английского труда была снижена*"; и она была снижена до такого низкого уровня, что позволила хлопчатобумажным фабрикам Манчестера вытеснить бедного индуса на его собственном рынке и заставить его выращивать дешевый сахар для снабжения дешевой рабочей силы Англии — и вытеснить фабрикантов этой страны, и заставить наших соотечественников выращивать дешевую кукурузу, чтобы прокормить дешевую рабочую силу Англии, изгнанную из Ирландии. Дешевая пища затем вынуждает к вывозу негров из Мэриленда и Вирджинии в Алабаму и Миссисипи, чтобы выращивать там дешевый хлопок и вытеснить жалких земледельцев Индии; и таким образом, последовательно каждая часть сельскохозяйственного мира вынуждена конкурировать со всеми остальными частями, и рабочие мира день ото дня становятся все более порабощенными; и все потому, что народ Англии полон решимости превратить всю землю в одну большую ферму с единственной мастерской, в которой будут установлены цены на все, что ее обитатели должны продавать или должны покупать. Впервые в мировой истории существует нация, вся система политики которой основана на максиме лавочника "Покупай дешево и продавай дорого"; и результаты видны в том факте, что эта нация становится день ото дня менее могущественной и менее способной осуществлять самоуправление в сообществе наций. Изо дня в день Англия все больше и больше утрачивает независимое положение фермера, который продает продукты своего собственного труда, и все больше и больше занимает положение лавочника, стремящегося заручиться благосклонностью тех, у кого есть товары для продажи или товары для покупки; и с каждым днем растет тревога, как бы не произошли изменения в чувствах покупателей, которые привозят хлопок и получают взамен ткань и железо. Можно было бы тщетно искать в исторических хрониках случай, подобный ее случаю — когда нация добровольно подвергла

себя процессу самого изматывающего рода. Они не представляют собой предыдущего примера большого сообщества, изобилующего высокоинтеллектуальными людьми, радующегося уменьшению доли своих людей, *способных прокормить себя и других*, и увеличению доли людей, *требующих, чтобы их кормили*. В настоящее время Англия экспортирует в год почти 400 000 мужчин и женщин, которые были выращены с огромными затратами, [165] и она радуется, получая взамен 300 000 младенцев, которых еще предстоит вырастить. Она вывозит молодых и удерживает пожилых. Она отправляет за границу здоровых и оставляет дома нездоровых. Она изгоняет трудолюбивых и удерживает праздных. Она расстается с мелким капиталистом, но оставляет себе бедняка. Она посылает людей со своей земли, а вместе с ними товары, которые они должны потреблять, готовясь к возделыванию далеких земель; и все эти вещи рассматриваются как свидетельства растущего богатства и власти. Она отправляет людей оттуда, где они могли бы совершить двенадцать или двадцать обменов в год, на расстояние, откуда они могут совершить только один; и это воспринимается как свидетельство роста торговли. Она отправляет своих людей с земли бродить по ее дорогам или искать убежища в грязных переулках и подвалах; и это приветствуется как стремление способствовать свободе человека. Однако во всем этом она всего лишь реализует пророчества Адама Смита относительно решимости его соотечественников видеть только во внешней торговле "сокровище Англии".

Ко всем нациям, древним и современным, свобода пришла с ростом ассоциации, и каждый акт ассоциации - это акт коммерции. Следовательно, торговля и свобода растут вместе, и все, что имеет тенденцию уменьшать одно, должно в равной степени иметь тенденцию уменьшать другое. Целью всей британской системы является уничтожение силы ассоциации, поскольку она стремится повсеместно воспрепятствовать развитию механических искусств, а без них не может быть местный обмен и ничего из этого сочетания, столь необходимого для материального, морального, интеллектуального и политического совершенствования. Мы знаем, что таков был его эффект в Португалии и Турции, Вест-Индии и наших Южных Штатах, и во всех этих странах свобода снижается по мере того, как уменьшается сила ассоциаций. Читатель видел, что таков был его эффект в Ирландии и Шотландии. В Англии мы можем повсюду наблюдать ту же тенденцию препятствовать существованию ассоциации или свободе торговли. Земля, великое орудие производства, изо дня в день становится все более консолидированной. Капитал, следующий важный инструмент, находится под контролем Банка Англии — учреждения, которое, вероятно, вызвало больше разрушений, чем любое другое, когда-либо существовавшее.[166]

Ассоциации банковского или производственного назначения ограничены системой ответственности, которая, как правило, не позволяет благоразумным людям принимать участие в их создании. Вся тенденция системы состоит в том, чтобы сковывать и ограничивать производительную силу; и, следовательно, оказалось необходимым установить тот факт, что великий Творец допустил серьезную ошибку в законах, регулирующих увеличение количества пищи и людей, и что *удешевленный* рабочий был обязан исправить ошибку, подавив то естественное стремление к объединению, которое ведет к увеличению населения. Последствия всего этого видны в том факте, что в этой стране нет реальной свободы торговли. Там нет конкуренции за покупку рабочей силы, и поэтому рабочий является рабом капиталиста. Здесь нет конкуренции за использование капитала, и его владелец является рабом своего банкира, который требует, чтобы он довольствовался наименьшей прибылью. Едва ли существует какая-либо власть продавать землю, ибо она повсюду окружена завещаниями, разделами и брачными

соглашениями, которые сковывают и поработают ее владельца. Нет никакой конкуренции за получение "девушек в жены", поскольку *Хроника* уверяет нас, что теперь брак редко заключают до тех пор, пока колыбель не станет такой же необходимой, как кольцо;[167] и когда это так, мужчина всегда будет считаться тираном, а женщина - рабыней. Стремясь уничтожить силу ассоциаций, свободу торговли и человека за границей, Англия в значительной степени уничтожила свободу у себя дома; и все это она сделала потому, что со дня публикации "*Богатства наций*" каждое ее движение было направлено на увековечение системы, осужденной ее автором как "явное нарушение самых священных прав человечества".

ГЛАВА XV.

КАК МОЖНО ИСКОРЕНИТЬ РАБСТВО?

Как можно уничтожить рабство и сделать человека свободным? На этот вопрос, применительно к Англии, несколько лет назад ответил выдающийся оратор, выступающий против хлебного закона, когда он сказал, что в течение долгого времени в этой стране два человека искали одного хозяина, тогда как тогда приближалось время, когда два хозяина будут искать одного человека. Итак, все мы знаем, что когда два человека желают приобрести товар, его стоимость повышается, и его владелец оказывается более свободным в определении того, что с ним делать, чем он мог бы сделать, если бы был только один человек, желающий его заполучить, и бесконечно более свободным, чем он мог бы быть, если бы было два продавца для одного покупателя. Чтобы сделать людей свободными, должна существовать конкуренция за покупку их услуг, и чем больше конкуренция, тем выше должна быть их ценность, а также ценность людей, которые их продают.

Уже было показано [168], что в чисто сельскохозяйственных сообществах конкуренция за покупку рабочей силы может быть очень незначительной; и в этом факте читатель может легко убедиться сам, размышляя об истории прошлого или исследуя состояние человека в том виде, в каком он существует в настоящее время среди различных народов земли. История показывает, что труд стал ценным и что человек стал свободным именно тогда, когда ремесленник получил возможность занять свое место рядом с пахарем, именно тогда, когда труд стал диверсифицированным, именно тогда, когда возникли небольшие города, в которых производитель продуктов питания и шерсти мог легко обменять их на ткань и железо, точно так же, как стало легче добывать навоз для поддержания продуктивности почвы, и именно поэтому, когда люди приобрели способность общаться со своими собратьями. Было замечено, что с ростом этой власти они повсюду получают повышенную отдачу от земли, повышенное вознаграждение за труд и увеличенную способность накапливать средства для строительства дорог, основания школ и выполнения всех других действий, способствующих улучшению их образа действий и образа мыслей; и, таким образом, свобода мысли, слова, действий и торговли всегда возрастала с ростом стоимости труда и земли.

Желательно отменить *торговлю* рабами. Такая торговля не могла бы существовать, если бы люди повсюду были свободны; но поскольку это не так, во многих странах было сочтено необходимым запретить продажу людей с чужбины в качестве предварительного условия для установления свободы. Однако ничего подобного сейчас ожидать нельзя, потому что не существует власти, способной принудить владельцев рабов к принятию каких-либо подобных мер; и, если бы она существовала, было бы желательно, чтобы ею пользовались, поскольку это сделало бы положение как раба, так и его хозяина хуже, чем оно есть даже сейчас. В этом также

нет необходимости, потому что существует "высший закон" — великий закон Творца, — который эффективно уничтожит торговлю всякий раз, когда ей будет разрешено начать действовать.

Почему мужчины в Африке продают своих братьев, чтобы их перевезли на Кубу или в Бразилию? Очевидно, по той же причине, по которой другие люди продают муку в Бостоне или Балтиморе, чтобы отправиться в Ливерпуль или Рио—Жанейро, - потому что в первых городах она дешевле, чем во вторых. Если бы, таким образом, мы хотели положить конец экспорту, разве наша цель не была бы эффективно достигнута путем принятия мер, которые привели бы к повышению цен в Бостоне, чем в Ливерпуле, и в Балтиморе, чем в Рио? То, что это было бы так, должно быть признано всеми. Если бы, таким образом, мы хотели остановить вывоз негров из Африки, разве наша цель не была бы достигнута эффективно и надолго, могли бы мы настолько повысить ценность человека в Африке, что он стоил бы там столько же или даже больше, чем на Кубе? Разве экспорт кули не прекратился бы, если бы человек мог стать более ценным в Индии, чем на Ямайке или в Гвиане? Разве разрушение коттеджей, выселение их обитателей и бессмысленная трата жизни по всей Ирландии не были бы немедленно прекращены, если бы человек стал там таким же ценным, каким он является здесь? Разве экспорт мужчин, женщин и детей из Великобритании не прекратился бы, если бы рабочая сила там могла быть доведена до уровня рабочей силы Массачусетса, Нью-Йорка и Пенсильвании? Несомненно, так и было бы, ибо люди добровольно не покидают дом, родню и друзей. Напротив, привязанность к дому настолько велика, что в большинстве случаев требуется гораздо большее влечение, чтобы побудить их эмигрировать. Адам Смит сказал, что из всех товаров труднее всего избавиться от человека, и ежедневные наблюдения показывают, что он был прав.

Чтобы положить конец африканской работорговле, нам нужно, таким образом, только повысить ценность человека *в Африке*. Чтобы прекратить принудительный вывоз мужчин, женщин и детей из Ирландии, нам нужно всего лишь повысить ценность мужчин *в Ирландии*; а чтобы положить конец нашей собственной внутренней работорговле, ничего не нужно, кроме того, что мы повысим ценность человека *в Вирджинии*. Чтобы раз и навсегда положить конец торговле рабами всех цветов кожи и во всех странах, нам нужно повысить ценность человека *дома*, пусть этот дом будет там, где он может быть. Как это можно сделать? Точно таким же образом, который положил конец экспорту рабов из Англии в Ирландию. Во времена Плантагенетов люди были настолько более ценными в последней стране, чем в первой, что рынок Ирландии был "переполнен английскими рабами"; но по мере того, как постепенно ремесленник занимал свое место рядом с английским пахарем, торговля прекратилась, потому что возникли города, и люди стали сильнее защищать свои права, поскольку они все больше и больше могли общаться друг с другом. С тех пор ремесленники исчезли из Ирландии, города пришли в упадок, а люди стали слабыми, потому что потеряли способность общаться, и, следовательно, рынок Англии был настолько перенасыщен ирландскими рабами, что человек был объявлен "наркотиком, а население - помехой".

Именно таким был ход событий в Африке. В течение двух столетий считалось желательным иметь в этой стране такой же "неисчерпаемый запас дешевой рабочей силы", какой Ирландия поставляла Англии; и, следовательно, не жалели усилий, чтобы помешать неграм добиться каких-либо улучшений в способах их выращивания. "Это была, - говорит Макферсон, - европейская политика, направленная на то, чтобы помешать африканцам достичь совершенства в любом из своих занятий, - из страха вмешаться в устоявшиеся отрасли торговли

в других странах". Точнее, это была английская политика. "Правда в том, — сказал мистер Питт в 1791 году, — что...

"Ни одна нация в Европе не погрязла так глубоко в этой вине, как Британия. *Мы* остановили естественный прогресс цивилизации в Африке. *Мы* лишили ее возможности исправиться. *Мы* держали ее в состоянии темноты, рабства, невежества и кровопролития. Там мы ниспровергли весь естественный порядок; мы усугубили всякое естественное варварство и дали каждому человеку мотивы для совершения под именем торговли актов постоянной вражды и вероломства против своего соседа. Таким образом, извращение британской торговли принесло несчастье вместо счастья целой четверти земного шара. Вопреки самим принципам торговли, не помня о своем долге, какой почти непоправимый вред мы причинили этому континенту! Мы пока получили лишь столько сведений о его производстве, чтобы показать, что существует возможность торговли, которую мы проверили".

Как все это было сделано? Препятствуя бедным африканцам приобретать оборудование, позволяющее им готовить сахар для продажи или производить хлопок и индиго и перерабатывать их в ткань — точно такой же способ производства, который применялся на Ямайке с такими невероятными человеческими жертвами. Ружья и порох помогали обеспечивать дешевую рабочую силу, и как они поставлялись даже так недавно, в 1807 году, будет видно при прочтении следующего отрывка из выдающегося английского источника, написанного почти в наши дни:

"Обычной отраслью торговли здесь, в Бирмингеме, является производство оружия для африканского рынка. Их делают примерно за полтора доллара: бочка наполняется водой, и если вода не просачивается, это считается достаточным доказательством. Конечно, они взрываются при выстреле и калечат несчастного негра, который приобрел их в кредит английской веры и получил их, скорее всего, в качестве платы за человеческое мясо! Из этой отвратительной торговли не делают секрета, однако правительство никогда не вмешивается, и лица, вовлеченные в нее, не пользуются дурной славой". — *"Письма Эсприэллы" Саути*.

В настоящее время считается желательным привлекать дешевую рабочую силу для сбора золотого песка и шкур, пальмовых листьев и слоновой кости, и описание товаров, экспортируемых в настоящее время в эту страну, будет показано в следующей грузовой ведомости брига "Лили", который несколько недель назад отплыл из Ливерпуля к побережью Африки, но взорвался и был уничтожен в окрестностях острова Мэн, а именно:

50 тонн пороха, 20 пуншей рома, некоторое количество огнестрельного оружия и несколько тюков с грузом.

Это не те товары, которые требуются для повышения стоимости человека в Африке, и до тех пор, пока она не будет поднята до уровня его стоимости на Кубе, экспорт людей будет продолжаться с африканского побережья, так же несомненно, как будет продолжаться экспорт из Ирландии, пока люди там дешевле, чем где-либо еще; и так же несомненно, что торговля, описанная в следующем письме, будет продолжаться, пока народу Индии не будет позволено ничего делать, кроме как выращивать сахар и хлопок для отдаленного рынка, и, таким образом, он будет вынужден отказаться от всех преимуществ, которыми они так долго пользовались при местных правительствах, когда история Индии закончится. хлопчатобумажное производство было историей почти каждой семьи в Индии:-

"Гавана, 11 февраля 1853 года.

Утром 7-го прибыло из Амоа, Сингапура и Ямайки британское судно Panama, Fisher, водоизмещением 522 тонны, сроком плавания 131 день, с 261 азиатом (кули) на борту для ознакомления с рабочей силой острова, купленное сроком службы четыре года. Потери при переходе составили значительный процент, 90 процентов были выброшены за борт. Спекулянтами в этом материале являются господа. Viloldo, Wardrop & Co., у которых есть разрешение правительства на перевозку пяти тысяч предметов. Груз все еще находится на карантине.

"8 сентября из Амоа и острова Святой Елены прибыл корабль "Бленхейм", Молисон, 808 тонн, 104 дня пути, доставивший тем же получателям 412 кули. Умер во время путешествия, 38. Деньги будут реализованы теми, кто удостоен чести выступить с вступительным словом, и английский капитал найдет себе применение; но я очень сомневаюсь, что цели английской *филантропии* будут реализованы, поскольку, исходя из прошлого, по истечении четырех лет почти все были принесены в жертву, в то время как условия труда африканцев будут совершенно плачевными. Кратковременная алчность ударяет плетью по бедному кули, и он умирает; его прячут, если он жив, и пользуются его невежеством в течение длительного времени, когда однажды подключают к работе на плантации, где можно избежать расследования". _корреспондент New York Journal of Commerce.

Эта торговля санкционирована британским правительством, потому что она обеспечивает выход для индийской рабочей силы, *ставшей излишней* из-за уничтожения власти ассоциаций по всей Индии, и все же то же самое правительство ежегодно тратит большие суммы на закрытие выхода для африканской рабочей силы, *ставшей излишней* из-за рома и пороха, поставляемых в Африку!

Чтобы остановить экспорт людей из этой важной части земли, необходимо, чтобы мы повысили ценность человека в Африке, а для этого африканец должен иметь возможность иметь машины, доставлять ремесленника к его двери, строить города, иметь школы и прокладывать дороги. Дать африканцу все это и пробудить в его груди желание чего-то лучшего, чем ром, порох и убийства, и таким образом повысить уровень морали и ценность труда, было целью основателей Республики Либерия, одного из самых важных и превосходных начинаний наших дней. Однако до сих пор все народы Европы относились к ней очень холодно, и лишь недавно она получила от кого-либо из них малейшее признание, и даже сейчас ее рассматривают исключительно как способную помочь в предоставлении дешевой рабочей силы, которая будет использована для увеличения поставок сахара и хлопка и, таким образом, удешевления этих товаров на мировом рынке за счет рабов Америки и Индии.

Тем не менее в ней достигнут значительный прогресс. В настоящее время его численность составляет 150 000 человек, [169] значительная часть из которых - туземцы, на которых пример колонистов из этой страны подействовал, воспитав любовь к трудолюбию и стремление ко многим удобствам цивилизованной жизни. С помощью, как правило, убеждения, но иногда и силы, оно положило конец вывозу людей по всей стране, имеющей несколько сотен миль побережья. Трудность, однако, заключается в том, что заработная плата очень низка, и, следовательно, существует лишь небольшой стимул для иммиграции людей из внутренних районов или из этой страны.[170] Таким образом, был достигнут значительный прогресс, но он невелик по сравнению с тем, чего можно было бы добиться, если бы республика предлагала

больше стимулов поселенцам из внутренних районов или из этой страны; то есть могла бы она повысить ценность человека, избавившись от *дешевой рабочей силы*. Там, где нет ничего, кроме сельского хозяйства, мужчины должны бездельничать большую часть своего времени, а женщины и дети *должны* бездельничать или работать в поле; а там, где люди вынуждены бездельничать, они остаются бедными и слабыми, и у них не может быть ни городов, ни дорог, ни школ. Если бы в силах республики было сказать людям на сотни миль вокруг, что каждый день в году требуется труд, причем за хорошую плату — что в одно время нужно собирать хлопок, а в другое — перерабатывать его в ткань — что летом нужно выращивать тростник, осенью собирать сахар, а зимой его перерабатывать — что в одно время нужно строить дома и мельницы, а в другое — прокладывать дороги - что в одном квартале нужно добывать камень, а в другом - древесину. срублены - были бы сотни тысяч африканцев, которые приехали бы искать работу, и каждый пришедший человек придавал бы силу республике, одновременно уменьшая силу маленьких тиранов внутренних районов, которые вскоре обнаружили бы, что людей становится все меньше, а ценность их возрастает, и тогда стало бы необходимо попытаться удержать своих подданных. Каждый приезжающий мужчина желал бы, чтобы его жена и дети последовали за ним, и вскоре стало бы ясно, что население и богатство - синонимы, как когда-то предполагалось в Европе. Постепенно во внутренние районы были бы проложены дороги, и цивилизованные чернокожие люди вернулись бы в свои старые дома, неся с собой привычки к трудолюбию и интеллект, знание сельского хозяйства и процессов более грубых производств, и с каждым шагом в этом направлении труд приобретал бы новую ценность, и люди повсюду становились бы более свободными.

Однако для достижения этих целей в одиночку и без посторонней помощи могут потребоваться почти столетия, и оказать помощь означало бы полностью отказаться от доктрины дешевой рабочей силы, дешевого сахара и дешевого хлопка. Давайте предположим, что во время своего последнего визита в Англию президент Робертс должен был обратиться за помощью к английскому премьер—министру в обращении следующего содержания, а затем посмотрим, каким должен был быть ответ:

"Мой господин:

"В нашей молодой республике проживает 150 000 человек, разбросанных по поверхности, способной прокормить все население Англии, и все они заняты производством одних и тех же товаров, вследствие чего мы имеем и можем иметь лишь небольшую торговлю между собой. Большую часть года нашим мужчинам нечего делать, и они теряют много времени, а наши женщины и дети полностью ограничены полевыми работами, из-за большого пренебрежения образованием. Широко разбросанные, мы очень нуждаемся в дорогах, но слишком бедны, чтобы их проложить, и поэтому много продукции гибнет на земле. Мы не можем выращивать громоздкие изделия, потому что стоимость транспортировки была бы выше, чем их продажа на рынке; а из тех, которые мы выращиваем, почти все приходится отправлять на расстояние, при этом плодородие почвы неуклонно снижается. Нам нужны машины и механики. С их помощью мы могли бы перерабатывать наш хлопок и индиго в ткань и, таким образом, найти работу для женщин и детей. Механикам понадобились бы дома, плотники и кузнецы нашли бы работу, и постепенно возникли бы города, и наш народ день ото дня получал бы больше возможностей производить обмен дома, одновременно приобретая все больше возможностей для строительства дорог, и земля стала бы цениться, в то время как люди день ото дня становились бы более свободными. Иммиграция из внутренних районов была бы значительной, и из года в

год мы могли бы расширять наши отношения с отдаленными племенами, придавая ценность их труду и распространяя знания, и, таким образом, мы в недалеком будущем получили бы возможность не только положить конец работорговле, но и направить миллионы варваров по пути к богатству и цивилизации. Однако для достижения этих целей нам нужны помощь и поддержка Великобритании".

Ответ на это обязательно был бы —

Г-н Президент:

"Мы осознаем преимущество диверсификации занятий, поскольку именно ей наш собственный народ был обязан своей свободой. С иммиграцией ремесленников произошел рост наших городов, возросла ценность нашей земли и сила нации. Мы также осознаем преимущества тех природных агентов, которые в такой степени способствуют развитию человеческих сил; но помощь в создании мануфактур любого типа в любой части мира противоречит британской политике. Напротив, мы не жалели усилий, чтобы уничтожить те, что существуют в Индии, и сейчас мы поддерживаем многочисленные колонии за огромные средства с единственной целью "задушить в зародыше мануфактуру других наций". Нам нужны большие запасы хлопка, и чем больше вы нам пришлете, тем дешевле это будет; тогда как, если вы производите ткань, у вас не будет ни хлопка на продажу, ни ткани на покупку. Нам нужен дешевый сахар, и если у вас есть ремесленники, которые едят ваш сахар, у вас не будет никого, кто мог бы прислать нам деньги за топоры или молотки. Нам нужны дешевые шкуры, пальмовые листья и слоновая кость, и если ваши люди поселятся в городах, у них будет меньше времени заниматься сбором этих товаров. Нам нужна дешевая рабочая сила, и чем дешевле ваш хлопок и ваш сахар, тем ниже будет цена рабочей силы. Будьте довольны. Возделывайте землю и отправляйте ее продукты на наши рынки, а мы будем присылать вам ткани и железо. Вам, правда, будет трудно прокладывать дороги или строить школы, и вашим женщинам придется работать на сахарных плантациях; но это предотвратит рост населения, и будет меньше опасности того, что вы будете вынуждены обращаться к "низшим почвам", которые дают гораздо меньшую отдачу за труд. Большая опасность, существующая сейчас, заключается в том, что у населения может закончиться продовольствие, и все наши меры в Ирландии, Индии, Турции и других странах направлены на предотвращение возникновения столь плачевного положения вещей".

Давайте теперь предположим, что народ Вирджинии должен обратиться к британской нации в следующих выражениях:—

"Нас окружают люди, которые выращивают хлопок, и у нас в нашем собственном штате есть незанятая земля, которая могла бы дать больше овечьей шерсти, чем потребовалось бы для одежды половине нашей нации. В наших пределах сейчас впустую расходуются запасы воды, которые при правильном использовании могли бы превратить в ткань половину хлопка, выращиваемого в Союзе. У нас есть уголь и железная руда в неограниченном количестве, и мы ежедневно тратим почти столько труда, сколько потребовалось бы для изготовления всего сукна и железа, которые мы потребляем за месяц. Тем не менее, мы не умеем делать ни ткань, ни железо. Многие из наших людей пытались это сделать, но они, почти без исключения, были разорены. Когда вы устанавливаете высокие цены на ткани, мы строим фабрики; но как только они строятся, в "могущественном сердце торговли" наступает кризис, и ткани поступают на наши рынки в таком изобилии и продаются так дешево, что наш народ становится банкротом.

Когда вы устанавливаете высокие цены на железо, как вы *делаете* сейчас, мы строим печи; но как только они готовы, наступает ваш периодический кризис, и тогда вы продаете железо так дешево, что печник разоряется. Как следствие этого, мы вынуждены посвятить себя выращиванию табака и кукурузы, чтобы уехать за границу, а наши женщины и дети подвергаются варварскому обращению, в то время как наши земли истощены. Вы получаете наш табак и платите нам всего три пенса за тот, который продается за шесть шиллингов, и таким образом мы остаемся бедняками. Наша кукуруза слишком крупная, чтобы вывозиться за границу в сыром виде, и, чтобы она могла поступить на рынок, мы вынуждены производить из нее негров для Техаса. Мы ненавидим внутреннюю работорговлю, и продажа негра вызывает у нас отвращение, но у нас нет и не может быть средства правовой защиты, пока из-за отсутствия оборудования рабочая сила так дешева. Если бы мы могли производить железо или ткань, нам понадобились бы дома, и города, и плотники, и кузнецы, и тогда к нам стекались бы люди из других штатов, и наши города быстро росли бы, и был бы большой спрос на картофель и репу, капусту и морковь, горох и фасоль, и тогда мы могли бы собирать с земли тонны зеленых культур, где сейчас мы получаем только бушели пшеницы. Земля тогда стала бы ценной, а огромные плантации были бы разделены на маленькие фермы, и с каждым шагом в этом направлении труд становился бы более производительным, и рабочий день ото дня приобретал бы власть определять, на кого он будет работать и как ему следует платить, — и таким образом, как это было во всех других странах, наши рабы стали бы свободными по мере того, как мы становились богатыми".

Каким был бы ответ на это? Разве он не должен быть следующего содержания:—

"Нам нужна дешевая еда, и чем больше вы сможете ограничиваться сельским хозяйством, тем большее количество пшеницы будет поступать на наш рынок, и тем дешевле будет кормиться наша дешевая рабочая сила. Нам нужен большой доход, и чем больше вы можете быть вынуждены выращивать табака, тем больше наше потребление и тем больше наш доход. Нам нужны дешевый хлопок и дешевый сахар, и чем меньше ценность мужчин, женщин и детей в Вирджинии, тем больше будет экспорт рабов в Техас, тем сильнее будет конкуренция производителей хлопка и сахара за продажу своих товаров на наших рынках, и тем ниже будут цены, в то время как тем сильнее будет конкуренция за покупку наших тканей, железа, свинца и меди, и тем выше будут цены. Наше правило - покупать дешево и продавать дорого, и только раб дорого подчиняется, чтобы купить и дешево продать. Наши интересы требуют, чтобы мы были великой мастерской мира, и чтобы мы могли быть таковыми, необходимо, чтобы мы использовали все средства, находящиеся в нашей власти, чтобы помешать другим нациям воспользоваться их обширными залежами руды и топлива; ибо, если бы они производили железо, они получили бы машины и были бы способны призвать себе на помощь огромные силы, которые природа повсюду предоставила на службу человеку. Мы желаем, чтобы не было ни паровых машин, ни отбеливающих аппаратов, ни печей, ни прокатных станов, кроме наших собственных; и наша причина этого в том, что мы вполне удовлетворены тем, что сельское хозяйство является наихудшим и наименее прибыльным занятием человека, в то время как производство - лучшим и наиболее прибыльным. Поэтому мы желаем, чтобы вы продолжали выращивать табак и кукурузу и производить из кукурузы негров для Техаса и Арканзаса; и чем шире будет работорговля, тем больше мы будем довольны, потому что мы знаем, что чем больше негров вы экспортируете, тем ниже будет цена хлопка. Наш народ день ото дня становится все более удовлетворенным тем, что "в их интересах", чтобы негр "спокойно носил свои цепи", даже если это может привести к разлуке мужей и жен, родителей и детей, и хотя они

знают, что за неимением другой работы женщины и дети вынуждены использовать свой труд при выращивании риса на болотах Каролины или при выращивании сахара на самых богатых и нездоровых землях Техаса. У этого будет одно преимущество. Это уменьшит опасность перенаселения".

Опять же, давайте предположим, что народ Ирландии придет к своим братьям по ту сторону Ла-Манша и скажет— "Прошло полвека с тех пор, как мы быстро совершенствовались. У нас были крупные мануфактуры различного рода, и наши города процветали, и количество школ увеличивалось, что вызывало большой спрос на книги, при постоянно растущем росте спроса на рабочую силу и ее качества. Однако с тех пор произошли прискорбные перемены. Наши мельницы и печи повсюду были закрыты, и наш народ был вынужден полностью зависеть от земли; последствия этого видны в том факте, что от них требовали платить такую огромную арендную плату, что они сами были не в состоянии потреблять ничего, кроме картофеля, и голодали сотнями тысяч, потому что они не могли найти рынка труда, который позволил бы им приобрести даже его в количестве, достаточном для поддержания жизни. Труд настолько обесценился, что сотни тысяч наших домов были снесены, и теперь мы вынуждены разлучаться друг с другом: мужья бросают жен, сыновья бросают родителей, братья бросают сестер. Мы опасаемся, что вся наша нация исчезнет с лица земли; и единственный способ предотвратить столь печальное событие - это повысить стоимость труда. Нам нужно создать рынок сбыта у себя дома для этого и для продуктов нашей земли; но этого мы не сможем добиться, если у нас не будет техники. Помогите нам в этом. Давайте обеспечивать себя сами. Давайте производить ткань и железо и давайте обменивать эти товары между собой на труд, который сейчас повсюду тратится впустую. Тогда мы увидим, как процветают старые города и возникают новые, и у нас появятся школы, и наша земля станет ценной, а мы станем свободными".

Ответ на этот вопрос обязательно был бы следующим:—

"Именно дешевой рабочей силе, которую поставляла Ирландия, мы обязаны за "наши великие дела", а дешевая рабочая сила сейчас нужна больше, чем когда-либо, потому что нам приходится недорабатывать не только индусов, но и несколько ведущих наций Европы и Америки. Чтобы у нас была дешевая рабочая сила, у нас должна быть дешевая еда. Если бы мы позволили вам стать промышленниками, вы бы создали рынок сбыта у себя дома для своего труда, и заработная плата выросла бы, и вы тогда смогли бы есть мясо и пшеничный хлеб вместо картофеля, а следствием этого было бы повышение цен на продукты питания; и, таким образом, мы были бы лишены возможности конкурировать с народами Германии, Бельгии и Америки на различных рынках мира. Более того, если бы вы стали производителями, вы потребляли бы дюжину фунтов хлопка там, где сейчас вы потребляете всего один, и это повысило бы цену на хлопок, поскольку спрос в Германии и России сейчас повысил ее, в то время как ваша конкуренция с нами может снизить цену на ткань. Нам нужен дешевый хлопок при продаже дорогой ткани. Нам нужны дешевые продукты питания при продаже дорогого железа. Наше главное правило действий гласит: "покупай на самом дешевом рынке и продавай на самом дорогом" — и чем менее цивилизованны те, с кем нам приходится иметь дело, тем дешевле мы всегда можем купить и дороже продать. Поэтому в наших интересах, чтобы ваши женщины работали в поле, а ваши дети росли необразованными и варварами. Однако даже если бы мы были так настроены, вы не смогли бы конкурировать с нами. Ваш труд дешев, это правда, но после того, как вы в течение полувека были лишены мануфактур, у вас мало навыков, и вам потребовалось бы много лет, чтобы приобрести их. Ваша внешняя торговля исчезла вместе с

вашиими мануфактурами, и у продукции ваших ткацких станков не было бы другого рынка, кроме вашего собственного. Когда мы изобретаем модель, у нас в качестве рынка появляется весь мир, и, удовлетворив внутренний спрос, мы можем поставлять ее на внешние рынки так дешево, что это бросит вызов любой конкуренции. Помимо всего этого, у нас с очень короткими интервалами случаются периоды денежно-кредитного кризиса, которые настолько серьезны, что сметаю многих наших собственных производителей, и в это время товары вытесняются на все рынки мира для продажи по любой цене, которую за них можно получить. Взгляните только на факты последних нескольких лет. Шесть лет назад железнодорожное железо стоило 12 фунтов стерлингов за тонну. Три года назад его можно было купить за 4,10 фунта стерлингов или даже меньше. Сейчас он составляет 10 фунтов стерлингов, а через год может составить либо 12, либо 4 фунта стерлингов; и будет ли это то или другое, полностью зависит от действий крупного Банка, который регулирует все наши дела. При таких обстоятельствах, как могли ваши зарождающиеся заведения надеяться на существование? Будьте довольны. Кельт долгое время был "рубщиком дров и разносчиком воды для саксов", и поэтому он должен продолжать. Нам было бы жаль видеть вас всех изгнанными с вашей родной земли, потому что это лишило бы нас дешевой рабочей силы; но взамен мы получим тот важный факт, что Ирландия превратится в одну огромную пастбищную ферму, которая будет снабжать нас дешевой провизией и, таким образом, поможет снизить цены на все виды продовольствия, поставляемые на наши рынки".

Индусу подобным образом сказали бы, что его помощь необходима для снижения цен на американский и египетский хлопок, а также бразильский и кубинский сахар, и что цена на то и другое выросла бы, если бы ему разрешили приобрести машины, которые позволили бы ему добывать уголь и железную руду, с помощью которых получать шпиндели и ткацкие станки для переработки его хлопка в ткань, и таким образом повысить стоимость его труда. Бразильцу сказали бы, что политика Англии заключалась в том, чтобы иметь дешевый сахар, и что чем больше он будет ограничивать себя и свой народ — мужчин, женщин и детей — выращиванием тростника, тем ниже будут цены на продукцию рабов Кубы и Маврикия.

Видя, что политика Англии была, таким образом, прямо противоположна всему, что связано с ассоциацией или ростом городов и других местных мест обмена, и что она была направлена только на удешевление рабочей силы и порабощение рабочего, естественно, возникли бы вопросы: можем ли мы сами себе не помочь? Неужели нет способа вырваться из этого рабства? Должны ли наши женщины всегда работать в поле? Должны ли наши дети всегда быть лишены возможности посещать школы? Должны ли мы вечно продолжать выращивать негров для продажи? Должна ли работорговля продолжаться вечно? Должны ли сельскохозяйственные сообщества мира быть вынуждены вечно конкурировать друг с другом на одном очень ограниченном рынке за продажу всего, что у них есть для продажи, и за покупку всего, что у них есть для покупки? Разве нет таких стран, в которых люди становятся более свободными, и не могли бы мы помочь делу свободы, изучив курс, которым они шли и продолжают идти? Давайте тогда исследуем политику некоторых различных народов Континентальной Европы и посмотрим, сможем ли мы получить ответ на эти вопросы.

ГЛАВА XVI.

КАК РАСТЕТ СВОБОДА В СЕВЕРНОЙ ГЕРМАНИИ.

Местное действие всегда, в значительной степени, существовало в Германии. Какое-то время существовала тенденция к централизации власти в руках Австрии, но рост Пруссии на севере

вызвал встречное притяжение, и со дня на день усиливается тенденция к децентрализации, местной активности и свободе.

Прошло немногим более семидесяти лет с тех пор, как курфюрст Гессенский продал большое количество своих бедных подданных правительству Англии, чтобы помочь ему установить неограниченный контроль над народом этой страны. Примерно в тот же период Фридрих Прусский повсюду разослал своих эмиссаров по захвату людей подходящего роста для своих гренадерских полков - и погоня была настолько ожесточенной, что человеку любой нации, каким бы свободным он ни был, хотя бы шести футов ростом, было опасно находиться в пределах их досягаемости. Люди были рабами, плохо питались, плохо одевались и плохо жили, а их правители были тиранами. Языком высших классов был французский, немецкий считался тогда грубым и вульгарным, годным только для крепостного. Немецкая литература тогда только пробивалась к существованию. О механическом искусстве было известно мало, и люди занимались почти исключительно сельским хозяйством, в то время как машины, используемые в сельском хозяйстве, были самого грубого вида. Торговля внутри страны была очень незначительной, а за границу она ограничивалась экспортом необработанных полевых продуктов для обмена на предметы роскоши Лондона или Парижа, необходимые для использования высшими слоями общества.

Тридцать лет спустя работоторговля поставляла грузы для многих, если не для большинства, судов, которые вели торговлю между этой страной и Германией. Мужчин, женщин и детей вывозили и продавали на определенный срок, по истечении которого они становились свободными, и многие из самых респектабельных людей в Средних Штатах происходят от "наемных" немецких слуг.

Однако последние полвека были отмечены принятием мер, направленных на полное развитие механического искусства по всей Германии и на увеличение числа мест для проведения местных бирж. Перемены начались в период континентальной системы; но по окончании войны промышленные предприятия страны были в значительной степени уничтожены, и суконное сырье снова было вынуждено путешествовать на большие расстояния в поисках веретена и ткацкого станка, вывоз которых из Англии, равно как и угольщиков и ремесленников, был, как читатель видел, запрещен. Однако прошло совсем немного лет, прежде чем стало очевидно, что люди становятся беднее, а земля истощается, и тогда были созданы более мелкие профсоюзы с целью поставить ткацкий станок на его естественное место рядом с плугом и бороной. Шаг за шагом они увеличивались в размерах и силе, пока в 1835 году, всего через двадцать лет после битвы при Ватерлоо, не был образован *Zoll-Verein*, или великогерманский союз, в рамках которого внутренняя торговля стала почти полностью свободной, в то время как внешняя была подвергнута определенным ограничениям, имевшим целью заставить ремесленника приехать и обосноваться там, где еда и шерсть были дешевыми, в соответствии с доктринами Адама Смита.

В 1825 году Германия экспортировала почти тридцать миллионов фунтов необработанной шерсти в Англию, где она была облагана пошлиной в размере двенадцати центов за фунт за привилегию проходить через оборудование, предусмотренное там для ее производства в ткань. С тех пор объем производства увеличился вдвое, и все же экспорт не только почти прекратился, но и сейчас импортируется много иностранной шерсти с целью смешивания с той, что производится дома. Результатом этого, конечно, стало создание большого рынка как для

продуктов питания, так и для шерсти, которая в противном случае была бы вытеснена на рынок Англии, при значительном снижении цен на то и другое; и шерстяные ткани в настоящее время производятся в Германии так дешево, что их экспортируют почти во все части света. Шерсть стоит дороже, а сукно - дешевле, и, следовательно, как мы увидим, люди сейчас намного лучше одеты.

На момент образования Союза общий объем импорта хлопка-сырца и хлопчатобумажной пряжи составлял около 300 000 тонн, но производство развивалось так быстро, что менее чем за шесть лет оно удвоилось, и хлопчатобумажные изделия поставлялись так дешево, что уже возникла крупная экспортная торговля. В 1845 году, когда Союзу было всего десять лет, импорт хлопка и пряжи достиг миллиона центнеров, и с тех пор наблюдается значительный рост. Производство чугуна также росло так быстро, что, если в 1834 году потребление составляло всего *одиннадцать* фунтов на душу населения, то в 1847 году оно возросло до *двадцати пяти* фунтов, увеличившись, таким образом, более чем вдвое; и с каждым шагом в этом направлении люди приобретали более совершенные машины для обработки земли и для превращения ее сырых продуктов в промышленные.

Ни в одной стране со времени образования Союза не наблюдалось более быстрого увеличения этой диверсификации сфер занятости и увеличения спроса на рабочую силу, чем в Германии. Повсюду по всей стране люди теперь получают возможность совмещать труд в мастерской с работой в поле и в саду, и "социальные и экономические результаты" этого невозможны, говорит г—н Кей [171] -

"Быть оцененным слишком высоко. Совмещение садово-огородных работ с производственными занятиями, выгодное для рабочего, работающего в собственном доме, является настоящей роскошью и необходимостью для фабричного рабочего, занятия которого почти всегда наносят вред здоровью. После дневного труда на фабрике он испытывает физическое оживление от умеренного труда на свежем воздухе и, более того, извлекает из этого некоторые экономические преимущества. Благодаря этому он может выращивать по крайней мере часть овощей, необходимых его семье для употребления в пищу, вместо того чтобы покупать их на рынке со значительными затратами. Иногда он также может держать корову, которая обеспечивает его семью молоком и обеспечивает здоровое занятие для его жены и детей, когда они уходят с завода".

Как необходимое следствие этого создания внутреннего рынка, фермер перестал быть вынужденным посвящать себя исключительно производству пшеницы или других товаров небольшого объема и высокой цены и теперь может "иметь целый ряд урожаев", — говорит г-н Ховитт-

-Как огородник на рынке. У них есть своя морковь, мак, конопля, лен, сенполий, люцерна, рапс, капуста, брюква, черная, шведская и белая репа, чабрец, топинамбур, мангельвурцель, пастернак, фасоль, полевая фасоль и горох, вика, кукуруза, гречиха, марена для производителей, картофель, большой урожай табака, просо — все или большая часть находятся в семейном ведении на их собственных семейных наделах. Сначала им приходилось все это сеять, многие из них пересаживать, окучивать, пропалывать, очищать от насекомых, подкармливать; многие из них скашивать и собирать для последующих посевов. У них есть свои заливные луга, из которых почти все их луга предназначены для затопления, скашивания и восстановления; ручьи, которые нужно открыть и застроить заново; их ранние плоды, которые

нужно собирать и поставлять на рынок вместе с зелеными культурами овощей; их крупный рогатый скот, овцы, телята, домашняя птица (большинство из них заключенные) и домашняя птица, за которой нужно ухаживать; их виноградные лозы, которые буйно разрастаются в летнюю жару, нужно подрезать и прореживать листья, когда они слишком густые; и любой может себе представить, какая это сцена непрерывного труда. является". -*Сельская и домашняя жизнь в Германии*, стр. 50.

Наличие внутреннего рынка позволяет им, конечно, удобрять свои земли. "Нет средств", — говорит г-н Кей-

"Бережутся, чтобы земля приносила как можно больше урожая. Ни один квадратный ярд земли не остается необработанным или неиспользуемым. Ни один раскорм не остается смешанным с почвой. Земля очищается от сорняков и мусора, а комья земли разбираются с такой же тщательностью, как в английском саду. Если это луговая земля, ее очищают от вредных трав и сорняков. Разрешается выращивать только сладкие травы, полезные для скота. Весь навоз из дома, с фермы и со двора тщательно собирается и научно подготавливается. Затем жидкий навоз вывозится на ручных тележках, подобных нашим тележкам для полива дорог, на поля и поливается лугами в равных пропорциях. Твердый навоз измельчают, очищают от камней и мусора, а затем должным образом перемешивают и разбрасывают по землям, которые в нем нуждаются. Не теряется места в изгородях или канавах, и не остается мест размножения для паразитов, которые во многих частях Англии наносят такой большой вред посевам фермеров. Тщательно изучается характер почвы в каждом районе и выбирается подходящий севооборот, позволяющий получать максимально возможную отдачу без нанесения ущерба земле; а скот содержится в хорошем помещении, в прекрасной чистоте, за ним ухаживают, как за лошадьми наших охотников". — Том i. 118.

Работа в этой области стала продуктивной, и люди были взволнованы, говорит доктор Шуберт—

"Особый и растущий интерес к сельскому хозяйству и разведению крупного рогатого скота; и если в некоторых местностях из-за особых обстоятельств или меньшего уровня интеллекта определенные отрасли сельскохозяйственной науки менее развиты, чем в других местностях, тем не менее, нельзя отрицать, что был достигнут почти всеобщий прогресс в обработке почвы и разведении крупного рогатого скота. Никто больше не может, как это было принято тридцать лет назад, описывать прусскую систему земледелия одним названием - трехлетняя система обучения; никто не может, как раньше, ограничивать свое перечисление богато возделываемых районов несколькими населенными пунктами. В наши дни в Пруссии нет ни одного района, в котором интеллект, неиссякаемая энергия и неослабное расходование капитала не привели бы к значительному улучшению значительной части страны в целях ведения сельского хозяйства и разведения крупного рогатого скота".[172]

Говоря о той части Германии, которая лежит на Рейне и Неккаре, профессор Рау из Гейдельберга говорит, что...

"Всякий, кто спешно путешествует по этой части страны, должен быть приятно удивлен пышной растительностью полей, садами и виноградниками, покрывающими склоны холмов, размерами деревень, шириной их улиц, красотой их официальных зданий, чистотой и величием их домов, хорошей одеждой, в которой люди появляются на своих празднествах, и всеобщими

доказательствами процветания, которое было вызвано трудолюбием и мастерством и которое пережило все политические перемены того времени. * * * Неутомимое трудолюбие крестьян, которых можно видеть активно занятыми круглый год и каждый день, и которые никогда не сидят сложа руки, потому что они понимают, как организовать свою работу и как распределить соответствующие обязанности на каждое время года, столь же примечательно, как и их стремление воспользоваться любыми обстоятельствами и каждым новым изобретением, которые могут им помочь, и их изобретательность в улучшении своих ресурсов, достойны похвалы. Легко заметить, что крестьянин этого района действительно разбирается в своем деле. Он может объяснить случайные сбои в своих операциях; он знает и четко помнит о своих финансовых ресурсах; он выбирает фрукты в соответствии с их ценами; и он делает свои расчеты на основе общих признаков и вестей о погоде ". — *Ландвиртшафт дер Райнпфальц*.

Народ этой страны "необразован, — говорит мистер Кэй, - разве что опытом; но, - продолжает он, -

Если бы турист услышал, как эти люди в блузах и гетрах с толстой подкладкой беседуют на эту тему, он был бы удивлен массой практических знаний, которыми они обладают, и осторожностью, но в то же время проникательностью, с которой они изучают эти преимущества. В этом все могут быть уверены, что с начала заселения Айфеля, где деревенское земледелие приобретает индивидуальный и строго местный характер, могут быть приведены веские основания для того, каким образом обрабатывается каждый дюйм земли, как и для каждого бальзама, корня или дерева, которые его покрывают ". — Т. i. 130.

Система сельского хозяйства быстро развивается, как это всегда бывает, когда ремесленник становится на сторону земледельца. Постоянное общение друг с другом обостряет интеллект, и люди учатся осознавать меру своих сил. Каждый шаг вверх - это всего лишь подготовка к новому, более великому, и поэтому, по словам г-на Кея, везде, среди этих мелких фермеров, "наука приветствуется". "Каждый, — продолжает он, -

"Так стремится подражать своим соседям и превзойти их, что любое новое изобретение, приносящее пользу одному, охотно разыскивается и перенимается другими". — Том i. 149.

Количество скота, которое находится на кормежке, постоянно и быстро увеличивается, и, как необходимое следствие, увеличение количества зерна происходит быстрее, чем населения, хотя в настоящее время количество зерна в Пруссии и Саксонии увеличивается быстрее, чем в любой другой стране Европы.[173]

Земля Германии сильно разделена. Частью этого разделения была работа правительств, которые вмешались в отношения между владельцами и крестьянами и предоставили последним абсолютные права на часть земли, которую они обрабатывали, вместо прежних притязаний на права столь неопределенного рода, которые превращали крестьянина в простого раба землевладельца. Однако эти права не могли бы быть сохранены, если бы политика правительства не была направлена на содействие росту населения и богатства. Централизация привела бы к реконсолидации земли, как это произошло в Индии, Ирландии, Шотландии и Англии; но децентрализация здесь придает ценность земле и помогает в реализации системы, начатой правительством. Профессор Райхеншпергер [174] говорит:

"Что цена земли, разделенной на небольшие участки, в прусских рейнских провинциях гораздо выше и растет гораздо быстрее, чем цена земли в крупных поместьях. Он и профессор Рау оба говорят, что это повышение цен на небольшие поместья разорило бы более новых покупателей, если бы продуктивность небольших поместий не возросла по крайней мере в равной пропорции; и поскольку мелкие собственники постепенно становились все более и более процветающими, несмотря на растущие цены, которые они платили за свою землю, он с очевидной справедливостью утверждает, что это, по—видимому, показывает, что не только валовая прибыль небольших поместий, но также и *чистая* прибыль постепенно увеличивалась, и что *чистая* прибыль с акра земли, обрабатываемой мелкими собственниками, превышает чистую прибыль с акра земли, обрабатываемой крупными собственниками". -Кей, том i. 116.

Замечательный эффект раздела земель, который неизбежно следует вслед за ростом населения и богатства, так описан Сисмонди:[175]

"Везде, где встречаются крестьяне-собственники, обнаруживаются также та легкость, та защищенность, та независимость и та уверенность в будущем, которые обеспечивают одновременно счастье и добродетель. Крестьянин, который вместе со своей семьей выполняет всю работу по своему небольшому наследию, который не платит арендной платы никому выше себя и не платит жалованья никому ниже себя, который регулирует свое производство своим потреблением, который ест свое собственное зерно, пьет свое собственное вино и одевается из своего собственного льна и шерсти, мало заботится о том, чтобы знать рыночные цены; ибо ему нечего продавать и нечего покупать, и он никогда не разоряется из-за революций в торговле. Он далек от страха за будущее, оно украшено его надеждами; ибо он тратит на то, чтобы извлечь пользу для своих детей или на грядущие века, каждое мгновение, которое не требуется для работы в течение года. Всего несколько мгновений, украденных из потерянного времени, требуется, чтобы посадить в землю орех, который через сто лет превратится в большое дерево; прорыть акведук, который навсегда осушит его поле; проложить канал, который принесет ему источник воды; улучшить многими маленькими трудами и вниманием, уделяемыми в свободные минуты, все виды животных и овощей, которыми он окружен. Это маленькое достояние - настоящий сберегательный банк, всегда готовый получить свою небольшую прибыль и с пользой провести досуг. Вечно действующие силы природы делают его труд плодотворным и возвращают ему сторицей. Крестьянин обладает сильным ощущением счастья, связанного с положением собственника. Поэтому он всегда стремится приобрести землю по любой цене. Он платит за это больше, чем оно того стоит; но какие у него есть основания ценить за высокую цену преимущество отныне всегда выгодно использовать свой труд, не будучи обязанным предлагать его дешево, и всегда находить свой хлеб, когда он в нем нуждается, не будучи обязанным покупать его дорого!" —Кей; том i. 153.

Немецкий народ берет займы у земли и выплачивает свои долги; и это он может делать, потому что рынок повсюду рядом и становится ближе с каждым днем, поскольку с увеличением населения и богатства люди получают возможность приобретать более совершенные механизмы переработки и транспортировки. Следовательно, они, говорит мистер Кей,

"Постепенно приобретают капитал, и их главная цель - иметь собственную землю. Они охотно пользуются любой возможностью приобрести небольшую ферму; а конкуренция настолько поднимает цену, что за землю платят немногим более двух процентов. проценты на покупные

деньги. Крупные объекты недвижимости постепенно исчезают и делятся на небольшие участки, которые продаются по высокой цене. Но богатство и трудолюбие населения постоянно возрастают, скорее передаваясь массам, чем накапливаясь в отдельных людях". — Том i. 183.

Исчезновение крупных объектов недвижимости в Германии продолжается, *наравне* с исчезновением небольших объектов недвижимости в Англии. Если читатель желает узнать взгляды Адама Смита относительно относительных преимуществ двух систем, он может обратиться к написанному его пером описанию чувств мелкого собственника, данному в предыдущей главе; [176] после чего ему может быть полезно прочесть следующие замечания м—ра Кэя, подсказанные его наблюдением за ходом вещей в Германии:

Но не может быть никаких сомнений в том, что пять акров, собственность интеллигентного крестьянина, который обрабатывает их сам, в стране, где крестьяне научились вести хозяйство, всегда будут приносить гораздо больше прибыли с каждого акра, чем равное количество акров, обрабатываемых простым *арендатором*. В случае крестьянина-собственника возросшая активность и энергия фермера и глубокий интерес, который он испытывает к улучшению своей земли, которые всегда вызваны фактом *собственности*, с лихвой компенсируют преимущество, вытекающее из того факта, что капитал, необходимый для работы на крупных фермах, меньше по отношению к количеству обрабатываемой земли, чем капитал, необходимый для работы на маленькой ферме. В случае крупной фермы и маленькой фермы, владельцы которых являются арендаторами другого лица, а не самими владельцами, может быть правдой, что продукт крупной фермы будет больше по отношению к капиталу, затраченному на обработку, чем продукт маленькой фермы; и что, следовательно, сельское хозяйство более крупной фермы будет наиболее экономичным и принесет землевладельцу наибольшую ренту". — Т. i. 113.

Земля постоянно переходит из рук в руки, и "люди всех классов", — говорит мистер Кей -

"Способны стать собственниками. Лавочники и чернорабочие из городов покупают сады за пределами городов, где они и их семьи работают погожими вечерами, выращивая овощи и фрукты для нужд своих домашних хозяйств; лавочники, которые вложили немного средств, покупают фермы, на которые они и их семьи удаляются от тяжелого труда и беспокойства городской жизни; фермеры покупают фермы, которые они использовали раньше, чтобы арендовать у крупных землевладельцев; в то время как большинство крестьян этих стран приобрели собственные фермы и живут на них или теперь экономят и откладывают все, что они могут выделить из своего заработка, в том числе и те, которые имеют небольшую квалификацию. чтобы на эти средства как можно скорее приобрести ферму или сад". - Том i. 58.

Здесь мы имеем сильнейшие стимулы к напряжению и экономии. Каждый человек стремится иметь свою маленькую ферму или сад, и у всех они есть, говорит мистер Кей, —

"Сознание того, что они держат свою судьбу в своих собственных руках; что их положение в жизни зависит от их собственных усилий; что они могут подняться в мире, если захотят, только проявив достаточно терпения и труда; что они могут добиться независимого положения с помощью промышленности и экономики; что они не отрезаны непреодолимым барьером от следующей ступени социальной лестницы; что возможно приобрести собственный дом и

ферму; и что чем более трудолюбивыми и благоразумными они будут, тем лучше будет положение их семей: [и это сознание] дает им уверенность в том, что рабочие тех стран, где земля не сосредоточена в руках немногих, обладают живостью чувств, надеждой, энергией, удовольствием от экономии и труда, отвращением к расходованию на грубые чувственные удовольствия, — что только уменьшило бы постепенно увеличивающиеся запасы, — и независимостью характера, которую зависимые и беспомощные рабочие другой страны никогда не смогут испытать. Короче говоря, жизнь крестьянина в тех странах, где законы не препятствуют разделу земли, является одним из высших нравственных воспитаний. Его ничем не стесненное положение побуждает его улучшать свое состояние, экономить, быть трудолюбивым, использовать свои силы, приобретать нравственные привычки, проявлять предусмотрительность, приобретать знания о сельском хозяйстве и давать своим детям хорошее образование, чтобы они могли улучшить наследство и социальное положение, которые он им завещает". — Т. I. 200.

Мы имеем здесь стимул надежды на улучшение — положение вещей, сильно отличающееся от того, которое описывалось в предыдущей главе применительно к Англии, где, как пишет *Times*, "однажды став крестьянином, человек должен оставаться им навсегда". Такова разница между одной системой, которая стремится сосредоточить в руках нескольких владельцев машин власть над жизнями и состояниями всех земледельцев мира, и другой, которая стремится предоставить всем этим земледельцам власть над самими собой. Первая - это система рабства, а последняя - система свободы.

Надежда - мать трудолюбия, а трудолюбие, в свою очередь, порождает воздержанность. "В немецких и швейцарских городах, — говорит мистер Кей, -...

"Нет мест, которые можно было бы сравнить с этими источниками деморализации нашей городской бедноты — джин-паласами. Ни в городах, ни в деревнях очень мало пьянства, в то время как отсутствие джин-паласов устраняет у молодежи серьезные причины деградации и разврата, которые существуют у дверей английских домов, создавая сцены и соблазны, которые не могут не нанести нашим трудящимся классам моральный ущерб, которого они иначе не потерпели бы". * * * "Полное отсутствие невоздержанности и пьянства на этих, как, впрочем, и на всех других праздниках в Германии, очень необычно. Я никогда не видел пьяного человека ни в Пруссии, ни в Саксонии, и все меня уверяли, что такое зрелище - редкость. Я полагаю, что умеренность бедных объясняется цивилизующим эффектом их образования в школах и армии, привычкой к экономии и осмотрительности, которую возможность приобрести землю и страстное желание приобрести ее воспитывают в их умах, а также тем, что у них есть более возвышенные и приятные развлечения, чем пивная и пьянство". — Т. I. 247, 261.

Как естественное следствие этого, пауперизм встречается редко, как видно из следующей выдержки из отчета прусского министра статистики, приведенной в — ном Кэем:

"Поскольку наше прусское сельское хозяйство выращивает гораздо больше мяса и хлеба на той же территории, чем раньше, из этого следует, что сельское хозяйство должно было значительно развиваться как в науке, так и в промышленности. Есть и другие факты, подтверждающие правильность этого вывода. С 1831 года раздел поместий все больше и больше распространялся по всей стране. В настоящее время мелких независимых собственников намного больше, чем раньше. И все же, сколько бы жалоб на пауперизм ни раздавалось среди зависимых рабочих, МЫ НИКОГДА НЕ СЛЫШАЛИ, ЧТОБЫ ЖАЛОВАЛИСЬ НА ТО, ЧТО

ПАУПЕРИЗМ РАСТЕТ Среди КРЕСТЬЯН-СОБСТВЕННИКОВ. Мы также не слышим о том, что поместья крестьян в восточных провинциях становятся слишком маленькими, или что система свободного распоряжения приводит к слишком большому разделу отцовской земли между детьми". "Почти общепризнанным фактом является то, что валовой продукт земли в виде зерна, картофеля и крупного рогатого скота увеличивается, когда земля обрабатывается теми, кто владеет небольшими ее участками; и если бы этого не было, было бы невозможно выращивать столько необходимых продуктов питания, сколько требовалось для растущего населения. Даже в более крупных поместьях улучшение системы земледелия слишком очевидно, чтобы допускать какие-либо сомнения Промышленность, капитал и рабочая сила затрачиваются на обработку земли. Оно становится продуктивным благодаря внесению удобрений и тщательной обработке почвы. Количество продукции увеличивается Цены на поместья, из-за их возросшей продуктивности, возросли. Огромные просторы, многие акры которых раньше лежали совершенно необработанными, исчезают и превращаются в луга и поля. Выращивание картофеля значительно расширилось. В настоящее время под выращивание картофеля отведено больше участков земли, чем когда-либо раньше Старая система трехпольного земледелия, согласно которой треть поля всегда оставалась под паром, чтобы использовать землю, теперь почти никогда не встречается.... Что касается крупного рогатого скота, то фермеры сейчас трудятся над улучшением породы. Овцеводство в крупных поместьях ведется рационально и научно Была поднята заметная активность в области сельского хозяйства; и, поскольку все попытки улучшить сельское хозяйство поощряются и поддерживаются нынешним правительством, основываются сельскохозяйственные колледжи, сельскохозяйственные ассоциации фермеров-ученых собираются во всех провинциях, чтобы предложить усовершенствования, помогающие в проведении экспериментов, и даже крестьяне-собственники образуют такие ассоциации между собой и создают для себя образцовые фермы и учреждения ".

Английская система, направленная на консолидацию земель и возвышение крупного капиталиста, имеет тенденцию, напротив, лишать рабочего свободы

"От всякого мирского побуждения к самоотречению, благоразумию и экономии; это лишает его всякой надежды возвыситься в мире; это делает его совершенно беспечным в отношении самосовершенствования, институтов своей страны и сохранности собственности; это подрывает всю независимость его характера; это делает его зависимым от рабочего дома или от милостыни, которую он может получить, прося милостыню в ратуше; и это превращает его в подбострастного последователя всемогущего землевладельца". - Т. i. 290.

Таким образом, показаны изменения, произошедшие в потреблении одежды:—

На душу населения в 1805 году. В 1842 году.

Рулоны ткани.....	3/4		1-1/5
" лен".....	4		5
шерстяные ткани....	3/4		13
" шелка".....	1/4		3/8

"Воскресный костюм крестьян", — говорит мистер Кэй-

"В Германии, Швейцарии и Голландии конкурирует со средним классом. Незнакомец, которого приводят в комнаты, где проводятся деревенские танцы и где юноши и девушки наряжаются в свои лучшие одежды, часто не может сказать, к какому классу людей он принадлежит". * * * "На провинциальных ярмарках очень любопытно видеть не только полное отсутствие чего-либо вроде лохмотьев и грязи пауперизма, но и то, какие свидетельства комфорта и преуспевания заключаются в чистой и удобной одежде женщин". — Т. i. 225, 227.

В качестве еще одного доказательства улучшения положения женского пола он сообщает нам, что

"Англичанин, побывавший на рынках, ярмарках и деревенских празднествах этих стран, вряд ли поверил бы своим глазам, если бы увидел девушек-крестьянок, которые собираются там, чтобы присоединиться к празднеству; они гораздо более похожи на леди своей внешностью, манерами и одеждой, чем жители наших сельских приходо́в". - Том i. 31.

Контраст между образованием детей бедняков в Германии и Англии проявляется следующим образом:—

"Я советую моим читателям провести несколько часов в любом из наших закоулков, этих рассадников порока и кормилиц тюрем, и убедиться, что дети того же класса, что и те, кого он увидит в [этих] убежищах, — грязные, грубые, шумные, играющие в грязи, с нечесаными волосами, в грязной и рваной одежде, с кожей, которая выглядит так, как будто ее месяцами не мыли, — всегда, по всей Германии, Швейцарии, Дании, Голландии и большей части Франции, будь то в школе или на школьной игровой площадке, чистые. , хорошо одетые, вежливые и цивилизованные в своих манерах, а также здоровые, умные и счастливые внешне. Именно эта разница в начале жизни городской бедноты этих стран объясняет поразительное улучшение состояния закоулков и аллей многих из них. Большинство городской бедноты растет со вкусами, которые делают их непригодными для такой деградации, как грязь и нищета нашего городского пауперизма". — Том i. 198.

Как естественное следствие, существует тенденция к равенству, которая повсюду сопутствует *реальной* свободе. "Разница", — говорит мистер Кей-

"Если я сообщу моим читателям, что многие мальчики и девочки из высших слоев общества в этих странах получают образование за одними партами с мальчиками и девочками из беднейших слоев населения, то можно представить разницу между состоянием юного населения этих стран и нашего собственного, и что детей, сравнимых с классом, посещающим наши "школы для оборванцев", почти никогда не встретишь. Мне нет нужды напоминать моим читателям, насколько невозможно было бы убедить наше дворянство позволить своим детям учиться у таких детей, которые часто посещают "школы для оборванцев"". — С. 101.

Эта тенденция к равенству далее показана в следующем отрывке:—

"Манеры крестьян в Германии и Швейцарии составляют, как я уже говорил, разительный контраст с манерами наших крестьян. Они вежливы, но независимы. Манера приветствия способствует возникновению этого чувства. Если немецкий джентльмен обращается к крестьянину, он приподнимает шляпу перед бедняком, как мы делаем это перед дамами.

Крестьянин отвечает вежливым "Прошу вас, накройте его, сэр", а затем на хорошем немецком языке отвечает на заданные ему вопросы". — С. 159.

С растущей тенденцией к равенству в благосостоянии, по мере того как люди переходят от рабства к свободе, становится меньше показной показухи и меньше необходимости в той рабской преданности труду, которая отмечена в Англии. "Все классы", — говорит мистер Кей-

"Следовательно, в Германии, Швейцарии, Франции и Голландии люди довольствуются меньшим доходом, чем соответствующие классы в Англии. Поэтому они уделяют меньше времени труду и больше времени здоровому и оздоравливающему отдыху. Стиль жизни среди торговых классов этих стран намного проще, чем в Англии, но они гораздо больше наслаждаются жизнью". — Том i. 303.

Вследствие этого развлечения в часы досуга носят более облагораживающий характер, как это видно здесь:—

"Развлечения крестьян и рабочих в большей части Германии, Швейцарии и Голландии, где они хорошо образованы и где они, как правило, являются владельцами ферм или садов, носят гораздо более возвышенный и здоровый характер, чем развлечения наиболее процветающих представителей аналогичных классов в Англии. Действительно, можно с уверенностью утверждать, что развлечения бедняков в Германии носят более высокий характер, чем развлечения низшей части средних классов в Англии. На первый взгляд это может показаться довольно смелым утверждением, но так не подумают, когда я покажу, в чем заключаются их развлечения.

"Сады, принадлежащие городским рабочим и мелким лавочникам, предоставляют своим владельцам самый здоровый вид отдыха после дневных трудов. Но, независимо от этого, простые развлечения бедняков этих стран доказывают цивилизованность, комфорт и процветание их социального государства". * * * "Пожалуй, ни одно крестьянство в мире не имеет столько здорового отдыха и увеселений, как крестьяне Германии, и особенно Пруссии и Саксонии. В пригородах всех городов Пруссии и Саксонии в регулярных садах устраиваются концерты и променады. За вход в эти увеселения взимается плата в размере от одного пенни до шести пенсов." * * * "Я постоянно ходил на эти садовые концерты. Я радовался, видя, что самые богатые и самые бедные люди могут найти общее место встречи; что бедные живут не только ради труда; и что школы научили бедных находить удовольствие в таких облагораживающих и цивилизующих удовольствиях. На этих собраниях я ежедневно видел доказательства превосходного воздействия социальной системы Германии. Там я узнал, какого уровня цивилизации способны достичь беднейшие классы нации при хорошо организованной системе тех законов, которые влияют на социальное положение народа. На этих собраниях я нашел доказательства истинности того, чему я стремлюсь научить своих соотечественников, а именно того, что беднейшие классы Германии гораздо менее обнищали, гораздо более цивилизованны и гораздо счастливее, чем наше собственное крестьянство". * * * "Сами танцы, даже в тех шатрах, которые часто посещают беднейшие крестьяне, ничуть не хуже и проводятся с такой же чинностью, как и в первых бальных залах Лондона. Польку, вальс и несколько танцев, неизвестных в Англии, немецкие крестьяне танцуют с большим изяществом. Они танцуют быстрее, чем мы; и благодаря музыкальному обучению, которое они получают с детства и на протяжении многих лет своей жизни, беднейшие крестьяне танцуют гораздо лучше, чем англичане в целом". — Т. i. 235, 237, 240, 244.

Как разительно следующий взгляд на состояние образования контрастирует с тем, который был дан в предыдущей главе в связи с образованием английской бедноты!—

"Четыре года назад прусское правительство провело общее расследование по всему королевству, чтобы выяснить, насколько далеко продвинулось школьное образование народа; и тогда было установлено, что из всех молодых людей в королевстве, достигших возраста двадцати одного года, *только двое из каждых ста не умели читать*. Об этом факте мне сообщил генеральный инспектор королевства.

"Бедняки в этих странах читают гораздо больше, чем даже те жители нашей собственной страны, которые умеют читать. В Германии и Швейцарии существует общий обычай, когда четыре или пять семей рабочих собираются вместе и подписываются друг на друга на одну или две газеты, которые выходят один или два раза в неделю. Эти бумаги передаются из семьи в семью или обмениваются друг другом". * * * "Я помню, как однажды, прогуливаясь под Берлином в компании герра Хинца, профессора педагогического колледжа доктора Дистервега, и другого преподавателя, мы увидели бедную женщину, которая распиливала на дороге бревно для зимнего использования. Мои спутники указали мне на нее и сказали: "Возможно, вы едва ли поверите, но в окрестностях Берлина бедные женщины, подобные этой, читают переводы романов сэра Вальтера Скотта и многих интересных произведений на вашем языке, помимо произведений выдающихся писателей Германии". Впоследствии этот рассказ был подтвержден свидетельствами нескольких других лиц.

"Часто-часто я видел, как бедные берлинские таксисты, ожидая оплаты проезда, развлекались чтением немецких книг, которые они привезли с собой утром специально для того, чтобы обеспечить себе развлечение и занятие в часы досуга.

"Во многих частях этих стран крестьяне и городские рабочие регулярно посещают еженедельные лекции или занятия, где они практикуются в пении или декламации, или изучают механическое рисование, историю или естественные науки.

"Как будет видно далее, женщины, как и мужчины, девочки и мальчики, пользуются в этих странах одинаковыми преимуществами и проходят одинаковое школьное образование. Женщины из беднейших классов этих стран по уровню интеллекта и знаний почти равны мужчинам". — С. 63, 65.

Эти факты, по-видимому, полностью подтверждают мнение автора о том, что

"Моральное, интеллектуальное и социальное положение крестьян и рабочих в тех частях Германии, Голландии, Швейцарии и Франции, где бедняки получили образование, где земля была освобождена от феодальных законов и где крестьянам была предоставлена возможность приобретать ее, намного выше, счастливее и удовлетворительнее, чем у крестьян и рабочих Англии; и что, в то время как эти последние борются в глубочайшем невежестве, пауперизме и моральной деградации, первые неуклонно и прогрессивно достигают состояния, как с социальной, так и с политической точки зрения, более высокого, счастливого и благоустроенного населения". обнадеживающий персонаж". — Том i. 7.

Обширное владение собственностью приводит здесь, как и везде, к уважению прав собственности. "В окрестностях городов, — говорит мистер Кей, -...

"Земля почти не огорожена, за исключением небольших садов, окружающих дома, чем в более сельских районах. Однако этим правом редко злоупотребляют. Состояние земель вблизи немецкого, или швейцарского, или голландского города такое же упорядоченное, опрятное и не тронутое посторонними лицами, как и в самом уединенном и строго охраняемом из наших сельских округов. У всех бедных есть друзья или родственники, которые сами являются собственниками. Каждый человек, каким бы бедным он ни был, чувствует, что он сам может когда-нибудь стать собственником. Следовательно, все непосредственно заинтересованы в сохранении собственности и в соблюдении прав и интересов своих соседей". — С. 249.

Насколько сильно та же причина влияет на поддержание общественного порядка, можно увидеть, внимательно прочитав следующие отрывки:—

"Каждый крестьянин, владеющий одним из этих поместий, становится заинтересованным в поддержании общественного порядка, в спокойствии страны, в пресечении преступлений, в развитии трудолюбия у своих собственных детей и в повышении их интеллекта. Класскрестьян-собственников образует сильнейший из всех консервативных классов". * * * "На протяжении всего волнения революций 1848 года крестьяне-собственники Франции, Германии, Голландии и Швейцарии почти повсеместно были на стороне порядка и выступали против революционных эксцессов. Только в провинциях, где земля была разделена между дворянами и где крестьяне были всего лишь крепостными, как, например, в польских провинциях, Богемии, Австрии и некоторых частях Южной Германии, они проявили себя непокорными. В Пруссии они посылали депутацию за депутацией к Фридриху Вильгельму, чтобы заверить его в своей поддержке; в одной провинции крестьяне—собственники избрали его брата своим представителем; а в других они заявляли петицией за петицией, направляемыми в палату, и результатами выборов, насколько решительно они настроены против анархической партии в Берлине". - Т. I. 33, 273.

Именно там, где земля приобретает ценность, люди становятся свободными, и чем быстрее растет стоимость земли, тем быстрее когда-либо был рост свободы. Чтобы она приобрела ценность, ремесленник и пахарь *должны* занять свои места рядом друг с другом; и чем больше тенденция к этому, тем быстрее будет продвижение человека к моральному, интеллектуальному и политическому возвышению. Именно в этом направлении сейчас стремится вся политика Германии, тогда как политика Англии стремится к повсеместному уничтожению ценности труда и земли и к повсеместному ухудшению условий жизни человека. Единая система стремится к созданию повсюду мельниц, печей и городов, мест обмена, в соответствии с точкой зрения доктора Смита, который говорит нам, что "если бы человеческие институты никогда не нарушали естественный ход вещей, прогрессивное обогащение и рост городов были бы в каждом политическом обществе последовательными и пропорциональными улучшению и возделыванию территории и страны". Другой имеет тенденцию к застройке Лондона и Ливерпуля, Манчестера и Бирмингема ценой огромных налогов, налагаемых на всех фермеров и плантаторов мира; и его последствия в отдаленных частях самого Соединенного Королевства, по сравнению с теми, которые наблюдаются в Германии, описаны следующим образом:

"Если кто-либо путешествовал по гористым районам Шотландии и Уэльса, где фермеры являются всего лишь арендаторами крупных землевладельцев, без гарантии владения и могут быть лишены владения с уведомлением за полгода, и где крестьяне являются всего лишь батраками, без какой-либо собственной земли и, как правило, даже без возможности пользоваться садом; если он путешествовал по гористым районам Швейцарии, Саксонии и

холмистым районам прусских рейнских провинций, где большинство фермеров и крестьянок владеют или могут с помощью экономики и промышленности получить собственную землю; и если он уделял сколько-нибудь серьезное внимание положению ферм, крестьян и детей в этих нескольких странах, он не мог не заметить поразительного превосходства положения крестьян, детей и ферм в последних упомянутых странах.

"Несчастный выращивания, бессточные и спешить на долины, большое количество сторон холмы, террасами на скалах, по берегам рек, и других мест, способных богатейших выращивания, но совершенно заброшенный, даже для игры биоресурсов; в обширные богатые земли, лежащие в болота, и болота, и болота, и использовал только для размножения-находится в игре, и олени, и нечисть, в то время как бедные крестьяне голодают рядом с ними; в убогие хижины дома, коттеджа, дачи с их одна история, их двух комнат, их убогого и бессточные пол, и их ветхих крыш; и толпы убогих, наполовину одетый, оборванные, грязные, нечесанные и немытые дети, не благословлял с любым образованием, никогда не обучавшаяся чистоты и морали, и никогда не учил ни одной чистой религии, являются поразительным, с одной стороны, какположение крестьян в протестантских кантонах Швейцарии, в Тироле, Саксонии, и в горной части Прусской Рейнской провинции, радуя друг на друга, где каждый участок земли, который может нести какую-либо вещь в самый красивый состояние посевов; где долины обильно и научно фармед; где навоза собираются с величайшей осторожностью; где дома, как правило, большой, вместительный, хорошо сложен, и в отличном ремонтом, и с каждым днем улучшаются; где дети красиво, чисто, удобно одет, и посещали прекрасные школы; и где состояние людей-это одно из надежды, промышленность и прогресс".—Объем. я. 140.

Ремесленник всегда был союзником фермера в его борьбе с теми, кто стремился обложить его налогами, какой бы ни была форма налогообложения. Тенденция британской системы повсюду направлена на разделение этих двух факторов *использование каждого для подавления другого*. Отсюда следует, что во всех странах, подпадающих под действие этой системы, царит такое уничтожение духа, которого нет в других частях мира. Пороки, вменяемые английскими журналами народу Ирландии, связаны с рабством — ложью и лицемерием. Бенгальский индус - подлое и крадущееся животное по сравнению со свободными людьми верхней страны, которые остались под властью своих туземных князей. По всей Англии царит почтение к рангу, подбострастие, подхалимаж, совершенно несовместимые с прогрессом цивилизации.[177]

Английский рабочий, говорит мистер Ховитт [178], — это

"Настолько отрезанный от идеи собственности, что он привыкает смотреть на нее как на вещь, от которой его предостерегают законы крупных собственников, и вследствие этого становится бездуховным, бесцельным".

Сравните с этим следующее описание немецкого бауэра, сделанное тем же авторитетным источником:

"Немецкий бауэр, напротив, смотрит на страну так, словно она создана для него и его собратьев. Он чувствует себя мужчиной; он заинтересован в стране не меньше, чем большинство его соседей; ни один человек не может угрожать ему изгнанием или работным домом, пока он активен и экономичен. Поэтому он идет смелой поступью; он смотрит вам в лицо с видом свободного человека, но почтительного". —Там же.

Теперь читатель может с выгодой для себя сравнить прогресс, достигнутый за последние полвека в Ирландии и Германии. Поступая так, он увидит, что в первом случае наблюдалась устойчивая тенденция к изгнанию механиков, истощению почвы, консолидации земель и превращению всей нации в массу несчастных арендаторов по своему желанию, находящихся в подчинении посредника крупного отсутствующего землевладельца, с постоянным ухудшением материального, морального и интеллектуального состояния всех классов общества и постоянно растущей неспособностью нации отстаивать свои права. Семьдесят лет прошло с тех пор, как ирландский народ добился признания своего права самостоятельно издавать законы, тогда как сейчас полное исчезновение нации из числа сообществ мира рассматривается как вещь, о которой следует молиться, и сделан расчет, что при нынешних темпах потребуется еще всего двадцать четыре года для ее полного исчезновения. В Германии, напротив, механика приглашают повсюду, и повсюду растут города. Почва повсеместно обогащается, и сельскохозяйственные знания распространяются по всей стране; и земля так быстро приобретает ценность, что изо дня в день она становится все более разделенной. Собственник повсюду занимает место крепостного, и спрос на рабочую силу становится устойчивым, а человек - ценным. Люди повсюду улучшают свое материальное и моральное состояние; и так быстро улучшается интеллектуальное состояние, что немецкая литература теперь привлекает внимание всего цивилизованного мира. С каждым шагом в этом направлении растет тенденция к объединению и миру, тогда как по мере упадка Ирландии растет тенденция к раздорам, насилию и преступности. Изучив все это, читатель, возможно, вспомнит, что Ирландия, таким образом, пришла в упадок, хотя за все полвека на ее землю ни разу не ступала нога вооруженного врага, тогда как Германия, таким образом, улучшилась, хотя неоднократно наводнялась и грабилась вражескими армиями.

ГЛАВА XVII.

КАК РАСТЕТ СВОБОДА В РОССИИ.

Среди стран мира, политика которых направлена на реализацию взглядов Адама Смита, на то, чтобы максимально приблизить ремесленника к продуктам питания и шерсти, Россия выделяется. Информация, которой мы располагаем относительно перемещений в этой стране, ограничена; но вся она, как правило, доказывает, что с ростом населения и богатства, а также с увеличением диверсификации рабочей силы земля приобретает ценность, и человек быстро продвигается к свободе. "Промышленность России", — говорится в недавнем американском журнале -

"Была создана, насколько только может быть создана промышленность нации, при системе защиты, время от времени видоизменяемой в соответствии с опытом; но никогда не разрушалась из-за надуманных абстракций или догм простых доктринеров. Пятьдесят лет назад мануфактурные изделия там были неизвестны, и караваны, ведущие торговлю в глубь страны и удовлетворяющие потребности отдаленных племен в Азии, шли нагруженные изделиями британских и других иностранных мастерских. Когда нынешний император взошел на трон в 1825 году, страна не могла производить ткань, необходимую для обмундирования собственных солдат; еще раньше, в 1800 году, экспорт цветной ткани был запрещен под страхом суровых наказаний; но под влиянием надлежащей защиты уже в 1834 году российское сукно караванами доставлялось в Кяхту; и в наши дни рынки всей Центральной Азии снабжаются тканями русских ткацких станков, которые в Афганистане и Китае полностью вытесняют

британские ткани из продажи — несмотря на то, что последние имеют преимущество в транспортировке, — в то время как в Татарии и России о самих британских шерстяных изделиях сейчас почти ничего не слышно. В 1812 году в России насчитывалось 136 суконных фабрик; в 1824 году - 324; в 1812 году было 129 хлопчатобумажных фабрик; в 1824 году - 484. С 1812 по 1839 год общее количество промышленных предприятий в империи увеличилось более чем втрое, и с тех пор они увеличились в гораздо большем соотношении, хотя из-за отсутствия официальной статистики мы не в состоянии привести цифры. Из общего количества произведенных изделий, потребленных в 1843 году, только одна шестая была импортирована. И наряду с этим огромным ростом обрабатывающей промышленности и торговли наблюдается устойчивый рост как импорта, так и экспорта, а также таможенных поступлений. Увеличение импорта состояло из предметов роскоши и сырья для производства. И, как будто для того, чтобы ни в чем не было недостатка в демонстрации, увеличение экспорта постоянно включало все больше и больше продуктов сельского хозяйства. Таким образом, в этой империи мы видим то, что мы всегда должны видеть при адекватной и разумной системе защиты, что надлежащий тариф не только улучшает, облагораживает и диверсифицирует труд страны, но и расширяет ее торговлю, повышает благосостояние ее сельскохозяйственного населения, дает людям все больше возможностей вносить свой вклад в поддержку правительства и поднимает нацию на позицию независимости и реального равенства среди держав земного шара. Все это несомненно доказывается на примере России, поскольку там защита была устойчивой и адекватной, и последствия именно такие, какие мы описали". —Н. "Йорк Трибюн".

Читатель может с выгодой сравнить следующий набросок нынешнего положения России, столь недавно являвшейся ареной варварства, из того же источника с уже представленным ему положением ее соседней Турции, политика которой вызывает в такой степени восхищение тех экономистов, которые защищают систему, направленную на превращение всего мира за пределами Англии в одну огромную ферму, а всех ее жителей, мужчин, женщин и детей, в полевых работников, зависимых от одной большой мастерской, в которой осуществляются все их обмены:

"Нам говорят, что Россия торжествует на Великой Выставке. Ее натуральные продукты вызывают интерес и восхищение своим разнообразием и совершенством; ее произведения искусства поражают своим богатством и красотой. Ее ювелиры и золотых дел мастера отбирают пальму первенства даже у парижан. Ее атлас и парча конкурируют с самыми богатыми изделиями Лиона. Она выставляет столы из малахита и шкатулки из черного дерева, необычное богатство которых указывает одновременно на расточительные расходы варварского двора и утонченность и вкус цивилизации. Мы также не придаем большого значения тому, что ее часть выставки представлена не только работами местных ремесленников. Ее атласы, тем не менее, являются подлинным продуктом страны, потому что самые красивые были сотканы эмигрантами из *Круа-Русс* или *Гильотьера*, соблазненными высокой зарплатой в своем более солнечном доме, чтобы развивать промышленность Великой Империи и обучать внуков монгольских дикарей изысканным тайнам французского вкуса и ловкости. Не имеет значения, что выставка предлагает бесконечно больше, чем просто наглядную иллюстрацию средней производительности российской рабочей силы. Тем не менее верно и то, что люди, которые полвека назад не имели никаких мануфактур, кроме самых примитивных, теперь способны с помощью некоторых средств продемонстрировать непревзойденные достижения, хотя весь мир готов конкурировать с ними.

"Мы не любим российскую мощь и не желаем преувеличивать степень совершенства, которой достигла российская промышленность. Мы не сомневаемся, что любая хлопчатобумажная фабрика в окрестностях Москвы может показаться несовершенной по сравнению с одной из манчестерских или Лоуэллских. Мы уверены, что ремесленники новоанглийской деревни намного превосходят русских по большинству качеств интеллекта и мужественности. В самом деле, абсурдно проводить такое сравнение; абсурдно делать то, на чем настаивают путешественники, то есть судить о каждой нации по высшему стандарту и объявлять каждую неудачницей, которая не демонстрирует интеллект Франции, твердость и мощь Англии или предприимчивость, свободу и порядок Соединенных Штатов. Все, что следует спросить, - это превзошел ли народ свое собственное предыдущее состояние и находится ли он на пути улучшения и прогресса. И что, по крайней мере, в промышленном отношении Россия такова, ее показ на выставке можно смело рассматривать как блестящее и убедительное доказательство".

Россия могущественна, и с каждым днем ее становится все больше. Почему это так? Это потому, что ее народ с каждым днем все больше и больше узнает о преимуществах диверсификации труда и сочетания физических нагрузок, и все больше и больше улучшается его физическое и интеллектуальное состояние — необходимая предварительная подготовка к улучшению его политического положения. Турция слаба; и почему это так? Потому что среди ее народа привычка к общению с каждым днем исчезает по мере того, как исчезают немногие оставшиеся мануфактуры и странствующий разносчик вытесняет местного лавочника.

Говорят, однако, что российская политика неблагоприятна для торговли; но разве ее реальная тенденция не заключается в создании большой внутренней торговли, на которой только и может быть построена большая внешняя? То, что это действительно дает возможность ее народу объединять свои усилия для их общего блага, совершенно несомненно; и в равной степени это дает ей то прямое общение с миром, которое необходимо для существования свободы. Раб торгует со всем миром через своего хозяина, который устанавливает цену на рабочую силу, которую он должен продать, и на еду и одежду, которые он должен купить, и это именно та система, которую Великобритания желает установить для фермеров всего мира — она является единственным покупателем сырых продуктов и единственным продавцом произведенных.

Пока Россия экспортирует только продовольствие и пеньку, она может торговать с Бразилией сахаром и с Каролиной хлопком только через посредство британских кораблей, британских портов, британских купцов и британских ткацких станков, поскольку ей не нужен хлопок-сырец; но с расширением производства ей нужен хлопок, который она может брать непосредственно у плантатора, расплачиваясь с ним железом, с помощью которого у него может быть оборудование. В качестве иллюстрации этого мы имеем тот факт, что совсем недавно, в 1846 году, из общего потребления хлопка, составлявшего 310 656 центнеров, не менее 122 082 центнеров. прошел через британские шпиндели; тогда как в 1850 году из общего потребления, более чем вдвое большего и составлявшего 487 612 центнеров, потреблялось только 64 505 центнеров. прошел через руки манчестерских прядильщиков.

Экспорт хлопка—сырца в Россию с тех пор значительно увеличился, но точные масштабы увеличения установить невозможно, хотя некоторую оценку можно составить на основе роста потребления одного из основных красящих материалов, индиго; экспорт которого из Англии в Россию, таким образом, приведен в лондонском журнале *Economist*:-

1849. 1850. 1851. 1852.

Сундуки, 3225..... 4105..... 4953..... 5175

Здесь мы имеем рост за три года почти на шестьдесят процентов, что свидетельствует о неуклонном росте возможностей приобретать одежду и поддерживать торговлю внутреннюю и внешнюю, прямо противоположном тому, что наблюдалось в Турции, Ирландии, Индии и других странах, в которых преобладает британская система; и причина этого в том, что эта система стремится уничтожить силу ассоциаций. Это заставило бы весь народ Индии заняться выращиванием хлопка, а всех жителей Бразилии и Кубы - выращиванием сахара, в то время как жители Германии и России должны выращивать продовольствие и шерсть; и мы хорошо знаем, что когда все являются фермерами или плантаторами, сила ассоциации едва ли существует; следствие чего проявляется в чрезвычайной слабости всех сообществ мира, в которых плуг и ткацкий станок, молот и борона не могут объединиться. Это неестественно. Люди повсюду стремятся объединить свои усилия с усилиями своих братьев; цель, к достижению которой стремились, внедряя диверсификацию занятости, пропагандируемую на протяжении всей своей работы автором книги *"Богатство народов"*. Насколько естественно возникает привычка к ассоциациям и насколько благотворны ее последствия, можно увидеть из нескольких отрывков, предлагаемых читателю, из интересной статьи, недавно опубликованной в английском журнале. В России, говорит ее автор, —

"Здесь нет того заметного различия между образом жизни жителей города и деревни, которое можно найти в других странах; и общая свобода торговли, которая в других нациях все еще является предметом усилий, существовала в России с давних времен. В значительной части России преобладает мощное производство и индустриальные тенденции, которые, основанные на общинной системе, привели к формированию того, что мы можем назвать "национальными ассоциациями фабрик".

В подтверждение этого взгляда на общую свободу внутренней торговли нам говорят, что, сильно отличаясь от системы Западной Европы,

"Не существует такого понятия, как торговая гильдия или компания, равно как и каких-либо ограничений подобного характера. Любой член коммуны может по своему желанию оставить занятие, которым он может заниматься, и заняться другим; все, что ему нужно сделать для осуществления перемен, - это покинуть коммуну, в которой он занимается своим старым ремеслом, и перейти в другую, где последуют его примеру в новом".

Тенденция развития обрабатывающей промышленности такова

"По большей части полностью общинные; например, все жители одной деревни - сапожники, в другой - кузнецы, в третьей - только кожевники и так далее. Таким образом, преобладает естественное разделение труда, точь-в-точь как на фабрике. Члены коммуны взаимно помогают друг другу капиталом или рабочей силой; покупки обычно производятся совместно, и продажи также неизменно, но они всегда отправляют свои изделия в общей массе в города и на рынки, где в их распоряжении есть общий склад".

Как и во всех странах, которые пока не в состоянии полностью реализовать идею Адама Смита о прессовании большого количества продуктов питания и шерсти в кусок ткани и, таким образом,

приспособлении его для дешевой транспортировки на отдаленные рынки, и которые, следовательно, в значительной степени зависят от этих отдаленных рынков сбыта сырой продукции, обработка почвы в России не является...

"В целом, это очень прибыльное занятие, и к тому же им можно заниматься лишь несколько месяцев в году, что, возможно, является причиной того, что крестьянин в России проявляет такую большую склонность к мануфактурам и другим отраслям промышленности, характер которых обычно зависит от характера сырьевых продуктов, добываемых в тех районах, где их добывают".

Без диверсификации занятости много труда было бы потрачено впустую, и люди оказались бы не в состоянии приобрести одежду или сельскохозяйственную технику. По всей империи рабочий, по-видимому, следует в направлении, указанном природой, обрабатывая материалы на земле, на которой они производятся, и таким образом экономя транспорт. Таким образом —

"В правительстве Ярослава все жители одного места - гончары. Более двух тысяч жителей в другом месте - изготовители канатов и сбруи. Население Углитичского района в 1835 году отправило три миллиона ярдов льняной ткани на рынки Рыбека и Москвы. Все крестьяне в одном поместье изготавливают свечи, во втором - фетровые шляпы, а в третьем - заняты исключительно кузнечной работой, главным образом изготовлением топоров. В округе Пашечо имеется около семидесяти кожевенных заводов, которые предоставляют занятие большому числу семей; у них нет оплачиваемых рабочих, но они выполняют все операции между собой, выделявая кожу стоимостью около двадцати пяти тысяч рублей в год и утилизируя ее за свой счет в Райбеке. В местностях, где лесные массивы состоят главным образом из лип, жители заняты главным образом изготовлением циновок, которые, в зависимости от их большей или меньшей тонкости, употребляются либо на мешковину, либо на парусину, либо просто как упаковочные маты. Липа растет только на влажных почвах, богатых черным *перегноем* или растительной плесенью; но вообще не будет расти на песчаных почвах, что делает ее сравнительно редкой в некоторых частях России, в то время как в других она растет в изобилии. Циновки готовятся из внутренней коры, и поскольку липа готова к снятию только в пятнадцатилетнем возрасте, и действительно, в этом возрасте лучше всего использовать эти деревья, они являются богатым источником прибыли для тех, кто живет в районах, где они произрастают".

Перед нами система комбинированных усилий, которая в значительной степени объясняет быстрый рост населения, богатства и власти в России.

Люди, которые таким образом объединяются для местных целей, приобретают информацию, а вместе с ней и желание большего; и, таким образом, мы обнаруживаем, что они свободно перемещаются, по мере того, как их могут направлять интересы, из одной части империи в другую — положение вещей, сильно отличающееся от того, которое было создано в Англии законом о поселении, согласно которому людям повсюду запрещалось менять свое место жительства, и повсюду они подлежали аресту и отправке обратно в свои первоначальные приходы, чтобы они не могли в тот или иной момент обложиться налогом с нового прихода, в котором они хотели найти работу, которую они тщетно искали дома. "Русский", — говорит наш автор, -

"Имеет большую склонность к странствиям за пределами своих родных мест, но не к путешествиям за границу. Любовь к дому, кажется, в значительной степени слита с любовью к родине. Русский чувствует себя как дома везде в пределах России; и в политическом смысле этот беспорядочный нрав народа и тесные сношения между жителями различных провинций, к которым он ведет, способствуют установлению более тесных уз единения между людьми, а также пробуждению и поддержанию национальной политики и патриотической любви к родине. Хотя русский может покинуть свою родину, он никогда полностью не разрывает связи с ней; и, как мы уже упоминали ранее, будучи наделен природным талантом браться за любой вид работы, он вообще никогда не ограничивает себя в своих странствиях каким-либо конкретным занятием, а пробует сразу несколько; но выбирает то, что может показаться ему наиболее выгодным. Когда они занимаются каким-либо определенным обширным ремеслом, таким как ремесло плотника, каменщика или тому подобного, в больших городах, они объединяются и образуют своего рода профессиональную ассоциацию, а самые умные занимают положение своего рода подрядчика для выполнения требуемой работы. Таким образом, если дворянин захочет построить дом или даже дворец в Санкт-Петербурге, он обращается к такому подрядчику (*продатшнику*), представляет ему фасад и планы и заключает с ним контракт на выполнение требуемых работ за определенную сумму. Затем подрядчик заключает соглашение со своими товарищами относительно помощи, которую они должны оказать, и доли, которую они должны получить от прибыли; после чего он обычно отправляется к себе на родину, либо один, либо с кем-то из своих товарищей, чтобы получить необходимый капитал для продолжения работы. Жители, которые также получают свою долю прибыли, с готовностью составляют необходимую сумму, *и все делается доверительно*; действительно, очень редко можно услышать о мошенничестве в этих делах. Плотники (*плотники*) образуют особый класс рабочих, которых мы описали. Поскольку большинство домов в России, и особенно в сельской местности, построены из дерева, количество и значимость плотников как класса очень велики по сравнению с другими странами. Почти каждый крестьянин, каким бы другим ремеслом он ни занимался, также в какой-то степени плотник и знает, как придать форму бревнам для постройки жилища. *Плотники* в деревнях никогда не бывают ничем иным, как обычными плотниками, и никогда не приобретают каких-либо регулярных знаний о своем деле. Настоящие русские *плотники* редко носят с собой какие-либо другие инструменты, кроме топора и долота, и с ними он странствует по всем частям империи в поисках и везде находит работу".

Представленная здесь картина, безусловно, сильно отличается от той, которую представляют Великобритания и Ирландия. Кажется, что русский чувствует себя в России как дома повсюду. Он скитается, где ему вздумается, повсюду ищет и находит работу; в то время как ирландец, похоже, вряд ли чувствует себя дома где-либо в пределах Соединенного Королевства. В Англии, а тем более в Шотландии, его не признают своим согражданином. Он *всего лишь ирландец*— один из тех полудиких кельтов, которым природа предназначила удовлетворять спрос Англии на дешевую рабочую силу, то есть на тот труд, который должен быть вознагражден самыми скудными запасами пищи и одежды. Таким образом, разница в моральном воздействии этих двух систем очень велика. Первое имеет тенденцию вызывать ту комбинацию усилий, которая повсюду вырабатывает добрую привычку чувствовать, тогда как другое имеет тенденцию повсюду вызывать неудовлетворенность и уныние; и это так потому, что при нем неизбежно постоянно усиливается ощущение, что каждый человек должен жить за счет налогов своего соседа, покупая дешево то, что этот сосед имеет продать, и дорого продавая то, что этот сосед должен купить. Существование такого положения вещей очевидно для всех, кто знаком с

современной английской литературой, которая изобилует демонстрациями тенденции системы превращать мужчину в тирана по отношению к своей жене, дочери, лошади и даже собаке. Недавний английский путешественник по России представляет иное состояние чувств, чем существующее там. "Русский кучер", — говорит он, -

"Редко пользуется своим кнутом и обычно только стучит им по подножке саней в качестве мягкого наставления своему коню, с которым тем временем поддерживает оживленную беседу, редко употребляя в его адрес более жесткие слова, чем *"Мой брат, мой друг, мой маленький голубок, моя возлюбленная"*. "Ну же, мой прелестный голубок, шевели ножками", - скажет он. - Что, прямо сейчас? искусство вслепую? Давай, поторапливайся! Позаботься вон о том камне. Не видишь его?— Вот, правильно! Bravo! хоп, хоп, хоп! Спокойнее, мальчик, спокойнее! Зачем поворачиваешь голову? Смело смотри перед собой!—Ура! Йух! Йух!

"Я не мог удержаться, - продолжает он, - чтобы не сравнить это с оскорбительной лексикой, которую мы постоянно слышим в Англии от возчиков и мальчиков, занятых верховой ездой. Вас постоянно шокируют используемые ругательства. Они, кажется, думают, что лошади не пойдут, если на них не выругаться; и мальчики считают мужественным подражать этому примеру, тоже учиться ругаться и нарушать Божьи заповеди, произнося его святое имя всуе. И это при использовании прекрасного, благородного животного, которое он отдал нам для служения, а не для жестокого обращения. В обращении с этими бессловесными созданиями много ненужной жестокости, потому что их часто бьют, когда они делают все, что в их силах, или из-за непонимания того, чего от них хотят их хозяева".

Об истинности этого, что касается Англии, журналы этой страны часто предоставляют самые отвратительные доказательства; но сам факт существования там общества по предотвращению жестокого обращения с животными, по-видимому, показывает, что в его услугах очень нуждались.

Способ, которым система диверсифицированного труда постепенно расширяет личную свободу среди населения России и в конечном итоге готовит его к пользованию высшей степенью политической свободы, показан в следующем отрывке. "Землевладельцы", — говорит упомянутый выше автор, -

"Имея крепостных, разрешил им заниматься мануфактурой и искать себе работу там, где им заблагорассудится, при одном лишь условии уплаты их господину личного налога (*оброк*). Каждый человек оценивается в соответствии с его личными способностями, талантами и дотациями в определенном капитале; и в соответствии с тем, что он считает себя способным получить, он облагается налогом в фиксированной сумме в качестве процента с этого капитала. Актеры и певцы, как правило, являются крепостными, и они обязаны платить *оброк* за проявление своего искусства столько же, сколько и самый низший ремесленник. В последнее время производственная система Западной Европы была внедрена в России, и туземцев поощряли создавать всевозможные производства по этим образцам; и еще предстоит выяснить, окажет ли новая система ожидаемый эффект, способствуя формированию среднего класса, который до сих пор был главной потребностью России как политического государства".

В том, что таков должен быть эффект, сомневаться не приходится. Средний класс повсюду рос вместе с ростом городов и других мест местного обмена, и люди стали свободными именно потому, что они смогли объединиться для повышения производительности своего труда. В

каждой части движения, которое, таким образом, стремится к освобождению крепостных, правительство активно сотрудничает, и едва ли возможно читать отчет о том, что там делается, без чувства огромного уважения к императору, "которого так часто, - говорит недавний автор, — обличают как смертельного врага свободы - истинного отца своей страны, искренне стремящегося развивать права своих подданных".[179]

Для крепостных мужчин, говорит тот же автор, во все времена до недавнего времени военная служба была единственным путем к свободе. Однако это требовало двадцатилетней службы, и к концу этого срока солдат настолько привык к такому образу жизни, что редко покидал его. Однако несколько лет спустя этот срок был сокращен до восьми лет, и теперь тысячи людей ежегодно возвращаются к гражданской жизни, свободные люди, которые всего несколько лет назад были рабами, подлежащими купле-продаже вместе с землей.

Раньше лорд обладал такой же неограниченной властью распоряжаться своими крепостными, какой теперь обладают жители наших Южных Штатов. Крепостной был всего лишь движимым имуществом, предметом торговли, а мужа и жены, родители и дети постоянно подвергались разлуке друг с другом. Указом 1827 года, однако, они были объявлены неотъемлемой и неотделимой частью почвы. "Непосредственное следствие этого указа", - говорит г-н Джеррманн,[180]

"Это было прекращение, по крайней мере в его самой отталкивающей форме, унижительной торговли человеческой плотью путем продажи, бартера или дарения. Отныне ни один крепостной не мог быть передан другому владельцу, кроме как путем продажи земли, которой он принадлежал. Чтобы обеспечить себе отказ от земли и людей, связанных с ней, и в то же время предотвратить разорение землевладельца в результате сделок с ростовщиками, правительство учредило императорский ссудный банк, который выдавал ссуды под залог земель в размере двух третей их стоимости. Заемщики должны были ежегодно возвращать три процента кредита, помимо трех процентов. проценты. Если они не могли этого сделать, корона возвращала им уже уплаченные взносы, отдавала им оставшуюся треть стоимости имущества и вступала во владение землей и ее населением. Это был первый этап обретения свободы крепостными. Они стали коронными крестьянами, получили свои жилища и клочки земли в наследственное владение от короны и ежегодно платили за них в общей сложности пять рублей (около четырех шиллингов на каждого мужчину) - арендную плату, за которую, несомненно, во всей Германии не найти ни на одной самой бедной ферме; не говоря уже о том соображении, что в случае неурожая, разрушений от града, болезней и т. Д. Корона обязана удовлетворять насущные потребности своего крестьянина и находить их в хлебе насущном, в необходимом количестве скота. и посевное зерно, для ремонта их жилищ и так далее.

"Благодаря такому устройству и за короткое время значительная часть земель русского дворянства перешла в собственность государства, а вместе с этим большое количество крепостных превратилось в коронных крестьян. Это был первый и самый важный шаг к тому, чтобы открыть дорогу к свободе тому большинству населения России, которое состоит из рабов".

Здесь мы имеем дело с этапом подготовки к тому разделу земли, который во всех странах мира сопровождал рост богатства и населения и который необходим для дальнейшего роста не только богатства, но и свободы. Консолидация земель повсюду сопровождала рабство, и так должно быть всегда.

На следующем этапе мы обнаруживаем, что император дарует крепостному в качестве подготовки к полной свободе определенные гражданские права. Указ

"Позволил им заключать контракты. Тем самым им было предоставлено не только право владения собственностью, но и бесконечно более высокое благословение юридического признания их моральной ценности как людей. До сих пор крепостной признавался государством только как своего рода животное в человеческом обличье. Он не мог владеть собственностью, давать никаких юридических показаний, приносить присягу. Какой бы красноречивой ни была его речь, он был нем перед законом. Возможно, в его жилище хранились сокровища, закон знал его только как нищего. Его слово и честь ничего не стоили по сравнению с честью самого подлого свободного человека. Короче говоря, с моральной точки зрения о нем нельзя было сказать, что он существовал. Император Николай дал крепостным, этому подавляющему большинству его подданных, первое ощущение моральной ценности, первый проблеск самоуважения, первое представление о правах, достоинстве и долге человека! Какой мнимый друг народа может похвастаться тем, что сделал больше или даже так много для стольких миллионов людей?"—Там же, стр. 24.

"Дав крепостным право владеть собственностью, император теперь, - говорит наш автор, - научил их ценить указанную собственность превыше всего в интересах своей свободы".
Крепостной

"Он не мог купить свою собственную свободу, но он стал свободным, купив участок земли, с которым был связан. К такой покупке право контракта расчистило ему дорогу. Ленивый русский, который работал с недоброжелательством по отношению к своему хозяину, делая как можно меньше для выгоды последнего, трудился день и ночь для своей собственной выгоды. Праздность сменилась усердным благоустройством его фермы, жестокое пьянство - бережливостью и трезвостью; земля, ранее заброшенная, вознаградила за непривычную заботу своими богатейшими сокровищами. Волшебством промышленности убогие лачуги превратились в удобные жилища, дикие места - в цветущие поля, безлюдные степи и глубокие болота - в плодородные земли; целые общины, недавно погрязшие в бедности, демонстрировали безошибочные признаки компетентности и благополучия. Крепостные, которым теперь разрешалось заключать контракты, ссужали землевладельцу деньги, в которых он часто нуждался, на тех же условиях, что и корона, получая в залог землю, которую они занимали, свои собственные тела и тела своих жен и детей. Дворянин предпочитал ссуду крепостных государственной ссуде, потому что, когда наступал день выплаты годовых процентов и взноса, корона, если он не был готов платить, вступала во владение его помещьем, располагая средствами для выплаты ему остатка его стоимости. Приход крепостных, который одолжил деньги своему владельцу, испытывал недостаток в этих средствах. Наступил день расплаты, должник не заплатил, но и крепостные не могли произвести ту треть стоимости земли, которую они должны были выплатить ему, чтобы стать свободными. Таким образом, они потеряли свой капитал, но не обрели свободу. Но Николай был жив! отец своих подданных.

"Между озабоченным должником и еще более озабоченным кредитором теперь вставал императорский указ, который в таких случаях открывал для приходов крепостных доступ к императорской казне. Отметьте это, ибо это достойно внимания: российская императорская казна была открыта для крепостных, чтобы они могли купить свою свободу!

"Правительство могло бы просто избавить кредиторов от их затруднительного положения, выплатив должнику причитающуюся ему треть, и тогда земля и арендаторы принадлежали бы государству; - одним приходом *большекоронных крестьян*. Николас не пошел по этому пути. Он ссужал крепостным деньги, необходимые им для выкупа у своего хозяина, и в обмен на этот заем (только треть стоимости) они закладывали себя и свои земли короне, выплачивая ежегодно три процента. проценты и три процента. от капитала, и, таким образом, примерно через тридцать лет были бы свободны и владели бы своей землей! То, что они смогут выплатить эту треть, было очевидно, поскольку для получения ее суммы у них были все те же ресурсы, которые позволили им накопить уже выплаченные две трети. Предположим, однако, самое худшее, что из—за неизбежных несчастий, таких как мор, болезни скота и т. Д., Им помешали удовлетворить законные требования короны, в этом случае корона вернула им две трети стоимости, которую они ранее выплатили своему бывшему владельцу, и они стали приходом коронных крестьян, участь которых, по сравнению с их прежней, все еще была завидной. Но такие случаи происходят не один раз из ста, в то время как, согласно вышеупомянутому плану, целые приходы постепенно обретают свою свободу, не путем внезапных и насильственных изменений, которые не могли не иметь некоторых пагубных последствий, но со временем, после испытания трудом и бережливостью, и после того, как таким образом они осознают, что без этих двух великих факторов истинной свободы никакая настоящая свобода не может быть прочной ". —*Там же*.

Свободные крестьяне пока еще составляют небольшой класс, но они живут

"Как свободные и счастливые люди на своей собственной земле; активны, бережливы и, без исключения, состоятельны. Такими они и должны быть, ибо для приобретения свободы необходимы значительные средства; и, оказавшись свободными и владея собственной фермой, их энергия и трудолюбие, проявляющиеся даже в состоянии рабства, удваиваются благодаря пользованию личной свободой, и их заработки естественным образом возрастают в такой же мере.

"Второй класс, коронные крестьяне, находятся в гораздо лучшем положении (исключая, конечно, сознание свободы), чем крестьяне Германии. Они должны обеспечивать свою норму рекрутов, но это их единственное материальное бремя. Кроме того, они ежегодно выплачивают короне сумму в пять рублей (около четырех шиллингов) за каждого мужчину в семье. Предположим, что в семье восемь работающих мужчин, что для фермы немало, ежегодная дань составляет тридцать два шиллинга. И что это, должно быть, за ферма, на которой круглый год работают восемь человек! В какой стране цивилизованной Европы крестьянин несет такую легкую ношу? Насколько тяжелее те, которые давят на английского фермера, французского, немецкого и прежде всего австрийского, которые часто отдают три четверти своего урожая в виде налогов. Если коронному крестьянину настолько повезет, что он поселится по соседству с большим городом, его благосостояние вскоре превысит благосостояние даже альтенбургских земледельцев, которые, как говорят, самые богатые во всей Германии. С другой стороны, он никогда не сможет купить свою свободу; по крайней мере, до сих пор ни один закон короны не предоставлял ему этой привилегии". — *Там же*, 156.

Однако то, что такова тенденция любого движения, должны признать все, кто изучил уже приведенные факты и кто прочитал следующий отчет о начале местного самоуправления:

"Но что сказали бы наши ярые антирусские сторонники, если бы я отвел их в глубь империи, дал им представление об организации приходов и показал им, к их бесконечному изумлению, то, о чем они и не мечтали, а именно то, что вся эта организация основана на республиканских принципах, что там все берет свое начало в выборах народа, и что это уже имело место в период, когда огромная масса немецких демократов даже не знала значения народного избирательного права. Конечно, русские крепостные в наши дни не знают, что это значит; но, не зная названия вещи, никогда не слыша ни слова о зловещем *"троне монархическом, окружении республиканских институтов" Лафайета*, они сами выбирают своих старейшин, своих администраторов, своих отправителей правосудия и финансов и никогда не мечтают, что они, *рабы*, пользуются привилегиями, которыми некоторые из самых цивилизованных наций оказались неспособны воспользоваться.

Место здесь не позволяет сделать более подробный обзор того, что император Николай сделал и продолжает делать ежедневно для истинной свободы своих подданных; но того, что я здесь изложил, несомненно, должно быть достаточно, чтобы представить его в глазах каждого непредвзятого человека в свете настоящего любителя своего народа. Что его забота создала рай, что в департаментах юстиции и полиции не царит в высшей степени преступного злоупотребления властью, постыдного пренебрежения — остается надеяться, что ни один вдумчивый читатель не сделает вывод из этого изложения фактов. Но все еще существующие злоупотребления ничего не меняют в моем взгляде на характер императора, на его усердные усилия поднять свою нацию из глубокой трясины, в которой она все еще частично погрязла, на его эффективные попытки научить свой народ осознавать и использовать свои права как мужчин — ничего не меняют в моей глубокой убежденности в том, что царь Николай I. является истинным отцом своей страны". — *Там же*, 27.

Нам говорят, что политика России неблагоприятна для прогресса цивилизации, в то время как политика Англии благоприятна для него, и что мы должны помогать последней в противодействии первой. Как это можно доказать? Должны ли мы обратиться за доказательствами к Ирландии? Если мы это сделаем, то не встретим там ничего, кроме голода, мора и обезлюдения. Или в Шотландию, где за людьми, чьи предки веками жили на одном и том же месте, охотятся, чтобы перевезти их на берега Святого Лаврентия и там погибнуть, как это случилось совсем недавно, от холода и голода? Или в Индию, где весь класс мелких собственников и фабрикантов исчез под пагубным влиянием ее системы и чья торговля сокращается теперь из года в год? Или в Португалию, самое слабое и несчастное из сообществ Европы? Или в Китай, отравленный *контрабандным* опиумом, который ежегодно обходится нации чуть менее чем в сорок миллионов долларов и без которого индийское правительство не могло бы существовать? Куда бы мы ни посмотрели, мы видим растущую тенденцию к рабству везде, где британской системе позволено его получить; тогда как свобода растет по мере того, как эта система отвергается.

В том, что так должно быть обязательно, убедится каждый читатель, который на мгновение задумается о разнице между влиянием российской системы на положение русских женщин и британской системы на положение женщин Индии. В первом случае повсеместно возникает спрос на использование женщин в более легкой работе по обращению, и, таким образом, они изо дня в день стремятся стать более самостоятельными и менее зависимыми от воли мужей, братьев или сыновей. В другом случае спрос на их труд исчез, и их положение ухудшается, и так должно продолжаться, пока Манчестер не примет решения о закрытии внутреннего спроса на

хлопок и привлечении всего населения к производству сахара, риса и хлопка для экспорта в Англию.

Система России привлекательна для населения, и французские, немецкие и американские механики любого профиля находят спрос на свои услуги. Положение Англии отвратительно, о чем свидетельствует *принудительный* вывоз мужчин из Англии, Шотландии, Ирландии и Индии, за которым теперь следуют целые партии женщин, [181] отправленных на общественные пожертвования, представляя собой зрелище, почти столь же унижительное для гордости пола, какое можно увидеть на невольничьем базаре Константинополя.

ГЛАВА XVIII.

КАК РАСТЕТ СВОБОДА В ДАНИИ.

По сравнению с Ирландией, Индией или Турцией ДАНИЯ - очень бедная страна. По словам одного из самых просвещенных современных британских путешественников, у нее есть...

"Ни металлов, ни минералов, ни огневой мощи, ни водной мощи, ни продуктов, ни возможностей стать страной-производителем, поставляющей их иностранным потребителям. У нее нет гаваней в Северном море. Ее судоходство, естественно, ограничено Балтийским морем. Ее торговля, естественно, ограничивается домашним потреблением предметов первой необходимости и роскоши цивилизованной жизни, которые экспорт кукурузы и других сельскохозяйственных продуктов позволяет ей импортировать и потреблять. Она стоит одиноко в своем уголке мира, обменивая свою буханку хлеба, которой у нее может не хватить, на предметы, которыми она не может обеспечить себя сама, но все же обеспечивает себя всем, чем может, благодаря своему собственному трудолюбию".[182]

Эта отрасль защищена высокими импортными пошлинами, и эти пошлины открыто вводятся с целью дать возможность фермеру повсюду иметь на своей стороне ремесленника; таким образом, объединяя производителей и потребителей земли. "Большая часть их материалов для одежды", — говорит мистер Лэйнг, - "

"Лен, смесь льна и хлопка, а также шерстяная ткань производятся в домашних условиях; а материалы, подлежащие обработке, хлопчатобумажная пряжа, красители и посуда - это то, что им требуется в магазинах. Лен и шерсть выращиваются и производятся на крестьянской ферме; прядение и ткачество производятся в доме; отбеливание, крашение, валяние производятся дома или в деревне". * * * "Пучки лент, серебряные застёжки, золотые серьги и другие украшения, представляющие определенную ценность, широко используются во многих женских платьях, хотя основной материал - шерсть домашнего изготовления и лен. Некоторые из этих женских крестьянских костюмов из шелка, тонкой ткани и кружев очень идут, поскольку их носят красивые деревенские девушки, дочери богатых крестьян-владельцев с островов, которые иногда посещают Копенгаген. У них часто вид дам, и на самом деле они таковы по образованию, по своему легкому или даже богатому положению и унаследованному превосходству над другими людьми того же класса". * * * "В большой сельской церкви в Гетторфе мой собственный сюртук и сюртук священника были, насколько я мог наблюдать, единственными в конгрегации, сшитыми не из домашней ткани; а в Копенгагене рабочая и повседневная одежда респектабельных торговцев и представителей среднего класса, а также

всех ремесленников и низших рабочих классов, если не домашняя, то хотя бы домашняя. изготовлено и отправлено им их друзьями, по крайней мере, деревенского производства; то есть не фабричного, а пряженого, сотканного и проданного в виде паутины крестьянами, у которых есть больше, чем им нужно для семейного использования, мелким лавочникам. Особенно это касается белья. Лен — это сельскохозяйственная культура на каждой ферме; и строганием, рубкой, прядением, ткачеством и отбеливанием занимаются в каждой сельской семье". - С. 381, 382, 383.

Производством этой одежды занято почти все женское население страны и значительная часть мужского населения в зимние месяцы. При другой системе денежная цена этой одежды была бы меньше, чем сейчас, — возможно, такой же низкой, какой она была в Ирландии, — но какова была бы ее цена за рабочую силу? Ткань в этой стране дешевая, но человек стоит настолько дешевле, что он не только ходит в лохмотьях, но и погибает от голода, потому что вынужден истощать свою землю и впустую тратить свой труд. "Где", — очень справедливо спрашивает мистер Лэйнг-

"Была бы выгода для датской нации, если бы небольшая часть ее населения, не живущая земледелием, получила свои рубашки, куртки и всю остальную одежду наполовину дешевле, а подавляющее большинство, которые сейчас находят зимнюю работу в производстве собственных материалов для одежды, ибо время и труд, которые не представляют для них ценности в это время года и могут быть использованы без учета, были бы брошены без дела конкуренцией более совершенных и дешевых продуктов машин и фабрик?" - С. 385.

Ниодного! Единственная выгода, получаемая человеком от совершенствования механизма преобразования, заключается в том, что он, таким образом, получает возможность уделять больше времени, труда и мыслей улучшению земли, великой машины производства; и в этом *не может* быть никакого улучшения при системе, которая направлена на экспорт необработанных продуктов, удаление почвы и отказ от внесения навоза в землю.

Вся датская система стремится к местному использованию как труда, так и капитала и, следовательно, к росту богатства, разделу земли и совершенствованию способов возделывания. "С большой и растущей долей...

"Среди небольших ферм, принадлежащих крестьянам-собственникам, которые сами работают с наемными работниками и могут содержать от пяти до тридцати или сорока коров летом и зимой, есть много крупных ферм, которые могут содержать от двухсот до трехсот и даже четырехсот коров летом и зимой и сдавать их в аренду верпахтерам, или крупным фермерам-арендаторам, выплачивающим денежную ренту. Этот класс верпахтеров - фермеры с большим капиталом и навыками, очень умные и предприимчивые, хорошо знакомые со всеми современными усовершенствованиями в сельском хозяйстве, использующими гуано, устройство дренажа плитки, труб и, вероятно, будут очень серьезными конкурентами на английских рынках старомодным английским фермерам, пользующимся спросом, и даже большинству наших улучшающихся крупных фермеров в Шотландии". - *Лэйнг*, 52.

Система этой страны привлекала, а не отталкивала население, и с ее ростом происходило постоянное и быстрое продвижение к свободе. Класс верпахтеров, описанный выше

"Они родом из Мекленбурга, Брауншвейга и Ганновера, воспитанные в сложных условиях ведения бизнеса на большой молочной ферме, и они самые образованные, самые умелые и

самые успешные фермеры на Севере Европы. Многие из них приобрели большие поместья. Обширные фермы, которые они занимают, как правило, на правах аренды сроком на девять лет, являются владениями дворян, которые до 1784 года обрабатывались крепостными, которые до этого были *adscripti glebæ*, и которые были обязаны каждый день работать без оплаты на главной ферме феодала и имели коттеджи и землю на окраине поместья, чтобы зарабатывать на жизнь, когда они не были нужны на ферме барона. Их феодал мог заключить их в тюрьму, выпороть, вернуть их, если они дезертировали с его земли, и обладал полной феодальной юрисдикцией над ними в своем баронском суде". — С. 53.

Однако не только в сфере земли, но и в различных других видах деятельности мелкий собственник капитала имеет возможность использовать его с пользой. "Первое, что датчанин делает со своими сбережениями", — говорит мистер Браун, [183] британский консул в Копенгагене, -

"Заключается в покупке часов; затем лошади и коровы, которых он берет напрокат и которые платят хорошие проценты. Тогда его честолюбивое намерение - стать мелким собственником; а *этот класс людей живет лучше, чем кто-либо в Дании*. В самом деле, я не знаю людей ни в одной стране, которым было бы легче получить все, что действительно необходимо для жизни, чем этому классу, который очень многочислен по сравнению с классом рабочих".

Способность выгодно использовать небольшие накопления рабочего объясняется тем, что доля мелких собственников стала столь удивительно большой. "Большая часть страны и лучшие земли в ней", — говорит мистер Лэйнг, [184] находится в их руках -

"С фермами размером в десять-пятнадцать коров, которые они выращивают наемным трудом, наряду с трудом семьи. Эти мелкие собственники, называемые хаффнерами, вероятно, от *hoff*, фермы и двора, соответствуют йоменам, мелким фригольдерам и государственным деятелям Севера Англии, и многие из них богаты. Считается, что в двух герцогствах насчитывается около 125 150 поместий этого класса: некоторые из хаффнеров, по-видимому, являются копигольдерами, а не фригольдерами; то есть они владеют своей землей по наследственному праву и могут продавать или распоряжаться ею; но их земля облагается определенными фиксированными платежами в виде денег, рабочей силы, повозок, ежегодной вспашки лорду поместья, частью которого они владеют, или фиксированными штрафами за неуплату. Класс мелких землевладельцев называется Иннстерами и, собственно, является дачниками, имеющими дом, двор и землю для одной-двух коров, и платят арендную плату деньгами и трудом, и получают заработную плату по сниженной ставке за свой труд круглый год. Они эквивалентны нашему классу женатых сельскохозяйственных слуг, но с той разницей, что их нельзя выгнать по желанию или удобству верпахтера, или крупного фермера, но они принадлежат собственнику; и все условия, на которых они находятся — иногда пожизненно, иногда на несколько лет — так же установлены и поддерживаются законом, как и отношения между собственником и верпахтером. Из этого класса насчитывается около 67 710 человек, из них домовладельцев, не имеющих земли; 17 480 человек и 36 283 поденщика, занятых в сельском хозяйстве. Земля хорошо разделена между общим населением всего в 662 500 душ". — С. 43.

Даже у самого бедного из этих трудящихся домохозяев есть сад, немного земли и корова; [185] и повсюду можно увидеть глаза и руки мелкого собственника, занятые делом, в то время как более крупные фермеры, говорит наш автор, —

"Посещайте наши английские выставки крупного рогатого скота и сельскохозяйственные собрания, будьте образованными людьми, знакомыми со всеми усовершенствованиями в сельском хозяйстве, проводите собственные сельскохозяйственные собрания и выставки крупного рогатого скота и публикуйте отчеты и эссе членов. Они используют гуано и весь животный или химический навоз, внедрили дренажные устройства для плитки, оборудование для изготовления труб и черепицы и не новички в орошении своих старых лугов, покрытых травой". - С. 127.

Как естественное следствие, люди хорошо одеты. "Пропорция, — говорит мистер Лэйнг, -

"Количество хорошо одетых людей на улицах столь же велико, как и в наших больших городах; мало кто так поношен в одежде, как безработные или наполовину занятые рабочие и чернорабочие в Эдинбурге; а пролетарского класса, полуголодного и в лохмотьях, не видно. Запасы материалов для одежды для среднего и низшего классов кажутся столь же значительными, независимо от того, смотрим ли мы на самих людей или на магазины второго или третьего сорта с товарами для их использования". — С. 379.

Что касается размещения в доме, он говорит:—

"Деревенские жители Дании и герцогств живут хорошо. Материал - кирпич. В сельской местности кровля соломенная, а в городах - черепичная. Шифер неизвестен. В жилых помещениях полы всегда деревянные. В предыдущей заметке я описал большой зал, в котором хранится весь скот, урожай и повозки, и в который выходят жилые помещения. Жилые помещения за пределами самого захудалого коттеджа, двор, сад и конторы больше напоминают жилища англичан, чем шотландцев того же класса". — С. 420.

В каждом приходе есть свой признанный школьный учитель, а также

- Это признанный священник; но мне кажется, что класс приходских школьных учителей здесь занимает гораздо более высокое положение, чем в Шотландии. Им лучше платят, их дома, квартиры и стипендии лучше по сравнению с обычными домами и доходами среднего класса в сельской местности, и они люди с гораздо более высоким образованием, чем их шотландские собратья". * * * "Любой, кому заблагорассудится, может совершенно свободно открывать школу, а родители могут отправлять своих детей в школу или нет, как им заблагорассудится. Если молодые люди достаточно проинструктированы, чтобы получить подтверждение от священнослужителя или сдать экзамен для поступления в качестве студентов в университет, то где и как они получили свое образование, не спрашивается. Правительство предоставило школам высококвалифицированных и хорошо оплачиваемых учителей, но не наделило их ни монополией на преподавание, ни полномочиями как корпоративного органа и отделило их от профессионального сообщества в университете и не связало с ним". - С. 170, 336.

"Самая поразительная черта в характере жителей этих маленьких городков", — говорит наш автор, -

И то, что путешественник меньше всего ожидает найти в странах, столь уединенных, столь удаленных от общения с другими странами из-за положения и отсутствия продуктов обмена, как Слесвик, Ютландия и Датские острова, - это широкое распространение образования, литературы и литературных вкусов. В городах, например, с населением 6000 человек в Англии, мы редко находим такие заведения, какими обладают 6000 жителей Ольборга, самого

северного города Ютландии. У них на берегах Лимфиорда есть классическая школа для получения знаний, необходимых студентам, поступающим в университет; учебное заведение и шесть школ бургеров для обычных отраслей образования, в которых используется ланкастерский метод взаимного обучения; библиотека из 12 000 томов, принадлежащая провинции Ольборг, открыта для публики; циркулирующая библиотека из 2000 томов; несколько частных коллекций и музеев, к которым открыт свободный доступ; драматическая ассоциация, действующая каждое второе воскресенье; и два клуба для проведения балов и концертов. Типография и газета, выходящие еженедельно или чаще, в таких городах, конечно, являются учреждениями. Выборг, самый древний город Ютландии, столица времен языческих королей, а когда-то великий город с двенадцатью приходскими церквями и шестью монастырями, но сейчас в нем нет и следа бывшего величия, и всего около 3000 жителей, имеет свою газету три раза в неделю, классическую школу, школу бургеров, публичную библиотеку, распределительную библиотеку и драматическое общество, ставящее шесть или восемь пьес в течение зимы. Поскольку это уездные города, где находятся окружные суды и деловые круги, в них, без сомнения, больше подобных заведений, чем может содержать население самих городов; но это указывает на широкое распространение образования и интеллектуальных вкусов в окружающей стране. Рандерс, на реке Гуден, единственной реке какой-либо длины, впадающей в Балтику или Каттегат с полуострова, и единственной, в которой ловят лосося, не является столицей провинции и находится всего в двадцати пяти английских милях от столицы Выборга; но в нем на 6000 жителей приходится классическая школа, несколько школ для бургеров; в одной из которых более 300 детей обучаются методом взаимного обучения, книжное общество, музыкальное общество, постоянно действующая библиотека, типография, газета, выходящая три раза в неделю, клуб, и драматическое общество. В Аархуусе, население которого примерно такое же, как у Рандерса, и примерно такое же расстояние от него, как у Рандерса из Выборга, есть средняя школа, две школы для бургеров и школа для оборванцев или бедных, провинциальная библиотека объемом 3000 или 4000 томов, школьная библиотека примерно такого же объема, библиотека, принадлежащая клубу, коллекция минералов и раковин, принадлежащая старшим школам, типография (из которой выпускаются газета и литературное периодическое издание), книжный и музыкальный магазины, клуб, концертный и балльный залы, а также драматическое общество. В Холстебро, маленьком городке с населением около 800 человек, расположенном примерно в тридцати пяти английских милях к западу от Вайборга, есть школа для бургеров по системе взаимного обучения, общество чтения и сельскохозяйственное общество. В каждом маленьком городке этой страны путешественник находит образовательные учреждения и признаки интеллектуального вкуса к чтению, музыке, театральным представлениям, которые, он не может не признать, превосходят то, что он находит дома в Англии, в похожих городах и среди тех же классов". — С.316.

Здесь мы имеем множество свидетельств благотворного эффекта местных действий по сравнению с централизацией. Вместо того, чтобы иметь в Копенгагене отличные учебные заведения и не иметь местных школ или газет, повсюду есть условия для получения образования и свидетельства того, что люди им пользуются. Их вкусы культивируются и становятся все более таковыми день ото дня; и таким образом, они представляют разительный контраст с картиной, которую представляет противоположный берег немецкого океана, и по той причине, что там система основана на идее удешевления труда внутри страны и недоработки рабочего за границей. Окна самых бедных домов, говорит мистер Лэйнг, —

"Редко хочется немного декоративной драпировки, и они всегда украшены цветами и растениями в цветочных горшках. У людей есть страсть к цветам. Крестьянская девушка и деревенский кавалер украшены букетами самых лучших из обычных цветов; и в городе вы видите людей, покупающих цветы, которые с нами, на той же станции, сочли бы это экстравагантностью. Почва и климат благоприятствуют этому вкусу. Ни в одной части Европы обычные садовые цветы не растут в таком изобилии и роскоши, как в Гольштейне и Шлезвике". - С. 50.

У людей повсюду есть "досуг, чтобы быть счастливыми, развлекаться и образованными" [186], и, как следствие, продажи книг велики. Число циркулирующих библиотек составляет не менее шестисот[187], и их запросы дают

"Больше импульса к литературной деятельности, чем кажется в Эдинбурге, где литература скорее пассивна, чем активна, и то, что произведено достойным публикации, обычно отправляется на лондонский рынок. Именно по этой причине в Копенгагене в течение года выходит большее количество публикаций, чем в Эдинбурге". * * * "Пересылка книг и других небольших посылок по почте, которую мы считаем большим усовершенствованием, поскольку это, несомненно, так и есть, и которая характерна для нашего английского почтового отделения, имеет давнюю историю в Дании и имеет большое преимущество для распространения знаний и большое удобство для людей". - Стр. 373, 374.

Материальное и интеллектуальное состояние этого народа объявляется мистером Лэйнгом — а он опытный и наблюдательный путешественник — выше, чем у любого другого в Европе;[188] в то время как мистер Кэй, также очень высокий авторитет, относит народ Англии к числу самых невежественных и беспомощных в Европе. Датчане потребляют больше пищи для ума

"Чем шотландцы; выпускают больше ежедневных и еженедельных газет и других периодических изданий в своих столицах и в своих провинциальных городах и публикуют больше переведенных и оригинальных произведений; имеют больше публичных библиотек, более крупных библиотек и библиотек, более легкодоступных для людей всех классов, не только в Копенгагене, но и во всех провинциальных и провинциальных городах; имеют больше небольших библиотек, книжных клубов, музыкальных объединений, театров и театральных ассоциаций, а также оригинальных драматических произведений; больше музеев, галерей, коллекций статуй, картин, древностей и предметов, удовлетворяющих вкусы утонченных и интеллектуальных людей и в равной степени открытых для всех. всех классов, чем народ Шотландии может произвести вдоль и поперек своей страны". - С. 390.

Высокое моральное состояние является необходимым следствием высокого материального и интеллектуального уровня; и поэтому мы находим, что датчане отличаются добротой, учтивостью и уважением к другим, [189] и это встречается во всех слоях общества. При посещении Музея северных древностей, который открыт для публики бесплатно в определенные дни —

"Посетителям не остается разинуть рот в неведении от того, что они видят. Профессора высочайших достижений антикварной науки — профессор Томсен, М. Ворсаи и другие — люди, которые, по сути, создали науку из непереваренной массы реликвий, диковинок и образцов искусства ранних веков, — обходят группы посетителей и одинаково объясняют всем, высоким и низким, с величайшим рвением, умом и приветливостью назначение выставленных

предметов, состояние искусств в те века, когда они использовались, постепенный прогресс человечества от раковин, камней и костей к бронзе и железу, а также то, как они использовались. в качестве материалов для изготовления инструментов, украшений и оружия, а также сделанных выводов, оснований и резонансов для их изготовления в ходе своих антикварных исследований. Они читают, по сути, импровизированную лекцию, понятную крестьянину и поучительную для философа". —С. 399.

Вместо широкой пропасти, разделяющей две большие части английского общества, мы находим здесь большое равенство социальных отношений и

"Кажется, это не просто снисхождение с одной стороны и благодарное уважение за то, что на вас вообще обратили внимание, с другой, а чувство независимости и взаимного уважения между людьми самого разного положения и классов. Это может быть объяснено тем, что богатство не является столь важным, как в нашем социальном государстве; его влияние в обществе меньше там, где большинство просто занято тем, чтобы жить на то, что у них есть, без мотива или желания иметь больше ". - С. 423.

Как разительно следующее контрастирует с описанием Лондона и его сотен тысяч жителей, которым негде приклонить голову!—

"Улицы плохо освещены, газ еще не введен, а полиция - невидимая сила; и все же можно гулять по этому городу в любое время суток, не встретив ни одного нарушителя порядка, мужчины в состоянии алкогольного опьянения, неспособного позаботиться о себе, ни женщины-уличной гуляки. Кажется, у каждого есть какой—то дом и постель, а бездомные неизвестны как класс". - С. 394.

Причина, по которой это так, заключается в том, что из-за растущего улучшения положения людей земля с каждым днем растет в цене и становится разделенной, и люди переезжают из городов на землю и в города поменьше - прямо противоположное тому, что наблюдается в Англии. "Есть", — говорит мистер Лэйнг -

"Нет такого наплыва, как в наших крупных городах, работников всех профессий, которые, приезжая из деревни, чтобы улучшить свое положение, становятся слишком многочисленными для спроса, вынуждены браться за работу за все более низкую заработную плату, чтобы не умереть с голоду, и которые доводят своих товарищей по ремеслу и самих себя до такой же нищеты. Занятость является более фиксированной как для занятых, так и для работодателей. Нет внешней торговли или внутреннего потребления, которые могли бы вызвать большую и внезапную активность и расширение производства, а также столь же большую и внезапную стагнацию и крах". — С. 394.

"Пьянство почти исчезло, - говорят нам, - из датского характера", и это

"Воспитание вкуса к более изысканным развлечениям, чем позволяют прилавки джин-паласа или задняя гостиная магазина виски, вытеснило тягу к возбуждающим спиртным напиткам. Чайные сады, концертные залы, бальные залы, театры, кегельбаны - все это посещалось без разбора высшими и низшими классами общества — были школами полезных знаний, которые привили низшему классу кое-что из манер и привычек высших слоев общества и искоренили пьянство и грубость в обычном общении в характере трудящихся". - С. 396.

Дания, по словам этого высокого авторитета, является "живым доказательством ложности теории о том, что население увеличивается быстрее, чем средства к существованию, там, где землей страны владеют мелкие рабочие собственники"; [190] и она также является живым доказательством ложности теории о том, что люди начинают с обработки наиболее продуктивных почв и оказываются, по мере увеличения богатства и численности населения, вынужденными прибегать к более бедным, с меньшей отдачей от труда. Причина, по которой она может предоставить такие убедительные доказательства этого, заключается в том, что она проводит политику, направленную на то, чтобы позволить своему народу иметь ту реальную свободу торговли, которая заключается в праве выбирать между внешним и внутренним рынками — праве, в осуществлении которого отказано Индии и Ирландии, Португалии и Турции. Она желает осуществлять контроль над своими собственными передвижениями, а не над передвижениями других; и поэтому ее народ становится день ото дня более свободным, а ее земля - день ото дня более ценной.

Турция — это рай для системы, широко известной под названием свободной торговли, — той системы, при которой ремесленнику *не разрешается* занимать свое место рядом с производителем шелка и хлопка, - и следствием этого является растущее сокращение населения страны, растущая бедность и рабство ее народа, бесполезность ее земли и слабость ее правительства. Дания, напротив, является раем системы, которая, как предполагается, противостоит свободной торговле, — той системы, при которой ремесленнику и фермеру *are* разрешается объединять свои усилия, — и последствия этого видны в увеличении населения, в росте богатства и свободы, в растущей стоимости земли, в растущей тенденции к равенству и в силе ее правительства, что проявилось в его сопротивлении всей мощи Северной Германии во время последней Шлезвиг-гольштейнской войны, и в том, что впоследствии проявилось по отношению к тем из его собственных подданных, которые помогли развязать войну. "Это для меня честь", — говорит мистер Лэйнг [191] -

"Датского короля и правительства, и это поразительный пример разного прогресса цивилизации на Севере и Юге Европы, что в течение трех лет, пока длилось это восстание, и теперь, когда оно подавлено, ни один человек не был судим и казнен или каким-либо образом наказан за гражданское или политическое преступление по приговору военного трибунала или любого другого суда, кроме обычных; ни одна жизнь не была отнята иначе, как на поле боя и по воле случая на войне. Пожизненное изгнание было высшим наказанием, применяемым к предателям, которые, будучи военными офицерами, дезертировали из своих рядов, нарушили клятву верности и передали важные дела врагу, были бы преданы военному трибуналу и расстреляны в любой другой стране. Гражданские чиновники, которые злоупотребили своей официальной властью и обратили ее против правительства, были просто уволены".

Эти факты разительно контрастируют с теми, которые недавно были представлены ирландской историей. У Ирландии не было друзей во время ее недавней попытки смены правительства. Ее лидеры даже не пытались обратиться за помощью к другим странам. Они были одиноки, и все же английское правительство сочло необходимым поместить их на остров, расположенный на расстоянии многих тысяч миль, и держать там взаперти. Дания, напротив, была окружена близкими врагами — врагами, которым не нужны были корабли для вторжения на ее территорию, — и все же она удовлетворилась простым изгнанием. Политика первого направлена за рубеж, и поэтому она слаба внутри страны. Позиция последней направлена

домой, и поэтому у себя дома она сильна; какой бы маленькой она ни была по сравнению с другими державами, по своей территории и численности своего населения.

ГЛАВА XIX.

КАК РАСТЕТ СВОБОДА В ИСПАНИИ И БЕЛЬГИИ.

Испания изгнала трудолюбивую часть своего населения и почти в то же время приобрела обширные колонии, в которых она искала доходов. Централизация здесь была почти идеальной — и здесь, как и везде, она сопровождалась бедностью и слабостью. С трудом ей удалось защитить свои права на своей собственной земле, и она обнаружила, что совершенно невозможно сохранить свою власть за границей, и по той причине, что ее система вела к обнищанию ее народа и уничтожению ценности труда и земли. Ее история во всем стремится показать, что нации, которые стремятся к уважению своих собственных прав, *должны* научиться уважать права других.

Политика Испании была неблагоприятной для торговли, внутренней и внешней. Обмены внутри страны были обременены высокими налогами, а сырье для мануфактуры, даже произведенное дома, облагалось такими высокими налогами при транспортировке от места производства к месту потребления, что мануфактуры не могли процветать. Таким образом, многочисленный средний класс ремесленников едва можно было найти, и рассеянные земледельцы были, таким образом, лишены их помощи в усилиях установить или сохранить свою свободу. Города приходили в упадок, земля все больше и больше сосредоточивалась в руках знати, с одной стороны, и церкви — с другой, и талант не находил себе применения, кроме как на службе церкви или государству.

Разрушая таким образом внутреннюю торговлю путем налогообложения, предпринимались усилия по ее развитию с помощью ограничений внешней торговли; но сам факт уничтожения первой привел к тому, что тысячам и десяткам тысяч людей пришлось зарабатывать на контрабанде иностранных товаров, и страна была полна людей, всегда готовых нарушить закон из-за дешевизны рабочей силы. Законы, ограничивающие ввоз иностранных товаров, легко нарушались, потому что их объем был невелик, а их стоимость велика; тогда как законы, препятствующие транзиту сырья, легко применялись, потому что объем был велик, а их стоимость мала; и поэтому вся система эффективно препятствовала ремесленнику занять свое место рядом с производителем продуктов питания и шерсти; и отсюда депопуляция, бедность и слабость этой некогда богатой и могущественной страны.

Однако, к счастью для нее, настал день, когда ей предстояло потерять свои колонии и оказаться вынужденной последовать совету Адама Смита и искать доходов дома; и почти с той даты и по настоящее время, несмотря на иностранные вторжения, гражданские войны и революции, ее курс был направлен вперед, и с каждым последующим годом наблюдалась большая тенденция к диверсификации занятости, росту городов и других мест местного обмена, улучшению сельского хозяйства, укреплению отношений народа с правительством и усилению нации по отношению к другим нациям земли.

Одной из первых мер, направленных на освобождение народов Германии, России и Дании, была, как мы видели, отмена ограничений на торговлю землей, великой машиной производства. То же самое было и в Испании. Согласно отчету, представленному кортесам Кадиса, из шестидесяти миллионов акров, которые в то время обрабатывались, только двадцать

миллионов принадлежали людям, которые их обрабатывали, в то время как тридцать находились в руках знати, а десять принадлежали церкви. В соответствии с декретом о секуляризации большая часть последней была продана, и результат виден в том факте, что число владельцев, обрабатывающих свою собственную собственность, выросло с 273 760 до 546 100; а количество ферм с 403 408 до 1 095 200.[192]

Дальнейший шаг к свободе и установлению равных прав обнаруживается в отмене множества мелких и обременительных налогов, заменяющих их поземельным налогом, уплачиваемым одинаково мелким и крупным собственником; и в отмене внутренних пошлин при обмене сырья для мануфактуры. С каждым из них мы обнаруживаем растущую тенденцию к установлению того разделения труда, которое придает ценность труду и земле. С 1841 по 1846 год количество веретен в Каталонии выросло с 62 000 до 121 000, а количество ткацких станков - с 30 000 до 45 000, в то время как хлопчатобумажные фабрики были введены в эксплуатацию в различных других частях королевства.[193] Еще позже было запущено множество других, и путешественник прошлого года сообщает нам, что провинция Гранада теперь честно конкурирует с Каталонией в ее производстве.[194] В 1841 году общая стоимость продукции хлопчатобумажной промышленности оценивалась примерно в четыре миллиона долларов, но в 1846 году она выросла до более чем шести с половиной миллионов. Шерстяное производство также быстро росло, и это обеспечило занятость во многих местах по всему королевству, одно из которых, Алькой, специально упоминается М. Блоком[195] как расположенное среди гор, разделяющих древнее королевство Валенсия и Мурсия, и имеющее не менее 24 000 веретен и 12 000 мужчин, в дополнение к большому количеству женщин и детей, занятых в этой отрасли производства.

Что касается прогресса мануфактур в целом, то следующее заявление, сделанное недавним американским путешественником, которому мы обязаны превосходной работой об Испании, содержит много информации и не может быть прочитано без интереса всеми теми, кто получает удовольствие от наблюдения прогресса цивилизации.[196]

"В последние годы были предприняты значительные усилия по расширению и совершенствованию производства шелка, и результат был очень благоприятным. Шелкопряд, ранее в значительной степени обитавший в Валенсии и Мурсии, в настоящее время является важным источником богатства двух Кастилий, Риохи и Арагона. Шелковые ткани Талаверы, Валенсии и Барселоны, многие из которых превосходно обработаны, продаются по ценам, которые кажутся очень умеренными. У меня была особая возможность отметить дешевизну штофов, которые продаются в Мадриде, изготовленных на местных ткацких станках. Нелегко представить себе что-либо более великолепное в своем роде. Шерстяные ткани домашнего производства также вызывают восхищение, и я полагаю, что более грубые виды покрывают значительную часть национального спроса. По дешевизне я никогда не видел, чтобы их превзошли. Лучшие качества не выдерживают столь выгодного сравнения с иностранными изделиями; но те, кто был знаком с предметом, сообщили мне, что их недавнее усовершенствование было весьма решительным. Было предпринято много похвальных усилий, чтобы увеличить запасы шерсти и улучшить ее качество, и был осуществлен значительный импорт иностранных овец с целью скрещивания с местными породами. Интерес к овцеводству в Испании настолько велик, что любое существенное улучшение качества шерсти должно значительно увеличить национальное богатство, а также важность шерстяного производства и его способность противостоять иностранной конкуренции.

"В общем движении к увеличению производства более ценного сырья для мануфактур не были забыты лен из Леона и Галисии и пенька из Гранады. Но изделие, в котором был достигнут самый решительный и важный прогресс, - это главный продукт питания, железо. В 1832 году производство чугуна в Испании находилось в таком упадке, что пришлось импортировать из Англии большие фонарные столбы из литого металла, которые украшают Площадь Армас перед дворцом. Они имеют лондонскую марку и рассказывают свою собственную историю. Роскошь для развлечения в помещении или личного хвастовства монарха, конечно, была бы импортирована откуда угодно, независимо от внешнего вида. Но памятник национальной зависимости от иностранной промышленности вряд ли был бы воздвигнут на таком месте, если бы существовала возможность избежать этого каким-либо внутренним способом. В 1850 году положение вещей изменилось настолько, что в королевстве насчитывалось двадцать пять литейных цехов, восемь печей первого класса с прилегающими литейными цехами и двадцать пять чугунолитейных заводов, все процветающие и постоянно занятые. Образцы работы этих учреждений, которые можно увидеть в столице и главных городах провинций, таковы, что независимость и будущий успех нации в этой конкретной области больше не вызывают сомнений. В начале 1850 года маркиз Молинс, тогдашний министр морских дел, по ходатайству производителей железа поручил компетентному совету провести исследование качества самородного железа и степени, в которой можно полагаться на отечественное производство для целей военно-морского строительства. Результат был настолько удовлетворительным, что в марте того же года из департамента был издан королевский приказ, предписывающий заключать все будущие контракты с отечественными предприятиями. Это, действительно, имело место с 1845 года в арсенале Ферроля, который полностью поставлялся с металлургических заводов Бискайи. Правительство, однако, решило в будущем быть главным поставщиком продукции для себя, и национальные литейные заводы в Ферроле и Трубии, построенные без учета затрат, были готовы к вводу в эксплуатацию, когда был опубликован королевский приказ".

Необходимым следствием всех этих шагов к свободе и ассоциации стало значительное улучшение сельского хозяйства. "Обнищавшая промышленность и запущенное сельское хозяйство страны", — говорит мистер Уоллис, -

"Приобщились к энергичному труду, больше не впадая в лень из-за соблазнов привилегированной и чувственной жизни. В городах и более крупных поселках монастырские здания были перемещены, чтобы освободить место для частных жилищ с более или менее удобством и элегантностью, или были использованы в качестве государственных учреждений или хранилищ произведений искусства. Обширные территории, которые были монополизированы некоторыми орденами, расположенные в центре густонаселенных кварталов, были преобразованы в аллеи или скверы, предназначенные для общественного здравоохранения и отдыха. Одним словом, то, что изначально задумывалось как объект монашеских дарований, было в какой-то степени реализовано. То, что предназначалось для всеобщего блага, хотя и было доверено немногим, было взято у тех немногих, кто использовал это как свое собственное, и распределено, может быть грубо, но все же эффективно, среди многих, кто имел на это право и нуждался в этом". — С. 276.

В конце прошлого века стоимость сельскохозяйственной продукции была официально возвращена на уровне 5143 миллионов реалов, или около 260 миллионов долларов. В 1829 году

аналогичный доход составил несколько меньше, или около 232 миллионов, но с тех пор рост был настолько быстрым, что сейчас он составляет почти 450 миллионов долларов.[197]

Двадцать лет назад средства транспортировки продуктов по всей стране были настолько плохими, что в Андалусии мог воцариться голод, и люди могли погибнуть там тысячами, в то время как зерно пропадало зря на полях Кастилии, потому что *всилосах* последней больше не было места для его хранения. Даже сейчас, "в некоторых районах это общеизвестный факт,

"Что вино одного урожая приходится сливать впустую, чтобы получить кожицу для вина следующего урожая — сложность и стоимость транспортировки на рынок таковы, что полностью исключают попытку производителя реализовать его с большей выгодой. Основные продукты самой абсолютной и единообразной необходимости — пшеница, например, — в разных частях королевства продаются по абсурдно разным ценам; близость к рынку такова, что в одном квартале они имеют свою текущую стоимость, в то время как в другом они, возможно, гниют на своих складах без надежды на спрос. Пока такое положение вещей не будет устранено, будет бесполезно улучшать почву или стимулировать производство в уединенных районах; и, конечно, каждое обстоятельство, которое обещает такое излечение, должно входить в расчеты будущего и использоваться в них в соответствии со своими вероятностями". —Уоллис, С. 328.

Таким образом, мы видим, что здесь, как и везде, возможности для строительства дорог меньше всего там, где потребность в них наибольшая. Если бы у фермеров Кастилии был ближний рынок, на котором их пшеницу можно было бы смешивать с шерстью, которую стригут в их непосредственной близости, они могли бы экспортировать ткани, *икоторые* могли путешествовать даже по плохим дорогам. Как бы то ни было, им приходится экспортировать и пшеницу, и шерсть, причем по таким дорогам, тогда как, если бы ремесленник мог, в соответствии с доктринами Адама Смита, везде занять свое место рядом с пахарем и пастухом; и если бы женщины и дети могли, таким образом, повсюду находить себе другое занятие, кроме работы в поле, выросли бы города, и люди стали бы богатыми и сильными, и дороги можно было бы строить без труда. Однако даже сейчас наблюдается быстро растущая тенденция к строительству железных дорог, завершению строительства и расширению каналов, и можно не сомневаться, что через несколько лет способы взаимодействия будут настолько улучшены, что положат конец наблюдаемым здесь огромным различиям в ценах.[198]

Эти различия, однако, в точности аналогичны тем, которые сейчас считаются желательными английскими писателями, которые находят компенсацию за потерю людей "в большом стимуле, который наша обширная эмиграция придаст каждой отрасли судоходства".[199] Чем ближе к месту обмена, тем меньше требуется кораблей и моряков, и тем богаче *должны* становиться производитель и потребитель, потому что количество людей, между которыми должен быть разделен общий продукт, тогда наименьшее.

С увеличением возможностей объединения наблюдается неуклонное улучшение условий для получения образования. Полвека назад общее число учащихся во всех учебных заведениях королевства составляло всего 30 000 человек[200], и в 1835 году оно существенно не менялось; тогда как в настоящее время число учащихся только в государственных школах, на поддержку которых ежегодно выделяются 750 000 долларов, превышает 700 000, или один к 17 от населения. Число начальных и других школ достигает 16 000; и помимо них и университетов, существует множество других учреждений, занимающихся определенными отраслями

образования, некоторые из которых финансируются правительством, а другие - государственными органами или по частной подписке. "Никаких препятствий", — говорит мистер Уоллис-

"Закон препятствует частным преподавателям, за исключением того, что от них требуется предъявить определенные свидетельства о хорошем характере и поведении, а также о прохождении предписанного курса, который является более или менее обширным, пропорционально рангу учебного заведения, которое они, возможно, пожелают открыть".

Как необходимое следствие этих изменений произошло значительное повышение стоимости земли и недвижимости в целом. Мистер Уоллис утверждает, что церковная собственность "в среднем почти вдвое превысила цену, по которой она была официально оценена в соответствии со стандартом стоимости на момент ее изъятия", и нам не нужно желать лучшего доказательства того, что человек постепенно стремится к свободе, чем можно найти в этом единственном факте.

Можно было бы предположить, что с усилением тенденции перерабатывать внутри страны сырые продукты земли произойдет сокращение внешней торговли; но на самом деле происходит прямо противоположное. За три года, с 1846 по 1849 год, импорт хлопка-сырца вырос с 16 000 000 до 27 000 000 фунтов; импорт пряжи - с 5 200 000 до 6 800 000 фунтов; а импорт пруткового железа — с 5 400 000 до более чем 8 000 000 фунтов; и общие изменения экспорта и импорта за последние двадцать четыре года, приведенные М. Блоком (стр. 18), были следующими:

Импорт, во франках. Экспорт, во франках.

1827..... 95,235,000..... 71,912,000

1843..... 114,325,000..... 82,279,000

1846..... 157,513,000..... 129,106,000

И к этому можно добавить опубликованный правительством отчет о

1851..... 171,912,000..... 124,377,000

С каждым шагом в направлении того, чтобы потребитель и производитель заняли свои места рядом друг с другом, люди приобретают способность защищать себя, о чем свидетельствует свобода дебатов в Палате депутатов и то, в какой степени эти дебаты с их комментариями к ним становятся известны по всему королевству авторами газетной прессы, которая, хотя и ограничена, была хорошо охарактеризована как "бесстрашная и прямолинейная". В 1826 году в Мадриде было всего две ежедневные газеты, обе самого презренного характера. В феврале 1850 года их было тринадцать общим тиражом в 35 000 экземпляров; и все же в Мадриде нет торговли, и он не может предоставить никакой рекламы для их поддержки. [201]

С увеличением производства и богатства, а также с ростом силы ассоциаций и интеллекта среди людей правительство постепенно приобретает силу в сообществе наций и власть проводить в жизнь свои законы, о чем свидетельствует значительное сокращение английского

экспорта в Португалию и Гибралтар, которые до сих пор были крупными складами контрабанды английских мануфактур[202]

по сравнению с прямыми рейсами в Испанию:

Португалия. Гибралтар. Испания.

В 1839..... £1,217,082..... £1,433,932..... £262,231
1852..... 1,048,356..... 481,286..... 1,015,493

Система, направленная на консолидацию земель, ведет к неравенству, и было показано, что такова была и остается тенденция Англии, где бы она ни осуществлялась в полной мере. Страны Германии, России и Дании стремятся в противоположном направлении, и при них люди с каждым днем становятся все более независимыми в своих действиях и, следовательно, все более добрыми и уважительными в обращении друг с другом. То же самое происходит и в Испании. "Испанец, — говорит мистер Уоллис, -

"Обладает чувством равенства, которое благословляет как того, кто дает, так и того, кто берет. Если он требует уступок от других, он требует этого главным образом и решительно через уступки, которые он им делает. В его отношении к другим и в том, как он его проявляет, так много самоуважения, что взаимность неизбежна. Этому, и это главным образом, объясняется высокая, учтивая осанка, которая бросается в глаза во всех людях и которая делает личные отношения соответствующих классов и сословий менее отмеченными сильными и вызывающими зависть различиями, чем в любой другой нации, с манерами и обычаями которой я знаком. Именно это, возможно, в большей степени, чем любое другое обстоятельство, смягчило и сделало терпимым гнет неравных и деспотических институтов, иллюстрируя "преимущество, к которому, — по словам одного писателя-философа, - нравы народа могут обратить в свою пользу самое неблагоприятное положение и наихудшие законы"". -С. 383.

Снова он говорит...

"Если бы среди той самой доброты, которая при самом кратком знакомстве сделала его как дома, он заметил внимательную вежливость, приближающуюся настолько близко к формальности, что время от времени ставит его в неловкое положение, он вскоре понял бы ее и восхитился бы ею как выражением привычного уважения к чувствам других. Он оценил бы это еще больше, когда узнал бы из его универсальности, что то, что в других местах было в основном делом манер и образования, было там добродушным инстинктом, развившимся в социальную благотворительность ". — С. 207.

"Народный элемент действует в полную силу", и, по словам того же автора, требуется лишь сравнение настоящего с прошлым, "чтобы устранить все сомнения относительно настоящего и оправдать самое счастливое предзнаменование". "У лотоса свободы есть, — продолжает он, -

"Они попробовали его на вкус, и его нелегко стереть с их губ. До тех пор, пока более важные гарантии не будут полностью нарушены — до тех пор, пока правительство в значительной степени посвящает себя общественному благу, создавая и поощряя схемы общественной полезности, оно может допускать практически любые вольности в отношении форм и

несущественного. Гораздо дальше ему не будет позволено заходить, и с каждым днем уменьшается легкость, с которой он может зайти даже так далеко. Каждая работа по внутреннему совершенствованию, которая сближает людей, позволяя им с готовностью сопоставлять мнения и концентрировать силы для их поддержания; каждый возникающий новый интерес; каждое крупное и постоянное вложение капитала или промышленности; каждое движение, которое развивает и распространяет общественный интеллект и энергию, является более или менее грозным бастионом против реакции. Более того, каждое обстоятельство, которое делает общество мудрее, богаче или лучше, должно сокращать карьеру произвольного правления. Принуждение, которое было и остается необходимым злом для сохранения мира, должно быть устранено, когда мир станет не только необходимостью, но и инстинктом. С существованием жесткой системы больше нельзя будет мириться, когда люди будут меньше нуждаться в правительстве и смогут лучше управлять им самостоятельно. Таким образом, в свое время те самые интересы, которые будут консолидированы и усилены вынужденным спокойствием, сами возьмут верх. Поток власти, мирно текущий вперед, ежедневно укрепляет берега, которые каждый день, хотя и незаметно, вторгаются в него". — С. 381.

* * * * *

Бельгия.

Бельгия - страна с населением в четыре с половиной миллиона человек, или примерно в полтора раза больше, чем штат Нью-Йорк. Она обременена большим долгом, взятым на себя в период ее отделения от Голландии, и оказывается вынужденной содержать армию, которая велика пропорционально ее населению, потому что находится поблизости от соседей, которые во все времена проявляли готовность превратить ее в поле битвы Европы. Ни в одной стране Европы не было такого большого разрушения собственности и жизни, и все же ни в одной не было столь сильного стремления к свободе; и по той причине, что ни в одной не проявлялось столь слабого желания вмешиваться в дела других наций. Сейчас она обременена налогами, составляющими около двадцати трех миллионов долларов, или пять с половиной долларов на душу населения; и все же, среди всех революций и попыток переворота, которые нарушают мир в Европе, мы ничего не слышим о бельгийцах, чей образ жизни так же спокоен, как и до 1848 года, - и это следствие следования по пути, указанному Адамом Смитом.

Политика Бельгии выглядит более ориентированной на родину, чем политика любой другой страны Европы. У нее нет колоний, и она ни к чему не стремится. В большей степени, чем почти любая другая нация, она стремилась предоставить своим фермерам возможность иметь местные пункты обмена, придавая ценность их труду и их земле. Там, где они существуют, люди обязательно станут свободными; и столь же несомненно, что там, где их нет, свобода должна быть растением чрезвычайно медленного роста, даже там, где оно не совсем погибает из-за недостатка питания. Если желать доказательств свободы бельгийцев, то их можно найти в том факте, что нигде нельзя увидеть, как нас со всех сторон заверяют, более довольного, добродетельного и в целом благополучного населения, чем то, которое занимается возделыванием своих полей. Нижеследующий набросок взят из отчета, опубликованного по распоряжению парламента, и не может не быть прочитан с интересом теми, кто желает понять, как получается, что густое население этой маленькой страны может извлекать из почвы, безразличной к природе, такие большие доходы, в то время как индус, со всеми его преимуществами ранней цивилизации, богатства и численности населения, погибает от голода

или бежит от эпидемии, оставляя после себя невозделанные, богатейшие почвы, и продает себя в рабство на Кубе:

"Фермы в Бельгии редко превышают сто акров. Число владений, насчитывающих пятьдесят акров, невелико; владения в тридцать или двадцать акров более многочисленны, но количество владений от пяти до десяти и двадцати акров очень велико.

"Небольшие фермы площадью от пяти до десяти акров, которыми изобилуют многие районы Бельгии, очень напоминают небольшие владения в Ирландии; но мелкий ирландский земледелец живет в состоянии жалкого лишения обычных удобств цивилизованной жизни, в то время как бельгийский крестьянин-фермер пользуется значительной долей этих удобств. Дома мелких земледельцев Бельгии, как правило, основательно построены и находятся в хорошем состоянии; в них обычно есть спальня на чердаке и шкафы для кроватей, соединенные с нижним помещением, которое удобно по размеру; небольшое помещение для молочной фермы и хранилище для зерна, а также печь и пристройка для картофеля, с просторным стойлом для скота, свинарником и птичником. В доме, как правило, есть приличная мебель, достаточное количество постельных принадлежностей и атмосфера уюта, царящая в заведении. В коровнике скоту предоставляется солома для подстилки; навоз и влага тщательно собираются в резервуар; канавы были оборудованы для сбора материалов для навоза; сухие листья, картофельная ботва и т.д. Были собраны во влажную канаву для прохождения процесса ферментации, и готовились кучи компоста. Помещения содержались в опрятном и компактном порядке, и повсюду было заметно скрупулезное внимание к строжайшей экономии. Семья была прилично одета; никто из них не был оборван или неряшлив, даже когда их одежда состояла из самого грубого материала.

"В большей части равнинной местности Бельгии почва легкая и песчаная, и ее легко обрабатывать; но ее производительная сила, безусловно, уступает общей почве Ирландии, а климат, по-видимому, не лучше. Следовательно, бельгиец не обязан своим превосходством почве и климату. Разницу следует искать в системе возделывания и предусмотрительности людей. Выращивание на небольших фермах в Бельгии отличается от ирландского: 1. Количеством скота, выращиваемого в стойлах, которое содержится и благодаря которому регулярно обеспечивается запас навоза; 2. Строгим вниманием, уделяемым сбору навоза, который умело обрабатывается; 3. Применением севооборотов. Мы не нашли ни плуга, ни лошади, ни телеги — только лопату, вилы, тачку и ручную тачку. У фермера не было никакой помощи, кроме помощи его семьи. Вся земля была очень глубоко изрыта лопатой. Поголовье состояло из пары коров, одного-двух телят, одной-двух свиней; иногда одной-двух коз и немного домашней птицы. Коров кормят в стойле соломой, репой, клевером, рожью, викой, морковью, картофелем и чем-то вроде супа, приготовленного путем отваривания картофеля, гороха, фасоли, отрубей, скошенного сена и т. д., который, как говорят, в теплом виде очень полезен и способствует выделению молока. Возле винокурен и пивоварен раздают зерно.

"Некоторые мелкие фермеры соглашались найти стойла и солому для овец, а за навоз поставлять корм по рыночной цене. Навоз и влага собираются во рву в хлеву. Известь смешивают с очисткой канав, растительным мусором, листьями и т.д. На фермах площадью в шесть акров участки отводятся под картофель, пшеницу, ячмень, клевер, лен, рожь, морковь, репу или пастернак, вику и рожь в качестве зеленого корма для крупного рогатого скота. Зимой жена перебирает и прядет лен, а весной за три недели на ткацком станке выплетает всю нить. В

некоторых округах встречаются участки любого размера, от четверти акра до шести. Бывшие владельцы посвящали свое время ткачеству. Насколько я мог узнать, не было тенденции к разделению мелких владений. Я слышал, что ни один из них не меньше пяти акров не принадлежит классу крестьянских хозяйств; а шесть, семь или восемь акров - более распространенный размер. Средняя арендная плата составляет 20 шиллингов за акр. Заработная плата - 10 долларов в день.

"Мелкий арендатор, чью ферму мы обследовали недалеко от Гента, заплатил 9 7 шилл. 6долларов за шесть акров с удобным домом, конюшнями и другими пристроенными офисами, все очень хорошие в своем роде — по 20 шилл. за акр за землю и 3 7 шилл. 6долларов за дом и офисы. У этого фермера были жена и пятеро детей, и, казалось, он жил в большом комфорте. Он был должен мало или вообще ничего". —*Отчет Николлса.*

У этих людей есть работа на каждый час в году, и они находят рынок сбыта под рукой для всего, что они могут собрать. Их не заставляют ограничиваться хлопком или сахаром, табаком или пшеницей; они также не вынуждены тратить свой труд на транспортировку своей продукции на такое большое расстояние, что невозможно вернуть навоз. Из этой страны не вывозятся мужчины, женщины и дети, как мы видим из Ирландии. "Бригада ломовиков" здесь неизвестна, и можно усомниться в том, что в их словаре можно найти какой-либо термин, передающий значение слова "выселение". Имея площадь, равную площади Ирландии всего в треть, и почву, естественно, гораздо худшую, Бельгия поддерживает население почти вдвое меньшее, чем когда-либо было в Ирландии; и все же мы никогда не слышали о дешевой бельгийской рабочей силе, наводняющей соседние страны, к великой выгоде тех, кто желает возвести "великие сооружения", подобные тем, что были в Британии. Политика Бельгии направлена на повышение стоимости как труда, так и земли, в то время как политика Англии направлена на уменьшение стоимости того и другого.

При всех преимуществах почвы и климата население Португалии сокращается, и ее народ день ото дня становится все более поработанным, в то время как ее правительство вынуждено отказываться от своих долгов. Бельгия, напротив, растет в богатстве и населении, и ее народ становится более свободным; и причина различия в том, что политика первой всегда была направлена на отталкивание ремесленников и, таким образом, предотвращение роста городов и привычки к объединению; в то время как политика второй всегда была направлена на то, чтобы приобщить ремесленников к сырью и, таким образом, позволить ее народу объединить свои усилия для улучшения материального, морального и интеллектуального состояния, без чего не может быть увеличения свободы.

Россия и Испания стремятся повысить стоимость рабочей силы и земли, и сейчас они привлекают население. Английская система, основанная на дешевой рабочей силе, уничтожает ценность как труда, так и земли, и поэтому так велик экспорт людей из стран, подверженных ей, — Африки, Индии, Ирландии, Шотландии, Англии, Вирджинии и Каролины.

ГЛАВА XX.

О ДОЛГЕ НАРОДА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.

Раб *должен* выполнять такую работу, которую его хозяин сочтет нужным поручить ему выполнять, и он должен отдавать этому хозяину плоды своих усилий, получая взамен все, что хозяин сочтет нужным ему дать. Он ограничен одним местом обмена.

Точно аналогична этому система, которая стремится ограничить всех людей земли, за пределами Англии, сельским хозяйством как единственным средством занятости; и осуществляется путем подавления в зародыше мануфактур других наций, одновременно сокращая более старые производства Индии, заставляя ее получать британские мануфактуры беспопытно и отказываясь разрешать ей иметь хорошее оборудование, одновременно облагая налогом ее шпиндели и ткацкие станки дома и их продукцию при отправке в Великобританию. Это тот, который направлен на то, чтобы позволить странам мира иметь только один рынок, на котором все должны конкурировать за продажу своих сырых продуктов, и один рынок, на котором все должны конкурировать за покупку произведенных продуктов; оставляя нескольким лицам, контролирующим этот рынок, право устанавливать цены на все, что им требуется для покупки, и на все, что они желают продать. Хлопок и кукуруза, индиго и шерсть, сахар и кофе - это всего лишь различные формы продажи рабочей силы; и чем дешевле они продаются, тем дешевле должен быть труд, затраченный на их производство, тем беднее и поработаннее должен быть рабочий, тем меньше должна быть стоимость земли, тем быстрее должно происходить ее истощение и заброшенность, и тем сильнее должна быть тенденция к перемещению поработанного рабочего на какое-нибудь новое поле деятельности, чтобы там повторить работу по истощению и заброшенности. Поэтому мы видим, что работорговля так широко распространена во всех странах, подчиняющихся британской системе, за исключением тех, в которых голоду и эпидемиям молчаливо позволено удерживать население на уровне постоянно сокращающихся запасов продовольствия, как в Португалии, Турции и на Ямайке. Система, которой мир обязан этими результатами, называется "свободной торговлей"; но не может быть свободы торговли там, где нет свободы человека, ибо первым из всех товаров, подлежащих обмену, является труд, а свобода человека состоит только в осуществлении права самому определять, каким образом будет использоваться его труд и как он будет распоряжаться его продуктами. Если британская система стремится к свободе, доказательство этого факта будет найдено в свободном применении рабочей силы там, где оно существует, и в осуществлении рабочим широкого контроля над использованием своего продукта. Можно ли найти все это в Индии? Конечно, нет. Рабочий там отрывается от ткацкого станка и вынужден выращивать сахар или хлопок, и его полный контроль над суммой, выплачиваемой потребителем за продукты его труда, не может превышать пятнадцати процентов. Можно ли их найти в Ирландии, Турции или Португалии? Конечно, нет. Рабочие этих стран теперь предстают перед миром известными своей бедностью и своей неспособностью самостоятельно определить, на кого они будут работать и какова будет их награда. Если бы было иначе, система "свободной торговли" не смогла бы произвести желаемого эффекта. Его цель состоит и всегда заключалась в том, чтобы помешать другим сообществам добывать уголь или плавить руду, предоставленную для их использования великим Создателем всего сущего, и в таком огромном изобилии; от изготовления или приобретения машин, позволяющих им использовать мощь пара; от привлечения к себе на помощь любых природных агентов, необходимых в различных процессах производства; от получения знаний, которые могли бы привести к совершенствованию производств любого рода; и, короче говоря, от занятия чем-либо иным, кроме выращивания сахара, кофе, хлопка, шерсти, индиго, шелка и других сырьевых товаров, которые должны перевозиться в другие страны. , как раб из Виргинии или Техаса поступает с продуктами своего труда в пользу одного крупного покупателя, который определяет их стоимость и стоимость всех вещей, которые они должны получить в обмен на них. Это самая гигантская система рабства, которую когда-либо видел мир, и поэтому свобода постепенно

исчезает из каждой страны, над которой Англии удастся установить контроль, о чем свидетельствуют страны, о которых только что шла речь.

Однако, как было показано, в Европе есть несколько наций, в которых люди с каждым днем становятся все более свободными; и причину этого следует искать в том факте, что они сопротивлялись этой репрессивной системе. Германия и Россия, Испания, Дания, Бельгия и другие государства были полны решимости защищать своих фермеров в их попытках привлечь на свою сторону ткацкий станок и наковальню и иметь по соседству города и другие пункты обмена, в которых они могли бы обменивать сырые продукты на произведенные и на навоз; и в каждом из них, где такая защита была эффективной, труд и земля становились и становятся более ценными, а человек - более свободным.

В этой стране защита в какой-то степени существовала всегда; но в какие-то моменты она была эффективной, а в другие - нет; и наша склонность к свободе или рабству всегда находилась в прямом соотношении с ее эффективностью или неэффективностью. В период с 1824 по 1833 год тенденция неуклонно развивалась в первом направлении, но только на последнем этапе она стала по-настоящему эффективной. Затем число мельниц и печей увеличилось, и наметилась неуклонная тенденция к созданию местных пунктов обмена; и тогда в Виргинии состоялся съезд, на котором в последний раз в этом штате обсуждался вопрос об эмансипации. В 1833 году, однако, защита была отменена, и был установлен тариф, согласно которому предполагалось, что через несколько лет у нас будет система только налоговых сборов; и с этой даты отказ от старых Штатов происходил с невиданной ранее скоростью, а вместе с этим росли внутренняя работоторговля и настроения сторонников рабства. Именно тогда были приняты законы, ограничивающие эмансипацию и запрещающие образование; и именно тогда экспорт рабов из Вирджинии и Каролинских островов был настолько велик, что население этих штатов оставалось почти, если не совсем постоянным, и что рост чернокожего населения снизился с тридцати процентов за десять предыдущих лет до двадцати четырех процентов.[203] Этот крупный экспорт рабов привел к снижению цен на южные товары до невиданного ранее уровня; и, таким образом, система, называемая свободной торговлей, обеспечивала дешевый хлопок. Рабство росло как на Юге, так и на Севере; поскольку с появлением дешевого хлопка и дешевой пищи спрос на рабочую силу снизился настолько сильно, что тысячи мужчин оказались не в состоянии покупать эту дешевую пищу в достаточном количестве, чтобы прокормить своих жен и детей. Статья "Рабочий с фермы" таким образом описывает ту пагубную часть нашей истории, когда быстрое внедрение системы, называемой свободной торговлей, в соответствии со строго доходными положениями Компромиссного тарифа, уничтожило конкуренцию за покупку рабочей силы:—

"1839, 1840 и 1841 годы были яркими примерами таких случаев; когда крик трезвых, трудолюбивых, упорядоченных людей: "Дайте мне *работу*! только дайте мне работу; СТАВЬТЕ СВОИ СОБСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ — МНЕ И СЕМЬЕ НЕЧЕГО ЕСТЬ", — раздавалось в нашей стране. В те годы тысячи подобных случаев происходили в наших густонаселенных районах". — *Pittsburgh Dispatch*.

То, что таков был факт, должны признать все, кто помнит о великом бедствии, царившем в 1841-2 годах. По всей длине и ширине страны раздавался всеобщий крик: "Дайте мне работу; ставьте свои условия — мне и семье нечего есть"; и следствием такого подхода к рабству стало столь значительное сокращение потребления продуктов питания, что цены, по которым они тогда

экспортировались в зарубежные страны, были ниже, чем они были в течение многих лет; и таким образом фермер расплачивался за систему, которая ограничивала свободу рабочего и ремесленника.

Именно такое положение вещей восстановило защиту американского рабочего, будь то в поле или в мастерской. Был принят тариф 1842 года, и сразу же возникла конкуренция за покупку рабочей силы. Предстояло построить мельницы, и нужны были люди, чтобы добывать камень и вывозить пиломатериалы, и другие люди требовались для укладки камня и изготовления из пиломатериалов полов и крыш, дверей и окон; и предоставленная таким образом занятость позволила огромному количеству людей снова поселиться в собственных домах, и таким образом возник новый спрос на каменщиков и плотников, каменоломщиков и лесорубов. Были построены печи, открыты шахты, потребовались паровые машины; и люди, занятые на этих работах, получили возможность потреблять больше пищи, в то же время перестав бороться с сельскохозяйственными рабочими за работу на ферме. Фабрики были заполнены женщинами, и спрос на ткани возрос, что привело к соответствующему снижению конкуренции за работу в производстве рубашек и пальто. Заработная плата росла, и она росла во всех отраслях труда; свидетельством этого является тот факт, что потребление продуктов питания и топлива значительно возросло, в то время как потребление тканей почти удвоилось, а железа утроилось за короткий пятилетний период.

В самом деле, как могло быть иначе, если не возрастать вознаграждение за труд? Производителю хлопка нужны были рабочие, мужчины и женщины, как и его соседу по шерстяной фабрике; и рабочие, которых они теперь нанимали, могли купить обувь и шляпы. Кузнецы и угольщики нуждались в рабочих, а люди, которых они нанимали, нуждались в хлопчатобумажных и шерстяных тканях; и они могли потреблять больше пищи. Фермерские рынки имели тенденцию к улучшению, и они могли покупать больше шляп и обуви, плугов и борон, а шляпникам и сапожникам, а также производителям плугов и борон требовалось больше рабочих рук; и поэтому капитал повсюду искал рабочую силу, где раньше труд искал капитал. Стоимость хлопка, шерсти и чугуна, произведенных в 1846 году, по сравнению с 1842 годом, была выше на сто миллионов долларов; и все это шло на оплату труда, ибо вся прибыль кузнеца и фабриканта хлопка и шерсти шла на строительство новых фабрик и печей или на расширение старых. Однако, к несчастью для нас, наши законодатели были поражены любовью к системе, называемой свободной торговлей. Они придерживались мнения, что мы по праву являемся аграрной нацией и что так должно продолжаться; и что истинный способ вызвать конкуренцию за покупку рабочей силы — превратить всю нацию в сообщество фермеров - и тариф 1842 года был отменен.

Если читатель теперь обратится к странице 107, он увидит, насколько масштабной, должно быть, была внутренняя работоторговля с 1835 по 1840 год по сравнению с периодом с 1840 по 1845 год. Эффект этого в виде увеличения урожая и снижения цен на хлопок ощущался с большой остротой в последний период[204], и потребовалось время, чтобы добиться перемен. Сейчас мы движемся в том же направлении, в каком двигались с 1835 по 1840 год. За последние четыре года мы не только отказались от строительства мельниц и печей, но и закрыли сотни старых, и, следовательно, централизация растет день ото дня. Фермер из Огайо больше не может обмениваться продуктами питания напрямую с производителем железа. Он должен везти их в Нью-Йорк, как и производитель хлопка в Каролине, который следит за закрытием соседней фабрики. [205] Местные места обмена приходят в упадок, и их место занимают большие города;

и с ростом централизации растет работорговля на Севере и Юге. В Нью-Йорке и Филадельфии возвышаются дворцы, в то время как толпы черных рабов отправляются в Техас выращивать хлопок, а белые на Севере гибнут от болезней, а иногда почти от голода. "Мы могли бы сказать", — пишет недавний автор в одном из нью-йоркских журналов -

"Из одной комнаты, двенадцать футов на двенадцать, в котором были пять семей, проживающих в составе двадцати человек обоего пола и всех возрастов, только с двумя кроватями, без перегородкой или ширмой, или стул, или стол, и все зависит убогая поддержка при продаже фишек, почерпнутых с улиц, по четыре цента за корзину—в другой, еще более мелкие и еще более обездоленные, где жили мужчина, женщина, две девочки и мальчик, кто были поддержаны разрешающих номер будет использоваться как свидание с одинокими женщинами на улице—другого, в мансарде Семь футов на пять, содержащих редкий предмет мебели, но кровать, на которой лежал симпатичный парень в жар, то без медицинской помощи, или питье, или любой еды, его труд-носить жена занимается уборкой грязи с пола, и его маленький ребенок спит на сверток тряпья в углу—другой такого же размера, в которой мы нашли, усадили на низкий коробки возле свечи кладут на бочку, женщина и ее старшая дочь (последнее пятнадцатилетней девочкой, и, как нам сказали, проститутка,) о шитье рубашек, *для изготовления которой они платили по четыре цента за штуку, и даже по этой цене, из которых они должны были поддержать двух маленьких детей, они не могли вытащить предложение работы*—еще примерно одинакового размера занимаемых улица тряпичника и его семьи, доход которых промышленность восемь долларов в месяц—другой, едва большего размера, в которую мы нарисовали потрясающий кричит пьяный мужчина избил жену, содержащих статьи о мебели все, что угодно—другом согреты только ведром на горящие угли, помещенные в центре комнаты, над которой наклонился слепой пытается согреться; вокруг него три или четыре мужчины и женщины, ругаясь и ссорясь; в одном углу на полу женщину, которая умерла за день до болезни, и еще в двух или трех детей, спящих на куче тряпья; (в отношении этой комнате, мы можем сказать, что его обитатели были цветные люди, и от них, но через несколько дней был взят и принят один из наших доброжелательных граждан красивая маленькая белая девушка, четыре или пять лет, чей отец умер, и мать которого была на острове Блэквелла;) еще один, который не долго, так как двадцать человек, больной лихорадкой в больницу были доставлены, и каждый из них умерли. Но зачем расширять каталог? Или зачем пытаться передать воображению словами отвратительное убожество и смертоносные испарения; тусклые, неосвещенные дворы, пропитанные нечистотами; темные узкие лестницы, сгнившие от времени, воняющие нечистотами и кишашие паразитами; прогнившие полы, грязные, крошащиеся потолки, зачастую слишком низкие, чтобы вы могли стоять прямо, и окна, забитые тряпьем; или зачем пытаться изобразить изможденные дрожащие формы и дикие, отвратительные лица в этих черных и кишаших жуками жилищах, где от подвала до чердак

— "Вся жизнь умирает, смерть живет, а природа размножается"

Извращенные, все чудовищные, все поразительные вещи,

Отвратительно, невыразимо!" *"Нью-Йорк Курьер энд Инкуайер"*.

Наши магазины теперь повсюду заполнены продуктами дешевого труда Англии — труда тех иностранок, которые шьют рубашки по пенни за штуку, добывая иголки и нитки, и тех бедных девушек, которые проводят долгий день за изготовлением искусственных цветов, за что получают два пенса, а затем добывают заработки проституцией; и наших женщин повсюду

выгоняют с работы, дальнейшие последствия чего можно увидеть в следующей выдержке из другого журнала того времени:

"Джентльмен, которому было поручено выяснить состояние дел у этого класса оперативников, обнаружил, что один из самых опытных из них работает с пяти часов утра до одиннадцати вечера, но зарабатывает всего около трех долларов в неделю. Из этого ей пришлось заплатить полтора доллара за питание, оставив такую же сумму на топливо, одежду и все другие расходы. Однако ее положение, по сравнению с положением представителей ее класса в целом, было роскошным. Обычный заработок составлял всего два доллара в неделю, которые при приличном питании нигде нельзя было получить дешевле; меньше чем за полтора доллара *все остальное оставалось всего пятьдесят центов*. Пансионы, даже по такой цене, самые бедные, всегда зловонные и нездоровые для здоровья и нередко находятся в отвратительных кварталах. С таким положительным и непосредственным злом, с которым приходится бороться, что удивительного в том, что так много рукодельниц принимают "возмездие за грех"?"

"Среди случаев, выявленных в Нью-Йорке, был случай с умной и искусной портнихой, которую нашли без работы на чердаке дешевого пансиона, и такие случаи нередки. Небольшое вознаграждение, которое получают эти работницы, позволяет им жить впроголодь, так что в случае болезни или нехватки работы *они иногда остаются буквально без корки хлеба*." — *Филада. Вечерний вестник*.

Если женщины не могут работать на ткацких станках, плести цветы или заниматься любым другим из тех занятий, в которых ум в значительной степени заменяет физическую силу, они должны шить рубашки по четыре цента за штуку или прибегать к проституции - или они могут работать в поле; и это почти вся свобода выбора, предоставленная им системой, называемой свободной торговлей. Каждая печь, которая закрывается в Пенсильвании в результате действия этой системы, снижает стоимость рабочей силы по соседству и вынуждает некоторую часть людей пытаться продать в другом месте свой единственный товар - рабочую силу. Кто-то ищет города, а кто-то едет на Запад попытать счастья. То же самое происходит с закрытием шерстяных фабрик в Нью-Йорке и хлопчатобумажных фабрик в Новой Англии. Каждая такая *легкость вынуждает* людей покидать свои старые дома и пытаться найти новые - и в такой форме работоторговля сейчас в значительной степени существует на Севере. Чем больше людей таким образом *загоняется* в города, тем дешевле становится рабочая сила и тем стремительнее растет пьянство и преступность; и эти последствия ясно видны в полицейских отчетах всех наших городов.[206] Централизация, бедность и преступность всегда идут рука об руку друг с другом.

Закрытие мельниц и печей в Мэриленде снижает там спрос на рабочую силу, и чем меньше этот спрос, тем больше *должна* быть необходимость со стороны тех, кто владеет рабами, продавать их и отправляться на Юг; и здесь мы находим аналог положения вещей, уже описанного как существующее в . НЬЮ-ЙОРК. Житель Вирджинии, ограниченный неграми как единственным товаром, из которого он может производить свое зерно и, таким образом, обеспечивать ему дешевую доставку на рынок, отправляет свой урожай в Ричмонд, и следующая выдержка из письма оттуда показывает, как работает система:

"Ричмонд, 3 марта 1853 года.

"Я видел, как продавали нескольких детей; девочки стоили дороже всего. Девочки от 12 до 18 лет стоили от 500 до 800 долларов.

"Я должен сказать, что рабы, как правило, не проявляли столько чувств, сколько я ожидал, но было *одно* благородное исключение — да благословит ее Бог! и спасти ее тоже!! я надеюсь, что он каким-то образом это сделает, потому что, если он не вмешается, там не было людей, которые могли бы.

"Это была симпатичная женщина лет 25, с тремя *прекрасными* детьми. Ее дети, как и она сама, были опрятно одеты. Она сразу привлекла мое внимание, как только вошла в комнату, и я встал рядом с ней, чтобы узнать ее ответы на различные вопросы, задаваемые ей трейдерами. *Один* из этих трейдеров спросил ее, что у нее с глазами? Вытирая слезы, она ответила: "Наверное, я плакала". "Почему ты плачешь?" "Потому что я бросила своего мужчину, а его хозяин не позволяет ему идти с нами". "О, если я куплю тебя, я обеспечу тебя лучшим мужем, или мужчиной, как ты его называешь, чем твой прежний". "Я не хочу ничего *лучшего*, и у меня не будет *другого*, пока он жив". "О, но ты все равно будешь, если я куплю тебя". "*Нет, масса, Бог поможет тебе*". *Что касается меня, то я никогда этого не сделаю*". —*New York Tribune*.

На Севере бедная девушка, изгнанная с хлопчатобумажной или шерстяной фабрики, вынуждена шить рубашки по четыре цента за штуку или продавать себя в ужасное рабство проституции. На Юге эту бедную женщину, изгнанную из Вирджинии, возможно, когда—нибудь можно будет увидеть в роли одного из *драматических персонажей* в сценах, подобных тем, что здесь описаны доктором Хоу:

"Если Говард или миссис Фрай когда-либо и обнаружили столь плохо управляемый притон воров, как тюрьма Нового Орлеана, они никогда не описывали его. В квартире негра я увидел многое, что заставило меня покраснеть оттого, что я белый человек, и что на мгновение пробудило злого духа в моей животной натуре. Войдя в большой мощный двор, вокруг которого тянулись галереи, заполненные рабами всех возрастов, полов и цветов кожи, я услышал щелчок кнута, каждый удар которого звучал как резкий пистолетный выстрел. Я повернул голову и увидел зрелище, которое пробрало меня до мозга костей и вызвало у меня, впервые в жизни, ощущение, что мои волосы встают дыбом у корней. Там лежала чернокожая девушка плашмя лицом на доске, два ее больших пальца были связаны и пристегнуты к одному концу, ступни связаны и туго притянуты к другому концу, в то время как ремень, перекинутый через поясницу и обмотанный вокруг доски, плотно прижимал ее к ней. Ниже ремня она была совершенно обнажена. Рядом с ней, в шести футах от нее, стоял огромный негр с длинным кнутом, которым он орудовал со страшной силой и поразительной точностью. Каждый удар отрывал полоску кожи, которая прилипала к плети или падала, трепеща, на мостовую, в то время как за ней следовала кровь. Бедняжка корчилась и визжала, и голосом, в котором слышались одновременно и страх смерти, и ужасная агония, она закричала своему хозяину, стоявшему у ее изголовья: "О, пощадите мою жизнь, не вырывайте мою душу!" Но ужасный удар плети продолжался; все еще полоска за полоской сдиралась с кожи; порез за порезом врезались в ее живую плоть, пока она не превратилась в багровую массу необработанных и дрожащих мышц.

С величайшим трудом я удержался от того, чтобы не броситься на мучителя и не перехватить его плеть; но, увы, что я мог сделать, кроме как отвернуться, чтобы скрыть свои слезы из-за страдальца и стыд за человечество!

"Это было в общественной и регулярно организованной тюрьме; наказание было признано и санкционировано законом. Но думаете ли вы, что бедняга совершил ужасное преступление, был признан виновным и приговорен к плетям? Вовсе нет! Хозяин привел ее, чтобы обычный палач выпорол ее кнутом, без суда или присяжных, просто по его мановению или кивку, за какое-то реальное или предполагаемое преступление или для удовлетворения его собственной прихоти или злобы. И он может приводить ее день за днем, без указания причины, и наносить любое количество ударов плетью, какое ему заблагорассудится, кроме двадцати пяти, при условии, что только он заплатит гонорар. Или, если он захочет, у него может быть личная доска для взбивания в его собственном помещении, и он может жестоко обращаться с собой там.

"Шокирующей частью | его ужасного наказания, как я уже сказал, была его публичность; оно происходило во внутреннем дворе, окруженном галереями, которые были заполнены цветными людьми всех полов — беглыми рабами, осужденными за какое-то преступление, или рабынями, выставленными на продажу. Естественно было бы предположить, что они столпились вперед и в ужасе взирали на жестокое зрелище внизу; но они этого не сделали; многие из них едва ли заметили это, а многие были совершенно безразличны к происходящему. Они продолжали свои детские занятия, и некоторые откровенно смеялись в дальних уголках галерей. — Так низко может пасть человек, созданный по образу Божьему, в жестокости".

В чем, однако, заключается вина всего этого? Дешевый хлопок не может быть поставлен в мир, если не будет продолжена внутренняя работоторговля, и все меры Англии направлены на получение дешевых и обильных поставок этого товара, чтобы дать работу "дешевым и обильным запасам рабочей силы", которых так жаждут авторы того самого журнала, который представил своим читателям это письмо доктора Хоу.[207] Чтобы производить этот дешевый хлопок, американский рабочий должен быть изгнан из своего дома в Вирджинии в дебри Арканзаса, где, возможно, будет поставлен под контроль *Саймона Легри*. [208] Чтобы он мог быть изгнан, цена на хлеб в Виргинии должна быть снижена; а чтобы она могла быть снижена, дешевый рабочий из Ирландии должен быть доставлен туда, в Англию, чтобы конкурировать с англичанами за снижение рабочей силы до такой цены, которая позволит Англии "задушить в их младенчестве" все попытки производить из зерна что-либо, кроме негров для Арканзаса. После этого, если у англичанина "закипит кровь" при чтении "Хижины дяди Тома", ему предлагается вспомнить, что "в его интересах, чтобы рабу было позволено спокойно носить свои цепи". И все же эта система, которая повсюду стремится к порабощению человека, носит достойное название "свободная торговля".

Система дешевой рабочей силы Англии порождает работоторговлю в Америке, Индии и Ирландии; и способ, которым она позволяет производить этот эффект, и степень ее "преимущества" для народа самой Англии, видны из следующего отрывка из речи, произнесенной на публичном собрании в этой стране всего несколько недель назад:

"Фабричный закон был нарушен настолько бесстыдно, что главный инспектор этой части фабричного округа мистер Леонард Хорнер оказался вынужден написать министру внутренних дел, чтобы сказать, что он не осмеливается и не пошлет никого из своих младших инспекторов в определенные районы, пока у него не будет защиты полиции. * * * А защита от кого? От фабрикантов! Против самых богатых людей в округе, против самых влиятельных людей в округе, против магистратов округа, против людей, которые занимают посты ее Величества, против людей, которые заседали на Мелких заседаниях в качестве представителей королевской семьи.

* * * *А пострадали ли хозяева за нарушение закона?* В его родном районе у мужчин и в значительной степени у фабричных работниц вошло в привычку ложиться спать с 9, 10 или 11 часов в воскресенье, потому что они были измотаны работой за неделю. Воскресенье было единственным днем, когда они могли дать отдых своим измученным телам. * * Обычно обнаруживалось, что чем дольше время работы, тем меньше заработная плата. *Он предпочел бы быть рабом в Южной Каролине, чем рабочим на фабрике в Англии*".—Речь преподобного доктора Брэмуэлла в Крэмптоне.

Вся прибыль, как нам говорят, является результатом "последнего часа", и если бы этот час был отнят у хозяина, тогда жители Виргинии могли бы получить возможность производить свои собственные ткани и железо, и труд там мог бы стать настолько ценным, что рабов перестали бы вывозить в Техас, и тогда хлопок *должен* вырасти в цене; и чтобы предотвратить возникновение таких печальных событий, крупные производители хлопка пошли бы наперекор закону страны! Чем дольше рабочий день, тем более "дешевым и обильным" будет "предложение рабочей силы", и только с помощью этого дешевого, или рабского, труда, как нам говорят, "может быть сохранено господство Англии в мануфактурах". Чем дешевле рабочая сила, тем быстрее должен быть рост индивидуальных состояний и тем совершеннее объединение земель. Таким образом, крайности всегда сходятся. Чем роскошнее дворец торговца тканями, хлопком, неграми или индусами, тем более убогой будет бедность рабочего, его жены и детей, и чем больше бриллиантов на камзоле принца Эстерхази, тем более оборванными будут его крепостные. Чем больше будут закрыты местные пункты обмена, тем сильнее будет тенденция к истощению и заброшенности земель, и тем более процветающей будет работоторговля на Севере и Юге, — и тем больше будет рост сторонников рабства на Юге и противников рабства на Севере. Чем больше будет экспорт негров на Юг, тем сильнее будет их склонность бежать от своих хозяев на Север, и тем сильнее будет желание на Севере изгнать их, что подтверждается следующим законом штата Иллинойс, вышедшим всего несколько недель назад, которым, как здесь видно, восстановлено рабство негров на территории, для управления которой был принят знаменитый указ 1787 года:

"Пусть это будет принято народом штата Иллинойс, представленным в Генеральной Ассамблее.

3. Если какой-либо негр или мулат, связанный или свободный, прибудет в этот штат и останется там на десять дней с явным намерением проживать в нем, каждый такой негр или мулат будет признан виновным в тяжком проступке и за первое нарушение будет оштрафован на сумму в пятьдесят долларов, которая будет взыскана любым мировым судьей в округе, где может быть найден указанный негр или мулат; указанное разбирательство будет вестись от имени народа штата Иллинойс, и его будут судить присяжные из двенадцати человек.

4. Если указанный негр или мулат будет признан виновным, и назначенный штраф не будет немедленно выплачен мировому судье, перед которым рассматривалось указанное разбирательство, указанный судья должен немедленно объявить указанного негра или мулата, разместив уведомления об этом по крайней мере в трех наиболее общественных местах своего округа; указанные уведомления должны быть вывешены в течение десяти дней; и в день, время и в месте, указанных в указанном объявлении, указанный судья должен на ПУБЛИЧНЫХ ТОРГАХ приступить К ПРОДАЖЕ указанного негра или мулата любому лицу, которое оплатит указанный штраф и издержки".

Сейчас рабство распространяется на Север, тогда как всего двадцать лет назад свобода распространялась на Юг. То, что это так, является естественным следствием нашего подчинения, хотя бы частично, системе, которая стремится к *принудительному* экспорту сырьевых продуктов, истощению земель, удешевлению рабочей силы и вывозу рабочих. Везде, где ему подчиняются, рабство растет. Везде, где ему сопротивляются, рабство исчезает, а свобода растет, как показано в следующем списке —

Страны, политика которых направлена на удешевление рабочей силы. к повышению ценности труда. ----- Вест-Индия, Северная - Германия, Португалия, Россия, Турция, Дания, Индия, Испания, Ирландия, Бельгия, Соединенные Штаты в соответствии с Компромиссом Соединенных Штатов и тарифами 1828 и 1842 годов. тариф 1846 года.

Численность населения сокращается во всех зарубежных странах, указанных в первой колонке, и она стала почти постоянной в Северных рабовладельческих штатах, как это, вероятно, снова произойдет сейчас, из-за больших масштабов внутренней работорговли. Население растет в зарубежных странах второй колонки, и оно быстро росло в Северных рабовладельческих штатах из-за ограниченного экспорта негров в упомянутые периоды. В первой колонке указаны так называемые страны со свободной торговлей, а в другой — те, которые защитили себя от системы; и все же рабство растет во всех странах первой колонки, а свобода - во всех странах второй. В первой колонке перечислены страны, в которых уровень образования снижается, а интеллект снижается, и период в нашей собственной истории, в который были приняты законы, запрещающие образование негров. Во-вторых, те страны, в которых развивается образование со значительным ростом интеллектуальной активности; и в нашей собственной истории это указывает на период, когда Северные рабовладельческие штаты проводили съезды с целью принятия мер, направленных на отмену рабства. В первом случае речь идет о тех зарубежных странах, в которых женщины и дети вынуждены работать в поле или остаются безработными. Во втором - о тех, в которых с каждым днем растет спрос на труд женщин, которые должны быть заняты более легким трудом на производстве. К первому относятся те, в которых развивается цивилизация; а ко второму - те, в которых с каждым днем усиливается тенденция к полному варварству. Сейчас нас часто приглашают к союзу с Великобританией, и ради чего? Для поддержания и расширения системы, последствия которой наблюдаются во всех странах, перечисленных в первой колонке. Для увеличения предложения дешевого хлопка, дешевой кукурузы и дешевого сахара, все это требует дешевой, или рабской, рабочей силы, и в обмен на эти вещи мы должны иметь дешевую ткань, продукт дешевой, или рабской, рабочей силы Англии, Шотландии и Ирландии.

Именно как защитник свободы Британия призывает нас вступить с ней в более близкие отношения. Ее противники - это, как нам говорят, европейские деспоты, люди, которые попирают права своих подданных и которые завидуют ей, потому что каждое ее движение, как нас уверяют, направлено на установление свободы во всем мире. Если бы это было так, это могло бы послужить некоторым поводом для того, чтобы забыть совет Вашингтона относительно "запутывающих союзов"; но, прежде чем избрать такой курс, было бы уместно получить доказательства того, что политика Великобритании в любое время, начиная со времен Адама Смита, имела тенденцию к предоставлению избирательных прав человеку в любой части мира, за границей или дома. Из всех деспотов, на которых в настоящее время жалуются, король Неаполя стоит на самом видном месте, и именно в связи с ним нынешний канцлер казначейства недавно опубликовал брошюру, в которой содержатся следующие отрывки:

"Общее мнение таково, что число заключенных за политические преступления в королевстве Обеих Сицилий составляет от пятнадцати до двадцати-тридцати тысяч. Правительство скрывает все средства получения точной информации, и, соответственно, не может быть никакой уверенности в этом вопросе. Я, однако, обнаружил, что это убеждение разделяют люди наиболее умные, тактичные и хорошо информированные. Это также подтверждается тем, что известно об удивительных толпах заключенных в определенных тюрьмах, и особенно тем, что точно известно в определенных провинциальных населенных пунктах, относительно количества лиц, пропавших без вести среди общества. Я слышал эти цифры, например, в Реджо и Салерно; и, пытаясь оценить их применительно к численности населения, я действительно считаю, что двадцать тысяч - вполне разумная оценка. В одном только Неаполе несколько сотен человек в настоящее время находятся под *серьезным* обвинением; и когда я покинул его, ожидалось, что немедленно начнется судебный процесс (названный таковым пятнадцатого мая), на котором число обвиняемых составляло от четырехсот до пятисот человек; включая (хотя это отступление) по крайней мере одного или нескольких высокопоставленных лиц, чьи мнения в этой стране считались бы более консервативными, чем ваши собственные ". * * * "В полном пренебрежении к этому закону правительство, важным членом которого является префект полиции, через агентов этого департамента следит за тем, чтобы они не нарушали закон ". и преследует людей, наносит визиты по месту жительства, очень часто ночью, обыскивает дома, изымая бумаги и пожитки, и переворачивает полы в свое удовольствие под предлогом поиска оружия, и сажает людей десятками, сотнями, тысячами, без какого-либо ордера, иногда даже без каких-либо письменных полномочий вообще, или чего-либо еще, кроме слова полицейского; постоянно без какого-либо заявления о характере преступления.

И в этом последнем факте нет ничего удивительного. Людей арестовывают не потому, что они совершили или считается, что они совершили какое-либо преступление; а потому, что они являются лицами, которых считается удобным заключить под стражу и избавиться от них, и против которых, следовательно, должно быть найдено или сфабриковано какое-либо обвинение".[209]

Почему король способен делать такие вещи? Очевидно, потому, что его народ беден и слаб. Если бы они были сильны, он не смог бы этого сделать. Однако люди нигде и никогда не становились сильными, чтобы противостоять власти, за исключением тех случаев, когда ремесленник переходил на сторону фермера; и именно потому, что он не сделал этого в Неаполе и на Сицилии, люди настолько бедны, невежественны и слабы, какими мы их видим. Пыталась ли Англия когда-либо укрепить неаполитанский народ, научив его объединять свои усилия для разработки богатых руд или для переработки шерсти в ткани? Безусловно, нет. Она желает, чтобы шерсть, сера и все другое сырье были дешевыми, а железо дорогим; и чтобы это было так, она делает все, что в ее силах, чтобы предотвратить существование в этой стране любого из того разнообразия интересов, которое нашло бы занятие для мужчин, женщин и детей и, таким образом, придало бы ценность труду и земле. Чтобы она могла это сделать, она сохраняет Мальту и Ионические острова в качестве удобных мест прибежища для великого реформатора эпохи — контрабандиста, — в обязанности которого входит следить за тем, чтобы никакие попытки наладить производство не увенчались успехом, и претворять в жизнь указ о том, что все подобные попытки должны быть "подавлены в зародыше". Если при таких обстоятельствах королю Фердинанду удастся разыгрывать из себя тирана, то на ком лежит вина? Несомненно, на людей, которые отказываются позволить фермерам Обеих Сицилий укрепиться, образовав тот естественный союз между ткацким станком и плугом, которому народ

Англии сам был обязан своими свободами. Если бы города этой страны увеличивались в размерах и если бы ремесленник повсюду занимал свое место рядом с фермером, люди с каждым днем становились бы сильнее и свободнее, тогда как сейчас они становятся слабее и порабощеннее.

Точно так же нам рассказывают о тирании и недобросовестности, царящих в Испании. Если, однако, народ этой страны беден и слаб и вынужден подчиняться мерам, которые являются тираническими и вредными, не может ли это быть объяснено тем фактом, что механику никогда не разрешалось находиться среди них? И не может ли причина этого быть найдена в том факте, что Португалия и Гибралтар в течение прошедшего столетия были центрами обширной контрабандной торговли, имеющей своей *прямой целью* лишить испанский народ всякой возможности заниматься чем-либо, кроме обработки земли? Кто же тогда несет ответственность за порабощение испанского народа? Те, несомненно, чья политика направлена на лишение женщин и детей Испании всякой работы, кроме как в поле, чтобы шерсть была дешевой, а ткань дорогой.

Турция бедна и слаба, и мы много слышим о планах России противостоять Англии; но желает ли Англия, чтобы Турция окрепла, а ее народ стал свободным? Желает ли она, чтобы развивались мануфактуры, чтобы росли города и чтобы земля приобретала ценность? Конечно, нет. Право заваливать эту страну товарами - "золотая привилегия", от которой никогда нельзя отказываться, потому что это повысило бы цену на шелк и снизило бы стоимость шелковых изделий.

Народы Австрии и Венгрии слабы, но пыталась ли Англия когда-нибудь сделать их сильными, чтобы добиться их свободы? Разве она не воспротивилась бы теперь любым мерам, рассчитанным на то, чтобы позволить венграм получить средства для переработки своей пищи и шерсти в ткани — приобрести механику и механизмы, с помощью которых города могли бы расти, а их жители стать сильными и свободными? Оказание любой помощи такого рода противоречило бы доктрине дешевого продовольствия и дешевой рабочей силы.

Северная Германия становится сильной и объединенной, и теперь близок день, когда во всей Германии будет такая же система, при которой Север так сильно улучшился; но все это делается в противовес Англии, которая не одобряет их, потому что они имеют тенденцию повышать цены на сырые продукты земли и снижать цены на промышленные, и позволяют сельскохозяйственному населению становиться богатым и сильным; и чем больше она зависит исключительно от торговли, тем сильнее ее нежелание допускать принятие каких-либо мер, стремящихся ограничить ее власть над народами мира.

Народ Китая слаб, но укрепляет ли его потребление опиума на сумму в сорок миллионов долларов в год? Правительство тоже слабо, и поэтому Гонконг удерживается с целью дать возможность "великому реформатору" обойти законы, запрещающие импорт товара, который приносит Ост-Индской компании прибыль в шестнадцать миллионов долларов в год и потребление которого так быстро растет.

Бирма тоже слаба, и поэтому ее территорию следует использовать для расширения торговли опиумом во внутренних провинциях Китая. Приведет ли это к укреплению или освобождению китайского народа?

Могут ли жители этой страны стать участниками подобной системы, которая повсюду стремится к удешевлению рабочей силы? Могут ли они быть участниками какой-либо системы, которая может поддерживаться только при условии "обильного и дешевого предложения рабочей силы"? Или же они могут быть участниками союза, который, где бы он ни заключался, настолько удешевляет человека, что делает его прибыльным товаром для экспортной торговли?

Кто же тогда наши естественные союзники? Нам говорят, что Россия, Пруссия и Дания - это деспотии. Это так; но все же так прекрасна и совершенна гармония интересов в рамках естественной системы, что то, что делают деспоты в свою защиту, укрепляет людей и ведет их к свободе. Дания - это деспотизм, и все же ее народ самый свободный и счастливый из всех в Европе. Пришло время нам освободиться от "тирании слов" [210], под которой мы живем, и посмотреть правде в глаза. Англия имеет то, что называется свободным правительством, и все же Ирландия, Вест-Индия и Индостан были повержены под деспотизмом веретена и ткацкого станка, в то время как деспотичная Дания защищает свой народ от этой тирании и, таким образом, позволяет своим женщинам и детям находить другие занятия, кроме полевых. Король Пруссии желает укрепиться против Франции, Австрии и России; и для достижения этого он укрепляет свой народ, позволяя ему находить работу на все свое время, добывать навоз для своих ферм и находить занятие для своих умов; и он укрепляет Германию путем образования великого Союза, который дает тридцати миллионам людей такое же преимущество свободы внутренней торговли, какое существует между нами. Император России желает укрепить себя, и он подобным же образом принимает меры, ведущие к строительству городов, разнообразию труда и привычке к объединению людей; и таким образом он придает ценность земле и труду. Он деспот, это правда, но он делает то, что требуется, чтобы дать свободу шестидесяти миллионам людей; в то время как все меры Англии в Индии ведут к порабощению ста миллионов. Нам рассказывают о его замыслах в отношении Турции — но что может потерять *народ* этой страны от включения в состав Российской империи? Сейчас они бедны и порабощены, но если бы они когда-то были русскими, веретено использовалось бы для производства шерсти, города перестали бы приходить в упадок, труд и земля приобрели бы ценность, и люди начали бы становиться свободными. Можно усомниться, что что-либо в такой степени способствовало бы продвижению дела свободы в Европе, как поглощение Турции Россией, поскольку за этим, вероятно, последовало бы принятие мер, которые обеспечили бы полную свободу торговли во всей Средней и Восточной Европе, при значительном повышении ценности человека. Настоящий деспотизм - это тот, который направлен на удешевление рабочей силы, а настоящий путь к свободе - это тот, который направлен на повышение стоимости труда и земли.

Естественными союзниками этой страны являются сельскохозяйственные нации мира, поскольку их интересы и наши направлены в одном направлении, в то время как интересы Англии направлены в прямо противоположном. Им и нам нужно, чтобы цены на все сельскохозяйственные продукты были высокими, а на промышленные изделия - низкими, в то время как Англия желает, чтобы последние были высокими, а первые низкими. Чтобы они и мы могли быть довольны, необходимо, чтобы машины заняли свое место в производстве пищи и шерсти; чтобы возникли города и чтобы человек повсюду стал сильным и свободным. Чтобы она могла быть довольна, требуется, чтобы пища и шерсть шли на веретено и ткацкий станок; чтобы мужчины, женщины и дети были прикованы к полевым работам и чтобы люди оставались бедными, невежественными и порабощенными. Чем больше Россия создает рынок сбыта для своей пшеницы, тем выше будет ее цена, к великой выгоде фермеров всего мира; и тем больше

хлопка и сахара ей потребуется, и тем выше будут их цены, к великой выгоде плантаторов всего мира. Чем больше Германия создает рынок сбыта для своей шерсти, тем выше будет ее цена, и тем дешевле будет ткань, и тем больше хлопка и сахара ей понадобится. Чем больше мы создадим рынка сбыта хлопка, тем лучше будет для народа Индии; и чем больше мы потребуем нашего собственного зерна, тем лучше будет для фермеров Германии. Наши интересы и их интересы совпадают; но в интересах британского фабриканта, чтобы весь мир конкурировал друг с другом за сбыт на его одном ограниченном рынке, и чем больше конкуренции он сможет создать, тем дешевле будут изделия плуга и тем больше будет прибыль ткацкого станка. Он хочет дешево купить то, что мы должны продать, и дорого продать то, что мы должны купить. Мы хотим продавать дорого и покупать дешево, и поскольку наши цели прямо противоположны его целям, с нашей стороны было бы так же неосмотрительно прислушиваться к его советам, как со стороны фермера вступать в сделку с железной дорогой с целью поддержания цен на перевозки.

Россия и Германия, Дания, Испания и Бельгия борются с жесткой системой налогообложения, они становятся богатыми и сильными, и поэтому их народы год от года становятся все более свободными. Португалия и Индия, Турция и Ирландия уступают системе, и они становятся из года в год беднее и слабее, а их народ - все более поработанным. Со стороны первых это война за мир, и, к счастью, это война, которая не требует затрат для флотов и армий, в ходе которой и богатство, и население растут с огромной скоростью — и, следовательно, в которой мы можем и должны объединиться, если хотим увидеть прекращение работорговли дома или за границей.

Россия и Германия, Дания, Испания и Бельгия прилагают усилия к тому, чтобы повысить ценность человека у себя дома, где бы этот дом ни находился, и таким образом остановить принудительный экспорт людей, будь то черных, коричневых или белых: Англия прилагает усилия к тому, чтобы повсеместно уничтожить ценность человека у себя дома, и поэтому работорговля процветает в странах, которые подчиняются ее системе. Мы желаем повысить ценность человека в Виргинии и таким образом положить конец внутренней работорговле. Мы желаем, чтобы кукуруза и хлопок, рис, сахар и табак были дорогими, а сукно и железо дешевыми; чтобы труд был высокооплачиваемым и чтобы человек мог стать свободным; и чем меньше наша зависимость от рынка Англии, тем скорее будут удовлетворены наши желания.

* * * * *

Должны ли мы в таком случае принять систему мер, наносящих ущерб народу Англии? Ни в коем случае. Ее *реальные* интересы совпадают с нашими, и, защищая себя от ее системы, мы приносим ей пользу. Гармония интересов настолько совершенна, что нации *не могут* извлечь выгоду из мер, направленных во вред другим нациям; и когда они позволяют увлечь себя верой в то, что они могут быть такими, они всегда сами становятся самыми тяжелыми страдальцами. Чем скорее все сельскохозяйственные сообщества земли придут к пониманию того, что в их интересах отказаться от нынешнего безумного соперничества за привилегию обеспечивать единый и ограниченный рынок и принять решение создавать рынки для себя, тем скорее английский рабочий, землевладелец и капиталист окажутся возвращенными к свободе. Чтобы читатель мог понять это, мы должны еще раз взглянуть на Ирландию. Сокращение спроса на рабочую силу в этой стране вынудило бедняков переехать в Англию в поисках работы. "На полвека назад" — то есть со времен Объединения — "западные берега нашего острова", — говорит британский журналист, -

"Особенно Ланкашир и Глазго были наводнены толпами полуодетых, полуголодных, получивилизованных кельтов, многие тысячи из которых навсегда поселились в наших промышленных городах, снижая заработную плату из—за конкуренции и, что хуже, снижая уровень жизни и комфорт среди нашего народа своим примером — распространяя нищету и болезни своими грязными привычками — разжигая беспорядки и недовольство своей неисправимой враждебностью к закону, неисчислимо увеличивая бремя наших бедных слоев населения - и увеличивая реестр преступлений, как в полицейских судах, так и в судах присяжных; к огромному ущербу, причиняемому нашей стране. о национальном характере и репутации. Обильный приток дешевой рабочей силы, который они обеспечивали, несомненно, позволил нашей обрабатывающей промышленности расти такими темпами и на такую высоту, которые без них были бы недостижимы; и до сих пор они приносили пользу ". —*North British Review*, № 35.

Существенная ошибка этого отрывка заключается в предположении, что любая группа людей или любой вид промышленности должны извлекать выгоду из удешевления рабочей силы и порабощения человека. Ничего подобного произойти не может. Возвышение способствует истинным интересам всех людей, и все они страдают от того, что приводит к депрессии их собратьев. Повелитель рабов, независимо от того, носит ли он корону или хлыст, сам является рабом; и поскольку так обстоит дело как с нациями, так и с отдельными людьми, читатель, возможно, убедится, если проследит за работой британской системы, описанной здесь рецензентом. В течение полувека ирландская рабочая сила, как нам здесь сказали, хлынула в Англию, создавая перенасыщение рынка и снижая не только заработную плату, но и уровень комфорта среди английских рабочих. Это совершенно верно; но почему эти люди приехали? Потому что рабочая сила в Ирландии была дешевле, чем в Англии. Почему это было так? Потому что всего полвека назад Законом о профсоюзе было предусмотрено, что женщины и дети Ирландии должны либо оставаться без дела, либо работать в поле. До централизации этим актом всей власти в британском парламенте народ этой страны был энергично вовлечен в усилия по созданию конкуренции за покупку рабочей силы *у себя дома*; и если бы им было разрешено продолжать двигаться в этом направлении, она поднялась бы до уровня английской рабочей силы, и тогда ее нельзя было бы выгодно экспортировать. Этого, однако, им не разрешили сделать. Их печи и фабрики были закрыты, а люди, работавшие на них, были вынуждены бежать в Англию в поисках хлеба насущного, и заработная плата упала, потому что цены на все товары, включая рабочую силу, стремятся к определенному уровню, и все, что снижает их где-либо, имеет тенденцию снижать их везде. Цена английской рабочей силы упала, потому что Акт о создании профсоюза снизил стоимость ирландской рабочей силы.

Если мы хотим знать, до какой степени это возымело такой эффект, мы должны обратить внимание на последствия переизбытка *скоропортящихся* продуктов. Из всех товаров труд является *самым скоропортящимся*, потому что его нужно продать немедленно, иначе он будет потрачен впустую, а если потрачен впустую, человек, у которого есть его для продажи, может погибнуть сам. Теперь мы знаем, что переизбыток даже железа, равный десяти процентам, снизит цены на тридцать, сорок или пятьдесят процентов, и что избыток урожая хлопка в сто тысяч тюков приводит к десятипроцентной разнице. на три миллиона тюков, тогда как уменьшение в той же степени приведет к разнице в десять процентов. в противоположном направлении. В еще большей степени это относится к апельсинам и персикам, которые необходимо продавать немедленно или выбрасывать. При избытке того и другого от них часто отказываются, поскольку они не стоят затрат на сбор и доставку на рынок. Небольшой избыток

предложения мужчин, женщин и детей настолько снижает их ценность в глазах покупателя рабочей силы, что он оказывается, как и сейчас в Англии, вынужденным рассматривать это как милость Небес, когда голод, эпидемия и эмиграция убирают их с его пути; и тогда он склонен думать, что процесс "не может зайти слишком далеко или продолжаться слишком долго".

Ирландский труд, удешевленный положениями Акта о союзе, вывозился на рынок Англии для продажи, и таким образом производился *избыток самого скоропортящегося из всех товаров*; и результатом этого избытка должно было стать снижение общей цены труда в Англии, которое с лихвой компенсировало увеличение числа рабочих. Допуская, однако, что сокращение было не большим, чем можно было бы компенсировать таким образом, из этого, конечно, следовало бы, что размер заработной платы, выплачиваемой после года иммиграции, был таким же, как и ранее. То, что оно не было и не могло быть таким большим, совершенно очевидно; но нет необходимости утверждать больше, чем то, что никакого увеличения не было. Из этого с необходимостью следует, что, хотя количество заработной платы, подлежащей расходованию в Англии на пропитание и одежду, оставалось прежним, число лиц, между которыми она должна была быть разделена, увеличилось, и каждому приходилось тратить меньше. Это, конечно, уменьшило возможность покупать еду и в гораздо большей степени уменьшило спрос на одежду, поскольку требования желудка из всех остальных являются наиболее властными. Читатель теперь увидит, что главный эффект, производимый, таким образом, дешевой рабочей силой, заключается в сокращении внутреннего спроса на промышленные товары. Однако пока мы находимся только в начале операции. Люди, изгнанные из Ирландии закрытием ирландских фабрик, были потребителями продуктов питания, [211] но поскольку они больше не могли потреблять дома, теперь стало необходимо, чтобы эти продукты питания следовали за ними в Англию, и необходимость такой транспортировки в значительной степени привела к снижению цен на все продукты питания в Ирландии и, конечно, стоимости труда и земли. Каждое новое снижение цен на рабочую силу имело тенденцию увеличивать экспорт рабочей силы, и чем больше был этот экспорт, тем, конечно, острее становилась необходимость искать рынок сбыта продовольствия за границей. Предложение ирландского продовольствия увеличивалось, но английский рынок для него не рос, потому что чем больше было избытка людей, тем меньше становилась сумма заработной платы, выплачиваемой в счет продовольствия; и таким образом, ирландское и английское продовольствие теперь конкурировали друг с другом, в ущерб английскому и ирландскому труду и земле. Чем ниже были цены на продовольствие в Англии, тем меньше был стимул улучшать землю, и чем меньше был спрос на рабочую силу, тем меньше было возможности покупать даже продукты питания, в то время как способность платить за одежду уменьшалась с десятикратной быстротой. С каждым шагом в этом направлении рабочий все больше и больше терял контроль над своими собственными действиями и становился все более и более порабощенным. Снижение внутреннего спроса на мануфактуры тогда вызвало необходимость поиска новых рынков сбыта, недоработки Индии и дальнейшего удешевления рабочей силы; и чем больше удешевлялась рабочая сила, тем меньше становился спрос на нее и доходность капитала. Земля, труд и капитал, таким образом, одинаково пострадали от принятия политики, целью которой было помешать народу Ирландии добывать уголь, выплавлять железо или пользоваться безвозмездными услугами этих могущественных агентов, в изобилии предоставленных природой для их использования.

Читатель, возможно, сможет более полно оценить пагубные последствия этого курса при рассмотрении обратной стороны картины. Давайте предположим, что ирландец мог бы сразу превратиться из раба землевладельца в свободного человека, осуществляющего контроль над

применением своего труда и свободно обсуждающего со своим работодателем, каким должно быть его вознаграждение, — и посмотрим, каков был бы эффект. Это сразу же установило бы обратное притяжение, и вместо постоянного притока людей из Ирландии в Англию, наблюдался бы постоянный приток в эту страну, и через короткое время вся масса ирландской рабочей силы, которая сейчас давит на английский рынок, была бы отозвана, а заработная плата быстро выросла бы. Будет сказано, что за счет землевладельца. Напротив, к его выгоде. Ирландец у себя дома, полностью занятый, потреблял бы втрое больше пищи, чем он может достать сейчас, и ирландские продукты питания сразу же перестали бы оказывать давление на английский рынок, а цены на английские продукты питания выросли бы. Это, конечно, создало бы новые стимулы для улучшения состояния земли, и это вызвало бы спрос на рабочую силу и капитал, цена которых выросла бы и на то, и на другое. Однако, как скажут, все это было бы сделано за счет производителя. Напротив, к его выгоде, Ирландия в настоящее время потребляет лишь немного из английских мануфактур. "Никто, - говорится в Quarterly Review, - никогда не видел английского пугала в таких лохмотьях", какие носят сотни тысяч жителей Ирландии. Повысьте ценность ирландцев у себя дома, сделайте их свободными, и ирландский рынок вскоре потребует больше промышленных товаров, чем сейчас поступает во всю Индию. Повысьте ценность человека в Великобритании, и внутренний рынок поглотит такое количество товаров, которое сейчас сочли бы совершенно невероятным.

Как это можно сделать для Ирландии? С помощью того же процесса, в рамках которого жители Германии, России, Дании и Испании сейчас постепенно приближаются к свободе. Предусматривая, что она будет *защищена* в своих усилиях привлечь потребителя на сторону производителя и, таким образом, получит возможность обеспечивать внутренний спрос на весь свой труд и все свое продовольствие, а также на весь капитал, который в настоящее время считается избыточным и который весит на рынке Англии. Однако скажут, что это лишило бы английского производителя рынка, который он сейчас имеет в этой стране. Этого не произойдет. Он бы продавал дороже, хотя, безусловно, оптом было бы меньше. Если бы Ирландия сама пряла пряжу и шила грубые ткани, ей нужно было бы покупать тонкие. Если бы она шила шерстяные ткани, она могла бы позволить себе покупать шелка. Если бы она сама делала чугун, у нее была бы возможность приобрести паровые машины. Если бы она сама добывала уголь, ей потребовались бы книги; и чем выше поднимался бы уровень материального комфорта, морального и интеллектуального совершенствования ее собственного работника, тем выше были бы ее требования к соседям в отношении этих товаров, требующих для своего производства напряжения ума, как в их интересах, так и в ее собственных.

Ошибка всей британской системы в том, что она стремится повсеместно препятствовать местным ассоциациям и местной торговле; и делает это она потому, что стремится разместить в Англии мастерскую мира. Естественным следствием этого является желание вынудить все нации поставлять свои продукты на рынок в самом примитивном виде, с наибольшими издержками для себя и наибольшим истощением своих земель; и чем беднее они становятся, тем больше ее усилий конкурировать с ними в самых примитивных производствах, к большому ущербу для ее собственного народа. Человек, который постоянно соревнуется с людьми ниже себя, обязательно в конце концов опустится до их уровня; тогда как тот, кто смотрит вверх и решает соревноваться с теми, кто выше его, с большой вероятностью поднимется до их уровня. Если бы весь мир был занят совершенствованием своих продуктов, уровень жизни человека повсеместно повышался бы, и покупательная способность росла бы повсюду с быстрым увеличением объема как внутренней, так и внешней торговли, но обмениваемые товары имели

бы более высокий характер — такой, который потребовал бы для их приготовления более высокого уровня интеллекта. В настоящее время все нации за пределами Англии должны быть стимулированы к принятию системы, которая не предоставляет их мужчинам, женщинам и детям никакой работы, кроме грубых полевых работ, в то время как жители Англии должны оставаться на работах по добыче угля, выделке чугуна и переработке хлопка в пряжу; и, таким образом, тенденция системы заключается в том, чтобы втянуть все народы мира в занятия, требующие немногим большего, чем просто грубый труд и низший уровень интеллекта, к разрушению торговли, как внутренней, так и внешней. Чем больше это претворяется в жизнь, тем больше народ Англии и всего мира должен становиться жестоким и поработочным, и тем больше должно распространяться невожданности и безнравственности. Ирландия, Индия и все другие страны, которые оказались вынуждены продвигать свою продукцию на английский рынок, в значительной степени способствуют этому, и единственные люди, которые что-либо делают для исправления ситуации, - это те, кто работает над созданием внутреннего рынка для своих товаров и, таким образом, уменьшает конкуренцию за их продажу наамериканском рынке. Если бы Германия и Россия сейчас отменили протекционизм, прямым следствием было бы возложение на Англию огромного количества продовольствия, которое она сейчас потребляет у себя дома, и, таким образом, снижение цен до такой степени, что сделало бы практически невозможным применение труда для улучшения английской земли. Это, конечно, уменьшило бы заработную плату английского рабочего и способность рабочих приобретать промышленные товары, и произведенное таким образом уменьшение внутреннего спроса было бы вдвое больше увеличения, получаемого за границей. Пришло время народу Англии усвоить, что законы, которые управляют сообществом наций, в точности совпадают с законами, которые управляют сообществами отдельных людей, и что ни нации, ни отдельные лица не могут постоянно извлекать выгоду из каких-либо мер, наносящих ущерб их соседям. Случай Ирландии является примером угнетения более тяжкого, чем можно найти где-либо еще в исторических источниках; и угнетение повлекло за собой свое наказание в виде порабощения английского рабочего, землевладельца и капиталиста. У первого небольшая заработная плата, у второго - небольшая арендная плата, у третьего - небольшая прибыль, в то время как люди среднего звена, банкиры, юристы и агенты, богатеют. Решение большей части этого можно было бы найти в принятии мер, которые повысили бы стоимость труда, капитала и земли в Ирландии и, таким образом, позволили бы двум первым остаться дома, чтобы придать ценность последним.

Зло, которому подвергается народ Англии, заключается в том, что он подавлен тяжестью сырых продуктов, навязываемых на их рынок, и конкуренцией за их продажу. Это, в свою очередь, влияет на весь мир - поскольку цены на этом рынке устанавливают цены на всех других рынках. Что сейчас необходимо, так это поднять *там* цену на рабочую силу и ее продукты, что было бы сделано немедленно, если бы все земледельческие нации могли стать настолько хозяевами своих собственных действий, чтобы иметь возможность сказать, что с этого времени у них дома будет такой спрос, который освободит их от рабства и *необходимости* ходить на этот рынок. Если бы это можно было сказать сейчас, мгновенным результатом было бы такое повышение цен на продовольствие, которое вызвало бы спрос на труд и капитал в Англии, который удвоил бы цену того и другого, как будет видно при рассмотрении следующих фактов. В Соединенном Королевстве семьдесят миллионов акров, и средняя затрата всего трехдневного труда на акр, равная 12 шиллингам в неделю, составила бы двадцать один миллион фунтов стерлингов, или половину всего капитала, задействованного в торговле хлопком. Никто из тех, кто изучает

отчеты о сельском хозяйстве Британских островов, не может сомневаться в том, что на земле можно было бы ежегодно и с наибольшей прибылью использовать еще большее количество зерна; и если мы подумаем, что это повторялось бы из года в год, то станет видно, насколько обширным был бы рынок, таким образом, как для труда, так и для капитала. Повышение заработной платы положило бы конец вывозу рабочей силы либо из Англии, либо из Ирландии, и внутренний спрос на мануфактурные изделия значительно увеличился бы.

Можно сказать, что повышение цен на продовольствие дало бы большую ренту без улучшения состояния земли и что прибыль от этого изменения досталась бы землевладельцу. Однако во всех других отраслях высокая заработная плата *вынуждает* совершенствовать оборудование, и только при ее низком уровне люди могут с прибылью работать на старых машинах. Если бы заработная плата в Англии в наши дни удвоилась, оказалось бы, что она съедала бы весь доход от всех плохо обрабатываемых земель, не оставляя никакой ренты, и тогда владельцы такой земли оказались бы в такой же степени обязанными совершенствовать свои производственные механизмы, как и владельцы фабрик в Манчестере. Если бы они не могли улучшить целое, они оказались бы вынуждены продать часть; и, таким образом, дорогостоящий труд привел бы к разделу земли и освобождению работника, подобно тому как дешевый труд привел к консолидации одних и рабству других.

Чтобы Россия и Германия могли воздерживаться от навязывания своих продуктов на рынке, который сейчас регулирует и понижает цены, потребовалось бы, чтобы у них было большое количество мельниц и печей, на которых могли бы потребляться их нынешние излишки продовольствия, и их результатом было бы создание среди них нового спроса на рабочую силу с повышением заработной платы, улучшением рынка продовольствия в интересах фермера, улучшением рынка капитала и значительным увеличением возможностей для улучшения земли, прокладки дорог и строительства школ. Это, конечно, повысило бы спрос на хлопок в интересах производителей хлопка, в то время как повышение цен на продукты питания принесло бы пользу фермерам повсюду. Мэриленд, Вирджиния и Каролинские острова также имели бы тогда свои фабрики, на которых продукты питания и хлопок перерабатывались бы в ткань, и ценность человека в этих Штатах поднялась бы до уровня Миссисипи и Алабамы, а нашей внутренней работорговле был бы положен конец точно такими же мерами, которые избавили бы Англию, Ирландию и Шотландию от какой—либо *необходимости* экспортировать людей в отдаленные регионы земли.

Ничего подобного нельзя было сделать сразу; но Россия, Германия и другие страны Европы сейчас находятся под защитой и многое делают в этом направлении; и во власти народа этой страны внести значительный вклад в создание такого положения вещей. Многое было сделано в рамках тарифа 1842 года, но это отменяется законом 1846 года. Первое имело тенденцию *повышать* ценность человека у себя дома, и, следовательно, именно при нем внутренняя работорговля так сильно уменьшилась. Последнее имеет тенденцию *уменьшать* ценность человека у себя дома, и поэтому именно при нем торговля так быстро растет. Первое имело тенденцию к уменьшению количества продовольствия, продаваемого на английском рынке, к снижению стоимости английского труда и земли. Последнее имеет тенденцию увеличивать количество, для которого необходимо искать рынок сбыта за границей; и все, что имеет тенденцию принудительно ввозить продовольствие в эту страну, имеет тенденцию снижать ценность ее населения и производить их *принудительный экспорт* в другие страны. Однако пока мы подошли только к началу работы системы "свободной торговли". Сейчас мы

находимся там, где были в 1836 году, когда строительство железных дорог с помощью крупных закупок в кредитной и железя стимулировало потребление продовольствия и уменьшало труд, затрачиваемый на его производство. После следующего отвращения, которое, возможно, уже не за горами, запасы продовольствия будут большими, и тогда низкие цены 1841-2 годов как на продовольствие, так и на рабочую силу повторятся.

Размышляя о том, в чем заключается долг этой страны, каждый человек должен учитывать, что все, что стремится увеличить количество сырых продуктов, продаваемых на английском рынке, ведет к повсеместному удешевлению труда и земли, к увековечиванию рабства и расширению его владений — и что все, что стремится к изъятию таких продуктов с этого рынка, ведет к повсеместному повышению стоимости земли и труда, к исчезновению рабства и возвышению человека.

Система, обычно называемая свободной торговлей, имеет тенденцию давать первые результаты; и там, где человек поработан, не может быть реальной свободы торговли. Тот, кто ищет защиты от этой экстраординарной системы налогообложения, стремится дать людям возможность самим определять, будут ли они осуществлять свой обмен за границей или дома; и именно в этой возможности выбора заключается свобода торговли и человека. Принимая "свободную торговлю", или британскую систему, мы ставим себя бок о бок с людьми, которые разорили Ирландию и Индию, а теперь отравляют и поработывают китайский народ. Принимая другое, мы становимся на сторону тех, чьи меры направлены не только на улучшение положения их собственных подданных, но и на освобождение рабов повсюду, будь то на Британских островах, в Индии, Италии или Америке.

Однако будет сказано, что протекционизм имеет тенденцию разрушать торговлю, цивилизатор человечества. Однако факт прямо противоположный. Именно система, ныне называемая свободной торговлей, ведет к разрушению коммерции, что проявляется везде, где она возникает. Защита направлена только на противодействие масштабной схеме иностранного налогообложения, которая повсюду ограничивает возможности человека объединять свои усилия с усилиями своего соседа-человека для увеличения своего производства, совершенствования своего разума и расширения своих желаний и своей способности приобретать товары, производимые различными нациями мира. Торговля Индии не растет, также как и торговля Португалии или Турции; но торговля защищенных стран действительно растет, как это было показано в случае с Испанией, а теперь может быть показано в случае с Германией. В 1834 году, перед образованием Золль-Вейна, Германия отобрала у Великобритании

только собственного производства..... £4,429,727 Тогда как в 1852 году она
взяла..... £7,694,059

А что касается этой страны, в которой защита в какой-то степени существовала всегда, то это лучший покупатель, который когда-либо был в Англии, и наши требования к ней растут наиболее устойчиво и регулярно в условиях защиты, потому что чем больше наша способность производить грубые товары, тем больше желания, которые приводят к покупке качественных, и тем больше наша способность их удовлетворять.

Все, что имеет тенденцию увеличивать способность человека общаться со своим ближним, имеет тенденцию способствовать росту торговли и производить то материальное, моральное и

интеллектуальное совершенствование, которое ведет к свободе. Дать мужчинам возможность осуществлять эту власть - вот цель защиты. Поэтому люди этой страны, которые желают, чтобы все люди, черные, белые и коричневые, как можно скорее пользовались полной свободой мысли, слова, действий и торговли, при полном рассмотрении обнаружат, что долг перед самими собой и перед своими собратьями требует, чтобы они выступали за эффективную защиту, как за истинный и единственный способ упразднения внутренней торговли рабами, черными или белыми.

* * * * *

Возможно, кто-то скажет, что даже несмотря на отмену работорговли, рабство все равно продолжало бы существовать, и что великая цель движения против рабства осталась бы невыполненной. Во всяком случае, один шаг, и большой, был бы сделан. Превращение людей *badscripti glebæ*, таким образом прикрепляя их к земле, было во многих странах, как это совсем недавно произошло в России, одним из движений к освобождению; и если бы это могло быть осуществлено здесь простой силой притяжения и без помощи закона, это было бы выгодно всем, как хозяевам, так и рабам; потому что все, что имеет тенденцию привлекать население, неизбежно ведет к увеличению стоимости земли и, таким образом, к обогащению ее владельца. На этом, однако, это не могло закончиться, как читатель легко увидит. Дешевая еда позволяет фермеру Вирджинии привлекать дешевую рабочую силу для рынка рабов. Повысьте цены на продукты питания, и прибыль от этого вида производства уменьшилась бы. Поднимите его еще выше, и прибыль исчезла бы; и тогда хозяин рабов счел бы необходимым возложить на родителя совершение *жертвоприношения*, необходимого для воспитания детей, и таким образом дать ему возможность привести в действие все лучшие чувства своего сердца.

Дешевая еда и рабство идут рука об руку; и если мы хотим освободиться от последнего, мы должны начать с избавления от первого. Еда в Вирджинии дешевая, потому что рынок сбыта находится далеко, и большая часть ее стоимости там поглощается расходами на транспортировку. Подведите потребителя поближе к двери фермера, и там он будет стоять столько же, сколько сейчас стоит на отдаленном рынке. Предъявляйте повсюду вокруг него спрос на все выращиваемое продовольствие, и его стоимость повсюду возрастет, ибо тогда мы перестанем оказывать давление на ограниченный рынок Англии, который устанавливает цену на наш урожай и который теперь покрывается за счет излишков продуктов Германии и России, Канады и нас самих; и тогда цена в отдаленных частях Виргинии будет выше, чем сейчас можно получить за него на отдаленном рынке Англии. Тогда для фермера станет совершенно невозможным с прибылью скормливать свое зерно рабам.

С ростом цен на продовольствие земля выросла бы в цене в четыре раза, и эта стоимость продолжала бы увеличиваться по мере того, как ремесленник все больше и больше занимал бы свое место рядом с производителем продовольствия и шерсти, а также по мере увеличения числа и размеров городов; и с каждым шагом в этом направлении хозяин придавал бы все меньше значения собственности на рабов; в то время как раб придавал бы все больше значения свободе. И то, и другое улучшало бы эмоциональное состояние; и чем больше улучшался бы негр, тем больше его хозяин был бы склонен думать о рабстве, как в старину считали Джефферсон и Мэдисон, что это зло, с которым необходимо бороться; и чем быстрее росло богатство, чем больше повышалась стоимость земли, тем быстрее приближалась бы свобода ко всем, и к хозяину, и к рабу.

Однако скажут, что если стоимость продуктов питания возрастет настолько, что для Виргинии станет желательным сохранить весь прирост своего населения, черного и белого, необходимым результатом будет значительное повышение цен на хлопок и значительное увеличение богатства плантаторов южнее, которые пожелают иметь негров, даже при значительно возросших ценах. То, что цены на хлопок вырастут, совершенно очевидно. Ничто не сдерживает его, кроме низких цен на продовольствие, которые вытесняют негров из Северных Штатов и, таким образом, поддерживают внутреннюю работорговлю; и нет причин сомневаться, что не только произошло бы значительное повышение его цены, но и что способность платить за него увеличивалась бы с такой же быстротой. Тогда, несомненно, потребовалось бы больше негритянской рабочей силы, и тогда существовало бы именно то положение вещей, которое неизбежно ведет к свободе. Когда два хозяина ищут одного работника, последний становится свободным; но когда два работника ищут одного хозяина, первый становится поработенным. Возросшая стоимость негритянского труда привела бы к необходимости для владельцев негров стремиться стимулировать рабочего к напряжению, а это могло быть сделано только путем выплаты заработной платы за сверхурочную работу, что в значительной степени делается даже сейчас. В настоящее время труд раба в высокой степени непроизводителен, как видно из следующего отрывка из письма в "Нью—Йорк" *Daily Times*, в котором приводится результат информации, полученной от джентльмена из Питерсбурга, штат Вирджиния, который, как говорят, "отличается точностью и прецизионностью своей информации":

"Он рассказал мне, - пишет автор, - что однажды очень внимательно наблюдал, как много труда затрачивается на сбор урожая очень тонкой пшеницы, и обнаружил, что четверем неграм требуется один день, чтобы убрать, сгрести и перевязать один акр. (То есть это была скорость, с которой убирался урожай с поля.) В районах, где выращивают пшеницу, на западе Нью-Йорка четверо мужчин должны были бы обработать пять акров аналогичного урожая.

Далее мистер Гриском заявляет в качестве своего мнения, что четыре негра в обычных сельскохозяйственных операциях этого штата не выполняют столько, сколько один рабочий в Нью-Джерси. Когда я выразил свое удивление, он повторил это как свое сознательно сформированное мнение.

"С тех пор я снова обратился к мистеру Грискому и получил разрешение назвать его имя в приведенном выше заявлении. Он также хочет, чтобы я добавил, что обычные потери при уборке урожая из-за небрежности негров, превышающие те, которые происходят в руках северных рабочих, достаточно велики, чтобы равняться тому, что северный фермер счел бы удовлетворительной прибылью от урожая".

Чтобы задействовать все это огромное количество труда, которое сейчас тратится впустую, необходимо повысить стоимость человека за счет повышения цен на продукты питания; и это можно сделать, открыв фермерский рынок прямо у его дверей и, таким образом, повысив стоимость труда и земли. Пусть жители Мэриленда и Вирджинии, Каролины, Кентукки и Теннесси получают возможность задействовать свои огромные запасы угля и железной руды и использовать свои огромные запасы воды - освободите хозяев от их нынешней зависимости от отдаленных рынков, на которых они должны продавать все, что производят, и должны покупать все, что потребляют, — и негр-раб станет свободным в силу того же великого закона, который в прошлые времена освобождал крепостных Англии, а теперь освобождает крепостных России. Во всех странах мира человек стал свободным по мере того, как земля приобрела ценность, и по

мере того, как ее владельцы обогатились; и во всех странах человек стал порабощенным, поскольку земля потеряла свою ценность, а ее владельцы обнищали.[212]

ГЛАВА XXI.

О ДОЛГЕ НАРОДА Англии.

Английская политико-экономическая система, осужденная Адамом Смитом, до конца прошлого столетия неизменно приводила к результатам, в высшей степени неблагоприятным для человека; и для их объяснения стало необходимым обнаружить, что они являются неизбежным результатом определенных великих законов природы; и этой необходимости мир был обязан системой Рикардо-мальтузианства, которая может быть кратко изложена в следующих положениях:

Первое: в начале земледелия, когда население невелико, а земли, следовательно, в изобилии, обрабатываются только лучшие почвы — те, которые способны приносить наибольшую отдачу, скажем, сто четвертей на данное количество труда.

Второе: с ростом численности населения все плодородные земли заняты и возникает необходимость обрабатывать те, которые дают меньшую отдачу; и тогда приходится прибегать ко второму, а затем к третьему и четвертому классу почв, принося соответственно девяносто, восемьдесят и семьдесят четвертей того же количества труда.

Третье: при необходимости менее производительного применения труда, которая, таким образом, сопровождает рост населения, возникает рента: владелец земли № 1 получает возможность требовать и получать взамен за ее использование десять четвертей, когда приходится прибегать к земле второго качества; двадцать, когда вводится в эксплуатацию земля № 3, и тридцать, когда возникает необходимость обрабатывать землю № 4.

Четвертое: таким образом, *доля* землевладельца имеет тенденцию неуклонно возрастать по мере снижения производительности труда, причем разделение происходит следующим образом, а именно:

Итого По: Трудовой ренте за продукт ---- ---- -- первый период, когда обрабатывается только № 1. 100 100 00 второй период " Обрабатываются № 1 и 2. 190 180 10 третий период " № 1, 2 и 3".. 270 240 30 четвертый период " № 1, 2, 3 и 4".. 340 280 60 пятый период " № 1, 2, 3, 4 и 5".. 400 300 100 шестой период " № 1, 2, 3, 4, 5, и 6 ".. 450 300 150 седьмой период" № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 ".. 490 280 210

и что, таким образом, существует тенденция к окончательному поглощению всего продукта владельцем земли и к неуклонно возрастающему неравенству условий; способность рабочего потреблять товары, которые он производит, неуклонно уменьшается, в то время как способность землевладельца требовать их в качестве ренты неуклонно возрастает.

Пятое: эта тенденция к уменьшению отдачи от труда и к увеличению доли землевладельцев всегда существует там, где население увеличивается, и чаще всего там, где население увеличивается наиболее быстро; но ей в известной степени противодействует увеличение богатства, приводящее к улучшению земледелия.

Шестое: что каждое такое улучшение имеет тенденцию замедлять рост ренты, в то время как каждое препятствие к улучшению имеет тенденцию увеличивать этот рост; и что, следовательно, интересы землевладельца и рабочего всегда противоположны друг другу, рента повышается по мере сокращения рабочей силы, *инаоборот*.

Краткое рассмотрение этих положений убедит читателя в том, что они неизбежно ведут к централизации всей власти в руках немногих за счет многих, которые, таким образом, низводятся до положения рабов, простых рубщиков дров и носильщиков воды для своих хозяев, как сейчас будет показано.

I. В начале возделывания труд в значительной степени производителен, и рабочий забирает себе весь свой продукт, не платя ренты.

II. С увеличением численности населения и возросшей способностью к объединению труд становится менее производительным, и рабочий вынужден отдавать часть уменьшившегося продукта землевладельцу, который, таким образом, богатеет за его счет.

III. С дальнейшим ростом населения земля приобретает дополнительную стоимость, и эта стоимость возрастает с каждым увеличением *необходимости* менее производительного применения труда; и чем меньше продукт, тем больше становится доля собственника, богатство и власть которого возрастают именно по мере того, как рабочий становится беднее и менее способным защищать свои права, или, другими словами, по мере того, как он становится порабощенным.

Такое положение вещей, конечно, приводит к изгнанию бедняков, вынужденных искать на расстоянии те богатые почвы, которые, согласно теории, обрабатываются первыми. Чем больше их изгоняют, тем, конечно, больше должна быть консолидация земли, тем больше доходы немногих крупных фермеров и землевладельцев и тем беднее рабочие. Отсюда всеобщий разлад, подобный тому, что наблюдается в Англии и недавно был так хорошо описан в *Times*. [213]

Чем беднее люди, тем больше должна быть необходимость в эмиграции; и тем больше беспокойство землевладельца или другого капиталиста по поводу их изгнания, потому что они таким образом освобождаются от необходимости содержать их; и тем больше ликование торговца, потому что он предполагает, что они переходят от обработки бедных земель к обработке богатых. Здесь мы имеем дело с рассеянием, противоположным тому объединению, которому человек повсюду обязан своим богатством, развитием своих моральных и интеллектуальных способностей и своей свободой.

Предполагается, что земли, оставленные позади, являются бедными, а те, которые первыми были присвоены за границей, считаются богатыми, затем утверждается, что все люди, которые уезжают за границу, не должны ничего делать, кроме обработки земли, отправляя свое зерно и шерсть на расстояние тысяч миль в поисках маленького веретена и ткацкого станка; и таким образом система Рикардо приводит к принятию политики, прямо противоположной той, которой учил Адам Смит.

Необходимым следствием этого является упадок английского сельского хозяйства и закрытие рынка для английского капитала; и чем меньше рынок для него внутри страны, тем меньшим должен быть спрос на рабочую силу и тем большей должна быть тенденция рабочего

становиться простым рабом тех, кто применяет капитал. Это, конечно, приводит к дальнейшему вытеснению как рабочей силы, так и капитала; и чем больше их уходит за границу, тем, естественно, меньше могущества сообщества, которое остается позади: и, таким образом, система Рикардо-мальтузианства неизбежно ведет к уменьшению значимости нации в глазах мира.

Эта система учит, что Бог в своей бесконечной мудрости наделил материю в виде человека способностью к воспроизводству, большей, чем он наделил источник, из которого эта материя получена, саму землю; и что с целью исправления этой ошибки человек должен закрыть уши и сердце от рассказов о страданиях — должен забыть великий закон Христа: "Поступайте с другими так, как вы хотели бы, чтобы другие поступали с вами", — должен убедить себя, что "в его интересах", чтобы негритянский раб "мог спокойно носить свои цепи", — и должен всегда помнить, что если люди *будет* жениться; и иметь детей, и он "стоит между ошибкой и ее последствиями", оказывая помощь бедным или больным в их бедственном положении, за исключением случаев, когда для предотвращения "реальной смерти" он "увековечивает грех". Это наука об отвращении, отчаянии и смерти; и ее удачно называли "мрачной наукой". Этому учат во многих школах Европы, но только Англия сделала это основой своей политической системы; и результат виден в том факте, что во всей той части света, которая подвержена ее влиянию, мы не видим ничего, кроме отвращения, рабства, отчаяния и смерти, при неуклонно возрастающей слабости сообществ в общей мировой системе, о чем свидетельствуют Ирландия и Индия, откуда люди бегут, как от чумы, — Вест-Индия, Португалия и Турция, население которых сокращается, а сами сообщества, по-видимому, вскоре погибнут от истощения. [214]

Из каждой страны, которая достаточно сильна, чтобы защитить себя, она постепенно изолируется; и в каждой стране, которая достаточно сильна, чтобы осуществить это исключение, мы видим неуклонный рост власти, привычки к объединению и силы нации. Маленький Германский союз 1827 года привел к великому Союзу 1835 года; и в этот момент у нас есть сведения о завершении еще более великого союза, который должен дать свободу внутренней торговли шестидесяти миллионам людей, и который должен сделать для всей Германии то, что *Цольферайн* сделал для ее северной части. Таким образом, привычка к миру и совместным действиям растет во всех странах мира, которые защищают себя, в то время как отвращение и раздор возрастают во всех незащищенных. В одном мы видим ежедневную тенденцию к свободе, в то время как в другом рабство растет изо дня в день.

Англия жалуется на то, что, как бы много она ни делала для других стран, она не получает никакой доброты взамен. По сей день у нее нет друга; и в этом виноваты не столько какие-то ошибочные намерения, сколько ошибка доктрины. Многие из тех, кто руководил ее делами, были людьми великодушных побуждений — людьми, которые презрели бы то, что считали неправильным, — но они были уведены системой, которая учит величайшему эгоизму. Создатель человека предоставил в его пользование великие природные средства, владение которыми должно было быть получено в награду за развитие его интеллектуальных сил; и чтобы у него мог быть досуг для их совершенствования, были накоплены огромные запасы топлива и поставлялась железная руда в неограниченном количестве, чтобы позволить ему, объединив то и другое, получить машины, помогающие ему в обработке почвы и переработке ее продуктов. Англия, однако, желает ограничить использование этих великих природных агентов; и всякий раз, когда или где бы другие нации ни пытались призвать их к себе на помощь, видно, что она

прилагает все возможные усилия, чтобы уничтожить конкуренцию и таким образом сохранить свою монополию. Ярким примером этого являются недавние события, связанные с паровым сообщением между этой страной и Европой; но содержание многочисленных колоний, явно с целью "подавления в зачаточном состоянии" любых усилий со стороны других наций получить власть для переработки своего угля и своей руды в железо или преобразовать свое железо в машины, которые позволили бы им использовать пар и, таким образом, облегчить труд своего народа, одновременно повышая эффективность их усилий, - это то, что не только не отрицается, но и восхваляется ее самыми выдающимися и просвещенными людьми. . Чрезмерный эгоизм этих усилий по сохранению монополии на эти великие природные агенты сам по себе должен был бы стать убедительным доказательством для каждого англичанина того, что система, которая должна поддерживаться таким образом, не может быть правильной; и это было бы так, если бы их система политической экономии не учила, что каждый человек должен жить, "вырывая хлеб изо рта своего соседа", что землевладелец богатеет за счет рабочего; что прибыль повышается только за счет заработной платы, а заработная плата только за счет прибыли; и, следовательно, что единственный способ обеспечить достойный уровень жизни - это справедливая норма использования капитала заключается в снижении цен на рабочую силу.

Эта система должна осуществляться путем создания "неограниченной конкуренции", и в чем она должна заключаться? При продаже рабочей силы; и чем сильнее эта конкуренция, тем больше будет прибыль капиталиста и тем ниже будет заработная плата рабочего. Чем сильнее конкуренция за продажу хлопка, тем дешевле будет рабочий, производящий его; и чем совершеннее монополия машин, тем дешевле должен быть рабочий, выполняющий работу по прядению шерсти и ткачеству ткани, но тем больше будет доля человека, владеющего веретенами и ткацкими станками. Чем меньше в мире веретен и ткацких станков, тем дешевле будет хлопок и дороже ткань и тем больше прибыль от того, что называется капиталом; но тем меньше будет стоимость акций в том огромном банке, из которого извлекается весь капитал, — земле; и тем беднее и порабощеннее должны быть все те, кто имеет в нем доли, и все, кто желает получить от него ссуды, — землевладельцы и рабочие. При таких тенденциях системы, нужно ли нам удивляться, что она вызывает отвращение за границей, или что Англия сейчас настолько лишена друзей — что в наш век мира, который должен быть таким просвещенным, она говорит об увеличении вооружений с целью защитить себя от вторжения и призывает другие страны на помощь? Конечно, нет. Будь иначе, это было бы замечательно. Она изгоняет весь свой народ со своей земли, и чем больше они уезжают, тем больше она радуется. "Какой бы обширной ни была эмиграция из Ирландии, которая уже имела место, существует", — говорят нам, -

"Замечательное доказательство того, что дело не зашло слишком далеко. На западе Ирландии по-прежнему нет постоянного спроса на рабочую силу, а заработная плата по-прежнему находится на том низком уровне, который был до массового голода". *Economist*, (Лондон), 12 февраля 1853г.

Опять же, нам говорят, что

"Отъезд избыточного населения высокогорий Шотландии является необходимым предварительным условием для любого рода улучшений". — Там же.

Далее нам сообщают, что эмиграция из Англии, Уэльса и низменностей Шотландии "почти полностью состояла из трудоспособных сельскохозяйственных рабочих", и что мало кто из промышленного населения эмигрировал вообще, за исключением "нескольких ткачей ручного ткацкого станка в Спиталфилдсе и Пейсли".[215] Потеря всех этих земледельцев и быстрое превращение всего населения королевства в простых покупателей и продавцов продукции других наций считаются не только не заслуживающими сожаления, но и вызывающими радость ; а другой влиятельный журнал уверяет своих читателей, что "простое ожидание" любого недостатка в вывозе людей из королевства "привело бы к самой катастрофической приостановке промышленности и предпринимательства" и что "эмиграция должна не только продолжаться, но и поддерживаться со всей возможной устойчивостью и активностью".[216]

Казалось бы, не требуется особых усилий, чтобы добиться отказа от Англии, равно как и от Ирландии. О последнем в последних журналах публикуются отчеты, ярким примером которых является следующее:

"Люди быстро покидают земли на западе Ирландии. Землевладельцы Коннахта молчаливо объединились, чтобы отсечь всех мелких оккупантов, против которых ведется регулярная систематическая война на уничтожение. * * * В этой провинции ежедневно совершаются самые душераздирающие жестокости, о которых общественность совершенно не осведомлена". - *Galway Mercury*.

В первом случае нам говорят, что

"Колесо "совершенствования" сейчас захватывает другой класс, самый стационарный в Англии. Поразительное эмиграционное движение возникло среди мелких английских фермеров, особенно с тяжелыми глинистыми почвами, которые, имея плохие перспективы на предстоящий урожай и испытывая нехватку достаточного капитала для значительных улучшений на своих фермах, которые позволили бы им выплачивать старую арендную плату, не имеют другой альтернативы, кроме как пересечь море в поисках новой страны и новых земель. Я говорю сейчас не об эмиграции, вызванной золотой манией, а только об обязательной эмиграции, вызванной землевладением, концентрацией ферм, применением машин к обработке почвы и внедрением современной системы сельского хозяйства в больших масштабах". — *Корреспонденция New York Tribune*.

Тем не менее заработная плата не растет. Сотни тысяч и даже миллионы бедняков королевства в настоящее время изгнаны, и все же "постоянного спроса на рабочую силу нет", а заработная плата остается такой же низкой, как и прежде. В том, что так должно быть, нет ничего экстраординарного, но это будет так, если это уменьшение силы ассоциации не приведет к снижению вознаграждения за труд и ускорению рассеивания работников. Каждый уходящий человек был производителем чего-либо, что ему давали в обмен на другую вещь, в которой он нуждался, произведенную другими; и с момента его отъезда он перестает быть производителем, с соответствующим уменьшением спроса на ткань, железо или соль, производимые его соседями. Чем меньше конкуренция за покупку, тем больше становится конкуренция за продажу, и тем ниже должна быть оплата труда работника. Недавно опубликованный журнал сообщает нам, что состояние одного класса рабочих, соляных котлов, "постепенно становится крайне плачевным".

"Их заработная плата в настоящее время не составляет в среднем 15 шиллингов в неделю, потому что они заняты не полный рабочий день; 2,6 шиллинга в день - это самая высокая цена, и один из этих дней состоит из четырнадцати или шестнадцати часов. В дополнение к этому, некоторые работодатели в последнее время ввели новый способ уменьшения фактической выплаты заработной платы. Как уже говорилось, солонки в течение нескольких дней требуют очистки от загрязнений и шлаков, выпадающих в процессе кипячения. Концентрация может варьироваться от одной восьмой дюйма до одного фута, в зависимости от качества рассола. Поэтому каждые две недели разводят огонь, выбирают и чистят сковородки, и этот процесс занимает целый день; и от этой неизбежной и необходимой работы становится модным требовать от мужчин выполнения без какого—либо вознаграждения вообще; или, другими словами, требовать от них одного месяца работы из двенадцати, не выплачивая взамен никакой заработной платы!" -*Dawson's Merchants' Magazine*, февраль 1853 г., стр. 98.

Чем устойчивее и активнее эмиграция сельскохозяйственных рабочих и чем больше остальная часть фабричных рабочих, тем больше должна быть необходимость зависеть от других стран в поставках, и тем меньше должна быть власть нации в сообществе наций, тем богаче должен становиться крупный производитель и беднее должен становиться рабочий; и, поскольку эта система сейчас так энергично применяется, причину слабости можно легко понять. Это естественное следствие чисто эгоистичной политики, к которой неизбежно ведут доктрины Рикардо-мальтузианства.

Может ли такая система быть естественной? Возможно ли, чтобы премудрое, всемогущее и всемилостивое Существо, создав этот мир для занятия человеком, наложило на него такое проклятие, какое содержится в системе законов, изучение которых приводит к выводу, что люди могут жить, только "вырывая хлеб изо рта" у своих собратьев? Безусловно, нет. Каковы же тогда? Чтобы получить ответ на этот вопрос, мы должны вернуться к положению, лежащему в основе британской системы, — положению, которое учит, что люди начинают работу по возделыванию плодородных почв земли, а затем вынуждены прибегать к низшим, наиболее важному в политической экономии; настолько важному, говорит м-р Дж. С. Милль, что, будь это иначе, "почти все явления производства и распределения богатства были бы иными, чем они есть".

Допустим теперь, что законы *были* иными и что вместо того, чтобы начинаться на богатых почвах, а затем переходить к бедным, они начинались на бедных почвах холмов и постепенно спускались к богатым почвам болот и речных низин, не будет ли одно из различий, на которое ссылается м-р Милль, состоять в том, что в то время как старая теория имела тенденцию устанавливать постоянное увеличение *потребностей* человека с постоянным ухудшением его положения и растущим неравенством между людьми, новая теория имела тенденцию устанавливать постоянное увеличение количества людей, нуждающихся в его *силах* при постоянном улучшении условий жизни и растущем равенстве среди людей везде, где Божьим законам было позволено контролировать их действие?

Опять же, не могло бы другое из этих различий заключаться в установлении фактов, что вместо ошибки Творца произошла серьезная ошибка экономистов, приписывающих тем маленьким кусочкам земли, которые человек превращает в повозки, корабли и паровые машины и которые он называет капиталом, значение большее, чем придается земле, столь ничтожной частью которой они являются; и что последняя была настоящим банком, источником всего капитала, из

которого он может получать ссуды в почти неограниченном объеме, при условии, что он помнит о том, что такое капитал. что они *являются* ссудами, а не подарками, и что его кредит у этого банкира, как и у всех других, не может поддерживаться без своевременного возврата взятых займы денег, когда он перестает в них нуждаться?

Далее, поскольку старая теория излагает положения, исключения из которых кажутся столь многочисленными, что каждый новый автор оказывается вынужденным каким—либо образом модифицировать ее с целью охвата этих исключений, не может ли другое различие заключаться в том, что она излагает законы, столь же универсально истинные, как законы Коперника, Кеплера или Ньютона, — законы, которые доказали свою истинность тем, что повсюду находятся в гармонии друг с другом и повсюду порождают гармонию; и разве нижеследующее не является их частью?—

I. Что бедный и одинокий человек повсюду начинает с плохой техники, и что повсюду, по мере увеличения населения и богатства, он приобретает более совершенную технику, а производство увеличивается. У первого бедного поселенца нет чашки, и он набирает воду в руку. У него нет свиней или крупного рогатого скота, чтобы добывать масло, и он вынужден полагаться на сосновые сучья для искусственного освещения. У него нет топора, и он не может срубить дерево ни для того, чтобы запастись топливом, ни для того, чтобы расчистить свою землю. У него нет пилы, и он вынужден искать укрытия под скалой, потому что не в состоянии построить себе дом. У него нет лопаты, и он вынужден обрабатывать землю, которая слишком бедна, чтобы нуждаться в расчистке, и слишком суха, чтобы требовать осушения. У него нет лошади, и он вынужден нести свой небольшой урожай зерна на плечах. У него нет мельницы, и он вынужден растирать зерно между камнями или есть его не смолотым, как делали римляне на протяжении стольких веков. С ростом богатства и населения он приобретает машины, которые позволяют ему *пользоваться* услугами различных природных агентов, которыми он окружен; и теперь он получает больше воды, больше света, больше тепла и больше энергии при меньших затратах труда; и он возделывает богатые земли, которые дают больше пищи, в то время как он перевозит ее продукты с помощью фургона или железнодорожного вагона, превращает их в муку с помощью пара и легко обменивает их с человеком, который превращает свою пищу и шерсть в ткань, или пищу и руду в железо, — и таким образом переходит из разряда бедных в разряд богатых. более совершенные механизмы производства, транспортировки и обмена с повышением вознаграждения за труд и уменьшением стоимости всех продуктов труда.

II. Что бедный поселенец отдает большую *долю* продукта своего труда на использование плохих механизмов производства, транспортировки и обмена; но поскольку продукта мало, то *количество* выплачиваемой в таком случае ренты очень мало. Он раб владельца земли или другого капитала.

III. Что с повышением производительности труда возрастает возможность воспроизводства машин, необходимых для производства воды, света, топлива и продовольствия; и что это уменьшение стоимостивоспроизводства сопровождается постоянным уменьшением стоимости всех таких машин, накопленных ранее, и уменьшением доли продукта труда, которая может быть востребована в качестве ренты за их использование; и таким образом, в то время как рабочая сила неуклонно увеличивает свою способность производить товары любого рода, необходимые человеку, капитал столь же неуклонно уменьшает свою власть над рабочим. Нынешний труд получает постоянно увеличивающуюся долю от постоянно увеличивающегося

количества, в то время как требования накоплений прошлого труда (капитала) вознаграждаются увеличивающимся количеством, но быстро уменьшающейся долей; и что, таким образом, с ростом населения и богатства наблюдается ежедневная тенденция к улучшению и равенству условий.

IV. Это увеличение *количества* землевладельцев или других капиталистов свидетельствует об увеличении *доли* рабочего и о значительном увеличении его количества при постоянно возрастающей тенденции к свободе мысли, слова, действий и торговли, и что человек становится свободным именно по мере того, как земля приобретает стоимость.

Вот система, все части которой находятся в совершенной гармонии друг с другом, и все они стремятся к установлению гармонии между различными частями общества и различными нациями земли. Под ними мы видим людей, начинающих с более высоких и бедных земель и постепенно собирающихся вместе в долинах, с устойчивой тенденцией к увеличению силы объединения и способности отстаивать право совершенного самоуправления. Таким образом, это система свободы. Численность населения позволяет мужчинам обрабатывать более богатые почвы, а количество продовольствия увеличивается быстрее, чем численность населения, что дает мужчинам досуг для развития своего разума и разума своих детей. Взрослый интеллект позволяет человеку из года в год получать все более крупные ссуды из великого банка — земли, — в то время как с увеличением диверсификации труда у него появляется все больше возможностей возвращать их путем возвращения навоза в то место, откуда была получена пища.

Вот законы, направленные на развитие добрых чувств и дающие человеку возможность полностью претворять в жизнь великий закон, лежащий в основе христианства, — поступать со своими ближними так, как он хотел бы, чтобы они поступали с ним. Это законы, чья постоянная и единообразная истинность проявляется в отношении любого описания капитала и труда и во всех сообществах мира, больших и малых, в настоящее и в прошлые времена. Будучи *законами*, они допускают исключений не больше, чем великие астрономические законы. Они признают, что весь продукт труда является собственностью работника прошлого и настоящего; первый представлен владельцем машины, а второй - человеком, который ее использует и который с каждым днем обнаруживает, что он все более и более способен накапливать средства, необходимые для того, чтобы самому стать собственником.

Английская система не признает существования универсальных законов. Согласно ей, земля, труд и капитал являются тремя орудиями производства, и они регулируются разными законами. Предполагается, что труд, когда он ищет помощи у земли, начинается с хороших машин и переходит к худшим, при постоянно возрастающей власти владельца земли; тогда как, когда он ищет помощи у паровой машины, он переходит от плохого к хорошему, при уменьшении власти владельца капитала. Таким образом, существует один свод законов для управления самой великой машиной — землей — и другой для управления всеми ее частями. В соответствии с первым предполагается, что стоимость увеличивается из-за снижения производительности труда, тогда как в соответствии со вторым предполагается, что она уменьшается из-за повышения производительности труда. Эти два явления указывают на противоположные полюса компаса, и единственный способ примирить их заключается в предположении, что по мере того, как производительная сила уменьшается с возрастающей необходимостью использования низших почв, способность накопления капитала имеет тенденцию возрастать и,

таким образом, уравнивает недостатки, возникающие из-за необходимости применять труд все менее и менее выгодно. Кто, однако, должен предоставить этот капитал? Является ли это рабочим? Он не может этого сделать, поскольку возделывает "низшие почвы" и сохраняет для себя постоянно уменьшающуюся долю постоянно уменьшающегося продукта. Это землевладелец? Его доля увеличивается, это правда, но его *количество* уменьшается по отношению к численности населения, поскольку его арендаторы вынуждены использовать менее плодородные почвы. Способность к накоплению зависит от количества времени и труда, необходимых для получения средств к существованию в настоящее время; и поскольку это количество увеличивается вместе с необходимостью прибегать к более дешевым машинам, способность приобретать машины, которые будут использоваться в помощь труду, угасает. В таком случае ясно, что если люди вынуждены, повинаясь великому закону природы, неуклонно переходить от богатых почв к бедным, дающим меньшую отдачу от труда, никакой компенсации нигде найти нельзя, и что Милль-старший был прав, когда говорил, что способность к накоплению должна прекратиться, а заработная плата упасть так низко, что люди "погибнут от нужды"; предпочитая делать это, они, конечно, продали бы себя, своих жен и детей в рабство. Из всех английских авторов, пишущих на эту тему, он единственный, у кого хватило смелости довести систему Рикардо-мальтузианства до ее необходимых выводов и провозгласить миру существование великого закона природы, *неизбежно* ведущего к разделению общества на две большие части, очень богатых и очень бедных, — господина и раба.

Таким образом, существуют две системы — одна из которых провозглашает, что люди могут процветать только за счет своих соседей, а другая, что они "процветают благодаря процветанию этих соседей" — одна, которая учит крайнему эгоизму, а другая учит тому просвещенному эгоизму, который побуждает людей радоваться успехам своих собратьев на пути к богатству и цивилизации — одна, которая ведет к внутренним раздорам и иностранным войнам, а другая учит миру, единству и братской доброте во всем мире — одна, которая учит доктрине отчаяния и смерти, а другая, которая учит радости и надежде — одна, которая направлена против — христианский во всех его тенденциях, учащий, что мы должны поступать с нашим ближним в беде так, как мы хотели бы, чтобы он поступил с нами, но что, напротив, наш долг требует, чтобы мы видели, как он страдает, не получая облегчения, от любого бедствия, за исключением "реальной смерти", и еще одно учение на каждой странице, что если отдельные люди или нации хотят процветать, они могут делать это *только* при условии выполнения в полной мере великого закона Христа — "То, что вы хотели бы, чтобы другие делали с вами, делайте и вы с ними".

Обе эти системы не могут быть истинными. Какой из них таков, предстоит решить с помощью определения великого факта, совершил ли Создатель ошибку, предусмотрев, чтобы бедный поселенец начинал с низменных и богатых земель, оставив бедные почвы холмов своим преемникам, которые получают от них постоянно уменьшающийся запас пищи, или же, в своей бесконечной мудрости, он предусмотрел, чтобы бедный человек, лишенный топора и лопаты, отправился на бедную и засушливую землю холмов, не требующую ни расчистки, ни дренажа, оставив густо поросшие лесом и болотистые земли своим богатым преемникам. Если первое, то законы Божьи стремятся к увековечиванию рабства, и английская политическая экономия верна во всех своих частях, и ее следует поддерживать. Если последнее, то является ли оно неправильным во всех своих проявлениях, и долг перед самими собой, перед своими собратьями по всему миру и перед великим Дарителем всего хорошего требует, чтобы от него отказались немедленно и навсегда.

Настало время просвещенным англичанам разобраться в этом вопросе. Когда они это сделают, им не потребуется много времени, чтобы убедиться, что каждая часть их собственного острова представляет собой доказательство того, что возделывание началось на бедных почвах, и что со дня, когда король Артур держал свой двор в отдаленной части Корнуолла, до того дня, когда был осушен Чатфилд-Мосс, люди неуклонно добывали *более продуктивные* почвы при *меньших затратах* труда, и что они не только делают это сейчас, но и что трудно оценить, как далеко это может пойти. Каждое научное открытие, как правило, способствует получению тех комбинаций веществ, которые необходимы для производства продуктов питания, обеспечивая улучшение состояния почв при меньших затратах. Каждое новое имеет тенденцию давать человеку больше возможностей распоряжаться использованием тех великих природных средств, которые предоставлены ему для служения, и давать ему возможность получать больше и лучшую пищу, больше и лучшую одежду, больше и лучшую комнату в доме в обмен на меньшее количество труда, оставляя ему больше времени для совершенствования своего ума, для образования своих детей и для наслаждения теми развлечениями, которые, как правило, делают жизнь приятной. Обратная сторона всего этого видна в английской системе. Чем многочисленнее открытия в науке и чем больше человек распоряжается мощными природными средствами, данными для уменьшения объема труда, тем тяжелее и нескончаемое становится его труд, тем меньше становится его запасов пищи, тем беднее становится его одежда, тем более убогим становится его жилище, тем меньше времени можно уделять совершенствованию своего ума, тем более варварскими вырастают его дети, тем больше его жена вынуждена работать в поле и тем меньше у него остается времени для удовольствий; — как свидетельствуют все те страны, над которыми Англия ныне осуществляет господство, и как свидетельство столь великого оценить нынешнее состояние ее собственного народа, как это показано ее собственными авторами, цитированными в предыдущей главе.

Эгоизм и христианство не могут идти рука об руку, как не могут идти эгоизм и национальное процветание. Со стороны народа Англии является чисто эгоистичным желание помешать народам различных стран мира извлекать выгоду из своих природных преимуществ, будь то уголь, железная руда, медь, олово или свинец. Это вредно для них самих, потому что делает их соседей бедными, в то время как они подвергаются огромным расходам в попытке удержать их от восстания против налогообложения. Они содержат огромные флоты и армии, затрачивая огромные средства, с целью поддержания системы, которая разрушает их клиентов и их самих; и это они должны продолжать делать до тех пор, пока будут придерживаться доктрины, которая учит, что единственный способ обеспечить справедливое вознаграждение капиталу - это удерживать цену труда на низком уровне, потому что это приводит к раздорам и рабству за границей и дома; тогда как при мире, надежде и свободе им не понадобились бы ни флоты, ни армии.

Именно к стране Хэмпден и Сидни мир *должен* иметь возможность обращаться за советом по всем вопросам, затрагивающим дело свободы; и именно к ней все *обращались бы*, если бы ее государственные деятели заставили себя понять, насколько разрушительной для нее и для них является система централизации, которую она сейчас стремится установить. Как бы то ни было, рабство растет во всех странах, находящихся под ее контролем, а свобода не растет ни в одной стране мира, кроме тех, которые защищают себя от ее системы. Настало время, чтобы просвещенные и либеральные люди Англии изучили причину этого факта; и когда бы они ни сделали это, они найдут готовое объяснение растущему пауперизму, безнравственности, унынию и рабству в своей собственной стране; и тогда им будет нетрудно понять, что защитные

тарифы всех развивающихся наций Европы являются всего лишь мерами сопротивления системе огромного угнетения, и что именно в этом направлении народу этой страны следует искать *истинный и единственный путь к свободе торговли и свободе человека*.

Таким людям пора спросить себя, может ли их коммерческая политика каким-либо образом помочь делу свободы за границей или дома. Народам мира рассказывают о "свободных и счастливых людях" Англии; но когда они обращаются к этой стране, чтобы убедиться в преимуществах свободы, они сталкиваются с ужасающим пауперизмом, вопиющей безнравственностью, детоубийством в масштабах, неизвестных ни в одной другой части цивилизованного мира, и неуклонно растущим разделением людей на два больших класса — очень богатых и очень бедных — со всеобщей тенденцией "бежать от известных им бед" в надежде обрести за границей комфорт и счастье, в которых им отказано дома. Может ли это принести пользу делу свободы? Народам рассказывают о просвещенном характере британского правительства, и все же, когда они смотрят на Ирландию, они не видят ничего, кроме нищеты, голода и мора, которые закончатся полным уничтожением нации, давшей самой Англии многих из ее самых выдающихся людей. Если они посмотрят на Индию, то не увидят ничего, кроме нищеты, эпидемии, голода и рабства; а если они обратят свои взоры на Китай, то увидят, что вся мощь нации направлена на то, чтобы заставить великий народ подчиниться мошенническому внедрению товара, внутреннее производство которого запрещено из-за его разрушительного воздействия на мораль, счастье и жизнь общества.[217]

— Народам говорят, что Англия

"Это убежище народов, и что оно *будет защищать убежище до последней унции своих сокровищ и последней капли своей крови*. "Нет, - продолжает *The Times*, - ни одного пункта, которым мы гордились бы больше или решительнее".

Тем не менее, когда они смотрят на страны Европы, которые предоставляют беженцам, претендующим на место в этом убежище, они видят, что Англия повсюду работает над тем, чтобы помешать людям получить средства для повышения себя на социальной лестнице. До тех пор, пока они будут продолжать заниматься исключительно сельским хозяйством, они должны оставаться бедными, слабыми и поработоченными, и их единственная надежда на улучшение - это объединение ткацкого станка и плуга, которое дало Англии ее свободу; и все же Англия повсюду является их противником, стремящимся уничтожить силу ассоциации. Народам рассказывают о громадном усовершенствовании техники, с помощью которой человек может призвать себе на службу великие силы природы и таким образом улучшить не только свое материальное, но и интеллектуальное состояние; но когда они смотрят на колонии и союзников Англии, они повсюду видят упадок интеллекта; а когда они смотрят на независимые страны, они видят, что вся ее мощь направлена на то, чтобы помешать им делать что-либо, кроме обработки земли и истощения почвы. Настало время просвещенным англичанам внимательно присмотреться к этим вещам и ответить самим себе, продвигают ли они таким образом дело свободы или нет. То, что это не так, должно быть ответом каждого такого человека. Получив ответ на этот вопрос, они должны будут посмотреть, в каком направлении лежит путь долга; и им повезет, если они смогут увидеть, что интерес и долг могут сопровождать друг друга.

Следует отдать должное женщинам Англии за то, что они поставили этот вопрос перед миром. Это тот вопрос, который должен представлять для них глубочайший интерес. Везде, где мужчина не в состоянии обзавестись машинами, он вынужден зависеть от простого грубого

труда; и тогда он настолько беден, что его жена вынуждена помогать ему в полевых работах, что приводит к ее собственному унижению и пренебрежению своим домом, мужем, детьми и самой собой. Тогда она самая угнетенная из рабынь. По мере того как мужчины обзаводятся машинами, они овладевают великими природными силами, и ум постепенно заменяет физическую силу; и тогда труд в поле становится более производительным, а женщина переходит от работы на улице к работе в доме, и с каждым шагом в этом направлении она получает возможность уделять больше внимания своим детям, мужу и самой себе. Из рабыни и матери рабынь она превращается в свободную женщину, мать свободных дочерей и наставницу тех, к кому следующее поколение будет обращаться за наставлениями.

Английская система направлена на то, чтобы приковать женщин всего мира к полевым работам, и таков ее эффект повсюду. Таким образом, это выглядит как унижение и порабощение их самих и их детей. Другая надеется на их освобождение от рабства и на их возвышение по социальной лестнице; и женщины, так же как и мужчины Англии, вряд ли могут не считать своим долгом исследовать основания, на которых основана их политика, и убедиться, если это возможно, что есть какая-то правда в системе, которая повсюду стремится к производству рабства и, следовательно, к поддержанию работорговли во всем мире.

СНОСКИ:

[1] Вест-Индия Эдвардса, том i, стр. 255.

[2] "Анналы торговли Макферсона", том iii. 575.

[3] "Анналы торговли" Макферсона, том iv. 155.

[4] Колониальная библиотека Мартина, Вест-Индия, том i. 90.

[5] Макферсон, том iv. 155.

[6] Там же.

[7] Вест-Индия Монтгомери, том ii. 114

[8] Макферсон, том iv. 155, 228.

[9] Макферсон, том iv. 155.

[10] Экспорт в зарубежную Вест-Индию с 1783 по 1787 год оценивается Макферсоном почти в 20 000 долларов.

[11] Причины этих сокращений будут показаны в следующей главе.

[12] Макферсон, том iv. 144.

[13] "Мыс и кафры", Харриет Уорд, Лондон, 1852.

[14] Заметки о Ямайке в 1850 году, стр. 64.

[15] Там же. 68.

[16] Состояние и перспективы Ямайки.

[17] Корентайн.

[18] Восточный берег реки Бербице.

[19] То же самое с Западом.

[20] Западное побережье Бербисе.

[21] Перспективное обозрение, ноябрь 1852, 504.

[22] Кельт, римлянин и саксонец, Томас Райт, стр. 87.

[23] Там же. стр. 56.

[24] Там, где население и богатство уменьшаются, богатые почвы забрасываются, и люди уходят на более бедные, как видно на примере заброшенности дельты Египта, Кампаньи, долины Мексики и долин Тигра и Евфрата.

[25] Сама земля Англии стала и продолжает становиться все более консолидированной, причина чего будет показана в одной из будущих глав.

[26] Далласская история маронов, том i, страница с.

[27] Макферсон, том iii. 394.

[28] Там же. 574.

[29] Там же. том iv. 255.

[30] Далласская история маронов, том i. cvii.

[31] Там же. резюме.

[32] Далласская история маронов, том ii. 358.

[33] См. стр. 14, *ante*.

[34] "Шесть месяцев в Вест-Индии" Кольриджа, 131.

[35] См. страницы 71-2, *ante*.

[36] Вест-Индия Мартина.

[37] История цен Тука, том ii. 412.

[38] Читатель, который, возможно, пожелает увидеть полную демонстрацию этого закона, может сделать это, обратившись к книге автора "Принципы политической экономии", том i, глава V.

[39] Бигелоу, Заметки, 129.

[40] Там же, 31.

[41] Там же, 69.

[42] Бигелоу, 125.

[43] Речь мистера Джеймса Уилсона, 10 декабря 1852 года. По тому же поводу было заявлено, что "низшие слои общества" ежедневно "отбрасывают всякую порядочность", в то время как "высший класс, похоже, потерял всякую надежду", и что губернатор, сэр Чарльз Грей, "описал ситуацию как идущую от плохого к худшему". Cholera унесла, как было заявлено, 40 000 человек.

[44] Следующий случай очень ярким образом иллюстрирует ценность, которая придается вещам, которые должны быть растрочены впустую среди населения, занимающегося исключительно сельским хозяйством, — и это всего лишь один из тысяч, которые можно привести:

ДЛЯ ЧЕГО МОГУТ ПРИГОДИТЬСЯ СТАРЫЕ КОСТИ И КУСОЧКИ КОЖИ?— Как придать красоту старым костям и кусочкам кожи, стоящим копейки, - это проблема, которую французские производители желатина решили очень красиво. Помнит ли читатель несколько великолепных листов цветного желатина во французском отделе Великой выставки? Мы обязаны ими парижским бойням. Эти заведения настолько хорошо организованы и управляются, что весь мусор тщательно сохраняется, чтобы его можно было использовать для любых целей, для которых это может быть сочтено подходящим. Очень чистый желатин получают из отходов кожи, костей, сухожилий, лигатур и студенистой ткани животных, забитых в парижских *аббатствах*, и из тонких пластов этого желатина получают очень насыщенные и красивые цвета. В виде желеобразной жидкости, расплавленный, он используется для заправки тканых изделий и осветления вина; а в твердом виде его нарезают на нити для декоративного использования кондитерами или превращают в очень тонкие белые листы *папье-маше* для копирования, рисования или наносят на изготовление искусственных цветов, или используют в качестве заменителя бумаги, на которой может быть выполнена золотая печать. По правде говоря, когда бык дает нам нашу говядину, нашу кожу и наш жир, его карьера полезности ни в коем случае не заканчивается; мы можем получить от него ни пенни, пока хоть крупница его вещества остается на поверхности — *Бытовые слова*.

[45] Поверхностная площадь штата составляет 64 000 квадратных миль, что больше, чем у Англии, и вдвое больше, чем у Ирландии.

[46] Деспотизм в Америке, 127.

[47] Коммерческий обзор Де Боу, новая серия, том ii. 137.

[48] Производитель табака "испытывает унижение, видя, что его табак, купленный у него под залог в шесть пенсов, облагается пошлиной в три шиллинга и, следовательно, обходится брокеру всего в 3,6 шиллинга, а продается в магазинах Лондона по десять, двенадцать и шестнадцать шиллингов". (Индейка Уркварта, 194.) Тот же автор сообщает своим читателям, что торговцы табаком были сильно встревожены, когда было предложено снизить пошлину, потому что тогда каждый, у кого есть капитал в 10 фунтов стерлингов, мог бы открыть магазин. Раб, работающий на табачном производстве, является одним из крупнейших налогоплательщиков, оплачивающих содержание иностранных торговцев и иностранных правительств.

[49] Statistique de l'Agriculture de la France, 129.

[50] Ресурсы Турции Уркварта, 179.

[51] Эквивалентно небольшим портовым сборам, стоимость якорной стоянки составляет всего шестнадцать центов с судна.

[52] "Торговая картина Греции" Божура, цитируемая Урхартом, 47.

[53] Урхарт, 150.

[54] Недавний судебный процесс в отношении турецкого займа является поразительной иллюстрацией истощающего воздействия системы, которая полностью ориентирована на экспорт необработанных продуктов земли и, таким образом, ведет к разорению почвы и ее владельца.

[55] Урхарт, 257.

[56] Там же. 202.

[57] Турция и ее судьба, К. Мак Фарлейн, эсквайр, 1850.

[58] Мак Фарлейн, том i, 46.

[59] Мак Фарлейн, том. ii, 242.

[60] Там же. 296.

[61] Там же. том i. 37.

[62] История Британской Индии, том i. 46.

[63] Исторические фрагменты, 402.

[64] "Страна была опустошена огнем и мечом, и эта земля, выделявшаяся среди большинства других жизнерадостным ликом братского правительства и защищенным трудом, избранным местом возделывания и изобилия, теперь почти на всем протяжении представляет собой унылую пустыню, покрытую камышом и шиповником, а также джунглями, полными диких зверей. * * * Повсеместное, систематическое нарушение международных договоров, которое сделало британскую веру притчей во языцех на Востоке! Эти предполагаемые мятежи являются одним из постоянных ресурсов Компании. Когда считается, что деньги где-то припрятаны, их владельцев повсеместно обвиняют в мятеже, пока они не будут немедленно оправданы за свои деньги и государственную измену! Деньги однажды взяты, все обвинения, суды и наказания прекращаются". —*Речь по поводу законопроекта Фокса о Восточной Индии.*

[65] Цитируется в "Лекциях Томпсона об Индии", 61.

[66] Полковник Сайкс утверждает, что доля собранного в Декане намного меньше, чем указано выше

[67] Рикардс, том i. 288.

[68] Том ii. 218.

[69] Рикардс, том i. 500.

[70] Там же. 559.

- [71] Там же. 558.
- [72] Там же. 558.
- [73] "Современная Индия" Кэмпбелла, Лондон, 1852, 356с.
- [74] Современная Индия Кэмпбелла, 357.
- [75] История хлопчатобумажной мануфактуры Бейнса.
- [76] "Современная Индия" Кэмпбелла, 332.
- [77] Там же. 381.
- [78] "Современная Индия" Кэмпбелла, 105.
- [79] Прогулки по Индии, автор: полковник. Слимман, том i, стр. 296.
- [80] Речь мистера Г. Томпсона в Палате общин.
- [81] См. страницу 133 *ante*.
- [82] "Торговля и хлопок Индии" Чепмена, 74.
- [83] Чепмен, Хлопок и торговля Индии, 28.
- [84] Если брать последние шесть из тринадцати лет, то цена хлопка составляла 2 доллара за фунт, и если урожай пчелиной биги составлял 6,6 доллара за фунт, то правительство забирало шестьдесят восемь процентов. из валового продукта; и если взять два года, 1841 и 1842, то хлопок стоил 1-3 / 4 д. за фунт, а урожайность пчелиного стада составляла 5,8 д. за фунт. При этом оценка фактически равнялась семидесяти восьми процентам. о валовом продукте земли.—
Речь мистера Брайта в Палате общин.
- [85] Торговля Чепмена и хлопок Индии, 110.
- [86] Чэпмен, 167.
- [87] Бродяги, том i. 205.
- [88] Там же. 268.
- [89] Там же. том ii. 147.
- [90] Там же. 153.
- [91] Там же. 185.
- [92] Там же. 199.
- [93] Чэпмен, 97.
- [94] Лекции Томпсона об Индии, 57.
- [95] Там же. 185.

[96] Чэпмен, 22 года.

[97] Там же, 25.

[98] Прогулки по Индии, том ii. 109.

[99] Современная Индия, 394 г.

[100] Томпсон, Лекции по Индии, 25.

[101] Утверждается, что разрушение жизни в Китае в результате расширения рынка индийской продукции составляет не менее 400 000 человек в год. Как христиане относятся к этой торговле в самой Индии, можно видеть из следующего отрывка из обзора, недавно опубликованного в "Бомбейском телеграфе", статей о ней, опубликованных в журнале Hunt's Merchants ' Magazine, в котором этот обзор сейчас переиздается:

"Что правительство, исповедующее христианство, должно своей единственной властью и под свою единственную ответственность производить наркотик, который является не только контрабандой, но и по существу наносит ущерб высшим интересам человечества; что оно должно ежегодно получать в свою казну кроры рупий, которые, если они не могут быть названы "ценой крови", если не считать слишком распушенной фигуры, все же очевидно, что это цена физического истощения, социальной убогости и морального разрушения китайцев; и все же, что никакие постоянные протесты прессы, светской или духовной, ни со стороны общества, выступить против несправедливой системы, несомненно, является удивительным фактом в истории нашей христианской этики.

"Американец, привыкший выслушивать от нас страстные аргументы против своей собственной нации по поводу рабства, вполне мог бы быть прощен, если бы он сказал нам с несколько несдержанным чувством: "Врач, исцели себя сам", и с горечью разоблачил ужасную непоследовательность яростного осуждения Британией американского рабства, в то же время самыми смертоносными мерами способствуя деморализации Китая".

Обзор, посвященный растрате человеческой жизни, заканчивается следующим образом:-.

"Какое беспрецедентное разрушение! Жертвы, принесенные в жертву индийским Джаггернаутом, меркнут перед ним! Мы еще раз повторяем, что ничто, кроме рабства, не достойно сравнения по своим ужасам с этой чудовищной системой беззакония. Когда мы пишем, мы поражены чудовищностью его беспринципности и значительной степенью его разрушительности. Кажется, что сама его чудовищность в какой-то мере защищает его. Если бы это было незначительное зло, кажется, что с ним можно было бы бороться. Как бы то ни было, оно находится за пределами нашего понимания. Никаких слов недостаточно, чтобы разоблачить его зло, никакое пламя негодования не является достаточно яростным, чтобы взорвать его.

"Огромное богатство, которое это приносит в нашу казну, является его единственным оправданием, приветствия поработанных пороком негодяев - единственным желанием; проклятия всего морального и добродетельного в империи с населением в триста шестьдесят миллионов человек сопровождают его введение; молитвы просвещенных христиан осуждают его ход; негодование всех праведных умов - его единственная "Божья поддержка".

"Она уносит с собой огонь и меч, резню и смерть; она оставляет после себя обанкротившиеся состояния, идиотизированные умы, разбитые сердца и загубленные души. Враг всех интересов человечества, враждебный скудным земным добродетелям; и воюющий против безграничной благосклонности небес, пусть нам вскоре придется радоваться ее отмене!"

[102] Кэмпбелл, 390.

[103] Там же. 393.

[104] Кэмпбелл, 384.

[105] Там же. 377.

[106] Кэмпбелл, 359.

[107] Там же. 332.

[108] Там же. 345

[109] Чепмен о торговле Индии, 88.

[110] Журнал Лоусонз Мерчантс, январь 1853 г., 58.

[111] Там же. 51.

[112] См. стр. 140, *ante*.

[113] Визит Бэкхауса на Маврикий, 35.

[114] Опасность вмешательства, даже с самыми благими намерениями, когда оно не сопровождается знанием, таким образом, показана тем же автором, говоря о Мадагаскаре:—

"Королева ведет ужасные войны против других частей острова, в ходе которых все заключенные мужского пола выше определенного роста предаются смерти, а остальные превращаются в рабов. Это она может осуществить с помощью постоянной армии, которую британцы рекомендовали сохранить ее предшественнице Радаме. * * Как прискорбно размышлять о том, что британская нация, имея благое намерение отменить работорговлю, должна была укрепить деспотическую власть и уступить место всем угнетающим и обезлюдившим результатам, поощряя военное искусство вместо мирного!" —Стр. 24.

[115] Лекции Томпсона о Британской Индии, 187.

[116] Журнал Lawson's Merchants' Magazine, январь 1853 г., 14.

[117] "Ямайка в 1850 году" Бигелоу, 17.

[118] Софизмы свободной торговли, Дж. Барнард Байлз, эсквайр

[119] Речь мистера Т. Ф. Мигера, 1847г.

[120] Следующий абзац из ирландского журнала поразительно демонстрирует объем политической свободы, которой пользовались на месте этих выселений:—

"Лорд Эрн провел свое ежегодное шоу в Баллиндристе в понедельник, 25-го по счету, и после того, как, как он, как обычно, высказался по сельскохозяйственным вопросам, он продолжил читать собравшимся арендаторам лекцию о необходимости безоговорочного повиновения тем, кто поставлен над ними, имея в виду не только практическое сельское хозяйство, но и избирательное право. Тем арендаторам, которых его светлость считал достойными и которые доказали это, проголосовав за сэра Эдмунда Хейса и Томаса Коннолли, эсквайра, - 15 процентов. было бы разрешено полностью — тем, кто разделит свои голоса между тем или иным из этих джентльменов и Кэмпбеллом Джонстоном, эсквайром, 7-1/2 процента; но мужчинам, у которых хватило мужества "набить цену" за Джонстона, никакое снижение арендной платы не будет разрешено в этом году или в любом другом, пока такие партии не восстановят свою репутацию на следующих выборах ". —*Cork Examiner*, 8 ноября 1852 г.

[121] Торнтон о перенаселении, 248.

[122] Там же. 250.

[123] Маккалох, Статистика. Акт Британской империи, том I. 315.

[124] Газета "Таймс", 7 июня 1844г.

[125] Отчет Комитета по эмиграции горцев за 1841 год.

[126] Лекции о социальном и моральном состоянии людей, читаемые различными служителями Евангелия. Глазго.

[127] См. стр. 71, *ante*.

[128] Кей "Социальное положение Англии и Европы", том i. 70

[129] Там же. 359.

[130] Кей "Социальное положение Англии и Европы", том 1, 183.

[131] Недавно в Палате лордов было объявлено важным сохранить Канаду на том недвусмысленном основании, что это значительно облегчает контрабанду.

[132] Элтон Локк.

[133] Лорд Эшли сообщает нам, что только в Лондоне насчитывается 30 000 таких бедных детей.

[134] Отчеты Комиссии по здравоохранению городов, том i. 127.

[135] Журнал "Городская миссия", октябрь 1847г.

[136] См. стр. 224, *ante*.

[137] Импорт в 1850 году составил 103 713 фунтов, а в 1852 году - 251 792 фунта

[138] Читателя, который, возможно, пожелает увидеть это более полно, отсылают к работе автора "Прошлое, настоящее и будущее".

[139] См. стр. 59, *ante*.

[140] "Принимая во внимание обстоятельства, при которых большинство ирландских землевладельцев приобрели свои поместья, разницу между их религиозными догматами и догматами их арендаторов, особые условия, на которых последние владеют своими землями, и политическое состояние страны, можно усомниться в том, что их проживание принесло бы какие-либо значительные преимущества. * * * На самом деле рассматриваемый вопрос относится просто к *расходу* доходов и не имеет ничего общего с улучшением состояния поместий; и, несмотря на все, что было сказано об обратном, я еще не убежден, что прогулы в этом отношении вообще вредны". — *Принципы*, с. 157.

[141] Тракаты и эссе на темы, связанные с экономической политикой.

[142] Чепмен, Министерство торговли Индии.

[143] В течение всего этого времени наблюдался значительный рост импорта продовольствия из Ирландии; и это, конечно, составляло часть местной продукции, экспортируемой в виде мануфактурных изделий, вся выручка от которых должна была оставаться на родине. С 1846 года перемены в этой стране были настолько велики, что сейчас она является крупным импортером иностранного зерна. Официальный отчет за 1849 год показывает уменьшение собранного количества по сравнению с 1844 годом не менее чем на 9 304 607 четвертаков; и вместо того, чтобы отправить в Англию, как она привыкла делать, более трех миллионов четвертаков, она импортировала в том году и в следующем более миллиона. Этот дефицит пришлось восполнять из—за границы, и таким образом Соединенное Королевство превратилось из продавца четырех или пяти миллионов четвертаков — скажем, около 40 миллионов наших бушелей, - из которых оно сохраняло *выручку*, в простого лавочника, который сохраняет только *прибыль* от того же количества. Аналогичное положение вещей можно было бы продемонстрировать в отношении многих других продуктов, перечисленных выше.

[144] в 1834 году мистер Маккалох оценил урожай земли Великобритании в 146 миллионов, но в то время пшеница оценивалась в 50 центов. На четверть или почти наполовину больше, чем в среднем за последние два-три года. Легко можно найти другие, более масштабные расчеты; но было бы трудно определить, что происходит с продуктом, если его не найти в виде ренты, прибыли фермеров или заработной платы рабочих.

[145] Ссылаясь на отчет помощника комиссара, которому поручено расследование положения женщин и детей, занятых в сельском хозяйстве, можно увидеть, что о смене одежды, по-видимому, не может быть и речи. Верхние части нижнего белья работающих женщин, даже их жилеты, быстро намокают от пота, в то время как нижние части не могут избежать намокания в равной степени практически при любом виде работы, на которой они заняты, за исключением самой сухой погоды. Нередко случается, что женщина, вернувшись с работы, вынуждена лечь спать на час или два, чтобы дать высохнуть своей одежде. Также нет ничего необычного в том, что она, если не сделает этого, снова надевает их на следующее утро, почти такие же мокрые, как когда она их снимала.

[146] *Лондонские лейбористы и лондонская беднота*.

[147] Доходность импорта в Великобританию приводится в соответствии с официальной стоимостью, установленной более века назад, и, таким образом, сумма стоимостей является точной мерой импортированных количеств.

[148] Читатель заметит, что из всех машин Англии лишь небольшая часть требуется для *принудительной* внешней торговли, которая производится таким образом.

[149] В недавнем меморандуме из Бомбея утверждается, что все ассигнования на образование десяти миллионов человек в Западной Индии составляют всего 12 500 фунтов стерлингов, или 60 000 долларов, что составляет шесть центов на каждые десять человек.

[150] Северобританское обозрение, ноябрь 1852г.

[151] Эдинбургское обозрение, октябрь 1849 г. Курсивом выделены данные рецензента.

[152] См. стр. 160, *ante*.

[153] Журнал Lawson's Merchants, декабрь 1852г.

[154] Сениор, Очерки политической экономии, 152.

[155] Во время недавней дискуссии в Лондонском статистическом обществе земля в Англии оценивалась в тридцать лет, дома - в пятнадцать, а земля в Ирландии - в восемнадцать.

[156] Эта оценка покажется очень незначительной по сравнению с теми, которые делаются обычно, но она равна общему производству земли и рабочей силы страны за полтора года, если не за более длительный период; и было бы трудно доказать, что, если бы весь труд и капитал страны были применены для этой цели — продовольствие и одежда поставлялись из-за границы, — она не смогла бы произвести количество товаров, равное по стоимости тем, которые сейчас накоплены в Англии. Однако даже если бы речь шла о сумме в тысячу миллионов, сумма богатства все равно была бы небольшой, учитывая обстоятельства данного дела.

[157] См. страницу 105 *ante*.

[158] В последнем номере журнала the Bankers ' Magazine опубликованы отчеты двух банков, совместные капиталы и зарезервированные фонды которых составляют около 200 000 фунтов стерлингов, а инвестиции - около миллиона!— и это, казалось бы, примерно обычное положение дел в большинстве английских банков.

[159] Журнал для банкиров, сентябрь 1852 г.

[160] Сумма расходов на английские железные дороги оценивается в две-три сотни миллионов фунтов стерлингов; и все же действительными инвестициями были только затраты труда, затраченные на укладку дорог, строительство мостов, прокладку туннелей и выплавку чугуна; и если мы примем это за 8000 фунтов стерлингов за милю, то получим только 54 миллиона. Весь остаток был просто передачей уже существующей собственности от одного владельца другому, как в случае с землей, которая в некоторых случаях стоила десять или двенадцать тысяч фунтов за милю.

[161] См. стр. 240, *ante*.

[162] Северобританское обозрение, ноябрь 1852г.

[163] Эта тенденция прослеживается в большинстве книг, посвященных этой системе. Таким образом, мистер Маккалох настаивает на благотворном влиянии *страха* перед налогообложением, как будет видно из следующего отрывка:—

"К желанию подняться в мире, заложенному в груди каждого человека, увеличение налогов усиливает страх оказаться низведенным до более низкого положения, быть лишенным удобств и удовольствий, которые привычка сделала практически необходимыми, — и совместное влияние двух принципов приводит к результатам, которые не могли быть достигнуты без помощи ни того, ни другого".

Это всего лишь плетъ надсмотрщика над рабами в другой форме.

[164] Бартер, Дорп и Вельд.

[165] Оценивая средние затраты на воспитание мужчин и женщин всего в 1000 долларов КАЖДОМУ, нынешний принудительный вывоз равен отправке за границу капитала в четыреста миллионов долларов, отдачи от которого ожидать не приходится.

[166] Недавнее движение этого института по повышению процентной ставки является ярким примером его могущества и отсутствия здравого смысла, необходимого для его применения. В течение двух прошедших лет банк помогал повышать цены, но теперь он желает снизить их, причем за счет, неизбежно, более слабых слоев населения, поскольку богатые всегда могут позаботиться о себе сами. Вся тенденция его деятельности направлена на то, чтобы сделать богатых богаче, а бедных беднее. Сэр Роберт Пил взялся регулировать огромную машину, но его план с этой целью провалился, потому что он совершенно неправильно понял причину зла и, конечно же, применил неправильное средство. Это было то, что могло бы только усугубить беду, как он вряд ли смог бы не заметить, если бы изучил предмет с той тщательностью, которой заслуживала его важность.

[167] Страница 230, *начало*.

[168] Глава VII. *начало*.

[169] Послание президента Робертса, декабрь 1849 г.

[170] Лекция Дэвида об отношениях свободного и рабского труда, Кристи, стр. 46.

[171] Социальное положение и образование народа Англии и Европа, i. 256.

[172] Handbuch der Allgemeinen Staatskunde, vol. ii. 5, quoted by Kay, vol. i., 120.

[173] До недавнего времени прирост населения Великобритании был несколько выше, чем у Пруссии, причем у первой прирост составлял 1,95 процента. в год, а второй - 1,84; но темпы

роста первого в последнее время значительно снизились, и теперь, вероятно, прекратился любой рост.

[174] Die Agrarfrage.

[175] Etudes sur l'Economie Politique.

[176] Страница 51, *начало*.

[177] Ни в какой другой стране, кроме Англии, редактор ежедневного журнала не стал бы навязывать своим читателям по всему королевству целые колонки, заполненные именами лиц, присутствующих на частном приеме, и нарядами дам. Там, где централизация достигла такого уровня, нам вряд ли стоит удивляться, узнав, что на население более семнадцати миллионов человек приходится всего одна *платная* ежедневная газета.

[178] Сельская и домашняя жизнь в Германии, 27.

[179] Картины из Санкт-Петербурга, Э. Джеррманн, 22.

[180] Фотографии из Санкт-Петербурга, 23.

[181] Утверждается, что груз корабля, который недавно вышел в море, состоял из более чем тысячи женщин.

[182] "Дания и герцогства" Лэйнга, Лондон, 1852, 299.

[183] Цитируется Кэем, Социальное и политическое состояние Англии и Континента, том i. 91.

[184] Дания и герцогства, 42.

[185] Там же. 136.

[186] Дания и герцогства, 368.

[187] Там же. 394.

[188] Там же. 388.

[189] Дания и герцогства, 362.

[190] Дания и герцогства, 294.

[191] Дания и герцогства, 269.

[192] *Эспань* в 1850 году, номинал М. Морис Блок, 145.

[193] Там же, стр. 157-159.

[194] Байярд Тейлор в газете "*Нью-Йорк Трибюн*".

[195] *L'Espagne en 1850*, 160.

[196] Испания, ее институты, ее политика и ее общественные деятели, автор С. Т. Уоллис, 341.

[197] Точная сумма, указанная М. Блоком, составляет 2 194 269 000 франков, но он не указывает, в каком году был произведен возврат.

[198] Согласно официальному документу, опубликованному в 1849 году, выясняется, что в то время как пшеница продавалась в Барселоне и Таррагоне (местах потребления) в среднем более чем за 25 франков, цена в Сеговии, в Старой Кастилии (месте производства), расположенном на расстоянии не более 300 миль, была менее 10 франков за то же количество.—*L'Espagne en 1850*, 131.

[199] Северобританское обозрение, ноябрь 1852 г., ст. *Современный исход*.

[200] М. де Йоннес, цитируется г-ном Уоллисом, стр. 295.

[201] Испания Уоллиса, глава ix.

[202] Поразительным свидетельством пагубного морального эффекта, производимого системой, нацеленной на превращение всех других наций мира в простых фермеров и плантаторов, является то, что м—р Мак-Грегор в своей работе по коммерческой статистике, говоря о Метуэнском договоре, "мы не отрицаем, что были преимущества в том, что у нас был рынок сбыта нашей шерсти в Португалии, особенно один, из которых, если не главный, заключался в возможности последующей контрабандной отправки ее в Испанию". - Т. ii. 1122.

[203] В первой половине этого периода экспорт был небольшим, тогда как в последний, с 1836 по 1840 год, он, должно быть, превышал рост населения.

[204] С 1842 по 1845 год средний урожай составил 2 250 000 тюков, или на полмиллиона больше, чем в среднем за четыре предыдущих года. С 1847 по 1850 год средний объем составил всего 2 260 000 тюков, и цена выросла, чего могло бы и не быть, если бы работоторговля была такой же оживленной между 1840 и 1845 годами, как между 1835 и 1840 годами.

[205] Информацию о продаже негров из производственной компании "Салуда" смотрите на странице 108, *предварительно*.

[206] Следующий отрывок из одного из журналов того времени заслуживает внимательного прочтения теми, кто желает понять действие нынешней системы налоговых сборов, в соответствии с которой фабрики и печи страны в значительной степени были закрыты, а фермеры и плантаторы страны в значительной степени были изгнаны в Нью—Йорк для совершения всех своих обменов:-

"Мистер Матселл [начальник полиции Нью-Йорка] сообщает нам, что за шесть месяцев, закончившихся 31 декабря 1852 года, за различные правонарушения был арестован 19 901 человек, что дает ежегодную цифру почти в 40 000 арестов. * * * Число арестованных, равное 40 000 или около того, при населении, скажем, в 600 000 человек, дает процент 6,6 от общего числа жителей. У нас нет данных для оценки состояния преступности в Париже при императорском режиме; но в Лондоне отчеты столичной полиции за 1850 год показывают 70 827 арестов на население примерно в два с половиной миллиона человек, что составляет менее трех процентов от общего числа жителей. Таким образом, преступления в Нью-Йорке совершаются более чем в два раза чаще, чем в Лондоне. Действительно, если мы должным образом примем во внимание повышенную бдительность и организованность столичной

полиции Лондона, а также печально известную неэффективность наших собственных полицейских сил, мы, вероятно, обнаружим, что по отношению к численности населения в Нью-Йорке в два раза больше преступлений, чем в Лондоне. Это ужасающий факт, позорное разоблачение". — *"Нью—Йорк Геральд"*, 21 марта 1853 г.

[207] Северобританское обозрение, ноябрь 1852г.

[208] См. "Хижину дяди Тома", гл. xxxi.

[209] Письма достопочтенного У. Э. Гладстона лорду Абердину, 9, 10, 12.

[210] Преподобный Сидни Смит.

[211] См. стр. 109, *ante*.

[212] Обычно предполагается, что путь к свободе лежит через удешевление продуктов рабского труда; но читатель может легко убедиться, что именно в этом направлении лежит рабство. Свобода растет вместе с растущим богатством, а не с растущей бедностью. Увеличение затрат на содержание рабов и, таким образом, *повышение ценности человека дома* приводит именно к тому эффекту, который ожидался от другого способа производства, потому что стоимость земли и ее продуктов растет быстрее, чем стоимость той части рабочей силы негра, которую можно получить от него как от раба, то есть без выплаты заработной платы.

[213] См. стр. 280, *ante*.

[214] Следующий отчет об операциях за прошедший год дополняет картину, представленную в главе IV:

"Отчетная таблица, подготовленная по распоряжению Палаты Собрания Ямайки, в которой представлены владения на этом острове, "на которых обработка земли была полностью или частично прекращена с 1 января 1852 года", представляет в поразительном свете одно из многих пагубных последствий, последовавших за мерами по эмансипации негров в Британской Вест-Индии. Отчет, датированный 27 января 1853 года, показывает, что 128 сахарных плантаций были полностью заброшены в течение года и 71 частично; из кофейных плантаций 96 были полностью и 56 частично заброшены; из загородных мест - резиденций плантаторов или их агентов — 30 были полностью и 22 частично заброшены. Имущество, таким образом, почти или полностью разрушенное непродуманным законодательством британского парламента, занимает площадь в 391 187 акров".

[215] *Экономист*, (Лондон), 12 февраля 1863г.

[216] "Спектейтор", 12 февраля 1853г.

[217] Чистый доход от торговли опиумом за текущий год, как утверждается, составляет не менее четырех миллионов фунтов стерлингов, или почти двадцать миллионов долларов; и именно этому доходу, пишет *"Друг Индии"*, 25 ноября 1852 г., индийское правительство обязано своей способностью вести войны с 1838 года за Афганистан, Сейнде, Гвалиор, Пенджаб и за Бирму, которая ведется сейчас. Правильно ли задается этим вопросом доктор Аллен в своей брошюре "Торговля опиумом" (Лоуэлл, 1853): "Может ли такой несправедливый курс в стране всегда процветать?" "Как, - говорит тот же автор, - китайцы могут

"Рассматривайте англичан в каком-либо ином свете, кроме как оптовых контрабандистов и торговцев ядами? Последняя может ежегодно тратить более двух миллионов долларов на побережье Великобритании для защиты своих собственных законов о доходах, но в то же время смело бросает вызов аналогичным законам о защите, принятым первой. Англичане постоянно поставляют китайцам смертельный яд, с помощью которого тысячи людей ежегодно прекращают свое существование. В Англии даже аптекарям категорически запрещено продавать мышьяк, настойку опия или другие яды, если у них есть хоть малейшее подозрение, что их покупатель намеревается покончить с собой. Но в Китае для массового забоя скота предоставляются все возможности и материалы, поставляемые под британским флагом и санкционированные самим парламентом. Как долго просвещенная и христианская нация будет продолжать возделывать средства для порока, доходами от которых, даже находясь в ее распоряжении, невежественная и языческая нация пренебрегает пополнять свою казну, черпая их из разорения и нищеты своего народа? Где последовательность или гуманность нации, поддерживающей вооруженные суда у берегов Африки для перехвата и спасения нескольких сотен своих сыновей из иностранного рабства, когда в то же время она кует цепи, чтобы держать миллионы людей на побережье Китая в гораздо более безнадежном рабстве? И что должен думать мир о религии нации, которая освящает церкви, назначает служителей Евангелия и отправляет за границу миссионеров креста, в то время как в то же время поощряет и поддерживает порок, который ежедневно приносит страдания и смерть более чем четырем миллионам язычников? И каким должен быть вердикт будущих поколений, когда они будут изучать историю этих ошибок и безобразий? Разве страница истории, на которой сейчас записано, что 20 000 000 фунтов стерлингов были положены на алтарь человечества для освобождения 800 000 рабов, не утратит всего своего великолепия и не станет положительно отвратительной, когда станет известно, что эти самые деньги были получены из доходов от контрабандной торговли на берегах слабой и беззащитной языческой империи, в том числе в жертву миллионам и миллионам жизней?"